This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 381.70

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

Slav 25.125

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Издана подъ редакціею

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская улица, домъ № 4.

1894.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Издана подъ редакціею

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоявшемуся 3 марта 1894 г.—Предсѣдатель Общества *В. Иконниковъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

VIII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца".

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27 октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г. и новоутвержденный Уставъ Общества.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ. . . . . 3—16

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Памяти И. И. Дитятина.—*Н. П. Василенка.* 3

Д. И. Фонвизинъ, какъ авторъ комедій.—*В. Н. Малинина.* 5

Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича.—*А. І. Степовича* 6

Слѣдственная коммисія 1749 г.—*А. А. Андріевскаго.* . 8

Археологическія розысканія въ бассейнѣ р. Березины, произведенныя лѣтомъ 1893 г.—*В. З. Завитневича.* . . . 8

О „Pamiętnikach" Густава Олизара.—*Е. А. Кивлицкаго.* 10

О литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго: „Москаль-чаривникъ".—*Н. П. Дашкевича.* 10

О трехъ Шелестахъ.—*В. И. Щербины* 12

По поводу амфоръ, находимыхъ на югѣ Россіи.—*В. Б. Антоновича.* 12

Объ употребленіи курганной земли для „селитренаго варенья".—*Н. Н. Оглоблина.* 12

О раскопкахъ въ бывшей землѣ Радимичей.—*В. Б. Антоновича.* 14

По вопросу объ организаціи управленія и суда въ Подольской землѣ въ XIV и VX вв.—*М. С. Грушевскаго.* . . 15

Стран.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора лѣтописца съ 27 октября 1892 г. по 27 октября 1893 г. 17

Уставъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоящаго при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра. 19

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи.—*А. И. Соболевскаго*. 2

Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI вѣкахъ (съ приложеніями).—*П. В. Владимірова* . . . 11

Крымскія шертныя грамоты.—*М. Н. Бережкова*. . . 35

Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго.—*И. М. Каманина*. 57

Бунтъ Томской „литвы“ въ 1634 г.—*Н. Н. Оглоблина*. 116

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ.—*П. В. Владимірова*. 127

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

Матеріалы по исторіи козацкаго землевладѣнія (1494—1668 гг.).—Сообщилъ *И. М. Каманинъ*. 3

Похвала Исаіѣ Балабану 1611 г.—Сообщилъ *А. И. Соболевскій*. 29

Русскіе конфиденты въ Турціи и Крыму въ 1765—1768 гг.—Сообщилъ *А. А. Андріевскій*. 39

ОТДѢЛЪ IV.

Библіографія.

Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій.—*В. И. Щербины*. 3

Нѣсколько словъ по поводу сочиненія А. В. Лонгинова: „Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ“ (Вильна, 1893 г.).—*П. А. Иванова* 23

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27-го октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г. и новоутвержденный Уставъ Общества.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27-го октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 15-го НОЯБРЯ 1892 г.

а) Д. чл. **Н. П. Василенко** посвятилъ „*Памяти И. И. Дитятина*“ обширную рѣчь, сущность которой заключается въ слѣдующемъ:

Со смертью И. И. Дитятина русское общество лишилось крупнаго научнаго общественнаго дѣятеля. Покойный соединялъ въ себѣ рѣдкія качества: большой умъ, широкое образованіе, твердую волю и глубоко-продуманныя убѣжденія. Благодаря этому, и дѣятельность его отличалась замѣчательной стройностью въ смыслѣ слѣдованія извѣстнымъ принципамъ, сдѣлавшимся руководителями его жизни, его религіей. Въ этомъ отношеніи, строгій къ самому себѣ, И. И. Дитятинъ былъ строгъ и къ другимъ. Такая черта привлекала къ нему сердца молодежи, всегда отзывчивой на все честное и благородное.

Послѣдніе годы И. И. Дитятинъ былъ профессоромъ государственнаго права въ Юрьевѣ. Признавая за каждою національностью право на ея развитіе, онъ горячо всегда привѣтствовалъ тѣ реформы въ Остзейскомъ краѣ, которыя клонились къ улучшенію суда, положенія крестьянскаго сословія и т. п., и въ своихъ лекціяхъ содѣйствовалъ проведенію въ общество сознанія ихъ необходимости. Какъ профессоръ, И. И. Дитятинъ всегда пользовался уваженіемъ своихъ слушателей, что выражено, между прочимъ, и въ адресѣ, поднесенномъ покойному въ 1886 г. студентами Харьковскаго университета при

разлукѣ съ нимъ. Неизданный курсъ И. И. Дитятина былъ построенъ на исторіи правового развитія личности русскаго человѣка: личность сначала терялась въ государствѣ, и только со времени Екатерины II, со времени изданія жалованныхъ грамотъ, начинается признаніе существованія и правъ личности.

Литературно-научная дѣятельность И. И. Дитятина носитъ публицистическій характеръ. Это вытекало изъ взгляда его на связь исторіи съ публицистикой. По его мнѣнію, онѣ должны быть неразрывны. Публицистика выдвигаетъ извѣстные общественные вопросы, знакомство съ которыми необходимо въ данную минуту; исторія же объясняетъ ихъ. Этотъ взглядъ проходитъ чрезъ всѣ труды И. И. Дитятина; даже магистерская и докторская его диссертаціи о городахъ въ въ Россіи составляютъ отвѣтъ на запросы общества, явившіеся подъ вліяніемъ реформы въ 1870 г. городового положенія. Если припомнить характерныя черты времени 1870—1887 гг., то станетъ понятно, почему онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ затрогивалъ такіе вопросы, какъ „Роль челобитій и земскихъ соборовъ", „Верховная власть въ XVIII в.", „Когда возникаетъ разладъ между правящими классами и народомъ", „Царскій кабакъ въ Московскомъ государствѣ" и проч.

Умеръ И. И. Дитятинъ въ самомъ разцвѣтѣ силъ: ему было всего 42 года.

б) Д. чл. **А. А. Андріевскій** сдѣлалъ сообщеніе *„О русскихъ конфидентахъ въ Крыму въ XVIII в."*: Кіевскіе генералъ-губернаторы, какъ главные „пограничные командиры" были озабочены, особенно въ половинѣ прошлаго столѣтія, вопросомъ о правильной организаціи полученія изъ Крыма и Турціи точныхъ свѣдѣній о настроеніи, намѣреніяхъ и приготовленіяхъ обоихъ этихъ государствъ; сначала собираніе такихъ свѣдѣній возлагалось на русскихъ заграничныхъ купцовъ или командируемыхъ подъ благовиднымъ предлогомъ въ Турцію и Крымъ русскихъ офицеровъ; но указомъ 1763 г. при Кіевской губернской канцеляріи учреждена была особая секретная экспедиція, въ которой сосредоточивались всѣ дѣла по заграничнымъ сношеніямъ; экспедиціей завѣдывали совѣтникъ Петръ Веселицкій и надворный совѣтникъ Иванъ Никифоровъ, бывшій въ Крыму консуломъ и часто командировавшійся въ Запорожье. По мысли П. Веселицкаго къ сообщенію свѣдѣній были приглашены особыя довѣренныя лица (конфиденты), жившія постоянно въ Крыму и занимавшія какія-либо долж-

пости; они получали опредѣленное жалованье до 150 и болѣе рублей, смотря по важности и достовѣрности сообщаемыхъ такимъ тайнымъ корреспондентомъ или „пріятелемъ", какъ называются они въ дѣловой перепискѣ, фактовъ. Изъ такихъ корреспондентовъ референтъ охарактеризовалъ нѣжинскаго грека Судаклея, священника м. Ягорлыка Илью Сулиму, переводчика очаковскаго паши Григорьева, ханскаго переводчика Якуба, анонимнаго могилевскаго „пріятеля" и друг. (Напечатанъ въ III отдѣлѣ этой книги).

II. ЗАСѢДАНІЕ 1-го ДЕКАБРЯ 1892 г.

а) Д. чл. **И. В. Лучицкій** изложилъ „*Новую гипотезу о происхожденіи денежныхъ металлическихъ знаковъ и вѣсовъ*".

б) Д. чл. **В. Н. Малининъ**, по случаю столѣтія со дня смерти *Д. И Фонвизина*, произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ его „*какъ автора комедій*". Указавъ на общественное положеніе въ концѣ XVIII в. писателя, отношеніе общества къ литературѣ, просвѣщенное покровительство ей со стороны Екатерины Великой, „давшей россіянамъ свободу мыслить и изъясняться", на отношеніе Фонвизина къ императрицѣ, его служебное положеніе и домашнее воспитаніе, опредѣливъ господствовавшее тогда въ литературѣ направленіе, авторъ рѣчи въ содержаніи комедій выдѣлилъ главный предметъ—воспитаніе. Въ „Бригадирѣ" и „Недорослѣ" разсматривается этотъ предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; въ одномъ Фонвизинъ бичуетъ недостатки такъ называемаго французскаго воспитанія; въ другомъ—недостатки воспитанія старорусскаго, своеобразно приспособленнаго къ запросамъ новаго времени; при этомъ авторъ рѣчи прослѣдилъ развитіе взглядовъ на воспитаніе со времени Петра В. Обѣ комедіи произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ и немало содѣйствовали самосознанію русскаго общества. Фонвизину, такимъ образомъ, удалось сдѣлать то, что выпадаетъ на долю только очень большихъ литературныхъ дарованій—съ исчерпывающей полнотой и поразительной вѣрностью воспроизвести типы своего времени.

III. ЗАСѢДАНІЕ 13-го ДЕКАБРЯ 1892 г.

По выслушаніи доклада д. чл. **И. В. Лучицкаго**, касавшагося „*Исторіи поземельныхъ отношеній во Франціи*" въ концѣ XVIII в.,

---

4) См. „Труды Кіев. дух. академіи" за мартъ 1893 г.

и замѣчаній по поводу этого доклада, сдѣланныхъ д. чл. *А. Н. Ясинскимъ*, было приступлено къ выбору на новое трехлѣтіе товарища предсѣдателя, казначея и секретаря на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока избранія: *И. И. Малышевскаго, Ѳ. Я. Фортинскаго* и *Н. П. Дашкевича.*

По произведенной баллотировкѣ избранными оказались тѣ же лица.

Вслѣдствіе категорическаго отказа Н. П. Дашкевича отъ должности секретаря по невозможности для него впредь исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ означенной должностью, была произведена вторичная баллотировка предложенныхъ кандидатовъ и избраннымъ оказался д. чл. *П. В. Голубовскій.*

Въ виду общаго признанія большихъ заслугъ *Н. П. Дашкевича* на пользу Общества Нестора, оказанныхъ имъ въ продолженіе 12-тилѣтняго исполненія обязанностей секретаря, единогласно постановлено: выразить Николаю Павловичу глубокую благодарность Общества и возвести его въ почетные члены.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 31-го ЯНВАРЯ 1893 г.

а) Д. чл. А. І. **Стоповичъ**, разсмотрѣвъ „*Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича*“, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Мало обоснованнымъ, почти голословнымъ, по мнѣнію докладчика, является краеугольное въ книгѣ утвержденіе автора о тождественности историко-діалектическихъ условій славянскаго племени и семи другихъ, (греческаго, латинскаго, итальянскаго, испанскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) у которыхъ произошло образованіе общихъ языковъ непрележность историческихъ законовъ, въ силу которой должно-де произойти образованіе общаго славянскаго языка, по образцу вышеуказанныхъ семи, также, конечно, не могла быть доказана ученымъ авторомъ и предложена имъ читателю слишкомъ на вѣру, какъ, впрочемъ, и многое другое въ книгѣ.

2) Недостаточно доказано мнѣніе г. Будиловича о томъ, что между славянскими языками существуетъ такое же діалектическое отношеніе, какое существуетъ между языками нѣмецкими, французскими, испанскими и итальянскими; докладчикъ заявилъ, что нѣкото-

рые изслѣдователи уподобляютъ это отношеніе взаимнымъ отношеніямъ между группами языковъ романскихъ и германскихъ въ широкомъ смыслѣ.

3) Г. Будиловичемъ недостаточно удѣлено вниманія и мѣста для опредѣленія діалектическихъ отношеній славянскихъ языковъ между собой, какъ напр., въ частности, вопросу объ отношеніи великорусскаго и малорусскаго языковъ, различіе которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Я. Ганушъ), не опровергнутому авторомъ, должно быть тождественно съ различіемъ польскаго и чешскаго, сербскаго и болгарскаго.

4) Характеризуя сербскую штокавщину (отъ „што"), г. Будиловичъ неправильно признаетъ особенностью ея переходъ будто бы мѣстнаго пад. въ родител. во множ. числѣ (ято голубовах, т. е. стая гелубей), что давно отвергнуто Миклошичемъ и вполнѣ основательно.

5) Г. Будиловичъ неосновательно считаетъ старо-далматинскую литературу (наз. дубровницкой) „подлитературой" итальянской (какъ пьемонтская, неаполитанская, венеціанская и друг.). Докладчикъ, указывая на выдающіяся произведенія этой литературы, хотя и признаетъ ея подражательность итальянской, но уподобляетъ таковую общей круговой подражательности европейскихъ литературъ, напр., въ литературномъ явленіи ложноклассицизма.

6) Г. Будиловичъ ошибочно видитъ въ ломбардскомъ языкѣ примѣсь кельтизма; по мнѣнію референта, языкъ этотъ образовался изъ простонародной латыни съ примѣсью одного изъ германскихъ языковъ (именно лонгобардскаго).

7) Г. Будиловичъ не обратилъ надлежащаго вниманія на состояніе литературы у кельтовъ Валлиса (въ Британіи), на судьбы валашской литературы и на современныя перемѣны въ ней азбуки и богослужебнаго языка; а между тѣмъ, это было необходимо въ виду тѣсной исторической связи между волохами и славянами, въ отношеніи церкви и словесности[1]).

Рефератъ вызвалъ живой обмѣнъ мнѣніями между членами: *Т. Д. Флоринскимъ*, *А. А. Андріевскимъ*, *В. Б. Антоновичемъ*, *И. В. Лучицкимъ* и *Н. П. Василенкомъ*.

---

[1]) Извлеченіе изъ доклада г. Степовича было помѣщено въ Воронежскомъ изданіи: „Филологическія Записки" за 1893 г. См. кн. II—III: „Славянскія извѣстія", № XXXV, стр. 65.

б) Д. чл. А. А. Андріевскій изложилъ подробности дѣлопроизводства въ „*Слѣдственной коммиссіи 1749 г.*“, назначенной кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ по жалобамъ татаръ о грабежѣ у нихъ запорожцами лошадей, воловъ, верблюдовъ и проч., а также о нанесеніи тяжкихъ побоевъ ихъ людямъ и захватѣ многихъ въ плѣнъ; при этомъ авторъ изобразилъ и внутреннюю жизнь Запорожья, на сколько выясняется она изъ дѣла, и взаимное отношеніе козаковъ къ татарамъ въ мирное время.

Въ этомъ же засѣданіи, по произведенной баллотировкѣ, избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Леонидъ Семеновичъ Личковъ*.

V. ЗАСѢДАНІЕ 14-го ФЕВРАЛЯ 1893 г.

а) Д. чл. И. М. Каманинымъ прочтенъ докладъ отсутствующаго д. чл. А. И. Соболевскаго: „*Нѣсколько мѣстъ Начальной лѣтописи*“ (Напечатанъ во II отдѣлѣ настоящей книги).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе *М. Ф. Владимірскій-Буданов*, *В. Б. Антоновичъ* и *П. В. Голубовскій*.

б) Д. чл. В. З. Завитневичъ изложилъ выводы своихъ „*Археологическихъ розысканій въ бассейнѣ р. Березины, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г.*“ Мѣстомъ раскопокъ избрана была мѣстность, орошаемая р. Березиной и ея притоками: Свислочью, Ольсою (съ притоками Несетью и Сушею) и верхнимъ теченіемъ р. Алыши Оль. Раскопки произведены были въ могильникахъ, расположенныхъ при слѣдующихъ селеніяхъ: Горожѣ (урочище Грибовщина), Горожкѣ (уроч. Устье), Ясени (уроч. Бѣлая Лужа и Зарѣчье), Бриталовичахъ, Устижѣ, Перекали. Лѣневкѣ, Вирковѣ (уроч. Семи-Браты), Несетѣ, Любоничахъ (уроч. Курганы), Мохровичахъ, Кострицкой Слободкѣ и уроч. Дворцѣ, Руднѣ, Пацевой Слободкѣ, Селищѣ (уроч. Бродокъ), Александровѣ, Поповщинѣ (уроч. Григорушка), Волосовичахъ и Шираевщинѣ.

Всѣхъ кургановъ раскопано 234. По формѣ погребальнаго обряда ихъ можно раздѣлить на 4 типа: 1) погребеніе въ ямахъ, 2) на поверхности земли, 3) въ насыпи кургана, т. е. выше поверхности земли, и 4) трупосожженіе.

Форма погребенія въ насыпи кургана и трупосожженіе въ данной мѣстности встрѣчаются сравнительно рѣдко и должны быть разсматриваемы какъ явленіе случайное, заносное.

Форма погребенія въ ямахъ въ чистомъ своемъ видѣ встрѣчалась лишь въ одномъ могильникѣ (въ уроч. Семи-Браты, близъ дер. Виркова), въ которомъ нѣкоторыя могилы, при отсутствіи насыпей, покрыты были камнями. Есть основаніе думать, что эта форма въ область Березины занесена съ береговъ Запад. Бута. Въ другихъ могильникахъ форма погребенія въ ямахъ составляла незначительную примѣсь къ другимъ формамъ. Господствующее значеніе въ данной мѣстности принадлежитъ формѣ погребенія на поверхности земли. Изъ раскопанныхъ 234 кургановъ на долю этой формы падаетъ 190, т. е. почти 77%. Изъ этого видно, что племя, жившее въ области р. Березины, придерживалось той же формы погребальнаго обряда, какая практиковалась и въ области р. Припети, въ уѣздахъ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ

Погребальный обрядъ въ этой мѣстности характеризуется присутствіемъ въ могилахъ деревянныхъ гробовъ и особаго рода срубовъ, извѣстныхъ въ данной мѣстности подъ названіемъ „теремковъ", присутствіемъ посуды, употреблявшейся, какъ есть основаніе думать, для куренія ивано-купальской травы, и присутствіемъ пепелищъ, образовавшихся, какъ тоже есть основаніе думать, отъ сохраненія стружекъ и тресокъ послѣ приготовленія гроба.

Въ могилахъ находимы были слѣдующіе предметы: желѣзные топоры, такія же ножницы для стрижки овецъ, серпы, а также каменныя пряслицы. Но больше всего встрѣчалось предметовъ украшеній: кольца ручныя и височныя, серьги, бусы металлическія, стеклянныя, каменныя и изъ композицій, медальоны и другого рода привѣски, якоревидныя застежки, особаго рода височныя бляхи, шейныя бронзовыя гривны и нѣкоторые другіе предметы. Отъ одежды сохранились куски золотой парчи.

в) Д. чл. **И. А. Сикорскій** сдѣлалъ докладъ *о черепахахъ*, добытыхъ В. З. Завитневичемъ при раскопкахъ въ бассейнѣ р. Березины. По произведенному референтомъ измѣренію господствующимъ между ними типомъ является субъ-долихоцефалическій.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 28-го ФЕВРАЛЯ 1893 г.

а) Д. чл. **С. Т. Голубевъ**, указавъ на высокое художественное развитіе *„Южно-русскаго проповѣдничества въ первой четверти XVII в."* со стороны внѣшней формы и на отличающую его глубо-

кую мысль и горячее религіозное чувство со стороны внутренняго содержанія, особенное вниманіе обратилъ на оригинальныя и переводныя проповѣди Лаврентія Зизанія Тустановскаго, представивъ нѣсколько образцовъ ихъ.

б) Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** обозрѣлъ содержаніе недавно вышедшихъ въ свѣтъ „*Pamiętnik'ов*“ Густава Олизара и отмѣтилъ ихъ значеніе для мѣстной исторіи начала истекающаго столѣтія. Воспоминанія Олизара заслуживаютъ вниманія и по личности автора, и по мѣсту его воспитанія, и по его общественному положенію, и по его отношеніямъ служебнымъ и личнымъ, и по эпохѣ, къ которой эти воспоминанія относятся. Происходя изъ богатой и аристократической польской семьи, Олизаръ получилъ образованіе въ Кременецкомъ лицеѣ, хотя и не окончилъ въ немъ полнаго курса. На поприще общественной дѣятельности онъ выступилъ рано (23-хъ лѣтъ отъ роду), будучи избранъ въ должность кіевскаго губернскаго предводителя дворянства (маршала); въ Кіевѣ ему пришлось вступить въ близкія отношенія съ нѣкоторыми декабристами, что и было причиной паденія Олизара. Факты и характеристика воспитанія, службы и частной жизни составляютъ интересъ „Pamiętnik'овъ“.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 14-го МАРТА 1893 г.

Слушали: Проектъ измѣненій и дополненій „*Устава Историческаго Общества Нестора лѣтописца*,“ одобренный Совѣтомъ Общества въ засѣданіи его 7-го марта того же года.

Опредѣлили: Принявъ означенный проектъ, представить его, согласно § 27 Устава, въ опредѣленномъ порядкѣ на утвержденіе начальства. (Утвержденный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 22 декабря 1893 г. Уставъ см. въ концѣ этого отдѣла).

Въ настоящемъ засѣданіи открытою подачею голосовъ единогласно избраны въ почетные члены *А. М. Лазаревскій* и *И. В. Лучицкій*.

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены избранъ профессоръ *Николай Александровичъ Оболонскій*.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 23-го МАЯ 1893 г.

Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** представилъ результаты своихъ розысканій „*О литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго;*

„*Москаль чарівникъ*“ [1]). Онъ находитъ, что фабула, составившая основу этой украинской оперы,—бродячая и принадлежитъ къ числу повѣстей, перенесенныхъ въ средніе вѣка на западъ съ отдаленнаго востока. Въ европейскихъ литературахъ она встрѣчается впервые въ fabliaux XIII в.: „Le pauvre clerc“. Она распространилась по многимъ литературамъ и была излагаема, то въ формѣ повѣствовательной, то въ драматической, то, наконецъ, въ пѣсенной. И. П. Котляревскій, повидимому, ознакомился съ ней изъ водевиля: „Le soldat magicien“, приписываемаго Anséaume'y. „Украинская опера“ Котляревскаго—одна изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ по идеѣ, вложенной въ скудную опереточную фабулу, и по обрисовкѣ характеровъ. Въ нѣкоторой степени и въ „Москалѣ-чарівникѣ“ наблюдаемъ то же, что усматривается въ созданіяхъ крупныхъ литературныхъ дарованій: въ заимствованную, истрепанную вѣками схему внесена свѣжая мысль, и вѣковой сюжетъ, выхваченный изъ непрерывнаго круговращенія, предстаетъ въ обновленномъ художественномъ видѣ, примѣненномъ къ новымъ потребностямъ жизни, непрестанно движущейся впередъ.

Слушали: Предложеніе Московскаго археологическаго общества о посылкѣ депутатовъ на предстоящій археологическій съѣздъ въ г. Вильнѣ.

Опредѣлили: Просить В. Б. Антоновича, П. В. Владимірова и С. Т. Голубева быть депутатами отъ Общества Нестора лѣтописца, сообщивъ о томъ Московскому археологическому обществу.

Слушали: Извѣщеніе о предстоящемъ празднованіи въ Черногоріи 400-лѣтія славянскаго книгопечатанія.

Опредѣлили: Послать привѣтственную отъ имени Общества телеграмму.

Въ этомъ же засѣданіи по произведенной баллотировкѣ избраны: въ почетные члены профессоръ Московскаго университета *Алексѣй Степановичъ Павловъ* и въ дѣйствительные—приватъ-доцентъ университета св. Владиміра *Вячеславъ Ивановичъ Петръ*.

IX. ЗАСѢДАНІЕ 26-го СЕНТЯБРЯ 1893 г.

а) Д. чл. Т. Д. Флоринскій, за отсутствіемъ д. чл. А. И. Соболевскаго, изложилъ содержаніе присланнаго имъ реферата: „*Замѣтки*

---

[1]) См. „Кіев. Старина“, 1893 г., № 12.

о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западно-русскаго письма XVI и XVII вв." (Напечатанъ въ II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

б) Д. чл. **В. И. Щербина** указалъ на то, что въ документахъ конца прошлаго вѣка, касающихся Колеивщины, встрѣчаются три лица съ именемъ Шелеста [1]): Еско, Василій и Кондратъ. Участіе двухъ первыхъ въ событіи 1768 г. извѣстно; что же касается послѣдняго, то изъ найденныхъ референтомъ документовъ видно, что онъ также участвовалъ въ упомянутомъ событіи, но лишь преслѣдуя гайдамаковъ; онъ занималъ должность сотника и за оказанныя заслуги получилъ въ награду отъ гр. Браницкаго мельницу, хуторъ и свободу отъ платежа податей; онъ погибъ, по предположенію г. Щербины, подобно Саввѣ Чалому, и могила его находится въ степи.

в) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** демонстрировалъ глиняный сосудъ въ видѣ амфоры, найденный имъ близъ с. Мельниковъ, Золотоношскаго уѣзда.

При этомъ поч. чл. **В. В. Антоновичъ** замѣтилъ, что употребленіе этихъ классическихъ сосудовъ на югѣ Россіи начинается съ появленія здѣсь греческихъ колонистовъ и продолжается до XIV в. Древняя форма амфоры постепенно измѣнялась, теряя въ красотѣ формъ и качествѣ матеріала; длинная прежде шейка укорачивалась, туловище расширялось и конусообразная нижняя часть обращалась въ дно; найденныя въ 1850 г. въ Уманскомъ уѣздѣ амфоры показываютъ способъ ихъ установки: они закапывались до половины своей высоты.

г) Г. Товарищемъ предсѣдателя **И. И. Малышевскимъ** доложено письмо д. чл. **Н. Н. Оглоблина** слѣдующаго содержанія:

„Описывая находку путивльскаго клада 1626 г. (въ рефератѣ: „Сыскныя дѣла о кладахъ въ XVII в."—См. кн. VII-ю „Чтеній", стр. 118 и 119), открытаго „въ курганѣ" на „селитреныхъ варницахъ", я попутно замѣчаю, что „селитреное варенье", для котораго „пригодилась" земля древнихъ кургановъ, городищъ и селищъ, истребило въ XVI и XVII вв. массу этихъ памятниковъ старины.

По поводу этого мѣста моей статьи глубокоуважаемый В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ замѣчаніе (см. тамъ же протоколъ засѣданія 9 мая

[1]) См. „Kiev. Стар." за 1893 г. № 11.

1892 г. стр. 17), что курганы не могли быть разрываемы для цѣлей селитрянаго производства".

Съ селитрянымъ производствомъ нашего времени я не знакомъ и, какъ нынѣ добываютъ селитру, не знаю [1]); но что въ XVII в. для изготовленія селитры требовалась и курганная земля—это такъ несомнѣнно, что съ замѣчаніемъ Владиміра Бонифатіевича рѣшительно не могу согласиться.

Если для уважаемаго оппонента не убѣдительны тѣ документальныя данныя, какія приведены въ статьѣ о кладахъ XVII в., то могу привести еще одинъ документъ, уже прямо относящійся къ „селитреному варенію".

Въ моихъ замѣткахъ: „Бытовыя черты XVII в." („Рус. Стар." за 1892 г. № 6), напечатана любопытная въ техническомъ отношеніи „роспись селитреному варенью" 1699 г. (стр. 693 и 694). Хотя „роспись" сохранилась съ пробѣлами, но для цѣли настоящей замѣтки пробѣлы эти не существенны.

„Роспись" приложена къ грамотамъ иркутскому и нерчинскому воеводамъ, предписывавшимъ имъ принять мѣры къ устройству „селитряныхъ заводовъ и майдановъ", для чего они должны прежде всего розыскать въ своихъ уѣздахъ и „описать курганы, изъ которыхъ можно варить селитру", а „какимъ поведеніемъ" ее варить—о томъ говоритъ слѣдующая „роспись".

Статья 1-я: „Изобрѣсть мѣсто, гдѣ-бы старые кладбища-курганы были и къ тому-жъ конской, и коровей, и всякой скотской, и иной старый навозъ, который бы былъ лѣтъ 40 и 50 и больше.

Статья 2-я говоритъ объ устройствѣ „кади" съ оконцемъ на днѣ ея.

Статья 3-я—объ устройствѣ въ кади „перекладинокъ", съ положеніемъ на нихъ слоемъ тростника, „чтобъ матерія, кромѣ воды, сквозь то постланіе (т. е. тростникъ) не проходила".

Статья 4-я: „Класть на то постланіе вышеявленную матерію, то есть престарѣлый гной и землю могильную, натуго, съ топтаніемъ ногъ, и до верху не докладывать четь или 5 вершковъ аршина.

Статья 5-я: „Лити на ту матерію воду мѣрно" и т. д. (Сибирприказа столбецъ № 1397).

---

[1]) Знаю, впрочемъ, что въ Америкѣ (кажется, въ Парагваѣ) есть „селитряныя залежи".

Мнѣ кажется, что противъ этихъ ясныхъ и точныхъ показаній „росписи“ трудно что-либо возразить.

Слушали: Письмо г. предсѣдателя Общества Нестора лѣтописца *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* о невозможности для него по разнымъ причинамъ исполнять на будущее время лежащія на немъ обязанности предсѣдателя и о рѣшительномъ поэтому отказѣ его отъ должности предсѣдателя Общества.

Письмо г. секретаря Общества *П. В. Голубовскаго* о невозможности для него вслѣдствіе болѣзни исполнять лежащія на немъ по Обществу обязанности.

Опредѣлили: Произвести въ слѣдующее засѣданіе выборы предсѣдателя и секретаря, а также библіотекаря и помощника секретаря на мѣсто *И. М. Каманина*, выбывающаго за истеченіемъ трехлѣтняго срока, на который онъ былъ избранъ.

X. ЗАСѢДАНІЕ 10-го ОКТЯБРЯ 1893 г.

Въ настоящемъ закрытомъ засѣданіи были произведены выборы предсѣдателя, секретаря, библіотекаря и помощника секретаря на предстоящее трехлѣтіе.

По произведенной баллотировкѣ избранными оказались:
въ должность предсѣдателя *В. С. Иконникова*.
„ секретаря *П. В. Владимірова*.
„ библіотекаря и помощника секретаря *И. М. Каманина*.

По предложенію поч. чл. *Н. И. Дашкевича*, единогласно постановлено: выразить, въ формѣ адреса, М. Ф. Владимірскому-Буданову благодарность за его заслуги и труды на пользу Общества въ продолженіе двухъ трехлѣтій его предсѣдательства.

Въ этомъ же засѣданіи въ дѣйствительные члены избраны *Алексѣй Николаевичъ Гренъ* и *Леонтій Даниловичъ Синицкій*.

XI. ЗАСѢДАНІЕ 17-го ОКТЯБРЯ 1893 г.

а) Поч. чл. **В. В. Антоновичъ** сообщилъ о произведенныхъ имъ „*Раскопкахъ въ бывшей землѣ Радимичей*“, въ окрестностяхъ Гомеля и Чичерека, Могилевской губерніи. Всѣ раскопанные референтомъ 9 могильниковъ и 115 кургановъ имѣютъ обычные внѣшніе признаки славянскихъ кургановъ: расположены группами, куполообразны, высотой до сажени; по остаткамъ глиняной посуды и угля видно, что

курганы во время тризнъ надсыпались землей; покойники хоронились выше горизонта на насыпи изъ золы и песку; тѣла умершихъ обкладывались бревнами; слѣды гробовъ не встрѣчаются; у ногъ покойниковъ ставились глиняные сосуды, сдѣланные безъ помощи гончарнаго круга. Радимичи, повидимому, не отличались воинственностью: оружія нѣтъ, кромѣ небольшихъ ножиковъ, въ деревѣ или кости, съ кольцомъ. Женскіе костяки имѣли большое количество украшеній, особенно серебряныхъ колецъ, вплетавшихся въ косы; главнымъ украшеніемъ является ожерелье, украшенное привѣсками изъ крестиковъ; встрѣчаются даже крестики съ распятіемъ, искаженнымъ по невѣдѣнію язычникомъ-мастеромъ; крестики по своему типу относятся къ идеаламъ восточной церкви.

б) Д. чл. **М. С. Грушевскій** представилъ слѣдующія свои соображенія *„По вопросу объ организаціи управленія и суда въ Подольской землѣ въ XIV и XV вв.“*: Документальныя данныя, заключающіяся въ грамотахъ кн. Коріатовичей, показываютъ, что въ это время существовали въ главнѣйшихъ городахъ Подолья (Каменцѣ, Смотричѣ, Червоногродѣ) воеводы съ судебно-административными компетенціями, и староста подольскій во главѣ всей земли. Этотъ строй продолжалъ существовать и послѣ Коріатовичей—во главѣ управленія стоялъ староста каменецкій, и продолжали существовать воеводы (они упоминаются въ Червоногродѣ и Каменцѣ). Эта схема близко напоминаетъ устройство Галицкой Руси въ періодъ переходной—отъ завоеванія Казимира до окончательнаго введенія польскихъ учрежденій въ 30-хъ годахъ XV в.; основываясь на этой аналогіи, можно предположить, что каменецкій староста, кромѣ военно-административныхъ компетенцій, имѣлъ широкую юрисдикцію, простиравшуюся на всѣ классы населенія, и судъ старосты замѣнялъ суды гродскіе и земскіе польскаго права; въ главнѣйшихъ городахъ сидѣли подчиненные старостѣ воеводы; въ Каменцѣ судъ воеводы сливался съ судомъ старосты, и воевода былъ лишь его замѣстителемъ; въ составъ суда старосты и воеводы входилъ еще судья.

Введеніе польскаго устройства послѣдовало, вѣроятно, около 1436 г., такъ какъ въ пространствѣ между 1436 и 1438 гг. впервые появляются сенаторскіе (воевода—въ польскомъ значеніи этого титула, каштелянъ) и земскіе уряды (подкоморій, войскій); тогда же, вѣроятно, послѣдовало раздѣленіе старостинской юрисдикціи между

судомъ земскимъ и гродскимъ. Число старостъ умножается, но эти старосты, кромѣ каменецкаго, носившаго титулъ генеральнаго старосты подольскаго, не были настоящими гродскими старостами, а занимали посредствующее положеніе между ними и державцами (tenutarii), унаслѣдовавъ, по всей вѣроятности, компетенціи мѣстныхъ воеводъ.

Слушали: Сообщеніе г. предсѣдателя о телеграммѣ, посланной Императорскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, съ привѣтствіемъ по случаю исполнившагося 30-тилѣтія его дѣятельности.

По предложенію г. предсѣдателя, въ виду предстоящаго празднованія 50-тилѣтія дѣятельности поч. чл. Общества Нестора лѣтописца *о. П. Г. Лебединцева* (31 октября) и Кіевской археографической коммиссіи (19 ноября), постановлено: возложить чествованіе перваго на депутацію и поднести адресъ отъ имени Общества второй.

Слушали: Докладъ г. библіотекаря Общества о необходимости переплета по крайней мѣрѣ тѣхъ книгъ, которыя чаще всего требуются членами и потому болѣе подвергаются порчѣ.

Опредѣлили: Расходовать ежегодно, по мѣрѣ надобности, на переплетъ книгъ библіотеки Общества до 50 рублей.

Въ этомъ же засѣданіи въ члены Редакціоннаго Комитета по изданію „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“ избранъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора лѣтописца съ 27 октября 1892 г. по 27 октября 1893 г.

I. *Численный составъ Общества Нестора лѣтописца*

Къ 27 октября 1892 г. Общество состояло изъ 21 почетнаго и 103 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіи года избрано вновь 4 почетныхъ и 5 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ тотъ-же періодъ времени выбылъ за смертью одинъ почетный членъ (князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ).

Затѣмъ къ 27-му октября 1893 г. въ Обществѣ числится 24 почетныхъ и 108 дѣйствительныхъ членовъ.

II *Библіотека Общества*

А) Къ 27 октября 1892 г. находилось на лицо въ библіотекѣ Общества Нестора лѣтописца сочиненій и изданій по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ 776 названій въ 1538 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года вновь поступило 194 названія въ 307 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ къ 27 октября 1893 г. имѣется 970 названій въ 1845 томахъ и брошюрахъ.

Наибольшее количество книгъ, въ видѣ пожертвованія, получено отъ Императорскаго Общества любителей древней письменности, отъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, отъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородко, отъ поч. чл. А. М. Лазаревскаго, отъ вдовы покойнаго профессора и предсѣдателя Общества Нестора лѣтописца Е. С. Котляревской и вдовы профессора С. И. Ѳедотовой-Чеховской.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* въ теченіе года поступило отъ вдовы профессора С. И. Ѳедотовой-Чеховской одна книга—рукопись, и затѣмъ къ октября 1893 г. состоитъ на лицо прежнее количество: а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ—2, в) книгъ-же—рукописей—6.

В) *Изданій Общества Нестора*: по разсылкѣ ихъ членамъ, высылкѣ въ обмѣнъ на изданія другихъ учрежденій и обществъ и по продажѣ, къ 27 октября 1893 г. осталось:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца": книги I—42, кн. II—117, кн. III—38, кн IV—192, кн. V—213, кн. VI—226, кн. VII—240 экземпляровъ.

б) „Трудовъ III-го археологическаго съѣзда", бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г.—55 экземпл. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го археологич. Съѣзда"—156 экз.

г) „Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси"—281 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскомъ"—92 экз.

Сверхъ того въ библіотекѣ Общества имѣется пожертвованныхъ поч. чл. *А. М. Лазаревскимъ* 170 экземпляровъ изданнаго имъ „Сулимовскаго Архива" для раздачи членамъ Общества и для обмѣна на изданія другихъ учрежденій и обществъ.

III. *Денежныя средства Общества*

Суммы Общества Нестора лѣтописца находились съ 27 октября 1892 г. по 27 октября 1893 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Къ 27 октября 1892 г. оставалось . . . . . 876 р. 36 к.	Израсходовано въ теченіе отчетнаго года.
Въ теченіе года поступило:	1) На изданіе VII книги „Чтеній" . 1063 р. 38 к.
1) Изъ Государств. Казначейства. . . 800 р. —	2) На библіотеку 13 р. 9 к.
2) Членскихъ взносовъ всего лишь. . 230 р. —	3) На канцелярскіе расходы. . . 28 р. 51 к.
3) Отъ продажи изданій Общества. . 57 р. 85 к.	4) На устройство засѣданій . . . . 46 р. 36 к.
Итого 1964 р. 21 к.	Итого 1151 р. 34 к.

Къ 27 октября 1893 г. осталось въ наличности 812 р. 87 к.

На основаніи § 145 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 23-го августа 1884 г. Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ, утверждаю.—22-го декабря 1893 г.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарь Графъ Делянновъ.

УСТАВЪ

Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ университетѣ св. Владиміра въ г. Кіевѣ.

I Задачи и права Общества.

§ 1.—Историческое Общество при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра имѣетъ цѣлью содѣйствовать разработкѣ русской исторической науки со всѣми вспомогательными къ ней науками.

§ 2.—Ближайшая цѣль Общества—поддерживать связь между учеными, занимающимися историческою наукою, по преимуществу въ г. Кіевѣ, дать каждому изъ нихъ возможность подвергать изслѣдуемый имъ вопросъ обсужденію въ средѣ Общества для болѣе полнаго выясненія этого вопроса и знакомить членовъ Общества со статьями, приготовляемыми къ печати, съ открытіями и научными выводами, также способствовать распространенію точныхъ историческихъ знаній своими изданіями и, сверхъ того, въ средѣ мѣстнаго общества посредствомъ рѣчей и сообщеній, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ Общества

§ 3.—Для достиженія указанныхъ цѣлей Общество: а) устраиваетъ частныя и публичныя засѣданія и имѣетъ право открывать, съ разрѣшенія подлежащихъ властей и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для того правилъ и распоряженій правительства, платныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ Совѣ-

томъ Общества; б) можетъ предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи; в) входить въ сношенія съ русскими и иностранными научными учрежденіями и съ возможно большимъ числомъ лицъ для приведенія въ извѣстность данныхъ для исторіи, археологіи, палеографіи и этнографіи; г) въ случаѣ необходимости изслѣдованія какихъ либо памятниковъ и хранилищъ снаряжаетъ, по мѣрѣ своихъ средствъ, экскурсіи изъ одного или болѣе членовъ; д) печатаетъ по опредѣленію Редакціоннаго Комитета, совокупно отчеты о своихъ засѣданіяхъ, свои научные труды, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія и научные матеріалы, по мѣрѣ накопленія, отдѣльными книгами въ своемъ изданіи: «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца», или въ особыхъ сборникахъ и изданіяхъ памятниковъ и монографій.

§ 4.—На основаніи статьи 6-ой Устава о цензурѣ и печати (изданія 1886 года), труды Общества могутъ выходить безъ предварительной цензуры

§ 5.—По мѣрѣ надобности расширенія дѣятельности и увеличенія количества членовъ, въ составѣ Общества могутъ быть открываемы особыя отдѣленія по спеціальностямъ, но каждый разъ по рѣшенію собранія Общества и съ утвержденія начальства.

§ 6.—Общество имѣетъ право составлять свои научныя коллекціи, а именно, библіотеку, собранія рукописей и снимковъ и учреждать музеи, которые могутъ быть открываемы и для публики.

§7—Общество имѣетъ печать съ надписью: «Историческое Общество Нестора лѣтописца въ Кіевѣ».

§ 8.—Общество выдаетъ своимъ членамъ дипломы за подписью предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря, съ приложеніемъ печати Общества.

§ 9.—Общество, какъ состоящее при Университетѣ, имѣетъ право, при сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и должностными лицами, пересылать свою корреспонденцію и изданія чрезъ посредство Университета.

§ 10.—Общество имѣетъ свои засѣданія въ зданіи Университета Св. Владиміра и тамъ-же пользуется особымъ по-

мѣщеніемъ для своихъ коллекцій, по соглашенію съ Правленіемъ Университета.

I. Составъ Общества, права и обязанности его членовъ.

§ 11.—Общество составляютъ: а) члены почетные, б) члены дѣйствительные, в) члены-корреспонденты.

§ 12.—Въ почетные члены избираются: а) извѣстные русскіе и иностранные ученые въ области наукъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества Нестора лѣтописца; б) лица оказавшія своимъ вліяніемъ или пожертвованіями значительное содѣйствіе развитію и успѣхамъ исторической науки въ Россіи и в) лица оказавшія особое содѣйствіе преуспѣянію Общества Нестора лѣтописца.

§ 13.—Дѣйствительные члены избираются изъ лицъ, занимающихся самостоятельно изслѣдованіями въ области какой либо науки, входящей въ кругъ дѣятельности Общества, и заявившихъ себя научными трудами въ печати.

§ 14.—Въ члены-корреспонденты избираются лица, могущія содѣйствовать Обществу въ добываніи имъ матеріаловъ и свѣдѣній по вопросамъ, входящимъ въ составъ наукъ, обозначенныхъ въ § 1

§ 15.—Порядокъ избранія въ почетные члены, члены дѣйствительные и члены-корреспонденты слѣдующій: а) лица, предложенныя въ почетные члены, и лица, заявившія желаніе или изъявившія согласіе поступить въ дѣйствительные члены, должны быть предложены письменно общему собранію пятью членами, почетными или дѣйствительными, которые свидѣтельствуютъ о заслугахъ этихъ лицъ; Совѣтъ Общества, собравъ справки о предложенномъ кандидатѣ, сообщаетъ свое заключеніе общему собранію, послѣ чего лицо, предложенное въ почетные или дѣйствительные члены, можетъ быть подвергнуто закрытой баллотировкѣ въ ближайшемъ засѣданіи и считается избраннымъ, если въ его пользу окажется $^2/_3$ голосовъ членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи; б) члены-корреспонденты выбираются общимъ собраніемъ, по предложенію трехъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ, простымъ большинствомъ голосовъ; в) извѣщеніе о предстоящей баллотировкѣ вносится въ повѣстку о засѣданіи.

§ 16.—Права почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ одинаковы; всѣ они, присутствуя въ засѣданіяхъ Совѣта и Общества, имѣютъ равное право голоса въ рѣшеніи вопросовъ и въ избраніи должностныхъ лицъ и членовъ Общества.

§ 17.—Почетные члены навсегда освобождаются отъ ежегоднаго взноса въ пользу Общества, который взносится дѣйствительными членами.

§ 18.—Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно, считая съ 1 января, въ кассу Общества членскій взносъ въ размѣрѣ пяти рублей. Дѣйствительные члены, кромѣ иностранцевъ, имѣющихъ пребываніе за границею, не уплатившіе членскаго взноса въ теченіе двухъ лѣтъ къ ряду, считаются сложившими съ себя званіе членовъ Общества, но могутъ вновь вступить въ число послѣднихъ, внесши причитавшійся съ нихъ взносъ за тѣ годы, въ которые, состоя членами, не дѣлали взносовъ, и сдѣлавши заявленіе о томъ Совѣту Общества, при чемъ не подвергаются новой баллотировкѣ.

Примѣчаніе. Годовая плата вносится членомъ, впервые вступающимъ, сполна за тотъ годъ, въ который онъ избранъ, если избраніе состоялось ранѣе 27-го октября.

§ 19.—Дѣйствительные члены, заявившіе о своемъ выходѣ изъ Общества, исключаются изъ списковъ послѣдняго. Буде они пожелаютъ вновь вступить въ составъ Общества, то подвергаются баллотировкѣ на общемъ основаніи.

§ 20.—Всѣ почетные члены получаютъ безплатно по одному экземпляру изданій Общества, выходящихъ послѣ избранія ихъ, а дѣйствительные члены получаютъ послѣ уплаты членскаго взноса.

§ 21.—Члены-корреспонденты могутъ присутствовать во всѣхъ собраніяхъ Общества, но не имѣютъ права голоса при рѣшеніи дѣлъ и, не будучи обязаны къ взносамъ въ кассу Общества, не получаютъ его изданій, за исключеніемъ тѣхъ выпусковъ, въ которыхъ будутъ помѣщены сообщенія этихъ членовъ.

§ 22.—Всѣ члены Общества имѣютъ право безплатнаго входа въ засѣданія съ публичными платными чтеніями.

III. О Совѣтѣ и должностныхъ лицахъ Общества.

§ 23.—Главное руководство научною дѣятельностью Общества и завѣдываніе его дѣлами принадлежитъ Совѣту, въ составъ котораго входятъ предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь и казначей и, сверхъ того, восемь лицъ, избираемыхъ на шесть лѣтъ общимъ собраніемъ, изъ среды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Кромѣ того, непремѣнными членами Совѣта состоятъ учредители Общества.

§ 24.—Каждое трехлѣтіе изъ восьми членовъ Совѣта выбываютъ четыре лица по старшинству избранія и на мѣсто ихъ избираются новыя изъ восьми кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ. По истеченіи перваго трехлѣтія со времени введенія въ дѣйствіе сего Устава, четыре члена Совѣта выбываютъ по жребію.

§ 25.—Совѣтъ созывается по мѣрѣ надобности предсѣдательствующимъ въ Обществѣ, который и ведетъ порядокъ совѣтскихъ засѣданій. Для того чтобы засѣданіе Совѣта считалось состоявшимся, необходимо присутствіе, по крайней мѣрѣ, пяти членовъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя или товарища предсѣдателя и секретаря.

§ 26.—Предметы вѣдѣнія Совѣта: а) совѣщанія о мѣрахъ къ успѣшнѣйшему развитію дѣятельности Общества, сообразно съ его задачами; б) разсмотрѣніе и утвержденіе темъ, предлагаемыхъ на преміи, присужденіе послѣднихъ, разсмотрѣніе и утвержденіе плановъ научныхъ экскурсій; в) предварительное разсмотрѣніе и утвержденіе программъ тѣхъ сообщеній, которыя представляются для доклада Обществу въ публичныхъ засѣданіяхъ; г) предварительное разсмотрѣніе, для представленія Обществу со своимъ заключеніемъ, всякихъ заявленій членовъ по всѣмъ касающимся Общества вопросамъ; д) собраніе справокъ о предлагаемымъ въ почетные и и дѣйствительные члены кандидатахъ, для сообщенія своего заключенія Обществу до баллотировки ихъ; е) составленіе смѣты доходовъ и расходовъ; ж) завѣдываніе распорядительною частью Общества, изданіе его трудовъ и веденіе всѣхъ прочихъ текущихъ дѣлъ Общества, за исключеніемъ указанныхъ въ § 42. Важнѣйшія дѣла Совѣтъ, если признаетъ нужнымъ, представляетъ на обсужденіе собранія членовъ въ частныхъ закрытыхъ засѣданіяхъ.

§ 27.—Совѣтъ выдѣляетъ изъ своего состава Редакціонный Комитетъ, который занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ Обществу для напечатанія, и дѣлаетъ постановленіе о напечатаніи. Въ составъ Редакціоннаго Комитета входятъ всѣ состоящія членами Совѣта, указанныя выше, должностныя лица Общества и, сверхъ того, три члена, избранные Совѣтомъ изъ состава всѣхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества. Правила дѣйствій Редакціоннаго Комитета составляются и утверждаются Совѣтомъ. Къ послѣднему и обращается Редакціонный Комитетъ въ случаяхъ, требующихъ разрѣшенія. Независимо отъ того, въ случаяхъ необходимости, напр. для разсмотрѣнія трудовъ, представленныхъ на заданныя Обществомъ темы и т. п., Совѣтъ можетъ составлять изъ своей среды особые Комитеты, въ которые могутъ быть приглашаемы и другіе члены Общества.

§ 28.—Предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, казначей, библіотекарь и помощникъ секретаря избираются изъ среды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, срокомъ на три года, простымъ большинствомъ голосовъ, закрытою подачею ихъ, въ общемъ собраніи, заключающемъ не менѣе половины членовъ, жительствующихъ въ Кіевѣ. Кандидаты для избранія въ эти должности намѣчаются предварительно по запискамъ, подаваемымъ отдѣльно каждымъ членомъ, присутствующимъ въ засѣданіи.

Примѣчаніе. Члены, не явившіеся въ засѣданіе, не имѣютъ права принимать участія въ баллотировкѣ посредствомъ передачи своего голоса другимъ членамъ. Въ случаѣ если бы избраніе въ указанныя должности не состоялось за неприбытіемъ поясненнаго выше числа членовъ, то выборы производятся въ слѣдующее засѣданіе при наличномъ, какой окажется, составѣ собранія.

§ 29.—Въ случаѣ выбытія кого-либо изъ должностныхъ лицъ или членовъ Совѣта до срока, лица для замѣщенія ихъ избираются лишь на время до общихъ выборовъ.

§ 30.—Предсѣдатель наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ Устава и за порядкомъ дѣлопроизводства, разрѣшаетъ чтенія, предложенныя къ докладу, назначаетъ собранія, открываетъ и закрываетъ засѣданія, ведетъ порядокъ собраній, руководитъ преніями въ Совѣтѣ и общихъ собраніяхъ, ставитъ вопросы на голосованіе, объявляетъ рѣшенія, принятыя Обществомъ, и имена вновь выбранныхъ членовъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ по ровну, при открытомъ голосованіи, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ

§ 31.—Въ отсутствіе предсѣдателя или во время его болѣзни въ его обязанности и права вступаетъ товарищъ предсѣдателя. Въ отсутствіе предсѣдателя и его товарища должность предсѣдателя возлагается на одного изъ членовъ Совѣта по старшинству вступленія въ Общество.

§ 32 —Секретарь Общества а) принимаетъ и вскрываетъ всѣ поступающіе на имя Общества пакеты и письма и докладываетъ о нихъ предсѣдателю; б) ведетъ протоколы засѣданій Совѣта и Общества, представляемые къ подписямъ членовъ въ концѣ засѣданія; в) завѣдываетъ всею перепискою Общества; г) хранитъ печать Общества и завѣдываетъ его архивомъ; д) исполняетъ обязанности редактора изданія; е) передъ годичнымъ засѣданіемъ составляетъ годовой отчетъ, представляемый на утвержденіе Совѣту и затѣмъ читаемый секретаремъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Общества, а въ концѣ гражданскаго года составляетъ краткій отчетъ, представляемый ректору Университета.

§ 33.—Дѣловыя бумаги, исходящія отъ Общества, скрѣпляются секретаремъ.

§ 34.—Помощникъ секретаря раздѣляетъ трудъ секретаря въ веденіи переписки Общества, въ составленіи протоколовъ засѣданій для печати, завѣдываетъ первыми корректурами изданій Общества и исправляетъ должность секретаря въ отсутствіе его.

§ 35.—Казначей Общества: а) принимаетъ сумму, ассигнуемую Правительствомъ въ пособіе Обществу, пожертвованія и членскіе взносы, слѣдя за своевременнымъ поступленіемъ ихъ, б) въ принятіи денегъ выдаетъ квитанціи; в) цринимаетъ деньги, выручаемыя отъ продажи изданій Общества; г) ведетъ счетъ всѣмъ денежнымъ поступленіямъ; д) хранитъ всѣ денежныя суммы Общества до передачи таковыхъ для храненія или на текущій счетъ въ государственныя кредитныя учрежденія по указанію Совѣта; е) исполняетъ распоряженія Совѣта касательно расхода денежныхъ средствъ; ж) докладываетъ въ каждомъ засѣданіи Совѣта о состояніи суммъ и з) представляетъ свѣдѣнія о томъ же для общаго годоваго отчета.

Примѣчаніе. На непредвидѣнные и мелкіе расходы казначей можетъ хранить у себя до 50 рублей.

§ 36.—На запись прихода и расхода суммъ казначею выдаются шнуровыя книги за подписаніемъ предсѣдателя и секретаря и за печатью Общества.

§ 37.—На библіотекаря возлагается а) принятіе отъ секретаря и храненіе въ надлежащемъ порядкѣ и цѣлости книгъ, рукописей и другихъ предметовъ, поступающихъ въ коллекціи Общества и составляющихъ таковыя; б) веденіе каталоговъ и описей послѣднихъ въ выданныхъ отъ Общества, за подписью предсѣдателя и секретаря, книгахъ; в) выдача членамъ книгъ и наблюденіе за возвращеніемъ ихъ; г) переписка по пріобрѣтенію и полученію книгъ; д) храненіе и продажа изданій Общества; е) сообщеніе свѣдѣній для годоваго отчета о числѣ поступившихъ книгъ и другихъ предметовъ и вообще о состояніи коллекцій Общества.

Примѣчаніе 1-е. **Для руководства при выдачѣ книгъ и рукописей изъ библіотеки Общества Совѣтъ составляетъ особыя правила.**

Примѣчаніе 2-е. **Должность библіотекаря можетъ быть соединяема съ должностью помощника секретаря.**

IV. О собраніяхъ Общества.

§ 38.—Собранія Общества назначаются предсѣдателемъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, во время, считающееся учебнымъ по Уставу университетовъ. Порядокъ сихъ собраній состоитъ въ завѣдываніи предсѣдателя и секретаря, которымъ не менѣе какъ за недѣлю должно быть извѣстно содержаніе чтеній.

§ 39.—Засѣданія собраній бываютъ публичныя и частныя.

§ 40.—Публичныя засѣданія Общество суть: а) годичное, б) экстренныя въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ и в) платныя. Годичное собраніе назначается въ день чествованія памяти препод. Нестора лѣтописца (27 октября); въ этомъ засѣданіи читается годовой отчетъ Общества и произносятся рѣчи общедоступнаго содержанія. Таковымъ же рѣчамъ посвящаются и торжественныя собранія, устраиваемыя Обществомъ для чествованія памяти какихъ либо славныхъ дѣятелей или историческихъ событій. Публичныя годичныя собранія, равно какъ и торжественныя, происходятъ въ актовомъ залѣ Университета, и посторонніе посѣтители допускаются въ эти засѣданія безъ входныхъ билетовъ.

Примѣчаніе. **Если за чтенія, имѣющія быть въ какомъ либо засѣданіи, назначается входный сборъ, то посторонніе посѣтители допускаются въ то засѣданіе лишь по платнымъ билетамъ.**

§ 41.—Частныя засѣданія посвящаются чтенію либо устному изложенію и обсужденію научныхъ сообщеній по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества, и рѣшенію научныхъ вопросовъ и происходятъ въ одной изъ университетскихъ аудиторій, указанной университетскимъ начальствомъ. Въ эти собранія посторонніе посѣтители допускаются по выдаваемымъ членами всякій разъ особо билетамъ или же по личной рекомендаціи членовъ. Лица, желающія постоянно посѣщать частныя собранія Общества, могутъ, съ разрѣшенія Совѣта, получать именные входные билеты, сохраняющіе свое значеніе на трехлѣтній срокъ. Посторонніе посѣтители не имѣютъ права прерывать занятія Общества какими бы то ни было заявленіями.

§ 42.—По распоряженію предсѣдателя частныя засѣданія закрываются для постороннихъ посѣтителей, упомянутыхъ въ предыдущемъ §, когда читаются и обсуждаются научныя сообщенія, не излагаемыя почему-либо публично, и разсматриваются и рѣшаются текущія дѣла Общества. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ а) производятся выборы членовъ Совѣта и всѣхъ должностныхъ лицъ Общества; б) производятся наличнымъ числомъ членовъ выборы въ члены почетные, дѣйствительные и члены-корреспонденты кандидатовъ, предложенныхъ въ предыдущихъ собраніяхъ; в) производится предложеніе новыхъ кандидатовъ въ члены; г) ежегодно за мѣсяцъ до годичнаго публичнаго собранія назначаются Ревизіонныя Коммиссіи, въ составѣ трехъ лицъ, для повѣрки отчета о движеніи суммъ и ревизіи библіотеки и остальнаго имущества, сообщающія о результатахъ повѣрки предсѣдателю, который докладываетъ объ этихъ результатахъ со своимъ заключеніемъ общему собранію; д) разсматриваются и рѣшаются вопросы и текущія дѣла Общества, вносимые Совѣтомъ.

Примѣчаніе. Никакое предложеніе не можетъ быть обсуждаемо по существу общимъ собраніемъ, помимо Совѣта и безъ его согласія.

§ 43.—а) Иногородные члены могутъ присылать свои сообщенія и статьи для прочтенія въ собраніи Общества и для напечатанія въ его изданіяхъ; б) члены-корреспонденты и постороннія лица могутъ быть допускаемы къ чтенію сообщеній въ частныхъ засѣданіяхъ съ особаго разрѣшенія предсѣдателя, при чемъ подчиняются требованію, указанному въ §§ 30 и 38.

§ 44.—О днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ научныхъ докладовъ, предназначенныхъ къ чтенію въ собраніи Общества, сообщается каждый разъ не позже какъ за три дня ректору Университета.

§ 45.—Заявленія о необходимости измѣненія или дополненія сего Устава вносится за подписью не менѣе, чѣмъ десяти членовъ, на предварительное разсмотрѣніе Совѣта, который со своимъ заключеніемъ представляетъ указанныя заявленія на рѣшеніе закрытаго общаго собранія членовъ, состоящаго не менѣе, чѣмъ изъ половины всѣхъ членовъ Общества, имѣющихъ жительство въ г. Кіевѣ. Опредѣленіе общаго собранія по сему предмету, состоявшееся съ согласія не менѣе $^2/_3$ наличныхъ голосовъ, должно быть чрезъ Совѣтъ Университета св. Владиміра и Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа представлено на усмотрѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

§ 46.—Въ случаѣ закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ собственность Университета св. Владиміра.

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Нѣсколько мѣстъ Начальной лѣтописи.

IX *).

„(И)онде Олегъ, поимъ воя многи: Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю и всѣ Кривичи, и приде къ Смоленьску съ *Кривичи*, и прия градъ, и посади мужь свой".

Такъ въ Лавр. и Тр.; въ Радз., Ак. и Хлѣб.: *и съ Кривичи*; въ Ип.: поемъ вои свои многы: Варягы, Чюдь, Словѣны, Мѣрю, Весь, Кривичи, и прия городъ *Смольнескъ*, и посади въ немъ мужь свой; въ Переясл.: идѣ Олегъ съ вои многи: съ Варяги, съ Чюдью, съ Словены, съ Мерею, съ Весію, съ Кривичи, и приинде въ Смоленескъ, и прея градъ, и посади мужи свои.

Несомнѣнно, чтеніе большинства списковъ—болѣе древне, чѣмъ чтенія Ип. и Переясл. Послѣднія—не что иное, какъ слѣдствіе старанія переписчиковъ избѣжать той неудовлетворительности смысла, которая въ чтеніи Лавр. и другихъ происходитъ отъ какъ бы излишняго *съ Кривичи*.

Также несомнѣнно, что въ оригиналѣ Начальной лѣтописи здѣсь было неловкое, неудачно составленное выраженіе, которое очень рано было измѣнено переписчиками и не дошло до насъ ни въ одномъ изъ нашихъ списковъ. Какое же это было выраженіе?

Союзъ *и*, находящійся между *къ Смоленску* и *съ Кривичи* въ Радз., Ак. и Хл., позволяетъ намъ сдѣлать догадку, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось: *къ Смоленску и въ Кривичъ*.

Названія племенъ и въ Начальной и въ Кіевской лѣтописи не-разъ употребляются вмѣсто названій областей, странъ [2]): Глѣбъ бяше-

---

[1]) Начало см. въ V кн. „Чтеній".

[2]) Какъ въ современномъ польскомъ: we Włoszech—въ Италіи, и т. п.

воевалъ *Дреговичи* и Случескъ пожегъ (Ип. 20`); взя Случьскъ и Кльчьскъ и вси *Дреговичь* (Ип. 268); бѣжа за лѣсъ у *Вятичь* (Ип. 239); иде засмъ вси *Вятичь* и Добрянескъ (Ип. 242); стоити въ своихъ *Вятичехъ* (Ип. 260); есть вшелъ въ нашѣ *Вятичь* (Ип. 262); поиде Суждалю на *Вятичь* (Ип. 316) и т. п. [1]).

Племя Кривичей состояло изъ нѣсколькихъ вѣтвей, изъ которыхъ одна, по лѣтописцу, еще до похода на Смоленскъ была подчинена Олегу; она принимала участіе въ походѣ; другая жила въ Смоленскѣ и его области; на нее шелъ Олегъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, это испорченное мѣсто лѣтописи имѣетъ такой смыслъ:

Олегъ, взявъ войско: Варяговъ...., Кривичей, пришелъ къ Смоленску и въ Кривичскую область...

X.

„Володимеръ... заложи городъ... и нарече и Переяславль, зане *перея славу* отрокъ-тъ".

Такъ въ Лавр. (подъ 992 годомъ); въ Хлѣбн. и Погод: зане *перея славу* отрокъ въ Радз. и Ак.: зане *Переяславъ* отроку тому имя; въ Переясл.: зане отроку тому имя *Періаславъ*".

Собственное личное имя *Переяславъ* не встрѣчается ни въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ. Очевидно, въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, оно было мало употребительно, а въ періодъ болѣе поздній, въ XIV и XV вѣка, когда писались дошедшіе до насъ списки лѣтописи, оно уже совсѣмъ въ живомъ употребленіи не существовало.

Наоборотъ, глаголъ *переяти* (или *переняти*) съ вин. пад. прямаго дополненія въ значеніи перехватить, захватить, не разъ встрѣчается въ древне-русскихъ текстахъ, напримѣръ: *перея* власть его всю; *преяша* церковь Дмитрия Печеряне (Лавр. 147, 284); Святоша и Путята *переяста* городъ; Святополкъ *перея* Володимеръ; выжену Изяслава, а волость его всю *переиму;* ту *перея* вѣсть на

---

[1]) Чтеніе Лавр., Радз. и Ак.: „посла князь Мстиславъ братью свою *на* Кривичѣ" (подъ 1127 г.), болѣе древнее, чѣмъ чтеніе Ип.: „посла... съ братьею своею *имъ* Кривичѣ". Послѣднее произошло отъ того, что во времена переписчика названія племенъ (или народовъ) уже не употреблялись вмѣсто названій областей, странъ, и онъ невѣрно понялъ свой оригиналъ.

тя (Ип. 179, 271, 286 [1])); глаголъ этотъ извѣстенъ и въ современныхъ русскихъ говорахъ, а въ XIV и XV вв. долженъ былъ имѣть значительное употребленіе.

Ясно, переписчики Начальной лѣтописи легко могли сдѣлать изъ непонятнаго для нихъ *Переяславъ* понятное *перея славу* [2]) тѣмъ болѣе, что при чтеніи *Переяславъ* чувствовался недостатокъ въ глагольной формѣ прошед. вр. (сказуемомъ), а при чтеніи *перея славу* нужная для смысла глагольная форма была на лицо. Обратная передѣлка понятнаго *перея славу* на непонятное *Переяславъ* для переписчиковъ едва-ли была возможна.

Такимъ образомъ мы должны отдать предпочтеніе варіанту *Переяславъ* и возстановить это мѣсто лѣтописи въ слѣдующемъ видѣ: „нарече и Переяславль, зане *Переяславъ* отрокъ тъ", назвалъ его Переяславлемъ, такъ какъ отрокъ этотъ—Переяславъ.

Названіе города *Переяславль*, какъ и другія названія того же рода (*Ярославль, Мстиславль*),—не что иное, какъ прилагательное отъ имени *Переяславъ*.

XI.

„Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ *Русина* въ святѣй Соѳьи, собравъ епископы" [3]).

Такъ въ Лавр., Радз, и Ак. (подъ 1051 годомъ); въ Ип., Хл. и Погод.: митрополитомъ *Руси*, святой Софьи; въ Переясл.: постави Ярославъ митрополита Илариона *Рустѣй земли*, въ святѣй Софіи събра епископы; въ 1-й Новгород. лѣт. по Синод. сп.: постави Ярославъ Лариона *Русина* митрополита.

Наши лѣтописи имѣютъ въ значительномъ количествѣ выраженія въ родѣ: постави митрополитъ епископа Анѳилофія *Володимерю*;

---

[1]) Выраженіе *перея славу* находится въ апокрифическомъ „Исходѣ Моисея", переведенномъ, по всей вѣроятности, въ Руси до-монгольскаго періода (*Тихонравовъ*, Пам. отречен. рус. литературы, I, 234; *Великія Минеи Четіи*, сентябрь, столбецъ 166).

[2]) Не излишне имѣть въ виду, что слово *Переяславъ* въ древнихъ текстахъ могло писаться съ вынесеніемъ *е* подъ титло: *Переяслав*, что легко можно было прочесть: *Перея славу*.

[3]) Сравни относительно порядка словъ: „поставиша Феоктиста епископомъ Чернѣгову игумена печерьскаго" (Ип. 197); „постановленъ бысть скопецъ Мануило епископомъ Смоленску, пѣвець гораздый" (Ип. 215).

поставя Мину *Полотьску*; поставивша Феоктиста епископомъ *Черигову*; сего же постави митрополитъ епископомъ *Переяславлю* (Лавр. 270, 275, 281). Вслѣдствіе этого переписчики легко могли принять *Русина* за ошибку вмѣсто *Руси* и измѣнить текстъ. Обратное измѣненіе для нихъ едва-ли было возможно, такъ какъ выраженіе: „поставя... *Руси*", было вполнѣ понятно, обычно и не требовало исправленія и такъ какъ въ лѣтописномъ разсказѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не указывается на русское происхожденіе Иларіона. Такимъ образомъ варіантъ *Русина* долженъ быть считаемъ за чтеніе оригинала лѣтописи.

XII.

„Самому (Ярославу I) болну сущу и пришедшю Вышегороду, разболѣся вельми, *Изяславу тогда сущю*, а Святославу Володимери, Все(во)лоду же тогда сущю у отца".

Такъ въ Лавр., Радз., Ак. и 1-й Новгор. лѣт. (подъ 1054 годомъ); въ Ип.: *Изяславу тогда в Туровѣ князящу*; въ Хл. и Погод. *Изяславу тогда сущу въ Туровѣ князящю;* списки Воскресенскаго лѣтописнаго свода имѣютъ: *Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ*.

О какомъ городѣ говорилъ оригиналъ лѣтописи? Едва ли мы не должны отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: авторъ лѣтописи или умышленно оставилъ пробѣлъ въ своемъ текстѣ (не зная имени этого города и намѣреваясь о немъ спросить у свѣдущихъ людей) или нечаянно пропустилъ слово. Такимъ образомъ варіантъ Лавр, Радз. и Ак. списковъ, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ предпочтенія предъ прочими варіантами.

Изъ послѣднихъ, варіантъ: *сущю Новѣгородѣ*, основанъ, очевидно, лишь на догадкѣ составителя лѣтописнаго свода, желавшаго пополнить пробѣлъ; эта догадка могла быть основана, напримѣръ, на такомъ выраженіи 1-й Новгородской лѣтописи: „(по смерти Ярослава) вя... Изяславъ Кыевъ и *Новѣгородъ*" (стр. 66). Варіантъ: *сущю въ Туровѣ князящю*, самъ выдаетъ свою сравнительную новизну: въ немъ два причастія, изъ которыхъ одно лишнее; онъ произошелъ такъ же отъ желанія одного изъ древнихъ переписчиковъ лѣтописи пополнить пробѣлъ. Его догадка относительно *Турова* основана можетъ быть на томъ обстоятельствѣ, что сынъ Изяслава, Святополкъ, кня-

жилъ въ Туровѣ; можетъ быть на смѣшеніи Изяслава Ярославича съ Изяславомъ Святополчичемъ (ум. въ 1128 г.), который былъ повидимому туровскимъ княземъ, или съ Изяславомъ Мстиславичемъ, о княженіи котораго въ Туровѣ упоминается въ Кіевской лѣтописи (подъ 1132 и 1135 гг.). Третій варіантъ, въ Ип. сп.,—очевидное сокращеніе предъидущаго варіанта.

XIII.

„Азъ же пристроихъ *7 дни рогалие*, ими же копати...".

Такъ въ Лавр. (подъ 1091 годомъ); въ Ип.: *семь дни рогалия*; въ Хл. и Погод.: *того дни рогалия*; Радз. и Ак.: *7 рогальи*.

Если мы примемъ чтеніе Лавр. списка и переведемъ выписанное мѣсто: „я сдѣлалъ *въ теченіе семи дней лопаты*, которыми копать", то получится нѣчто несогласное съ подробностями разсказа. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ онъ откопалъ мощи Ѳеодосія печерскаго. По его словамъ, рѣшеніе откопать ихъ было принято печерскимъ игуменомъ за три дня до праздника Успенія, т. е. 12 августа, и тогда же сообщено лѣтописцу; послѣдній приготовилъ орудія для копанія; мощи были имъ откопаны во вторникъ, а перенесены въ церковь въ четвергъ, 14 августа. Слѣдовательно, лѣтописецъ не могъ дѣлать лопаты въ теченіе семи дней.

Чтеніе Радз. и Ак. списковъ есть какъ-бы осмысленіе непонятнаго переписчикамъ чтенія Лавр. сп.; они вышли изъ затрудненія, опустивъ слово *дни* и соединивъ *7* съ *рогальи*. Послѣдняя форма ими была понимаема какъ форма род. мн [1]).

Чтеніе Хл. и Пог. сп. отличается отъ чтенія Лавр. сп. лишь замѣною слова *семь* словомъ *того*, при чемъ *дни* переписчиками этихъ списковъ было понимаемо какъ форма род. ед. Но всѣ списки, кромѣ этихъ двухъ, согласны въ употребленіи слова *семь*, и принадлежность послѣдняго оригиналу лѣтописи не подлежитъ сомнѣнію.

Остается чтеніе Ип. сп.; его *семь дни* должно быть принято нами за двѣ формы мѣстн. пад. ед.ч. безъ предлога (=въ этотъ день). Сравни: *томъ же лѣтѣ* и т. п. (безъ предлога) въ разныхъ древнерусскихъ памятникахъ (особенно часто въ лѣтописяхъ). Оно даетъ прекрасный смыслъ, и изъ него легко объясняются всѣ прочія чтенія.

---

[1]) Форма имен. ед. *рогалия* жен. р.; *рогалие* (собственно *рогалия*)—форма им. мн.

XIV.

„Предивно бысть Полотьскѣ. Въ мечтѣ ны бываше въ нощи: тутьнъ *станяше* по улици, яко человѣци рищющи бѣси.... по семь же начаша в дне являтися на коних, и не бѣ их видѣти самѣхъ, но конь их видѣти копыта; и тако уязвляху люди *плотьскыя* и его область; тѣмь и человѣци глаголаху, яко *на явь* бьють Полочаны".

Такъ въ Лавр. (подъ 1092 годомъ); въ Ип., Хл. и Погод.: у мечьтѣ и в нощи бывши тутенъ *стонаше* полунощи, яко человѣци рыщуть бѣси по улици.... въ Ип.: люди *плотьскыя* и его область.... яко *навье* бьють; въ Хл., и Пог.: *полотьскыя* и его область... яко *на яве* бьють; въ Радз. и Ак.: люди *полоцкиа* и их область... яко *навье* (*навы*) бьють; въ Переясл.: тогда явись мечта въ Полотску; въ нощи всегда стукъ по улици, яко человѣци рищють бѣси... и тіи уморяху *Полочанъ*. Они жъ рѣша: из *навей* дѣти насъ емлють.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оригиналъ лѣтописи имѣлъ *станяше*, а не *стонаше*: первая форма архаическая, уже была непонятна для переписчиковъ XIV и XV вв. и потому легко могла быть ими измѣнена. Точно также, кажется, нельзя сомнѣваться, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось *навье* (им. множ.), непонятное для позднѣйшихъ переписчиковъ и потому ими измѣненное.

Вопросомъ остается лишь одно—какъ читать: уязвляху люди *плотьскыя* и его область, или: уязвляху люди *полотьскыя* и его область. Оба чтенія равно неудовлетворительны, такъ какъ *его область* нельзя связать съ предъидущими словами ни грамматически, ни логически [1]). Едва ли *его область* (что читается во всѣхъ нашихъ спискахъ) не есть очень старое искаженіе какого-либо слова, относительно котораго мы не въ состояніи даже сдѣлать предположеніе. Что касается до варіантовъ *плотьскыя* (въ лучшихъ спискахъ) и *полотьскыя*, то второй изъ нихъ легко могъ быть сдѣланъ изъ перваго подъ вліяніемъ упоминанія ранѣе *Полотьска* и позднѣе *Полочанъ* и въ цѣляхъ полученія вполнѣ удовлетворительнаго смысла, но не наоборотъ. Если мы примемъ во

---

[1]) Слово *область* въ древне-русскихъ текстахъ употребляется обыкновенно въ значеніи отвлеченномъ—власть. Вмѣсто же современнаго конкретнаго значенія области, мы находимъ въ нихъ слово *волость*.

вниманіе, что нечленныя формы прилагательныхъ въ древнихъ текстахъ нерѣдко замѣняются въ позднѣйшихъ спискахъ формами членными, то мы можемъ предположить, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось: уявляху люди *плотьскы*, и что *плотьскы* было употреблено какъ нарѣчіе.

Мы переводимъ приведенное мѣсто такимъ образомъ:

Предивно было въ Полотскѣ. Представлялось [1]) въ ночи: стукъ поднимался (буквально: становится) по улицѣ; какъ люди, скакали бѣсы... Потомъ они начали являться днемъ на коняхъ, и нельзя было видѣть ихъ самихъ, но коней ихъ копыта можно было видѣть. И такъ уявляли людей тѣлесно... Поэтому люди говорили, что духи [2]) бьютъ Полочанъ.

XV.

„И нача (Всеволодъ Ярославичъ) любити смыслъ юныхъ, съвѣтъ творя съ ними. Си же начаша заводити и негодовати [3]) дружины своея первыя. И людемъ не доходити княже правды. Начаша *ти уни* грабити, людий продавати....“

Такъ въ Лавр., Рада. и Ак. (подъ 1093 годомъ); въ Ип.: и начаша *тивунъ* его грабити...; въ Хл. и Пог.: *тивони*.

Мы уже говорили, что нечленныя формы прилагательныхъ, находящіяся въ древнѣйшихъ текстахъ, нерѣдко замѣняются въ позднѣйшихъ спискахъ формами членными. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ право предположить, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось *тиуни*, что могло быть понимаемо и *ти уни* и *тиуни* (отъ *тиунъ*). Одни переписчики поняли въ первомъ значеніи (подъ вліяніемъ предъидущаго упоминанія объ *юныхъ*), другіе—во второмъ. Едва ли можно сомнѣваться, что авторъ лѣтописи говорилъ здѣсь о *тіунахъ*.

---

[1]) Др.-русское *мечта*, *мечта*, имѣло болѣе общее значеніе, чѣмъ современныя *мечта*, *призракъ*, *видѣніе*. Мы не переводимъ *ны*: это такъ называемый dat. ethicus.

[2]) О значеніи *навье* см. нашу замѣтку въ *Русск. Филол. Вѣстн.* за 1890 г., № 1.

[3]) *Негодовати* съ род. (или дат.)=пренебрегать. См. словари Востокова и Миклошича. Лавр. сп. лѣт. 285.

Мы переводимъ приведенное мѣсто (сохраненное наиболѣе хорошо Лавр. спискомъ) такимъ образомъ:

Онъ началъ любить умъ молодыхъ, совѣтъ держа съ ними. Они же начали увлекать его (къ тому, чтобы) пренебрегать своею старою дружиною [3]). И нельзя (стало) людямъ доходить до княжаго суда. Начали *тіуны* грабить...

А. Соболевскій.

Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI вѣкахъ *).

Наше Историческое Общество несетъ на себѣ прежде всего нравственный долгъ обращаться въ своихъ чтеніяхъ къ прошлому—къ древней исторіи и литературѣ, а въ память своего патрона, пр. Нестора лѣтописца—къ исторіи и литературѣ русскаго народа и славянскаго племени, о которомъ сообщаетъ такія интересныя свѣдѣнія древнѣйшая русская лѣтопись, приписываемая Нестору.

Прекрасный поводъ представляется для насъ въ настоящемъ году, въ 22-ую годовщину Общества Нестора лѣтописца соединить эти идеалы древнѣйшаго и достойнѣйшаго русскаго лѣтописца-историка, обратившись къ началу высокаго культурнаго явленія, распространившагося среди славянъ и русскихъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. —къ возникновенію первыхъ типографій и къ появленію первопечатныхъ славянскихъ книгъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ Черногоріи отпраздновано было *четырехсотлѣтіе* перваго южно-славянскаго изданія Октоиха—Осмогласника 1493 г., вышедшаго изъ Ободской типографіи, основанной черногорскимъ зетскимъ господаремъ Ивô—Черноевичемъ и его сыномъ Джорджіемъ. Я не могу здѣсь останавливаться на этомъ празднествѣ; но позволю себѣ привести отрывокъ изъ прекраснаго стихотворенія Сундечича, талантливаго сербскаго поэта и издателя черногорскаго журнала „Просвјета",—изъ стихотворенія, посвященнаго четырехсотлѣтію черногорскаго и славянскаго книгопечатанія:

„На свјēт највећи культурни појав
„*Гутембер* стопро обрео био,
„И човјечанство правим чудеством

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества 19 декабря 1893 г. Въ сербскомъ текстѣ допущены по типографскимъ условіямъ нѣкоторыя неточности въ буквахъ. Ред.

„Појава тога преусреѣно:
„Ал' мало прошло,—гле! у Словенству
„Храм први штампи веѣ дига̄ *Иво*
„На овом голом свештеном вӣсу,
„Да бљесак шири, ка сунце живо!
„И буде чврстим стожером вјери
„У благовјēсти Божије рјêчи,
„Којом се умна разгони тмуша
„И сваки бетег душевни љечи;
„И буде льудском умльју и знаньу
„Најлакше крило ньихова лēта
„Које их носи у накрст земльe
„До у најдальи угао свјēта".

Эти мѣткія слова Сундечича, вызванныя славнымъ Ободскимъ празднествомъ, вполнѣ оправдываются, если мы припомнимъ хотя немногія и самыя выдающіяся явленія въ распространеніи великаго типографскаго дѣла по Европѣ и въ частности среди славянъ. Въ Майнцѣ, въ 1450 году появилась первая печатная книга, вышедшая изъ типографіи славнаго изобрѣтателя книгопечатанія Гутенберга. Чтобы судить о томъ, какъ медленно распространялось книгопечатаніе въ Германіи, укажемъ на Аугсбургъ и Нюренбергъ, особенно извѣстные города въ лѣтописяхъ нѣмецкаго книгопечатанія, въ которыхъ типографіи явились только черезъ 20 лѣтъ послѣ Майнца. Въ Гамбургѣ типографія является въ 1491 г., а въ Тюбингенѣ—въ 1498 г. Въ Италіи, перенявшей у Германіи славу въ исторіи развитія и усовершенствованія типографскаго дѣла въ XV и XVI вв., типографіи являются съ 1467 г.,—ранѣе, чѣмъ во Франціи (Парижская типографія 1470 г.), а въ Лондонѣ съ 1480 г.—позднѣе, чѣмъ у чеховъ (въ Пильзенѣ уже въ 1478 г.). Даже церковно-славянское книгопечатаніе явилось раньше въ Краковѣ столицѣ Польскаго королевства, въ 1491 г. и въ Черногоріи въ 1493 г., чѣмъ напр. въ Испаніи, въ Мадридѣ, въ 1499 г. Поэтому неудивительно, что въ своемъ поступательномъ движеніи по Европѣ книгопечатаніе появилось въ Москвѣ только около 1553 г., а напр. въ Кіевѣ первая типографія появилась лишь въ XVII ст., въ 1616 г Тридцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ вспоминали трехсотлѣтіе русскаго книгопечатанія, со времени выхода первой книги изъ московской типографіи съ годомъ 1563—64. Однако, если при-

нять во вниманіе, что нѣкоторые славяне печатали свои книги въ иноземныхъ городахъ (напр. сербы и чехи въ Венеціи, поляки въ Германіи и во Франціи) и что книги назначались по преимуществу для извѣстной народности, то придется начало русскаго книгопечатанія перенести не только на виленскія и пражскія изданія Скорины 1517—25 гг., но и на краковскія изданія Фѣоля 1491 г., о чемъ мы еще скажемъ далѣе. Такимъ образомъ, начало церковно-славянскаго книгопечатанія для русскаго народа относится къ 1491 г. и возникаетъ въ предѣлахъ Польскаго королевства, въ столицѣ Краковѣ, а для южныхъ славянъ—въ Черногоріи въ 1493 г. Однако вопросъ о началѣ книгопечатанія у славянъ относится къ числу трудныхъ вопросовъ, поэтому неудивительны такія разногласія въ этомъ вопросѣ, какъ напр., кому отдать честь первенства въ этомъ дѣлѣ, для кого изъ славянъ печаталъ книги въ Краковѣ Фѣоль, для кого въ Ободѣ или въ Цетиньѣ явилась первая черногорская типографія, и проч. Если въ славянской научной литературѣ существовали и существуютъ нѣкоторыя разногласія по вопросу о первоначальномъ книгопечатаніи, то въ западноевропейской литературѣ по исторіи книгопечатанія встрѣчаются нерѣдко и вполнѣ недостовѣрныя свѣдѣнія. Такъ, въ замѣчательныхъ нѣмецкихъ трудахъ по исторіи европейскаго книгопечатанія Фалькенштейна, Фаульмана и др. находимъ такія ошибочныя указанія какъ появленіе первой русской типографіи въ 1493 г. въ Черниговѣ, и т. п. Одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей вполнѣ основательно поставилъ знакъ вопроса при этомъ указаніи и высказалъ удивленіе, какъ могло такъ рано появиться книгопечатаніе въ Россіи. Черногорская газета „Глас Црногорца“ основательно замѣтила недавно, что ошибочное приписываніе чести открытія первой славянской типографіи—русскому городу Чернигову произошло отъ смѣшенія Черной горы и Черноевича съ Черниговымъ.

Благодаря ревностнымъ разысканіямъ славянскихъ и особенно русскихъ библіографовъ, мы имѣемъ теперь многочисленныя и прекрасныя собранія церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ, которыя красуются въ открытыхъ витринахъ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ и въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, а благодаря научнымъ изслѣдованіямъ мы можемъ представить интересную историческую картину возникновенія и развитія этого великаго дѣла у славянъ.

Книгопечатаніе явилось среди славянъ изъ Германіи и Италіи. Отъ XV в. до насъ дошли церковно-славянскія книги, напечатанныя въ Краковѣ, въ 1491 г. и въ Черногоріи, въ Ободѣ, въ 1493 г. Краткія послѣсловія нѣсколькихъ богослужебныхъ церковно-славянскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Краковѣ, повторяютъ одно и тоже, что книги эти окончены печатаніемъ въ 1491 г., въ Краковѣ, при королѣ польскомъ Казимірѣ, краковскимъ мѣщаниномъ Швайпольтомъ Фѣоль „из нѣмець" нѣмецкаго роду Франкъ. Затѣмъ интересные акты XV в. объясняютъ намъ, что Фѣоль заказывалъ „русскія буквы" (russische Buchstaben) нѣмецкому мастеру Рудольфу Бурсдорфу изъ Брауншвейга, а въ книгахъ Фѣоля мы находимъ замѣчательныя черты русскаго правописанія и языка, упоминанія о русской грамотѣ и о русскихъ святыхъ; особенно интересно подробное упоминаніе о св. Петрѣ, митр. московскомъ, и друг. Этими очевидными отношеніями краковскихъ изданій 1491 г., съ одной стороны къ нѣмецкому искусству, съ другой къ русскому народу и къ русскимъ богослужебнымъ книгамъ, легко устраняются неосновательныя предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ о томъ, что краковскія изданія предназначались для болгаръ, которые, замѣтимъ, не имѣли типографій и въ XVII в., или для угровлаховъ. Не угровлахійскія изданія на средства господарей Бѣгнера, Влады, Бассарабъ, отличаются грубымъ шрифтомъ и являются только въ началѣ XVI в. Судя по шрифту, по послѣсловіямъ, угровлахійскія изданія ближе всего къ южно-славянскимъ и составляютъ какъ бы слабую копію черногорскихъ, между тѣмъ какъ изданія Фѣоля имѣютъ продолженіе въ русскихъ же изданіяхъ Скорины. Изданія Фѣоля и Скорины отражаютъ на себѣ въ значительной степени вліяніе нѣмецкаго искусства, тогда какъ южно-славянскія изданія развивались исключительно подъ итальянскимъ вліяніемъ.

Въ концѣ XV в., когда Италія занимаетъ самое видное мѣсто въ европейской цивилизаціи, когда въ одной Италіи болѣе типографій и болѣе изданій, чѣмъ въ остальной Европѣ, Венеція получаетъ особенное значеніе въ развитіи типографскаго искусства. Имя Андреа Торесанскаго изъ Азулы, а еще болѣе его зятя Пія Мануція Альда пріобрѣтаютъ громкую извѣстность въ Европѣ, благодаря введенію прекрасныхъ и разнообразныхъ шрифтовъ греческихъ и латинскихъ, роскошныхъ заставокъ и заглавныхъ буквъ. Эти litterae antiqua tenda, litterae florentes получаютъ славу во всей Европѣ XV—XVI вв. Ихъ можно видѣть и въ черногорскихъ изданіяхъ 1493—95 гг.

въ видѣ большихъ буквъ, въ рамахъ, наполненныхъ тонкими цвѣтами, плодами, въ видѣ чудесныхъ заставокъ съ ангелами, поддерживающими гербъ Ивана Черноевича. Превосходная орнаментація въ стилѣ итальянскаго возрожденія представляется также въ венеціанскомъ изданіи молитвослова сербомъ Божидаромъ Вуковичемъ, въ 1520 г.

Есть указаніе, что Andreas de Thoresanis de Asula напечаталъ въ Венеціи въ 1493 г. Breviarium Slavicum, который находился въ Нюрнбергской библіотекѣ въ XVIII в., по печатному описанію ея въ 1786 г., но затѣмъ исчезъ изъ библіотеки такъ что теперь можно только догадываться, что это былъ глаголическій часословъ или служебникъ. Для объясненія итальянскаго вліянія на южно-славянское книгопечатаніе гораздо важнѣе другое извѣстіе, что знаменитый черногорскій воевода Иванъ Бегъ, Ивб Черноевичъ, тщетно отыскивая помощи противъ турокъ, жилъ въ Венеціи въ 80-хъ годахъ и, не найдя этой помощи, воротился на родину, въ Черногорію. Здѣсь въ Ободѣ онъ и основалъ первую южно-славянскую типографію, а, можетъ быть, и первую славянскую типографію ранѣе краковской, такъ какъ въ 1486 г. знаменитый защитникъ черногорской независимости перенесъ столицу въ Цетинье, въ которомъ является также печатное изданіе 1495 г. Затѣмъ мы не имѣемъ дальнѣйшихъ слѣдовъ черногорскаго книгопечатанія и видимъ уже развитіе южнославянскаго книгопечатанія въ Венеціи въ знаменитой типографіи Божидара Вуковича, а позднѣе и въ разныхъ мѣстахъ у сербовъ. Но до появленія сербскихъ венеціанскихъ изданій обращаютъ на себя вниманіе угровлахійскія церковно-славянскія книги съ начала XVI в. Церковно-славянское книгопечатаніе въ Угровлахіи, употреблявшей въ церковномъ богослуженіи чуждый славянскій языкъ до XVIII в., развивалось слабо. По всей вѣроятности и книгопечатниками въ Угровлахіи являлись природные южно-славяне, какъ напр. въ 1547 г. въ столичной Тговищской типографіи трудились надъ печатаніемъ Апостола сербы — внукъ Божидара „съ ученики“. Мы уже упоминали и о сходствѣ угровлахійскихъ изданій съ южно-славянскими. Послѣ угровлахійскихъ изданій по времени слѣдуютъ прекрасныя русскія изданія въ чешской Прагѣ, съ 1517 по 1520 г., совершонныя „знаменитымъ докторомъ въ лекарскихъ наукахъ, какъ онъ самъ называетъ себя, Францискомъ (или по русски Юріемъ, Георгіемъ) Скориною изъ града Полоцка“, который перенесъ свою типографію изъ Праги въ Вильну около 1525 г. Въ изданіяхъ Скорины, кромѣ его искусства, проявляется еще влія-

ніе чешскаго и нѣмецкаго типографскаго дѣла и гравированія. Но кромѣ того въ направленіи типографской дѣятельности Скорины, получившаго образованіе въ Краковскомъ университетѣ, отразилось вліяніе Фѣоля, который однако не могъ продолжать печатанія церковно-славянскихъ книгъ въ Краковѣ послѣ суда надъ нимъ въ 1492 г. по обвиненію въ ереси. Послѣ Кракова Скорина—этотъ первый русскій ученый—завершилъ свое медицинское образованіе въ Италіи, гдѣ получилъ степень доктора, проживалъ въ Германіи и въ Чехіи и здѣсь въ Прагѣ на средства богатыхъ согражданъ основалъ типографію и издалъ переводъ библіи съ чешскаго при помощи нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ книгъ и въ томъ числѣ Фѣолевскихъ. Но русское книгопечатаніе, такъ блистательно проявившееся въ дѣятельности Скорины, прервалось въ Вильнѣ при самомъ началѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ и возникшее въ 1553 г. книгопечатаніе въ Москвѣ, быть можетъ, не безъ вліянія Скорининской виленской типографіи, выразилось въ свою очередь въ нѣсколькихъ изданіяхъ 1564, 1565 г. и также прервалось. Только уже съ конца XVI в. получило оно широкое и правильное развитіе какъ съ сѣверо-восточной Руси, такъ и въ юго-западной. Между тѣмъ извѣстный воевода Божидаръ Вуковичъ изъ Подгорицы около 1519 г. завелъ славянское книгопечатаніе въ Венеціи, которое шло развиваясь непрерывно въ теченіе всего XVI в. Прекрасныя въ типографскомъ отношеніи венеціанскія изданія церковно-славянскихъ книгъ Божидара Вуковича назначались не только для сербовъ, но и для болгаръ. Мы не будемъ останавливаться на другихъ сербскихъ типографіяхъ, которыя явились въ XVI в. въ Гораждѣ, въ Рудникѣ, въ Милешевѣ, въ Бѣлградѣ. Въ послѣднемъ типографія появляется въ одно время съ Московской.

Имѣя въ виду изложить въ самыхъ краткихъ словахъ исторію возникновенія славянскаго и русскаго книгопечатанія, мы остановимся теперь на общихъ чертахъ его. Это начальное славянское книгопечатаніе совсѣмъ не похоже на наше современное, уже чисто техническое, дѣло, когда въ типографіяхъ работаютъ паровыя машины. Намъ надо перенестись мысленно въ тотъ отдаленный вѣкъ, когда въ убогой, на нашъ взглядъ, типографіи новаго подвижника XV в. стояли деревянные, ручные станки, когда этотъ энтузіастъ славнаго, благороднаго и полезнаго дѣла, съ великой будущностью, но съ несовершенствами недавно сдѣланнаго изобрѣтенія, былъ нерѣдко въ одно и тоже время

писцомъ и исправителемъ рукописей для печатанія и издателемъ ихъ, словолитейщикомъ и наборщикомъ, печатникомъ и книгопродавцемъ. Этотъ типографщикъ XV в. со своимъ несовершеннымъ еще искусствомъ соперничалъ съ установившимся уже вѣками промысломъ писцовъ, которые пользовались всякимъ довольствомъ и покоемъ въ монастыряхъ и у знатныхъ и богатыхъ лицъ. Печатная книга пришла на смѣну рукописи, и вотъ почему на первыхъ порахъ мы видимъ въ исторіи книгопечатанія вражду писцовъ къ новому дѣлу и неудачи первыхъ типографщиковъ. Остановимся прежде всего на отношеніи первопечатныхъ книгъ къ рукописямъ.

Старопечатная славянская книга стоитъ въ самомъ близкомъ отношеніи съ современными ей рукописями: въ ней, какъ и въ послѣднихъ, нѣтъ заглавныхъ листовъ, нѣтъ счета по страницамъ; шрифтъ схожъ съ рукописными буквами и отличается только, при внимательномъ разсматриваніи, выдержанной правильностью и постоянствомъ; въ книгѣ встрѣчаемъ и заставки и послѣсловія, какъ въ рукописяхъ. Мало того, старопечатная книга выходитъ изъ-подъ типографскаго станка также медленно, какъ рукопись изъ-подъ руки писца. Въ Ободской типографіи 1493 г. восемь человѣкъ въ продолженіе цѣлаго года напечатали только 269 листочковъ одной книги, а въ Москвѣ въ 1564 г. 267 листочковъ печатались $10^1/_2$ мѣсяцевъ; да столько же времени уходило на приготовленіе рукописи къ печати, на ея исправленіе. Но такъ было и во всей Европѣ: латинскія, нѣмецкія, французскія и славянскія инкунабулы, первопечатныя книги, воспроизводятъ рукописи такъ близко, что на первый взглядъ трудно отличить печатную книгу отъ рукописной. Въ пражской чешской Псалтыри 1487 г издатели предупреждаютъ своихъ читателей, что эта Псалтырь не перомъ написана, не писцомъ приготовлена, а отпечатана особыми вырѣзанными буквами и со всей тщательностью оттиснута: „Gsû knijehy tyto ne perem psany, ani obyczegem obeczniem skrze piesarze zpŭsobeny, ale rytymi na twrdem komu litterami welmi wtipnym biehem vćynieny a vytiskany“.

Въ сербскомъ Четвероевангеліи 1562 г. типографщикъ инокъ Мардарій говоритъ въ послѣсловіи—„рукодѣлисахъ сіа слова от желѣза и меди съ вѣликымь трудомь и подвыгомь“. Московскіе первопечатники также называютъ свою печать—„печатные письмены“. Связь церковно-славянской старопечатной книги XV и начала XVI в. отра-

жается не только въ буквахъ, въ ихъ формѣ и видѣ, въ ихъ расположеніи, но и въ другихъ внѣшнихъ сходствахъ. Безъ заглавнаго листа первопечатная книга, какъ и всякая выдающаяся рукопись, начинается заставкой, подъ которой помѣщается краткое заглавіе или всей книги, или первой части, безъ упоминанія объ обстоятельствахъ изданія и имени издателя; затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ текстъ, заканчивающійся послѣсловіемъ. Мало того, подобно списателямъ въ рукописныхъ послѣсловіяхъ, которые начиная съ XI ст. просили извиненія, у читателей за свои ошибки: „чтите исправляя Бога дѣля, а не кляните“, издатели старопечатной книги, также просятъ у читателей прощенія за свои ошибки и предлагаютъ преписующимъ исправлять ихъ книги, при чемъ постоянно указывается, что книга напасана такимъ то, послѣ чего уже упоминается и имя трудившагося рукодѣліемъ, т. е. типографщика. Приведемъ хотя нѣкоторые отрывки изъ этихъ послѣсловій, начиная съ черногорскаго изданія 1493 г. Гюргій Черноевичъ, воевода Зети, скорбѣлъ объ умаленіи св. книгъ, когда постигла южныхъ славянъ „исмаильтьска железна палица“; эти измаилиты (онъ не хочетъ назвать открыто турокъ) разрушили церкви, расхитили книги. Я не буду приводить здѣсь прекрасныхъ и обширныхъ предисловій Скорины къ отдѣльнымъ книжкамъ Библіи, въ которыхъ онъ не только объясняетъ содержаніе и значеніе Библіи, пользуясь комментаріями на Библію, но и высказываетъ свою любовь къ народу русскому, къ поднятію его въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Почти за 100 лѣтъ до заведенія въ юго-западной Руси схоластической школы, Скорина говоритъ о значеніи этой науки, принятой въ его время въ Европѣ. Патріотизмъ Скорины прекрасно выражается въ слѣдующихъ словахъ: „понеже от прирожения звери ходящіе въ пустыни знають ямы своя, птицы летающіе по воздуху ведають гнезда своя, пчелы и тымъ подобная боронять ульевъ своихъ такожъ и люди, игде зродилися и ускормлены суть побозе, к тому месту великую ласку имають“; „такожъ и мы, братія, не можемли во великихъ послужити посполитому люду русскаго языка, сие малые книжки праци нашее приносимо имъ“; „нетолико сами себе народихомся на свет, но болѣе ко службѣ Божиеи и посполитого доброго“. Не будемъ продолжать любопытныхъ выписокъ изъ предисловій этого замѣчательнаго русскаго человѣка начала XVI в., перваго русскаго ученаго, перваго доктора въ лекарскихъ наукахъ, перваго типографщика, жиз-

ни и дѣятельности котораго мы посвятили уже особое изслѣдованіе въ 1888 году. Продолжимъ еще нѣкоторыя характеристическія выдержки изъ послѣсловій. Воевода Божидаръ Вуковичъ подгоричанинъ разсказываетъ, какъ онъ задумалъ печатать церковно-славянскія книги въ Венеціи „въ велицѣй тузѣ и печали въ Италійскыхъ странахъ не могый изыти въ отечествы своемъ, понеже видѣхъ попираемый родъ христіанскый отъ Измаильтянъ“. Назначая свои книги для южныхъ славянъ, подвластныхъ Турціи, Божидаръ робко называетъ ихъ Измаилтянами и въ концѣ послѣсловій отмѣчаетъ: „тогда же восточные начельствующю и область дрьжещоу великому Амирѣ султанъ Селимъ-Бегу“. Божидаръ Вуковичъ не давалъ „ни сна своима очима“, не щадилъ имѣнія своего на божественное дѣло—изданіе церковно-славянскихъ книгъ въ „мирославствующемъ градѣ Венетіани“ и все для того, чтобы „изнести въ свое отечествіе“ эти печатныя книги. Я считаю здѣсь умѣстнымъ вставить и любопытный разсказъ извѣстнаго ученаго инока, русскаго писателя XVI в., Максима Грека, который еще до заведенія въ Москвѣ типографіи передавалъ московскимъ знатнымъ боярамъ, интересовавшимся венеціанскими изданіями Альдовъ Мануціевъ, слѣдующее (это происходило приблизительно въ 20—30 годахъ XVI ст., лѣтъ за двадцать до заведенія типографіи въ Москвѣ): „велелъ еси мнѣ, пишетъ Максимъ Грекъ, князь государь мой Василій Михайловичъ сказати тебѣ что есть толкъ знаменію, его же видѣлъ еси въ книзѣ печатнѣй? Слышихъ внятно. Въ Венеціи былъ нѣкый филосоѳъ, добрѣ хытръ; имя ему Алдусъ, а прозвище Мануціусъ, родомъ фрязинъ, отечествомъ римлянинъ вѣтхого Рима отрасль; грамотѣ и по римскы и по греческы добрѣ гораздъ. Я его зналъ и відѣлъ въ Венеціи и къ нему часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ; а я тогда еще молодъ, въ мирьскихъ платьяхъ. Тотъ Алдусъ Мануціусъ римлянинъ по своей мудрости замыслилъ себѣ таково премудрое замышленіе [1]) вспоминая притчею сею всякому и властелю, и невѣже, како мочно имъ будетъ получити вѣчный животъ, аще истинною желаютъ ему. И якоремъ убо являетъ утвержденіе и крѣпость вѣры; рыбою жъ душу человѣчью. И учитъ насъ притчею сею и говоритъ: какъ якорь желѣзенъ крѣпитъ и утвръжаетъ корабль въ море и из-

[1]) Рѣчь идетъ о типографскомъ гербѣ Альдовъ, якорѣ, около котораго обвивается дельфинъ (старинные типографщики имѣли каждый собственный гербъ, марку, часто символическаго характера).

бавляетъ его отъ всякыя бѣды морскыхъ влъненій и обуреваній, тако деи и страхъ Божій нелицемѣренъ", и проч.

Особенно трогательна повѣсть изъ послѣсловій XVI в. московскаго книгопечатника Ивана Ѳедорова Москвитина при львовскомъ Апостолѣ 1574 г., въ которой онъ разсказываетъ, какъ ушелъ изъ Москвы презѣльнаго ради озлобленія, какъ терпѣлъ скорби и бѣды и въ юго-западной Руси и не могъ заниматься „сѣменъ сѣяньемъ" вмѣсто того, чтобы слѣдовать своему таланту „духовная сѣмена по вселенной разсѣвати" печатнымъ дѣломъ. Въ послѣсловіи къ московскому Апостолу 1564 г. Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ (вѣроятно, выходецъ изъ великаго княжества Литовскаго, куда и направился послѣ удаленія изъ Москвы) объясняютъ, почему царь Иванъ Васильевичъ и митр. Макарій покровительствовали возникновенію печатнаго дѣла: книги рукописныя испорчены переписчиками. Это дѣло—исправленіе церковныхъ книгъ, обострившееся при патр. Никонѣ и связанное съ возникновеніемъ раскола, вызвало появленіе и типографіи въ Москвѣ. Вышеприведенныя выдержки знакомятъ насъ нѣсколько съ личностями первыхъ славянскихъ и русскихъ типографщиковъ. Это были люди всецѣло преданные своему дѣлу, въ которомъ не было раздѣленія труда. Многіе изъ этихъ первопечатниковъ должны были заботиться и о выборѣ рукописныхъ буквъ для отливки новаго шрифта и о выборѣ рукописей для печатанія, объ ихъ исправленіи, о послѣсловіяхъ, о самомъ печатаніи. Только покровительство высокопоставленныхъ и богатыхъ лицъ поддерживало на время ихъ дѣло, если только не задумывали начало книгопечатанія сами, или стоявшіе во главѣ управленія знатные люди. Неблестящая и отчасти печальная судьба Гутенберга отражалась нерѣдко на его подражателяхъ. Мало того, нѣкоторые изъ первопечатниковъ окружались легендой, являлись чернокнижниками; нерѣдко подрывъ дѣятельности являлся и со стороны корыстныхъ сотоварищей по печатному дѣлу А между тѣмъ въ XV и въ XVI вѣкахъ (до 70-хъ годовъ) славянское и русское книгопечатаніе исключительно посвящено церковнымъ и душеспасительнымъ книгамъ; многіе изъ славянскихъ и русскихъ книгопечатниковъ были духовными лицами и монахами. Кромѣ богослужебныхъ книгъ, особенно громадное значеніе и въ Европѣ и у славянъ имѣло изданіе Библіи какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и на народныхъ языкахъ Европы. Эта печатная европейская Библія вызвала въ сѣверовосточной Россіи въ

концѣ XV в. великое дѣло архіеп. новгор. Геннадія, составившаго первую извѣстную намъ теперь славянскую Библію при помощи латинской печатной Библіи и старыхъ церковно-славянскихъ переводовъ многихъ, но не всѣхъ библейскихъ книгъ. Спустя 80 лѣтъ эта Геннадіевская библія была отпечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ Острогѣ въ типографіи князя Константина Константиновича Острожскаго, затѣмъ въ Москвѣ въ 1663 г., дошла и до насъ съ исправленіями. Опытъ Скорининскаго перевода Библіи съ чешской и изданіе ея въ печати былъ вытѣсненъ этой Геннадіевской библіей со времени ея начатанія въ Острогѣ. Библія въ XV и XVI вв. представляла самое высокое дѣло для книгопечатанія, оттого мы встрѣчаемъ такъ много изданій ея. Стоитъ только припомнить чешскія библіи, назначавшіяся не только для всѣхъ славянъ, библію Лютера въ великолѣпныхъ изданіяхъ, ученыя полиглотты съ латинскими комментаріями, чтобы понять, какое высокое дѣло, вызывавшее высшій энтузіазмъ и безкорыстную могучую дѣятельность, представлялось въ XV—XVI вв. въ печатаніи Библіи, въ распространеніи ея по Европѣ. Латинскія и нѣмецкія печатныя библіи уже около 1490 года доходятъ до Новгорода.

Итакъ, первопечатныя славянскія и русскія книги относятся, главнымъ образомъ, къ церковнымъ книгамъ, это Осмогласники — Октоихи, Часословы, Минеи и Тріоди, Евангелія, Псалтыри, и проч. Сербскіе первопечатники жалуются на истребленіе церковно-славянскихъ книгъ отъ турецкихъ разореній; русскіе книгопечатники указываютъ на порчу рукописныхъ книгъ невѣжественными переписчиками, и всѣ ждутъ отъ книгопечатанія великой пользы для церкви. Дѣйствительно, если мы сравнимъ рукописи съ печатными книгами, то увидимъ, что рукописные списки одного и того же оригинала расходятся въ отдѣльныхъ чтеніяхъ, между тѣмъ какъ печатные оттиски всѣ какъ одинъ оригиналъ; приготовленіе ихъ легче и занимаетъ несравненно меньше времени; въ одинъ годъ по старинному способу можно было однако приготовить нѣсколько сотъ книгъ. Церковно-славянскія книги расходились по всему православному славянству. Съ успѣхами книгопечатанія книга все болѣе удалялась отъ рукописи, и уже у Скорины мы видимъ въ этомъ отношеніи значительный успѣхъ: въ нѣкоторыхъ его книгахъ мы видимъ и заглавные листы, и счетъ по страницамъ, и раздѣленіе словъ. Въ этихъ успѣхахъ, какъ и въ самомъ началѣ славянскаго и русскаго книгопечатанія, надо

видѣть и вліяніе европейскаго искусства и самостоятельные опыты. Различныя отношенія славянскихъ и русскихъ типографій къ иностраннымъ видны уже изъ типографской терминологіи. Итальянскія названія отражаются не только у сербовъ, но и въ Москвѣ. Такъ черногорскіе первопечатники въ XV в., какъ и московскіе въ XVI, называютъ печатаніе—штампой, книги штампане: итальян. stampa; Сербы называютъ еще буквы—типари по гречески, какъ и названіе типографія, что объясняется присутствіемъ въ XV в. въ Венеціи множества грековъ, которые послѣ паденія Константинополя перенесли въ Италію плоды своей образованности. Венеція въ это время дѣлается центромъ греческой и славянской типографской дѣятельности. Въ XVI в. здѣсь печатаютъ свои книги чехи, сербы и болгары. Изъ Италіи, вмѣстѣ съ такими мастерами какъ Аристотель Фіоравенти и друг., прибываютъ въ Москву и итальянскіе мастера; и вотъ, въ московскомъ печатномъ дѣлѣ встрѣчаемъ такіе термины, какъ штамба, тимпанъ (рама), тередорщикъ (печатникъ tiratore, батырщикъ battitore) и проч. Между тѣмъ въ юго-западной Руси XVI в. распространяются нѣмецкіе термины: друкарня, друковать, варстатъ, друкарскій; только Скорина употребляетъ больше выраженій чешскихъ: тиснути вм. друковать. Когда мы говоримъ о вліяніи иностраннаго книгопечатанія на славянское и русское, мы должны не забывать также о славянской и русской самодѣятельности. Конечно, нехитрые въ то время еще приборы книгопечатанія заимствовались у иностранцевъ, но характеръ буквъ и украшеній принадлежалъ искусству славянъ и русскихъ. Среди первопечатныхъ шрифтовъ можно отличать первоначальные отъ подражательныхъ. Къ числу первоначальныхъ оригинальныхъ шрифтовъ принадлежатъ: Фѣоля, черногорскія, Скорины и первыя угровлахійскія; остальные шрифты и украшенія печатныхъ книгъ представляютъ въ большей или меньшей мѣрѣ подражанія первоначальнымъ славянскимъ типографіямъ. Поэтому и въ исторіи славянскаго и русскаго книгопечатанія должны имѣть особенное значеніе годы 1491, 1493 и 1517 и имена Фѣоля, Ивана Черноевича и Скорины, русскихъ и сербскихъ первопечатниковъ. Это дѣло было общимъ для всѣхъ православныхъ славянъ.

Первопечатныя церковно-славянскія книги расходились по всѣмъ далекимъ окраинамъ славянскаго міра и служили цѣлямъ духовнаго единенія въ новомъ культурномъ явленіи. Скромный черногорскій

праздникъ въ іюлѣ настоящаго года служилъ лучшимъ подтвержденіемъ этого вѣрнаго факта, который не требуетъ ни пышныхъ измышленныхъ фразъ, ни ложнаго отысканія въ исторіи современныхъ отношеній. Первые шаги церковно-славянскаго книгопечатанія, хотя и въ слабой степени, но напоминаютъ другое великое и болѣе древнее дѣло изобрѣтенія славянскихъ письменъ, связанное съ началомъ славянской и русской литературы. Книгопечатаніе послужило къ дальнѣйшему развитію этого дѣла. Вотъ почему такъ интересно начало славянскаго и русскаго книгопечатанія и такъ достойно воспоминаній, какія уже посвящались этому дѣлу въ Москвѣ въ 1864 г. по поводу выхода первой печатной книги и въ Черногоріи въ настоящемъ году.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О краковскихъ изданіяхъ Фѣоля 1491 г. *).

Замѣчательныя изданія Фѣоля 1491 г., какъ и вопросъ о личности ихъ издателя, все еще представляются спорными. Въ изслѣдованіи о „Докторѣ Франциск Скоринѣ", (Спб. 1888 г., стр. 21 и далѣе) я указывалъ на *русское* происхожденіе изданій Фѣоля. Но проф. А. И. Соболевскій въ критической статьѣ, посвященной моему изслѣдованію (Журн. Мин. Нар Пр., часть CCLIX, отд. 2, стр. 331—332), снова выступилъ съ мнѣніемъ о молдавскомъ или средне-болгарскомъ происхожденіи изданій Фѣоля. „Мы считаемъ позволительнымъ догадываться, говоритъ проф. Соболевскій, что этотъ заказъ (изданій Фѣоля) былъ сдѣланъ ему отъ одного изъ молдавскихъ господарей или бояръ. По крайней мѣрѣ, тотчасъ за изданіями Фѣоля съ текстами молдавской редакціи послѣдовали несомнѣнно молдавскія изданія (Евангеліе) Вегнера изъ Брашова конца XV или начала XVIв. и др.. а въ ближайшихъ къ Кракову мѣстахъ Южной Руси книгопечатаніе получило начало только съ прибытіемъ туда „москвича Ивана Ѳедорова" (слѣд. около 1575 г.). Такимъ образомъ для „москвича Ивана Ѳедорова" забытъ и Скорина 1517—1525 гг. и другіе западно-русскіе печатники до Ивана Ѳедорова. Я имѣлъ случай доказать связь изданій Скорины съ изданіями Фѣоля (изслѣдованіе о Скоринѣ, стр. 81—82), съ памятниками южно русской письменности, съ чѣмъ отчасти согласился со мной проф. Соболевскій (стр. 331). Но я не вижу никакой необходимости въ предположеніи о заказѣ Фѣолю молдавскихъ господарей или бояръ. Изданія Фѣоля въ типографскомъ отношеніи разнятся отъ изданій молдовлахійскихъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ южно-славянскимъ. Затѣмъ заказъ Фѣоля объ отливкѣ „русскихъ буквъ" по извѣстному договору его съ Рудольфомъ Борсдорфомъ указываетъ на цѣль изданія. Наконецъ особенности языка и нѣкоторыя подробности въ изданіяхъ Фѣоля убѣждаютъ въ ихъ назначеніи для русскихъ людей, жив-

*) Эта статья „О краковскихъ изданіяхъ Фѣоля 1491 г." была первоначально написана для сообщенія въ Филологическомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ и доложена мною въ засѣданіи 11 марта 1888 г. (см. напр. „Церковныя Вѣдомости, издаваемыя при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ" 1888 года № 15, стр. 426—427; здѣсь изложено вкратцѣ содержаніе моего сообщенія).

шихъ въ Польшѣ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ,—въ юго-западной Россіи.

Остановимся на этихъ особенностяхъ изданій Фѣоля. Начну съ „Часословца", о которомъ я уже сообщилъ нѣсколько данныхъ въ изслѣдованіи о Скоринѣ (стр. 25 и д.). Къ этимъ даннымъ я прибавлю еще слѣдующія. Въ болгарскихъ и молдавскихъ рукописяхъ, а позднѣе въ печатныхъ изданіяхъ, нѣтъ ни памятей русскихъ святыхъ (если и встрѣчаются, то рѣдко и только нѣкоторыя), ни нѣкоторыхъ праздниковъ (напр Покрова Богородицы—1-го октября, Перенесенія мощей св. Николая—9-го мая); наоборотъ, въ русскихъ рукописяхъ и изданіяхъ отсутствуютъ такіе встрѣчающіеся въ южно-славянскихъ мѣсяцесловахъ святые, какъ: 29-го окт. Арсеній Сербскій, 19-го окт. Іоаннъ Рыльскій, 21-го окт. Іоаннъ Меглинскій, 4 го янв Савва Сербскій, 13-го февр. Сумеонъ Сербскій, 16-го авг. Іоакимъ Сарандопорскій Всѣхъ этихъ святыхъ нѣтъ и въ изданіяхъ Фѣоля, въ частности—въ его Часословцѣ; и въ тоже время упомянуты не только Покровъ Богородицы, Перенесеніе мощей св. Николая, св. Борисъ и Глѣбъ, в. кн. Володимеръ, преп. Ѳеодосій Печерскій, но даже приведена подробная память 20-го декабря о преставленіи митрополита Петра всея Руси. Вотъ эта замѣчательная память: „Въ тъи дн҃ь (20 дек.) преставися. прес҃щеныи митрополить, петръ всея роуси. въ г҃ час. нощи влѣто ѕ҃ тысѧща. ѿлд҃. пасъ црковь бг҃ю лѣтъ ні҃ и мц҃ь. ѕ҃ и положень бы҃. въ градѣ москвѣ. въ ц҃ркви оуспенья ст҃я бц҃а, юже самь създаль. и подають исцѣленія чьстныя его мощи приходящим, съ вѣрою и до сего дни". Мансветовъ въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи о митр. Кипріанѣ (73 стр.) указалъ, что эта память составлена впервые митр. Кипріаномъ въ началѣ XV в, который написалъ и житіе митр. Петра, хотя послѣдній причтенъ къ лику святыхъ еще въ 1339 г., при митр. Ѳеогностѣ. Подобную же память со всѣми подробностями, какъ у Фѣоля, находимъ въ Часословѣ при Псалтири съ вослѣдованіемъ Москов. Синод. библ, конца XV в (по описанію Горскаго и Невоструева, № 406) Память эта могла дойти до южной Руси и даже до Кракова. въ которомъ въ XV в. жило много православныхъ русскихъ, подданныхъ польскаго короля, и даже была православная церковь, только изъ Москвы, гдѣ „мощи митр Петра подають исцѣленія, какъ выражается писавшій память москвичъ, и до сего дни". Быть можетъ, она дошла до Кракова въ Часословѣ, который былъ списанъ съ сѣверно русскаго оригинала, или съ московскаго Общія черты языка во всемъ Часословѣ, о которыхъ скажемъ дальше, даютъ прочную опору этому предположенію. Но остановимся еще на одной замѣчательной памяти подъ 14 февраля въ Часословѣ Фѣоля: „ст҃го оц҃а нашего, кирила еп҃па катаоньскаго, оучт҃ля словѣномь. и болгаромь. иже преложи *рускую* грамотоу. съ грече-

ское. и кръстиль словѣни и больгары". Отмѣтимъ здѣсь прежде всего ошибку. Кириллъ епископъ катанскій совсѣмъ другое лице: это ученикъ апостола Петра, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х.; память ему совершается 21-го марта. Замѣчательно, что ошибка эта повторяется почти во всѣхъ московскихъ святцахъ; между тѣмъ какъ въ древнихъ святцахъ и въ южно-славянскихъ отмѣчается память „преподобнаго отца нашего Константина философа, нареченнаго въ чрьнечествѣ именемъ Кирила". Особенное вниманіе къ вопросу о происхожденіи „русской грамоты" можетъ указывать на русскаго редактора ошибочной памяти, который, однако, удержался отъ приписыванія Кирилу и крещенія Руси въ виду вышеприведенной памяти в. кн. Владиміра, крестившаго землю Русскую. Въ упомянутой уже русской рукописи Псалтыри съ возслѣдованіемъ конца XV в. (Опис. ркп. Моск. Син. б. III, I, № 406) подъ 14 февр. читаемъ: „ст҃ого... кирила філософа еп҃па катанскаго, учителя словеном и блъгаром, иж прѣложи рѫскꙋѧ грамотѫ (обращаемъ вниманіе на удивительное умѣнье русскихъ писцевъ XV—XVI в. подражать средне-болгарскому правописанію, употреблять его въ русской письменности) съ греческыа, и кр҃тлъ словены и блъгары". За исключеніемъ выраженія „философа" все въ этой памяти совпадаетъ съ Часословомъ Фѣоля. Можно замѣтить только, что у Фѣоля память Кирила передана русскимъ языкомъ и правописаніемъ: „болгаромь, больгары, съ греческое грамоты", между тѣмъ какъ въ Псалтыри Москов. Синод. библ. конца XV в. вся память написана съ соблюденіемъ особенностей средне-болгарскаго правописанія. Среди праздниковъ и святыхъ въ мѣсяцесловѣ разсматриваемой Псалтыри упоминаются не только Ѳеодосій печерскій, в. кн. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Покровъ Богородицы и Перенесеніе мощей Николая, но и Сергій Радонежскій, Леонтій еп. Ростовскій и др. О правописаніи всей Псалтири Горскій и Невоструевъ замѣтили (и я раздѣляю вполнѣ этотъ выводъ, ознакомившись въ Москвѣ съ этой Псалтырью), что, несмотря на болгаризмы и сербизмы, въ общемъ—оно русское.

Итакъ приведенныя данныя изъ Часослова Фѣоля свидѣтельствуютъ о непосредственномъ отношеніи его къ русской редакціи. Въ остальныхъ изданіяхъ Фѣоля нѣтъ такихъ характеристическихъ особенностей какъ приведенныя. Но за то встрѣчаются такія же особенности въ языкѣ, въ правописаніи какъ и въ Часословѣ.

Въ нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ конца XV и начала XVI вѣка сохранились свидѣтельства о томъ, что трудъ типографщиковъ и переписчиковъ рукописей для печатанія строго различался: приготовлявшіе для печатанія рукописи просили прощенія у читателей за свои грѣхи—ошибки и предлагали исправлять ихъ, а не осуждать. Типографщики упоминались какъ трудившіеся „рукодѣліемъ". Въ лицѣ Фѣоля

мы видимъ преимущественно типографщика завершавшаго только дѣло оставшихся неизв стными лицъ, приготовлявшихъ рукописи къ печати Послѣсловія ничего не говорятъ объ этихъ лицахъ; но они свидѣтельствуютъ о русскихъ предпринимателяхъ и участникахъ въ дѣлѣ Ѳеоля. Если мы присмотримся внимательнѣе къ языку и правописанію этихъ краткихъ послѣсловій, то увидимъ, что русскій языкъ соединенъ здѣсь съ особенностями средне-болгарскаго правописанія.

Въ Тріодяхъ постной и цвѣтной находимъ въ послѣсловіяхъ такія же краткія выраженія о счетѣ листовъ какъ и при Часословѣ и Осмогласникѣ, но „имамъ“ напечатано съ ѫ вм. *ю*, „азъ, одинъ, листъ“, съ ъ. Такими особенностями средне-болгарскаго правописанія характеризуются многіе памятники XV, XVI вѣка, но особенности эти не могутъ служить еще свидѣтельствомъ о происхожденіи писцовъ и ихъ памятниковъ изъ южно-славянскихъ земель Лучшимъ свидѣтельствомъ тому могутъ служить замѣченные еще Востоковымъ передѣлки правописанія Скорины.

Занимаясь южно-русскими рукописями XV вѣка съ приписками, свидѣтельствующими о русскихъ писцахъ изъ Волыни и Галиціи, мы могли замѣтить особенное ихъ пристрастіе къ средне-болгарскому правописанію; тогда какъ писцы западной Россіи, Литвы, напр. изъ Вильны, держатся русскаго правописанія, какое господствуетъ и въ западно-русскихъ актахъ. Средне-болгарское правописаніе, какъ извѣстно, благодаря трудамъ м. Кипріана, связямъ съ Аѳономъ, распространяется съ конца XIV вѣка и въ сѣверо-восточной Россіи, преимущественно въ церковной литературѣ. Конечно, несмотря на это подражательное правописаніе въ русскихъ памятникахъ XV, XVI вв. всегда можно отмѣтить и русскія особенности языка. Тоже самое встрѣчается и въ памятникахъ южно-славянскихъ, переписанныхъ русскими писцами. Но здѣсь еще присоединяются ошибки писцовъ. Приведу примѣръ изъ Тріоди постной Ѳеоля:

Л. 290 б. „посла вое́воду въ въсѫ страня *оуже* подъ греческоѭ властїѭ“, здѣсь писецъ перемѣнилъ ѫ поставленный вмѣсто ѧ, (или ѩже, яже) на *оу* по русски.

Обращаемся къ русскимъ особенностямъ въ языкѣ и въ правописаніи изданій Ѳеоля, причемъ остановимся сначала на Часословѣ и Осмогласникѣ. Замѣтимъ, что въ Часословѣ кромѣ массы русскихъ формъ, отмѣченныхъ нами въ изслѣдованіи о Скоринѣ (стр 25—26), встрѣчаемъ такія исключительныя сѣверно-великорусскія особенности, какъ мѣну ч и ц: л. 113 об. „оуценици“, л. 144 „вѣнченосицю“.

Въ Часословѣ въ чтеніяхъ изъ Евангелія и Апостола встрѣчается такая же мѣна предлоговъ *въ* и *у*, какъ и въ послѣсловіи „оу градѣ оу Краковѣ“: живь бѫде у вѣкы, се творите оу мое въспоминаніе, аще пьете у

мое вспоминаніе, смерть гн҃ю оуспоминаеть; сего ради оу (вм. „въ") вась мнозии немощнии". Въ Осмогласникѣ л. 29 „оуказано оупръвомь гласѣ" (киноварью). Въ концѣ Осмогласника у Фѣоля присоединены слѣдующія статьи, о которыхъ однако ничего не говорятъ самыя подробныя библіографическія описанія старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ (напр. извѣстное послѣднее изданіе Каратаева):

1) „Слово ст҃го ефрѣма ѿца҃ ги бл҃гослови Оче҃: Помыслите братіа и съдръгнѣтесѧ чл҃ци какъ страхь. ѿвѣть хоще^м^ приѧти на ѡно^м^ свѣтѣ. въ дн҃ь сѫдныи страшныи". — 2) „О погибели и о слабости. Охь мнѣ оубогомоу како пръвие оусплачюсѧ". — 3) „Слово како подобаеть родителема казнити чада своѧ: — Казни сн҃а своего ѿ оуности его. ипокоить тѧ на старость твою". — 4) „Слово ст҃ого іоана златоустаго гн҃ благослови О ч҃е прочести: — Помыслите братие. каковъ страхь имѣти на ѡномь свѣтѣ".

Въ этихъ статьяхъ, среди другихъ русскихъ особенностей правописанія, можно отмѣтить, какъ и въ Часословѣ: „идеть оу церковь; держить челѧдь свою оу ноужи; ити оу свѧтую церковь; поидемь оу землю; творихомь оу житіи семь; оупишите въ глоубиноу; въ блоуды оупадаеть, оусплачюсѧ; въкоризна; повченіа̀ повчитесѧ".

Отсутствіе такихъ особенностей въ другихъ изданіяхъ Фѣоля (быть можетъ они современемъ найдутся) и здѣсь можетъ свидѣтельствовать о томъ, что Часословъ и Осмогласникъ болѣе всего связаны съ русскими памятниками: Часословъ — съ памятниками сѣверовосточной Руси, а Осмогласникъ — юго-западной. Въ языкѣ Часослова можно отмѣтить такія рѣзкія русскія особенности, какъ полногласіе: „володимера, оболоксѧ", какъ въ послѣсловіяхъ: „короля казиміра"; далѣе ч=шт: „твою помо^ч^" и 1 л. множ. ч. глаголовъ на мо: „придѣте вси въспоимо" (Часословецъ, листы 166 и 262 б) — особенность рѣчи юго-западной Руси.

Однако и въ Тріодяхъ Фѣоля встрѣчаются черты русскаго правописанія и языка. Таковы частыя замѣны старославянскихъ ѫ буквой *оу*, ѧ — а, я и др. Но мы остановимся теперь на отношеніи среднеболгарскаго правописанія во всѣхъ изданіяхъ Фѣоля къ отступленіямъ въ сторону русскаго языка.

На концѣ словъ вм ъ часто встрѣчаемъ ь; но можно отмѣтить много примѣровъ и съ ъ: хлѣбъ, бъ҃, бымъ; предлоги *въ*, *съ*, *къ*. Эти же предлоги часто встрѣчаются въ формѣ: во, со, ко. Въ суффиксахъ ь часто замѣняется *е*: богатество, воинество, единество, іильтескымь, рожешагосѧ. Въ срединѣ словъ: человѣкь, весь, съмеръть, перъвѣнець, первозданнаго, терьпѣние и даже — „ѡкрывавивь" (Тріодь постная, 155 б.), какъ въ памятникахъ юго-западной Руси: кривавыи, крывавыи.

ѧ, ѧ. Въ памятникахъ чисто средне-болгарскихъ ѧ—большой *онъ* употребляется чаще всего вмѣсто ѧ и наоборотъ, такъ что 1 л глаголовъ ед. ч. имѣетъ напр окончаніе съ ѧ—енѣ, а 3 л. множ. ч. аориста съ ѧ—онъ. Но рядомъ съ такими примѣрами часто мы встрѣчаемъ у Фѣоля 1 л. по русски *у*, *ю*; а 3 л. мн. ч. также на *а*, ѧ; *оу*, *ю* встрѣчаемъ часто и въ склоненіи существительныхъ и прилагательныхъ на мѣстѣ древняго ѧ—доушоу, чашю, вселенѣю. Тоже въ срединѣ и въ началѣ словъ: соуще, соущество, оутробы (рядомъ съ ѧ, ѧ).

Рядомъ съ *ъ*, стоящимъ на мѣстѣ *а*, *я* род. „црѣ, мытарѣ" встрѣчаемъ „трава, всѧкь въсѧкого". Различіе *ѧ* и *и* большею частію соблюдается по русски: „быти", „обиде мѧ" и тутъ же „обиде мѧ". Въ отдѣлѣ согласныхъ можно привести массу примѣровъ *ж*=*жд*: надежа, одежа, рожество рожаеть, межи, межю, рядомъ съ „между".

Изъ всего сказаннаго нами можно вывести слѣдующія заключенія. Изданія Фѣоля, для которыхъ заказывались „русскія буквы", и назначались преимущественно для русскихъ. Послѣдніе находились въ числѣ помощниковъ Фѣоля. Если это были, между прочимъ, переписчики, то несомнѣнно они держались нѣкоторыхъ особенностей средне-болгарскаго правописанія, которымъ характеризуются и послѣсловія. Въ рукахъ русскихъ сотрудниковъ Фѣоля находились рукописи сѣверо-восточной Россіи, но, быть можетъ, уже ранѣе перешедшія въ южную Русь въ концѣ XIV, въ началѣ XV вѣка, затѣмъ рукописи южно русскія, какъ слова, прибавленныя къ Осмогласнику и рукописи, списанныя съ южно-славянскихъ оригиналовъ русскими переписчиками. Едвали при этомъ необходимо припоминать царствованіе Казиміра в. к. литовскаго и короля польскаго, умершаго въ 1492 году, митрополита западно-русскаго Іону Глезну (1490+1494), котораго любилъ и уважалъ король Казиміръ. Гораздо больше значенія можно придавать предположенію Бандтке о литовскихъ патронахъ православныхъ, которые могли поддерживать дѣло изданія церковно-славянскихъ книгъ въ столицѣ Польши Краковѣ. Эти книги были изъ первыхъ не только среди церковно славянскихъ изданій, но и среди польскихъ изданій, выходившихъ сначала заграницей и только одновременно съ Фѣолемъ вышедшихъ и изъ краковскихъ типографій Но это были сначала книги латинскія, къ которымъ въ началѣ XVI вѣка стали присоединяться и польскіе тексты.

II. Замѣтки и дополненія къ изслѣдованію о докторѣ Францискѣ Скоринѣ.

Мы желали бы здѣсь прежде всего остановиться на разнообразныхъ возраженіяхъ, сдѣланныхъ нѣсколькими почтенными критиками на нашу книгу о докторѣ Францискѣ Скоринѣ (Спб. 1888 г.), начиная съ ея появленія въ пе-

чати и до послѣдняго времени, оставляя однако въ сторонѣ такія рѣзкія и пристрастныя сужденія, какъ высказанныя: въ „Вѣстникѣ Славянства" 1888 г., 1 вып., или особенно въ Kwartalnik'ѣ Historyczn'омъ, 1889 г., стр. 490—492, статья М Станкевича [1]). Чтобы не повторять того, что уже находится въ нашемъ изслѣдованіи и отвести здѣсь болѣе мѣста нѣкоторымъ новымъ даннымъ о Скоринѣ, мы будетъ по возможности кратки. Начнемъ съ статьи проф А. И Соболевскаго (Журн. Мин. Нар. Пр., часть CCLIX, отд. 2). На стр. 327, прим. критикъ полагаетъ, что Скорина „не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ славянскихъ ветхозавѣтныхъ текстовъ кромѣ Псалтыри и *Паремейника*". Если бы почтенный критикъ сравнилъ краткій составъ немногихъ избранныхъ чтеній въ Паремейникѣ съ заимствованіями Скорины изъ многочисленныхъ и разныхъ мѣстъ ветхо-завѣтныхъ книгъ у Скорины, то не пришелъ бы къ этому заключенію. Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія въ печати труда, предпринятаго проф. Р. Ѳ. Брандтомъ по изданію Григоровичева Паремейника (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., 1894 г., кн I). Кто знакомъ съ составомъ Паремейниковъ, ожидающихъ еще своего изслѣдователя, тотъ знаетъ, что въ нихъ помѣщаются только немногія избранныя главы изъ нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ. Откуда же бралъ Скорина церковно-славянскій текстъ библейскихъ книгъ для главъ, ненаходящихся въ Паремейникахъ? Конечно изъ тѣхъ нерѣдкихъ, хотя и неполныхъ списковъ библейскихъ книгъ, какъ отмѣченный нами „Десятоглавъ" начала XV в. и др. Но самое главное возраженіе проф. Соболевскаго касается моего мнѣнія о томъ, что Скорина придалъ языку своихъ изданій западно-русскую форму, что онъ вводилъ много русскихъ выраженій въ текстъ своихъ библейскихъ книжекъ, нѣкоторыя изъ которыхъ даже прямо перевелъ съ чешскаго языка По мнѣнію проф. Соболевскаго Скорина издавалъ библейскія книги на славянскомъ языкѣ (стр. 328). Почтенный критикъ особенно сильно подчеркиваетъ эту „неправильность" моего взгляда. Но этотъ упрекъ объясняется недоразумѣніемъ. Прежде всего, припомнимъ, что „Очерки изъ исторіи *русскаго* язы-

---

[1]) Кромѣ этихъ статей нашей книгѣ о Скоринѣ посвящены еще слѣдующія статьи: Вѣстникъ Европы 1888, май; Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, окт. (критика проф. А. И. Соболевскаго); Casopis Musea Královstvi Ceského 1888; Ataeneum, 1888; Филологическія Записки, 1888, V; Русскій Филологич. Вѣстн. 1888, I; Минскія Губернскія Вѣдомости, 1888; Кіевская Старина, 1889 февр.; Archiv für Slavische Philologie, 1889 г. (большая статья М. М. Мурка: Zûr rûss. Literatûrgeschichte; критикъ разсматриваетъ здѣсь и нѣкоторыя мои предшествующія работы: о Великомъ Зерцалѣ, и др.); Отчетъ о 32 присужденіи наградъ графа Уварова (критика проф. А. С. Будиловича); Исторія русской этнографіи А. Н Пыпина, т. IV, стр. 139 и д.; Е. Ѳ. Карскій: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Бѣлорусской рѣчи, 1893 г., и друг. Пользуемся случаемъ выразить благодарность нашимъ критикамъ и рецензентамъ.

ка" (1884 г.) самого критика основаны на изученіи богослужебныхъ книгъ т. н. галицко-волынской письменности съ XII в. Но развѣ можно сравнивать этотъ „русскій языкъ" галицко-волынскихъ памятниковъ съ „русскимъ языкомъ" Скорины, переполненнымъ массой русскихъ выраженій? Ссылаюсь на мое изслѣдованіе о Скоринѣ со стороны его перевода, языка и словаря Не останавливаясь на всѣхъ другихъ замѣчаніяхъ почтеннаго критика, скажу еще о напрасномъ пожеланіи сравненія библіи Скорины съ польской библіей Шарошпатацкой или т. н. Biblia królowej Zofii. Мы это сдѣлали раньше критики и пришли къ выводу, что Шарошпатацкая библія такъ же основана на чешскомъ оригиналѣ, какъ библія Скорины. Слѣдовательно, ихъ совпаденія объясняются общимъ источникомъ, а не взаимнымъ вліяніемъ.

Не будемъ останавливаться на другомъ крупномъ замѣчаніи, примыкающемъ къ приведенному возраженію проф. Соболевскаго, объ отношеніи языка Скорины къ бѣлорусскому нарѣчію. Е. Ѳ. Карскій въ недавно появившемся трудѣ своемъ „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи" (Варшава, 1893 г.) соединилъ результаты моего изслѣдованія съ своими многочисленными данными изъ живой бѣлорусской рѣчи и изъ старпинаго западно-русскаго языка,—чѣмъ и показалъ отношеніе языка Скорины къ бѣлорусскому нарѣчію, такъ что мнѣ теперь незачѣмъ уже останавливаться на прошломъ крупномъ возраженіи, которое было сдѣлано почтенными критиками (проф. А. С. Будиловичемъ въ Отчетѣ о 32 присужд. наградъ гр. Уварова и М. М. Мурко въ Archiv'ѣ für Slavische Philologie, 1889 г).

Оставляя въ сторонѣ другія замѣчанія критиковъ, перехожу къ дополненіямъ моего изслѣдованія о Скоринѣ. На стр 222 и далѣе мнѣ пришлось упомянуть о замѣчательной рукописи библейскихъ книгъ 1596 г. (должно быть: 1569 г.), написанной „повѣленіемъ Луки въ неславнемъ градѣ Тернополѣ". Прошлымъ лѣтомъ я имѣлъ случай познакомиться съ этой рукописью въ Варшавѣ, въ библіотекѣ гр. Красинскихъ[1]) И по правописанію и по тексту библейскія книги Луки изъ Тернополя вполнѣ сходны съ библейскими книгами Свято-Онуфріевскаго монастыря и Погодина, описанными Головацкимъ и мною въ изслѣдованіи о Скоринѣ (стр. 221 и далѣе), съ рукописью, раздѣленной на двѣ части (одна во Львовской библіотекѣ, другая въ Петербургской), но представляющей одинъ и тотъ же памятникъ, писанный въ 70-хъ годахъ XVI в. въ городѣ Маначинѣ То, что я сказалъ объ отношеніи этой рукописи къ трудамъ Скорины, (о непосредственной связи ихъ) вполнѣ относится и къ рукописи Луки изъ Тернополя. Но въ послѣдней есть нѣсколько такихъ библ-

[1]) Пользуемся случаемъ выразить благодарность помощнику библіотекаря ординаціи гр. Красинскихъ, г. З. Вольскому.

лейскихъ книгъ, которыхъ недостаетъ въ предыдущей (Львовской и Погодинской). Такова прежде всего Псалтирь, въ которой находимъ всѣ особенности чтеній, принятыхъ Скориною, и даже съ повтореніемъ его ошибокъ (см. въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ, стр. 87—96),—что окончательно убѣждаетъ въ происхожденіи и рукописи Луки изъ Тернополя изъ рукописныхъ и печатныхъ трудовъ Скорины, получившихъ значительное распространеніе въ XVI—XVII вв. Въ спискѣ Луки переписаны и многія предисловія Скорины, но имя его опущено, какъ и въ другихъ извѣстныхъ намъ спискахъ XVI в. Мы не будемъ приводить всѣхъ повтореній особенностей Скорининскаго текста и укажемъ только, напримѣръ, изъ книги „Премудрость" XIX, 6 (см. въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ стр. 139) ошибку Скорины „послухаючи", переданную въ правописаніи Луки—„послоухаѭчи". Вообще правописаніе Луки изъ Тернополя 1569 г. тоже, что Іоанна изъ Маначина 1573—76 гг. Наше предположеніе о полномъ переводѣ Библіи Скориною подтверждается оглавленіемъ всей Библіи подъ названіями—„порядокъ книгъ стараго закона; порядокъ книгъ новаго закона" въ рукописи Луки изъ Тернополя и лишними книгами ветхаго завѣта, неизвѣстными ни среди печатныхъ изданій Скорины, ни среди другихъ рукописныхъ списковъ.

Приведемъ въ заключеніе запись Луки въ концѣ Пятокнижія Моисея: „Доконаны сѫть пятеры книги моѵсеовы еже ѿ евреи называются ельгадворимь. А по гречески девтерономось Полатинѣ же секоунда лексъ моѵси. Пороускиже вторыи законь. Божіею помощію повеленіемь же и пилностію хоудаг(о) чл҃ка на имя Лоуки въ неславнѣмь же градѣ Тернополи по воплощеніи Слова бж҃іа ѿ прч҃стыа дв҃ы мр҃іа лѣта тисящьного пятсотного шестьдесят девятог(о)."

Позволю себѣ еще прибавить двѣ замѣтки по поводу моего изслѣдованія о Скоринѣ: о названіяхъ „Россія" (см. у меня, ч I. гл. 1 „Общее состояніе нравственной и умственной жизни въ юго-западной Россіи"), которое не понравилось рецензенту моей книги въ Kwartalnik'ѣ Historyczn'омъ[1]), и „братия моя Русь люди посполитые" въ которомъ я усматривалъ назначеніе Скорининскихъ изданій для западно-русскихъ горожанъ (мѣщанъ). Вотъ еще доказательства Въ грамотѣ 1387 г. Кипріанъ именуется „Кипріанъ митрополитъ кыевскыи и всея Рѡсія"; въ Псалтири 1593 г., изданной въ Вильнѣ Мамоничами, указывается ея назначеніе „православному народу закону греческаго языка, словенскаго или *російскаго*". Въ грамотѣ 1553 г. изъ Полоцка въ Ригу бурмистры и рядцы посылаютъ „*братью свою*" Еско Скорину а Гаврила Олексеевича" (Русско-Ливонскіе акты, стр. 380).

---

[1]) Kwartalnik Hist. 1889 г., 491 стр.: „p. W (ladimirow) język, na który Skoryna tłómaczył pismo sw., nazywa językiem „*russkim*", co w znaczeniu polskiem równa się *rossyjski*; a kraj, gdzie czytano książki jego „zapadnaja „*Rossija*"!.. Wszystko to nie potrzebuje komentarza," и проч.

III. О московскихъ первопечатныхъ Евангеліяхъ до 1564 г.

Долгое время первой книгой, вышедшей изъ первой московской типографіи, считался Апостолъ 1564 г., въ послѣсловіи котораго основаніе самой типографіи въ Москвѣ отнесено къ 1553 г. Кромѣ того, въ старинномъ „Сказаніи" о началѣ московскаго книгопечатанія говорится, что „нѣцыи малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги" ранѣе извѣстныхъ первопечатниковъ московскихъ Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца. Въ „Трудахъ III Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г.", А. Е. Викторовъ впервые указалъ на нѣсколько Евангелій безъ выходовъ и на Тріоди, какъ на ясныя свидѣтельства, что „въ Москвѣ было книгопечатаніе прежде первопечатнаго Апостола 1564 г." (см. его сообщеніе во 2 томѣ Трудовъ III Археол. Съѣзда, стр 211—220). Викторовъ прекрасно доказалъ неправильное приписываніе этихъ изданій южно-славянскимъ или угро-влахійскимъ типографіямъ, какъ думали прежде. Первое Евангеліе въ Москвѣ съ выходомъ явилось только въ началѣ XVII ст, а между тѣмъ уже Тяпинскій, около 1570 г. ссылается въ своемъ западно-русскомъ изданіи Евангелія на „недавно друкованное Московское Евангеліе". Послѣ Викторова на различіе двухъ Евангелій безъ выходовъ, но со всѣми признаками первоначальной московской печати, обратилъ вниманіе архимандритъ Леонидъ въ 1882 г. „Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1568 г." (Памятники древней письменности и искусства). На любопытный вопросъ,—откуда явилось типографское искусство въ Москву, Леонидъ справедливо высказалъ предположеніе о вліяніи виленской типографіи Скорины 1525 г., что подтверждается и свидѣтельствомъ Флетчера (стр. 15—16 Памятниковъ др. письм. 1882 г.). Но, конечно, это отношеніе должно быть ограничено и другими отношеніями къ западно-европейскому типографскому искусству, преимущественно итальянскому Извѣстно, что попытки вызвать въ Москву изъ Европы типографщиковъ дѣлались нѣсколько разъ; но встрѣчались препятствія, преимущественно вѣроисповѣдныя. Въ этомъ отношеніи русскіе изъ Польши и Литвы,—изъ юго-западной Россіи, заводившіе уже у себя типографіи, являлись такими же необходимыми посредниками, какъ и въ дѣлѣ развитія образованія и литературы въ Московскомъ государствѣ XVII в. Западно-русскіе печатники изъ Скориниской виленской типографіи, послѣ ея прекращенія въ Вильнѣ, могли возобновить типографскую дѣятельность въ другихъ мѣстахъ юго-западной Руси, напр. въ Несвижѣ, въ кочевыхъ типографіяхъ, въ изданіяхъ которыхъ мы находимъ подражаніе шрифту Скорины и даже повтореніе нѣкоторыхъ его буквъ и украшеній (см. въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ, стр. 201 и далѣе). Привезу здѣсь еще

одно доказательство тому, что вліяніе западно-русскихъ типографій, связанныхъ съ Скорининской, отразилось и въ первопечатныхъ московскихъ изданіяхъ. Въ извѣстной библіотекѣ Хлудова (нынѣ находящейся въ Московскомъ единовѣрческомъ Никольскомъ монастырѣ) среди старопечатныхъ книгъ находится Евангеліе, описанное у А. Попова (Описаніе рукописей и Каталогъ книгъ церковной печати, 1872 г., стр. 3 „Каталога," № 15): „Евангеліе, безъ выхода, печать близка къ Несвижской, около 1560 года, 325 л." Мы сравнивали это Евангеліе съ замѣчательнымъ старопечатнымъ Евангеліемъ, также безъ выхода, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, № 11 (описано у Каратаева, № 64). Оба эти Евангелія несомнѣнно напечатаны въ Москвѣ, между 1553 и 1563 гг., такъ какъ сходны съ описанными Викторовымъ и Леонидомъ. Но есть между ними и различіе, преимущественно въ шрифтахъ, украшеніяхъ и въ расположеніи строкъ. Эти отличія всего лучше подтверждаютъ замѣчаніе Викторова о томъ, что первопечатныя изданія московской типографіи представляютъ постепенное развитіе въ прогрессѣ усовершенствованія печатанія, результатомъ котораго явился выпущенный съ выходными листами Апостолъ 1564 г. Хлудовское Евангеліе было напечатано еще подражательнымъ шрифтомъ—Несвижскому, сходному съ Скорининскимъ. Слѣдующія Евангелія были напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ и болѣе аккуратно. Затѣмъ уже шрифтъ и украшенія въ болѣе совершенномъ видѣ являются въ Апостолѣ 1564 г. Въ этомъ усовершенствованіи могли принимать участіе иностранные мастера, преимущественно итальянцы, которые были вызваны въ Москву для разныхъ работъ. Отмѣчу нѣкоторыя отличія Хлудовскаго Евангелія отъ Академическаго и другихъ старопечатныхъ Евангелій. Въ Евангеліи отъ Матѳея, зачало 4: „ѿшедшемже имъ" (Академіи Наукъ, № 11) „ѿшедшимже имъ" (Хлудовское; эту же форму приводитъ и Тяпинскій изъ московскаго недавно друкованнаго Евангелія). Въ виленскомъ Евангеліи 1600 года „ѿшедъшемъ же имъ". Замѣчателенъ еще пропускъ слова „весь" въ концѣ 77 зачала отъ Матѳея: „дондеже воздастъ долгъ свой" (въ Академ. Еванг.). Этотъ пропускъ находится и въ Синодальномъ спискѣ Геннадіевской Библіи 1499 г. А уже замѣчено, что одно изъ этихъ Евангелій повторяетъ ошибки и описки изъ русскаго списка Геннадіевской Библіи, что служитъ лучшимъ доказательствомъ московскаго происхожденія разсматриваемыхъ печатныхъ Евангелій, а не южно-славянскаго, какъ думали прежде

П. Владиміровъ.

Крымскія шертныя грамоты.

I.

Въ исторіи отношеній Россіи къ татарскому міру замѣтно различаются два періода: въ первое время Русь находится въ зависисти предъ Золотою Ордой, при трудныхъ условіяхъ собирается съ силами для государственнаго объединенія и для сверженія чужой власти; во второмъ періодѣ Россія, собравшись и освободясь отъ этой чужой власти, тотчасъ же стремится подчинить своему вліянію степной міръ татарскій, или по крайней мѣрѣ сдѣлать наименѣе вреднымъ для себя сосѣдство его, хищныя стремленія.

Государствованіе Іоанна III Васильевича составляетъ границу этихъ двухъ періодовъ историческихъ.

Соотвѣтственно двумъ періодамъ татарскихъ отношеній—зависимыхъ и подчиняющихъ—имѣемъ двоякаго рода источники историческіе. Для перваго наиболѣе важны лѣтописи и сказанія, обильныя числомъ, богатыя содержаніемъ, говорящія трогательно, хотя не безъ преувеличенія о бѣдствіяхъ земли, объ униженіи князей; для второго періода весьма важны посольскія книги и документы, въ коихъ дѣловито и высокимъ тономъ изображается успѣхъ русской дипломатіи въ отношеніи степнаго мира, достигаемый, правда, не безъ колебаній и временныхъ неудачъ, но въ цѣломъ вообще несомнѣнный успѣхъ, всё больше возрастающій. Не меньше интересными и прямо характерными для перваго періода являются жалованные ханскіе *ярлыки*, а для втораго—*шерти*, или *шертныя грамоты*, т. е., присяжныя грамоты татарскихъ хановъ на вѣрную службу или же на соблюденіе извѣстныхъ обязательствъ предъ московскими государями.

Разница весьма значительная: въ первое время ханы жалуютъ ярлыки русскимъ князьямъ и духовенству; въ послѣдующее время они сами, по требованію русскихъ государей, даютъ имъ присяжныя грамоты на службу! Вотъ почему ярлыки и шерти—повторимъ—въ особенности характеризуютъ два періода отношеній русскихъ къ татарамъ, сразу отличая одинъ періодъ отъ другого.

Есть ещё разница между ярлыками и шертями въ отношеніи внѣшней судьбы ихъ. Ярлыки временъ Золотой Орды сохранились въ небольшомъ количествѣ,—всего семь ярлыковъ, жалованныхъ ханами русскимъ митрополитамъ, но ни одного ярлыка, жалованнаго русскимъ князьямъ: можетъ быть ихъ берегли не такъ тщательно; можетъ быть они непріятно напоминали время постыдной зависимости предъ Золотою Ордой; вѣрно то, что со временемъ жалованные князьямъ ханскіе ярлыки такъ изветшали по языку и письму, что въ Посольскомъ Приказѣ XVI-го вѣка не могли уже читать ихъ; такъ въ описи царскаго архива времени Іоанна Грознаго отмѣчено: „ящикъ 148-й, а въ немъ дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей, переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ“ [1]). Иное дѣло шертныя грамоты: памятники болѣе новаго происхожденія, онѣ сохранились гораздо въ большемъ количествѣ; ихъ больше и сберегали ради практической ихъ надобности.

Шертныя грамоты были взимаемы отъ царей крымскихъ и астраханскихъ, отъ казанскихъ царей и касимовскихъ, отъ ногайскихъ князей и мурзъ, отъ калмыцкихъ тайшей, отъ сибирскихъ владѣтелей, причемъ сила шерти распространялась на всѣхъ жителей извѣст-

---

[1]) I. Акты Археограф. Эксп., I, стр. 345. Ср. тамъ же отмѣтки о содержаніи ящиковъ № № 50 и 171. О судьбѣ древнихъ документовъ, хранившихся въ казнѣ московскихъ государей, интересно слѣдующее мѣсто въ договорной записи князя Дмитрія Юрьевича Шемяки съ другими удѣльными князьями: „а что есия понимали во князя великаго казнѣ грамоты докончальные, и ярлыки, и дефтери, и иные какіе грамоты, и намъ тѣ грамоты всѣ отдати, по цѣлованію“. (Собр. Гос. Гр. и Догов., I, стр. 150. Ср. стр. 148, гдѣ такое же обязательство князя можайскаго Ивана Андреевича). Всѣ ли грамоты, захваченныя удѣльными князьями, воротились въ казну великокняжескую, неизвѣстно; большая часть, конечно, воротилась.

Объ ярлыкахъ имѣется прекрасная монографія В. Григорьева: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами золотой Орды русскому духовенству“, Истор. филологич. изслѣдованіе, Москва 1842.—Очень желательна такая же историко-филологическая монографія о шертяхъ кого-нибудь изъ ученыхъ нашихъ оріенталистовъ.

наго царства или земли [1]). Наиболѣе многочисленны и типичны суть крымскія шертныя грамоты: за время XV—XVII вѣковъ ихъ сохранилось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. значительное количество какъ въ подлинникахъ татарскихъ, такъ и въ русскихъ переводахъ и спискахъ, частію вставленныхъ въ посольскія книги, частію хранимыхъ въ видѣ отдѣльныхъ документовъ и копій, расположенныхъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, описанныхъ въ особыхъ реестрахъ архивныхъ. Такъ какъ подлинныя татарскія грамоты были писаны въ Крыму обыкновенно по русскому образцовому списку, присланному изъ Московскаго Посольскаго Приказа, такъ что для ханской канцеляріи оставалось только перевести по-татарски этотъ русскій списокъ, прибавя заглавные титулы да заключительныя формулы и скрѣпя документы печатью, то русскія и татарскія грамоты оказываются весьма сходными по содержанію и по слогу; переводчики и толмачи Посольскаго Приказа очень хорошо усвоили разъ навсегда стиль шертныхъ грамотъ, писавшихся почти въ одной и той же формѣ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такимъ образомъ русскія грамоты по содержанію и по значенію не уступаютъ татарскимъ подлинникамъ; онѣ даже преимуществуютъ предъ ними, ибо крымскія шерти были простымъ переводомъ съ русскихъ образцовыхъ записей. Къ сожалѣнію, подлинныя крымскія шерти, печатно изданныя Академіей Наукъ, доступны для пользованія только небольшему кружку оріенталистовъ; пусть онѣ по содержанію очень близки къ русскимъ спискамъ и переводамъ, но найдутся, конечно, въ тѣхъ и другихъ важные оттѣнки различія, что касается, напримѣръ, понятія денежной дачи, посылавшейся изъ Москвы въ Крымъ: было бы поэтому важно сравнить татарскіе и русскіе тексты старыхъ переводовъ приказныхъ, а подлинный татарскій текстъ перевести вновь современнымъ русскимъ языкомъ. Относительно русскихъ шертныхъ грамотъ можно пожелать, чтобы онѣ

[1]) Въ упомянутой описи царскаго архива XVI в. называются шертныя грамоты разныхъ татарскихъ владѣтелей, а именно, крымскія, казанскія, какъ это видно по отмѣткамъ про ящики Архива подъ №№ 12—16; 33; 52; 58; 88—89; 101; 105; 135; 153; 201; 203; 217. Въ ящикѣ подъ № 187 называется еще шертный списокъ какого-то Тенехмата князя. (Ак. Археогр. Эксп., I, № 189).

Образцы шертныхъ грамотъ въ Собр. Гос. Гр. и Догов., ч. II, №№ 26; 27; 45 (запись сибирскаго царя Кучюма); 265; ч. III, №№ 145 и 181; ч. IV, №№ 21; 184 и 197. О крымскихъ собственно шертяхъ смотр. слѣдующее примѣчаніе.

болѣе тщательно и сполна въ одномъ сборникѣ были изданы вновь; впрочемъ, до времени можно довольствоваться и существующими изданіями крымскихъ шертныхъ грамотъ на русскомъ языкѣ и записей шертныхъ XV—XVII вѣковъ [1]).

Каково же было значеніе крымскихъ шертныхъ грамотъ, писанныхъ подъ диктовку Московскаго Посольскаго Приказа? Что требовалось ими отъ Крыма, и что достигалось?

Слово „шерть“ производятъ отъ арабскаго „*шэртъ*“, означающаго „условіе, договоръ“, потомъ въ татарское время принявшаго у насъ значеніе „клятвы, присяги“ [2]). По-русски „шерть“ замѣнялось словами, „правда, рота“, „крѣпостная, ротная грамота“, либо оставалось вовсе безъ перевода, какъ достаточно извѣстное по смыслу слово, какъ понятіе опредѣленнаго содержанія, не то что, напримѣръ, „ярлыкъ“, получившее у насъ широкій неопредѣленный смыслъ всякой вообще грамоты, всякаго письма отъ татаръ, или къ татарамъ [3]). Въ этомъ широкомъ смыслѣ слово „ярлыкъ“ употреблялось, въ переходную пору татарскихъ отношеній, въ концѣ XV-го вѣка, и вмѣсто „шерти“, либо съ прибавкой: „докончальный ярлыкъ, шертный ярлыкъ“. Такъ въ наказѣ послу Никитѣ Беклемишеву, ѣхавшему въ Крымъ къ царю Менгли-Гирею, говорилось: „просити ярлыка докончальнаго по списку... А большое бы царь пожаловалъ — шерть далъ на томъ ярлыкѣ великому князю... Малогодь царь роты не дастъ, а ярлыкъ дастъ, ино Микитѣ ярлыкъ взяти и безъ роты“.

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, извлеченные по распоряженію И. Академіи Наукъ изъ Моск. Глав. Архива М. И. Д. Издалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, дѣйств. членъ И. Ак. Наукъ. СПБ. 1864.—Собр. Гос. Гр. и Догов., ч. V, №№ 1; 4; 55; 86; 101; 107.—Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи, томъ I, №№ 140; 178; 469; 479; 518; т. II, №№ 854; 896; 950; 1598; т. III. № 1435.—Дипломатическое приложеніе къ статьѣ А. Ѳ. Малиновскаго въ „Запискахъ Одес. Общ. Истор. и Древн.“ т. V.—Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI—XVII вв. Изданіе Ѳ. Лашкова. Симферополь, 1891. (Прежде напечатано въ „Изв. Таврическ. Учен. Архив. Коммиссіи“, №№ 9—12). Послѣднее изданіе очень полезное, представляющее довольно полный сборникъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворительно въ отношеніи корректурномъ.

[2]) Журн. М. Н. П. 1890, февр. стр. 390. (Замѣтка Н. И. Веселовскаго). Г. Лашковъ замѣчаетъ, что въ Крыму говорятъ не *шертъ*, а *шартъ*: Пам. дипл. снош. Крым. ханства, стр. VI. Прибавимъ отъ себя, что въ описи Царскаго Архива также есть форма „шартный“: списокъ шартные грамоты Шигалѣя“. (А. А. Эксп. I, стр. 350).

[3]) Григорьевъ, О достовѣрн. ханск. ярлыковъ, стр. 15—25, гдѣ объясняется значеніе слова ярлыкъ въ восточныхъ языкахъ и въ русскомъ употребленіи.

Въ наказѣ послу Алексѣю Старкову велѣно говорить царю отъ великаго князя Іоанна III-го: „пожаловалъ еси, братомъ собѣ и другомъ меня учинилъ еси, шерть далъ, и ярлыкъ шертной далъ“ [1]).

Впослѣдствіи же обычно говорилось „шертная грамота“ (иначе „шертяная, шертовая, шертовальная, шертованная“), короче—шерть. Былъ употребителенъ глаголъ „шертовать“, отглагольное слово „шертованіе“, выраженіе „шертный братъ“ и т. п. [2]).

Итакъ, шерти, по буквальному значенію, суть подтвержденныя присягой грамоты крымскихъ хановъ съ его приближенными на вѣрное соблюденіе извѣстныхъ обязательствъ предъ московскими государями. Это не собственно договоры, а одностороннія обязательства именно съ крымской стороны: нельзя было, неприличнымъ считалось заключать договоры съ ханами, какъ съ равными по достоинству съ великими государями московскими; крымскіе ханы не были самостоятельные владѣтели на своемъ юртѣ; они были только намѣстники, присяжники турецкаго султана. Пусть въ грамотахъ изъ Москвы имъ давались титла „царя и брата“, а нѣкоторымъ, какъ наприм. Менгли-Гирею, прибавлялось еще имя „вольнаго человѣка“; пусть имъ посылались „поклоны“, даже „челобитья“, съ приложеніемъ „любительныхъ поминковъ“, какъ къ настоящимъ государямъ; но договоровъ въ смыслѣ трактатовъ о мирѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ, на подобіе трактатовъ съ другими государствами, не было заключаемо съ ханами крымскими: это было постоянное правило Московскаго Посольскаго Приказа [3]). Напротивъ, въ Москвѣ желали имѣть крымскихъ хановъ русскими присяжниками, хотя, конечно, не разсчитывали имѣть ихъ присяжниками въ той мѣрѣ, въ какой они были таковыми у турецкаго султана:

---

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 1—4; 6.

[2]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ употребленія слова „шерть“ не въ дипломатическихъ памятникахъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (X, § 161), на случай повальнаго обыска въ областяхъ съ инородческимъ населеніемъ велѣно сыскивать „князи, и мурзы, и татары, и чуваши, и черемисою, и вотяки, и всякими ясачными людьми по ихъ вѣрѣ, *по шерти*“. Въ грамотѣ къ турянскому воеводѣ отъ вступившаго на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича повелѣвалось: „всякихъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей по спискамъ къ вѣрѣ привесть, а иноземцевъ ясачныхъ людей къ *шерти*“, т. е. къ присягѣ на подданство. (Полн. Собр. Зак. Р. И., II, № 664. Ср. подобнаго же значенія документъ отъ времени ц. Алексѣя Михайловича въ Собр. Г. Г. и Д., III., № 131)

[3]) Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58, по 2-му изд.

въ Москвѣ хорошо понимали, что ханы крымскіе по единовѣрію, да и по другимъ важнымъ причинамъ—географическимъ, культурнымъ, историческимъ—не могутъ отложиться отъ султана и стать на московскую сторону или служить съ равнымъ усердіемъ Турціи и Россіи; въ Москвѣ были бы довольны и тѣмъ, еслибы крымскіе ханы за посылаемую казну и поминки соблюдали съ нѣкоторой добросовѣстностью принятыя на себя обязательства, т. е. прекратили бы хищные набѣги на русскія украйны и по мѣрѣ возможности удерживали бы своихъ татаръ отъ этихъ набѣговъ.

Въ устраненіи крымской войны, точнѣе говоря—варварскихъ набѣговъ крымскихъ, и заключалась главная цѣль пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ изъ Крыма; средствомъ же обычнымъ къ тому служила казна, почти ежегодно посылаемая въ Крымъ, сверхъ поминковъ хану, его семейнымъ и его приближеннымъ. Стоитъ вникнуть въ условія пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ изъ Крыма, чтобы правильнѣе оцѣнить ихъ дѣйствительное значеніе для обѣихъ сторонъ; надобно взвѣсить всю эту необходимость, заставлявшую московское правительство посылать въ Крымскую орду строгія дипломатическія ноты въ видѣ шертныхъ записей, съ требованіемъ дать на нихъ присягу, и въ то же время посылать туда непрерывно денежную казну, довольно значительную для небогатаго государства, кромѣ поминковъ да полоняничныхъ денегъ, т. е. на выкупъ русскихъ плѣнниковъ, въ Крымъ захваченныхъ. Мы опредѣлимъ вкратцѣ эти условія, если скажемъ, что изъ Москвы требовали шерти, потому что она была необходима для спокойствія государства, а изъ Крыма продавали ее за цѣну, болѣе или менѣе значительную. Такова была жестокая необходимость крымскихъ отношеній!

Въ самомъ дѣлѣ, установить эти отношенія достойно для государства и къ чести великаго государя, найти способъ жизни съ варварскою ордой—это составляло всегда мудреную задачу для московской дипломатіи. Защитить отъ татаръ южную украйну на всемъ ея обширномъ протяженіи городами, валами и засѣками да заставить ее отрядами войскъ и сторожевыхъ станицъ—на это не было физической возможности. Достать Крымъ вооруженною рукой было бы крайне трудно: мѣшала степь! Степные походы крайне рискованны. Даже если бы Крымъ былъ завоеванъ, то и тогда была ли бы польза дѣлу? Орда могла откочевать въ другое мѣсто и снова

вредить украинцамъ, мѣшать сообщеніямъ съ Крымомъ. Притомъ воевать Крымъ значило задѣвать Турцію, Польшу. А главное—степь, эта стихійная сила, съ которой государству долго не совладать! Не знать вовсе Крымской орды, порвать всякія сношенія съ нею опять было нельзя, хотя бы только ради несчастныхъ плѣнниковъ, попавшихъ въ крымскую неволю, угрожаемыхъ еще большею бѣдой попасть на турецкія каторги: нельзя было не знать Крыма! Приходилось выбирать средній путь: поддерживать сношенія съ крымскими ханами и вельможами; дѣйствовать внушеніями, представленіями, иногда угрозами; поддерживать подъ рукой козаковъ, этихъ передовыхъ бойцовъ за христіанство противъ бусурманства; подкупать жадныхъ варваровъ, притомъ большею частію бѣдныхъ, мало обезпеченныхъ; торговаться съ ними, идти на сдѣлки, то хитрить, то принимать важный строгій тонъ, учить варваровъ первымъ понятіямъ о правдѣ и справедливости, о приличіи и вѣжливости, то отвѣчать на дерзости ихъ также крутыми мѣрами...

Шертная грамота и являлась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ послѣднимъ результатомъ русской дипломатіи, болѣе или менѣе дорого пріобрѣтеннымъ. Она установляла способъ жизни съ Крымскою ордой, давала государству хотя кратковременное успокоеніе на югѣ и нѣкоторую безопасность украйнамъ южнымъ, для татаръ же установляла опредѣленную денежную плату. Вотъ значеніе крымскихъ шертныхъ грамотъ: онѣ выражали сдѣлку государства со степной ордой!

Согласясь на уплату денегъ въ Крымъ, московское правительство могло свободнѣе предъявлять крымскимъ ханамъ свои требованія. Посланникъ отправлялся въ орду съ образцовымъ спискомъ шерти; онъ настаивалъ тамъ, чтобы шерть была дана слово въ слово по московскому списку. Правда, иногда шертная грамота предлагалась прямо изъ ханской канцеляріи; полученную крымскую шерть разсматривали въ Посольскомъ Приказѣ, но принимали ее только тогда, когда находили ее соотвѣтственной съ дѣломъ и приличной по выраженіямъ; въ противномъ случаѣ ее отвергали или возвращали съ требованіемъ переписать ее [1]). Бывало нерѣдко и такъ, что предва-

[1]) На ней дѣлали помѣтку, что грамота „не люба“ государю: Опись царск. арх., ящ. № 101 (Ак. Арх. Экс., I, стр. 343). Въ шертной записи крымскихъ пословъ отъ 1656 года говорится: „и та шертная грамота Магметъ-Гирѣю царю переписать, потому

рительная шертная запись сообщалась уполномоченнымъ крымскимъ на посольскомъ съѣздѣ въ Ливнахъ, въ Валуйкѣ, или въ иномъ пограничномъ мѣстѣ, иногда въ самой Москвѣ; ихъ старались согласить на принятіе этой записи, послѣ чего татарскіе уполномоченные давали подъ присягой обязательство донести до хана предварительную запись и стараться о томъ, чтобы ханъ присягою же подтвердилъ ее, выдалъ бы настоящую шертную грамоту, дословно по записи. Таковъ былъ порядокъ составленія шертей; онъ разнообразился, смотря по обстоятельствамъ; но вообще шерть писалась по русскому образцовому списку, предложенному изъ Посольскаго Приказа. Добрыя услуги князей и мурзъ Сулешевыхъ, которые обыкновенно бывали уполномоченными ханскими на посольскіе размѣнные съѣзды, много помогали дѣлу; эти крымскіе князья считались пріятелями Москвы, дѣйствительно не отказывались давать обязательства русскимъ уполномоченнымъ донести шертную запись до хана, старались вообще дѣйствовать примирительно межъ обѣими сторонами. Нѣкоторые изъ Сулешевыхъ переходили даже на русскую службу, крестились и достигали высокихъ чиновъ. Въ исторіи нашихъ отношеній къ Крыму и пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ оттуда нельзя не остановиться съ чувствомъ удовольствія на этой услугѣ для дѣла мира со стороны мурзъ и князей Сулешевыхъ[1]).

II.

Рядъ шертныхъ крымскихъ грамотъ начинается со времени Іоанна III Васильевича и его довольно постояннаго союзника крым-

что въ той шертной грамотѣ царскаго величества имяноване писано не сполна и не противъ образцоваго списка". (Пам. Дипл. Спош. Крым. Ханства, стр. 141. Ср. также шертную запись отъ 1681 года на стр. 182, гдѣ такое же требованіе о переписке шерти).

[1]) Князь Юрій Енишевичъ Сулешевъ служилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и умеръ въ санѣ боярина въ 1643 году; его родичъ, если не братъ, Василій Яишеевъ скончался кравчимъ въ 1642 году (Ак. Арх. Экспед., III, №№ 289 и 332. Соловьевъ, Истор. Россіи, IX, стр. 365—366-про мѣстническія отношенія кн. Сулешева съ кн. Урусовымъ, также выходцемъ изъ Крыма.—Алфавит. указатель фамилій и лицъ, упоминаем. въ боярскихъ книгахъ, на стр. 396. Ср. также указатель къ Разрядныимъ книгамъ подъ словомъ „Сулешевы", и „Книгу посольскую метрики вел. князя Литовскаго", издан. кн. Оболенскимъ и Даниловичемъ на стр. 226: тамъ въ одномъ документѣ времени Сигизмунда II Августа и крымскаго Девлетъ-Гирея князь Сулешъ называется „гомятъ московскій", т. е. пріятель.

скаго, Менгли-Гирея, почти единственнаго царя крымскаго, котораго можно нѣкоторымъ добромъ помянуть въ нашей исторіи, да и то съ оговоркой: мирный союзникъ Руси Московской, онъ былъ жестокимъ врагомъ Руси Западной; зломъ онъ памятенъ въ частности для Кіева. Въ 1474 году нашъ первый посолъ въ Крымъ, Никита Васильевичъ Беклемешевъ, бояринъ, какъ онъ титулуется въ посольской книгѣ, повезъ съ собой три списка ярлыка, т. е. три проекта шертной грамоты; царь долженъ былъ дать присягу на одномъ изъ списковъ: если не дастъ на первомъ, наиболѣе выгодномъ для великаго князя, то пусть присягнетъ на второмъ; если не на второмъ, то на третьемъ. Царь далъ желанную шерть, и только одно нежеланное выраженіе употребилъ въ ней, а именно: „*пожаловалъ есмь*, взялъ есми любовь съ своимъ братомъ, съ великимъ княземъ Иваномъ". Посолъ Беклемишевъ не успѣлъ отговорить хана отъ употребленія этого слова; впрочемъ, въ наказѣ послу было разрѣшено не сопротивляться, если царь непремѣнно захочетъ написать грамоту „съ пожалованіемъ": за Менгли-Гиреемъ ухаживали, хотѣли во что бы то ни стало заключить союзъ противъ короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира Ягелловича, да противъ Ахмата, царя Золотой Орды. За то въ шертной грамотѣ Менгли-Гирея нѣтъ ни слова о какой-нибудь казнѣ, ни даже о поминкахъ въ Крымъ; вообще ханская шерть оказалась очень выгодна для Іоанна. Другая шерть, именно отъ 1480 года, была еще болѣе важна для московскаго государя: крымскій ханъ обязался порвать всякія сношенія съ королемъ польскимъ и быть его недругомъ [1]); въ ней нѣтъ уже формулы „о пожалованіи". Царь употребилъ ее еще разъ въ шертной грамотѣ великому князю Василію III Ивановичу [2]); но въ послѣдующихъ шертяхъ XVI и XVII в.в. такія выраженія, какъ „пожаловать", „повелѣвать", не допускались болѣе.

Изложимъ по статьямъ содержаніе крымскихъ шертей XV—XVII вѣковъ.

---

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., томъ 41, стр. 4—6, гдѣ всѣ три списка ярлыковъ, образцовые въ отношеніи дипломатическаго искусства. Шерть Менгли Гирея—въ Собр. Г. Г. и Д., V, № 1. Дословно она не совпадаетъ ни съ однимъ спискомъ, но по общему смыслу всего ближе подходитъ къ первому. Другая шерть его—тамъ же подъ № 4.

[2]) Шертная грамота Менгли-Гирея отъ 1508 года—въ дипломатическомъ приложеніи къ статьѣ Малиновскаго подъ № 21. (Зап. Одес. Общ. И. и Др., т. V).

1.—Прежде всего шертью прекращали враждебныя дѣйствія, установляли вѣчный, т. е. безсрочный миръ „отъ дѣтей и на внучата", установляли дружбу и союзъ, такъ чтобы имѣть общахъ друзей и недруговъ: „быти намъ вездѣ за одинъ, другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти". Общими недругами Россіи и Крыма почитались польско-литовскій король и ханъ Золотой Орды. „А на Ахмата царя быти намъ съ тобою за одинъ... Также и на короля, на вопчего своего недруга, быти намъ съ тобою за одинъ... А буду и въ шерти съ королемъ, а тобѣ моему брату великому князю каково дѣло будетъ съ королемъ,—и мнѣ королю шерть сложити, а быти ми на него съ тобою за одинъ", пишетъ Менгли-Гирей въ грамотѣ 1480 года. „А на Ахматовыхъ дѣтей и Казиміровыхъ королевыхъ дѣтей, Жигимонтомъ королемъ поченъ, или иной кто государь будетъ на великомъ княжествѣ Литовскомъ и на Польскомъ королевствѣ, и на ихъ дѣтей будемъ за одинъ". (Шерть Исламъ-Гирея отъ 1535 года; то же и по шерти Сагибъ-Гирея отъ 1539 года). „И для нашіе брата нашего дружбы и любви мнѣ, Джанибекъ-Гирѣеву цареву величеству, на общего нашего недруга, на польскаго Владислава короля, послати воиною сына своего Мубарекъ-Гирѣя или мурзъ съ воинскими людьми, какъ всемогущій Богъ помощи подастъ, такъ великимъ ево воевать и разорять",—говорится въ шертной грамотѣ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ декабря 1633 года, т. е. послѣ набѣговъ крымскихъ на русскія области двухъ предыдущихъ лѣтъ, по возбужденію польскаго правительства, что было не безъ вліянія на исходъ Смоленской осады. Вообще въ XVI и XVII в. в., въ эпоху послѣ Менгли-Гирея, Крымъ служилъ какъ противъ Польши, такъ и противъ Россіи, подкупаемый деньгами и возбуждаемый со стороны русской и польской [1]). Въ сущности онъ былъ самымъ ненадежнымъ, самымъ непостояннымъ союзникомъ, по винѣ отчасти самыхъ правительствъ московскаго и польскаго, а не по легкомыслію да продажности крымцевъ только.

2.—Крымъ обязывался не дѣлать набѣговъ на русскія украйны: всякая война и всякіе набѣги своевольныхъ татарскихъ отрядовъ почитались дѣломъ незаконнымъ, преступнымъ и достойнымъ наказанія;

[1]) Памятники диплом. снош. Крымск. ханства съ Московскимъ государствомъ, изд. г. Лашкова, стр. 23; 25; 58. (Дальше мы будемъ цитовать страницы именно этого изданія, подъ краткимъ заглавіемъ: „Пам. дипл. снош.").

ханъ обязывался не воевать русскихъ областей, если бы даже самъ султанъ то приказывалъ; онъ обязывался въ этомъ смыслѣ какъ за себя и своихъ приближенныхъ вельможъ, такъ и за рядовыхъ татаръ, называемыхъ въ Крыму казаками, какъ за крымскихъ, такъ и за ногайскихъ татаръ. Въ случаѣ своевольныхъ набѣговъ татаръ, ханъ обязывался возвращать награбленное имущество и всѣхъ русскихъ плѣнныхъ безъ всякаго окупа, грабителей же подвергать строгому наказанію за ихъ своеволіе и злодѣйство. Вотъ два примѣра такихъ обязательствъ. „А мнѣ Менгли-Гирею царю твоея земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакомъ; а безъ нашего вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое отдати, и головы людскія безъ окупу намъ тобѣ отдати“ [1]). „А буде которые наши ратные люди безъ нашего повелѣнья ваши брата нашего городы и земли повоюютъ, и повоевавъ придутъ въ Крымъ, и намъ тѣхъ людей казнити смертною казнью; а что они приведутъ съ собою какова ясырю вашего и ихъ животовъ, и намъ тотъ ясырь сыскивая и съ ихъ животы отдавати вамъ безъ окупу“ [2]). „И впередъ мнѣ, Исламъ-Гирею царю, и братьѣ нашей калгѣ и нурадыну, и инымъ царевичемъ дѣтемъ нашимъ, и братьямъ и племянникамъ, и князьямъ, и агамъ, и мурзамъ, и всѣмъ крымскимъ людемъ, и ногайскимъ мурзамъ, и Мансурова родства и Меншого Ногаю мурзамъ и улуснымъ ихъ людемъ, которые въ нашемъ повелѣньѣ, всѣмъ мурзамъ и чернымъ улуснымъ людемъ, и азовскимъ татаромъ и чернымъ людемъ,—брата нашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, на государства войною не ходить,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., V, № 1, шерть Менгли-Гирея отъ 1474 года.

[2]) Пам. дипл. снош., стр. 48, шерть Магмедъ-Гирея III отъ 1623 г. сентября 8. Кстати отмѣтимъ, что эти слова пишетъ тотъ самый ханъ, который прежде, еще не будучи ханомъ, занимался разбоемъ и продажею плѣнниковъ русскихъ, вмѣстѣ съ братомъ Шагинъ-Гиреемъ: они сдѣлали изъ этого спеціальный для себя промыселъ (*В. Д. Смирновъ*, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты, стр. 476—477. По соображенію этого автора, шерть Магметъ-Гирея III относится къ 1624 г. сент. 8: тамъ же, стр. 492).

Относительно военнопленныхъ (набѣгъ и война всё-таки въ извѣстной мѣрѣ различались) находимъ въ шертяхъ особыя статьи: они или выкупались за условленную цѣну, или обмѣнивались голова на голову: Пам. дипл. снош., стр. 162—163; 171; 174.

и городовъ и земель не воевать, хотя будетъ и благочасной великой государь (т. е. султанъ турецкій) пришлетъ къ намъ повелѣнье свое, а велитъ намъ идти войною на государства брата нашего" [1]).—Предполагалось, что крымскіе ханы будутъ въ состояніи унимать отъ набѣговъ всю кочевую массу татарскую и разныхъ „зипунниковъ воровъ", какъ выражается про своевольныхъ татаръ крымская шерть 1642 года; предполагалось также, что крымскіе ханы могутъ не слушаться самихъ султановъ турецкихъ, когда тѣ приказывали отправляться въ набѣгъ [2]).

3.—Крымскіе ханы обязывались давать свободный проѣздъ иностраннымъ посламъ и купцамъ, идущимъ въ Московское государство черезъ Крымъ или степныя земли, на которыя простиралась власть хановъ, равно и русскимъ посламъ и торговымъ людямъ, идущимъ въ другія страны. „Также и твои брата моего послы или гости, куды пойдутъ отъ тебя Дономъ или полемъ, также отколь пойдутъ къ тебѣ твои послы или гости, также и отъ иныхъ государей и отъ кого ни буди пойдутъ къ тебѣ къ брату нашему послы или гости, и нашимъ людямъ твоихъ пословъ и гостей и тѣхъ пословъ и гостей не имати, не грабити; а кто нашихъ людей твоихъ пословъ или гостей и тѣхъ (т. е. иностранныхъ) пословъ и гостей которые къ тебѣ пойдутъ отъ иныхъ государей, отъ кого ни буди, пограбятъ, а къ намъ придутъ, и намъ ихъ казнити, а взятое велимъ отдати, а головы людскія безъ окупа намъ тебѣ отдати". [3]). „А которые ваши брата нашего вели-

---

[1]) Пам. дипл. сношен., стр. 119, шерть Ислямъ-Гирея III отъ 1647 г. октября 6. О ногайскихъ татарахъ, дѣлившихся на разныя орды, болѣе или менѣе отъ Крыма зависимыя, ср. данныя изъ турецкихъ источниковъ въ названной книгѣ г. Смирнова, на стр. 510 и въ друг. мѣстахъ. Въ шертяхъ часто называются какъ особые Дивѣевъ улусъ и Казневъ улусъ: Пам. дипл. сношен., стр. 32; 35; 37; 39; 45 и проч.

[2]) Пам. дипл. сношен. 102; 104. Фраза о томъ, что крымцы не будутъ воевать русскихъ земель, хотя и султаново повелѣнье на то будетъ, много разъ повторяется въ шертяхъ, наприм. стр. 72; 77; 81—82; 93; 96; 136; 142 и др.

Въ шертныхъ грамотахъ первой половины XVI-го вѣка опредѣленіе указывается, чтобы татары не нападали на ближайшую украйну Сѣверскую (Малиновскій, Дипломатич. прилож., стр. 406; 416; 418; Лашковъ, Пам. дипл. сношен., 25). Въ шертяхъ XVII-го вѣка прибавляется: „и подъ украинные городы, которые по Донцу и по инымъ рѣкамъ, не приходить, и станичниковъ и проѣзжихъ людей не грабить и въ полонъ не имать" (Пам. дипл. сношен., 46; 52).

[3]) Малиновскій, Диплом. прилож., стр. 406, шерть Магмедъ-Гирея I отъ 1518 г. Такъ же и во всѣхъ шертахъ перв. полов. XVI-го вѣка, почти дословно сходныхъ: тамъ же стр. 416: 418—419. Ср. Пам. дипл. сношен., стр. 24 и 26.

каго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи послы и посланники, и гонцы, и торговые люди учнутъ отъ васъ ходити въ иныя государства или изъ иныхъ государствъ къ вамъ брату нашему такожъ пойдутъ послы и посланники, и гонцы, или тѣхъ государствъ торговые люди черезъ наше государство, и намъ пословъ вашихъ брата нашего, и посланниковъ, и гонцовъ, и торговыхъ людей, такожъ отъ которыхъ государей къ вамъ пойдутъ послы и посланники, и гонцы, и торговые люди, и ихъ не переимать, и не грабить, и пропущати намъ ихъ къ вамъ безъ задержанья“ [1]). Въ послѣдующихъ шертяхъ прибавляется: „пропустити ихъ безъ пошлины, и безо всякіе тѣсноты и задержанья“ [2]).

4.—Крымскіе послы, пріѣзжая въ Москву, не имѣютъ права требовать для себя особыхъ пошлинъ посольскихъ, какія давались во времена Золотой Орды татарскимъ посламъ; на этомъ условіи съ перваго же разу сталъ настаивать Іоаннъ III, заключая союзъ съ Менгли-Гиреемъ; оно и внесено въ первый шертный ярлыкъ 1474 года: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, къ великому князю Ивану, и мнѣ его къ тебѣ послати безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ; а пошлинамъ даражскимъ и инымъ всѣмъ пошлинамъ „никоторымъ не быти“. На этомъ условіи Іоаннъ III настаивалъ во все время сношеній со своимъ союзникомъ [3]). Въ шертяхъ XVI и XVII вѣковъ оно повторяется почти въ тѣхъ же неизмѣнныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ, въ шерти Магмедъ-Гирея I опредѣленно сказано: „а коли мой посолъ отъ меня поидетъ къ тебѣ, къ брату моему, къ в. к. Василью, и мнѣ его послати къ тебѣ безъ пошлинъ, а пошлина твоимъ людемъ и тебѣ всѣ пошлины отстали“. Или въ шерти Исламъ-Гирея 1-го: „а дарагамъ и пошлинамъ даражскимъ, и инымъ пошлинамъ никакъ не быти“, и проч. [4]).

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 49. Ср. также 37—38; 40; 57; 108 и проч.

[2]) Также, стр. 74—75.

[3]) С. Г. Г. и Д., V, № 1. Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 4—6; 20; 27 и мн. другія мѣста древней посольской книги крымской.

[4]) Малиновскій, Диплом. прилож., стр. 406; 407; 419. Лашковъ, Пам. дипл. снош., стр. 24; 26; 120 и друг. О послахъ, дарагахъ, писцахъ и о разныхъ пошлинныхъ людяхъ временъ Золотой Орды, также о разнообразныхъ пошлинахъ, требуемыхъ послами ханскими отъ русскихъ князей и населенія см. ханскіе ярлыки, жалованные духовенству. Теперь шертями отмѣняются всякія посольскія пошлины въ старомъ смыслѣ и значеніи.

5.—Крымскіе послы и гонцы должны пріѣзжать въ Москву съ небольшою посольскою свитой, лишнихъ людей съ собой не привозить. Въ шертной грамотѣ 1647 года точно опредѣляется число пріѣзжающихъ татаръ: „посылати мнѣ Исламъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну царевичамъ съ граматами своими въ послѣхъ по одному человѣку, да съ ними будетъ двѣнадцать человѣкъ людей ихъ, а больши трехъ человѣкъ пословъ не посылать, а ихъ людей больше двунадцати человѣкъ не будетъ; а отъ ближнихъ людей ни отъ кого пословъ и грамотъ не посылать, а гонцовъ посылать потому жъ мнѣ, Исламъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну, послать съ своими грамотами гонцовъ отъ трехъ насъ человѣкъ, да людей ихъ трехъ же человѣкъ, и то передъ розмѣною, съ вѣстью отъ князя и отъ мурзы, которые на розмѣну посланы будутъ, или для государственнаго большого дѣла; а больше трехъ человѣкъ гонцовъ и трехъ грамотъ къ брату нашему, къ великому государю, азъ, Исламъ-Гирей царь, и калга, и нурадынъ царевичи, посылати не учнемъ, противъ Курамши мурзиной шертной записи“ [1]). Итакъ, шерть 1647 года точно устанавляетъ количество пословъ крымскихъ и гонцовъ: не больше трехъ пословъ т. е. по одному отъ хана, отъ калги и отъ нурадина, а съ ними 12 человѣкъ свиты; не больше трехъ гонцовъ, а съ ними также три человѣка провожатыхъ; не больше трехъ грамотъ; опредѣляется точно и самый поводъ отправленія гонцовъ, т. е. увѣдомленіе на счетъ розмѣннаго посольскаго съѣзда, или же необычный—по особо важному государственному дѣлу. Нѣсколько иначе о тѣхъ же дѣлахъ постановляетъ шертная грамота 1670 года, предложенная хану Адиль-Гирею; пять человѣкъ пословъ, а съ нимъ 20 человѣкъ свиты; три человѣка гонцовъ, да съ ними 12 человѣкъ свиты [2]).

Цѣль этихъ опредѣленій понятна: Посольскій Приказъ желалъ сдѣлать болѣе рѣдкимъ пріѣздъ крымскихъ татаръ въ Москву безъ особой надобности и сократить число самыхъ пріѣзжающихъ, содержаніе которыхъ на счетъ казны обходилось не дешево; пусть никакихъ пошлинъ посольскихъ не платилось крымскимъ посламъ и гонцамъ, но въ кормѣ и въ нѣкоторыхъ подаркахъ нельзя было все-таки отказать имъ. Вотъ почему московское правительство со временъ же

[1]) Пам. дипл. сношп., стр. 112; 116; 120; 124.

[2]) Тамъ же, стр. 160; 166—167. Ср. въ послѣдующихъ шертныхъ записяхъ и шертахъ на стр. 175 и 177.

Іоанна III старается уменьшить татарскіе пріѣзды и количество пріѣзжихъ татаръ въ Москву, и даетъ такіе напр. наказы своимъ посланцамъ въ Крымъ: „говорити о томъ, чтобы царь посла своего посылалъ не въ многихъ людехъ". Или такъ: „князь великій велѣлъ тобѣ говорити: прислалъ еси ко мнѣ своего человѣка Сарыку, а прислалъ еси его ко мнѣ безъ дѣла; и язъ нынѣча Сарыку пожаловалъ тебя для, а впередъ бы еси ко мнѣ бездѣльныхъ людей не посылалъ". (Въ сущности это—выговоръ Іоанна III Менгли-Гирею). Или такъ: „учнетъ царь посла своего посылати къ великому князю, ино говорити царю о томъ, чтобы съ посломъ лишнихъ людей не было". При всемъ томъ однако Іоаннъ III, очень бережливый въ тратахъ на содержаніе татарскихъ и всякихъ вообще иностранныхъ пословъ, не могъ отклонить пріѣзда многочисленныхъ татарскихъ посланцовъ изъ Крыма отъ хана, отъ калги Ямчурчея, брата Менгли Гиреева, отъ царскихъ женъ и сыновей, отъ различныхъ князей и мурзъ крымскихъ, присылавшихъ съ своими людьми кучи грамотъ и запросовъ на счетъ подарковъ [1]). Такимъ образомъ шертныя грамоты половины XVII вѣка, сравнительно съ Іоанновымъ временемъ, составляютъ для московскаго правительства выгодный прогрессъ въ дѣлѣ пріема и содержанія крымскихъ посланцовъ, да разсмотрѣнія дотолѣ многочисленныхъ татарскихъ ярлыковъ съ просьбами о подаркахъ; оно принимаетъ теперь только дѣловыя грамоты отъ хана, да отъ двухъ его сановниковъ—султановъ, т. е. отъ калги и нурадина, не больше.

6.—Въ грамотахъ, изъ Крыма присылаемыхъ, царскій титулъ великаго государя долженъ писаться исправно, по достоинству, и вся грамота писаться въ приличныхъ выраженіяхъ: „а въ грамотѣ царскаго величества имя написать полнымъ именованьемъ, противъ образцовыхъ грамотъ"... „Имя великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руссіи самодержца и многихъ го-

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 14; 39; 49 и проч. О содержаніи ногайскаго посла читаемъ: „и князь великій того же мѣсяца сентября (1489 г.) послалъ противъ ногайскаго посла Юшка подъячаго, а велѣлъ ему давати послу кормъ на стану *по два барана, а овчины назадъ отдавати*: а на кони, на которыхъ они ѣдутъ, на десятеро лошадей четверть овса; а которые кони гонятъ на продажу, на тѣ кони корму не давати": тамъ же стр. 81. Ср. въ Пам. дипломат. сношен. съ Цезарскимъ дворомъ I, стр. 48—49. О дешевенькихъ подаркахъ крымскимъ посламъ и гонцамъ въ XVII вѣкѣ ср. любопытную замѣтку Котошихина, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 57, по 2-му изданію.

сударствъ государя и обладателя, описывать съ полнымъ его государскимъ имянованьемъ“ [1]) Изъ Крыма иногда возражали: „да вы, великій государь, къ нашему величеству—пишетъ ханъ Богатырь-Гирей царю Михаилу Ѳедоровичу—писали, чтобы намъ съ „повелѣньемъ“ къ вамъ писати не велѣти; изначала отъ прадѣдовъ, и отъ дѣдовъ, и отъ отцовъ нашихъ новелося у насъ, на всѣ четыре страны ко всѣмъ государямъ такъ пишемъ, и мы потому жъ къ Итяпъ Алфендѣю своему писать велѣли, какъ искони писали вы къ намъ; пишете государемъ самодержцемъ, и намъ до того слова дѣла нѣтъ, а пишемъ къ вамъ по прежнему съ честью и съ любовью“. Тѣмъ не менѣе въ шертной записи пословъ этого же хана находимъ опять обязательство, чтобы въ шертной и во всякихъ грамотахъ вообще имя великаго государя царя, всея Русіи самодержца, многихъ государствъ государя и обладателя, описывать съ полнымъ его государскимъ имянованьемъ, безъ „повелѣнья“, какъ ему, великому государю, всѣ великіе окрестные государи описуютъ, и его государское имянованье во всемъ остерегать [2]).

За то излишній, странный титулъ даютъ изъ Крыма московскому царю, когда во многихъ шертяхъ называютъ его „русскимъ *и прусскимъ*“. Не смѣшивали ли въ крымской хановой канцеляріи титулъ московскаго государя съ титуломъ короля польскаго? Но опять странно, почему въ Посольскомъ Приказѣ не поправили, ни разу не оговорили этого титула? По крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ документахъ мы не встрѣтили нигдѣ никакой оговорки на счетъ этого совсѣмъ необычнаго титула [3]).

7.—Русскіе послы, посланники и гонцы, и всѣ сопровождающія ихъ лица (толмачи и переводчики, вожи и арбачеи, кречетники и проч.) пользуются въ пути и въ самомъ Крыму свободой и без-

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 72, 89.

[2]) Тамъ же стр. 94 и 96, документы отъ 1640 года. Оказывается, что царь Богатырь-Гирей употребилъ пытку надъ русскими посланниками, чтобы заставить ихъ принять свою шерть, а не по списку, посланниками привезенному: см. тамъ же стр. 13, въ реестрѣ Малиновскаго. И позже изъ Крыма возражали противъ царскаго титула, говорили, что московскій государь горделиво-де называетъ себя „восточнымъ и западнымъ“: см. Смирнова, Крымское ханство, стр. 567. Но Посольскій Приказъ всегда настаивалъ на своемъ: Пам. дипл. снош., стр. 105; 137—138; 143; 158; 182; 190.

[3]) Пам. диплом. снош. на стр. 39; 47; 73; 85; 90; 99. Ужели въ Крыму усвоили мысль о происхожденіи „Руси“ отъ „Пруссовъ“ ? Странный, непонятный титулъ!

опасностью; никакихъ пошлинъ за доступъ къ хану посланники не платятъ; ничего лишняго, сверхъ положенныхъ поминковъ, съ нихъ не должно требовать; обходиться съ ними слѣдуетъ честно, безъ всякихъ притѣсненій; давать имъ нескудный кормъ, построить для нихъ особый посольскій дворъ. Вотъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ изъ шертныхъ грамотъ. „А твой посолъ брата моего ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ, а пошлины, и дараги, и инымъ никоторымъ пошлинамъ не быти, ни силѣ, ни наступанью никоторому надъ твоими послы и надъ твоими людьми никакъ не быти“ [1]). „Сверхъ того (т. е. условленнаго) лишнего у посланниковъ не просити и не спрашивать, и за то имъ безчестья, и тѣсноты, и грабежу, и никакова дурна не чинити, правежемъ и въ неволю ничего не имать“ . . . „Кормъ имъ давать нескудной, и дворы на пріѣзды посольскіе построить, какъ ведется въ мирныхъ государствахъ: въ совѣтѣ пребываютъ; честь и береженье къ нимъ держать, и къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, отпущати ихъ безо всякаго задержанія и зацѣпокъ“ . . . „Отпустить ихъ къ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, со всякою учтивостью, не задержавъ“, и т. под. [2]).

По самому тону шертныхъ грамотъ, да и по прямымъ даннымъ въ нихъ видно, что крымцы на дѣлѣ обходились съ русскими посланниками крайне грубо, въ точномъ смыслѣ варварски [3]). А вотъ что пишутъ наши посланники Тяпкинъ и Зотовъ на счетъ постояннаго двора посольскаго въ Крыму: „а строенья на посольскомъ дворѣ, по Аталыкову мирному договору, учинено при посланникѣ цар-

---

[1]) Пишетъ Менгли-Гирей въ шертной грамотѣ 1508 года: Малиновскій, Дипл. прилож., стр. 391. А вотъ что пишетъ своему государю, годъ спустя послѣ полученной шерти, посолъ боярин Василій Григорьевичъ Морозовъ. „И язъ, государь, пошелъ къ дверемъ ко царевнимъ, и ясаулы, государь, покинули посохи (т. е. бросили въ ноги послу), да стали говорить толмачу: давай пошлины! И язъ, государь, черезъ посохи перешелъ; язъ реку: того не вѣдаю. И Анакъ мурза, государь, мнѣ молвилъ: не потакай тому, поди прямо къ царю“. (Крымск. дѣла, посольская книга № 3, листъ 62 й). Приведенное мѣсто объясняетъ, что значитъ выраженіе „идти прямо къ царю“, и какъ приближенные хана нарушали это постановленіе для своей корысти.

[2]) Пам. дипл. сношен., стр. 84; 159; 162 и мн. др. О слугахъ посольскихъ и о порядкѣ ихъ отпуска изъ Крыма—стр. 112; 116—119—120; о построеніи посольскихъ избъ—стр. 159; 171; 175. Впервые условіе на счетъ построенія ихъ сдѣлано въ 1670 году, по договору въ Москвѣ съ Шахъ-Темиромъ Аталыкомъ.

[3]) Тамъ же, стр. 76—77; 88—89; 91; 97. Ср. примѣч. 2-е на стр. 50.

скаго величества, при Васильѣ Елчинѣ, четыре пунишки складены изъ дикаго нетесаного камени, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ и безъ мосту, и безъ лавокъ, и безъ дверей, а для свѣту учинено по одному окошку. И воистину объявляемъ о томъ строеньѣ, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ царскаго величества" [1])... Такія горячія, горькія слова сорвались съ языка московскихъ посланниковъ, обычно спокойныхъ и дѣловитыхъ въ ихъ донесеніяхъ, весьма выносливыхъ вообще ко всякимъ трудностямъ посольской крымской службы, едва ли не самой тяжкой изъ посольскихъ! При такомъ положеніи дѣлъ, посольскія сношенія съ Крымомъ иногда прерывались и готовы были навсегда порваться, какъ объ этомъ принципіально говорится въ нѣкоторыхъ шертныхъ записяхъ; вмѣсто поѣздокъ въ Крымъ предполагали ограничиться посольскими съѣздами на границѣ [2]; но изъ Крыма старались поправить дѣло, не доводя до полнаго разрыва; требовали и вмѣстѣ просили, чтобы по прежнему въ Крымъ съ казной присылались „большіе послы дворяне, добрые служилые ближніе люди" [3]. На самомъ дѣлѣ туда обыкновенно посылались дворяне средней руки, въ характерѣ посланниковъ [4]).

8.—Для размѣна пословъ и посланниковъ, для предварительныхъ переговоровъ и для отдачи условленной казны устанавливались посольскіе размѣнные съѣзды на пограничныхъ мѣстахъ, то въ Ливнахъ, то въ Валуйкѣ, то иногда въ Переволочнѣ на Днѣпрѣ, а

[1]) Записки Одес. Общ. Ист. и Древн., II, отд. 2 и 3, стр. 578, въ статейномъ спискѣ названныхъ посланниковъ отъ 1681 года. Ср. тамъ же, на стр. 605, что говорятъ они объ ухудшенномъ ихъ помѣщеніи, и на стр. 608 о помѣщеніи казацкихъ посланцовъ.

[2]) Пам. диплом. сношен., стр. 91; 155.

[3]) Тамъ же, стр. 92—93. Изъ Крыма писали, напримѣръ, такимъ образомъ: „да и на томъ шертовали есма, что впередъ посломъ вашимъ никакова дурна и безчестья не будетъ, да и на томъ: будетъ которое дурно учинятца у насъ посломъ вашимъ, и вамъ нашимъ посломъ учинити тожъ; и которыхъ пошлете къ намъ пословъ своихъ, и вамъ бы приказати имъ накрѣпко, чтобъ они были не упрямы". Посланники были люди дѣйствительно стойкіе и энергичные, въ своемъ родѣ герои службы, иногда—правда—очень крутого нрава.

[4]) Это видно какъ изъ шертей XVII вѣка, гдѣ обыкновенно называются „посланники", а не послы, какъ они часто именуются въ прежніе вѣка, такъ и изъ свидѣтельства Котошихина, который точно говоритъ: „къ крымскому хану и къ калмыцкимъ тайшамъ посылаются посланники, середнихъ родовъ дворяне, а съ ними товарыщи подьячіе" (О Россіи въ царст. Алексѣя Михайловича, стр. 34).

всего чаще именно въ Валуйкѣ, на рѣчкѣ Ураевѣ [1]). Съ русской стороны на съѣздъ уполномочивался обыкновенно окольничій, иногда даже боярин; съ крымской стороны полномочнымъ былъ обыкновенно либо князь, либо мурза Сулешевъ. На съѣздѣ вырабатывалась шертная запись, послѣ чего крымскій полномочный давалъ присягу, что подлинная шертная грамота будетъ написана въ Крыму по предварительной шертной записи, и что онъ будетъ всячески радѣть о мирѣ, о добрыхъ отношеніяхъ между Крымомъ и Москвой. По окончаніи съѣзда полномочные отправлялись каждый въ свою сторону, одинъ взявъ съ собой крымскихъ пословъ, а другой—посланниковъ русскихъ, съ ручательствомъ за ихъ личную безопасность въ пути и на томъ мѣстѣ, куда они акредитованы. Со съѣзда отправлялась въ Крымъ и казна въ условленномъ размѣрѣ [2]).

9.—Самая главная, существенная статья шертныхъ грамотъ XVII вѣка была именно на счетъ платежа этой казны. Шертныя грамоты и записи двухъ предыдущихъ вѣковъ еще не говорятъ ни о какомъ платежѣ; пусть на дѣлѣ поминки посылались въ Крымъ со времени Іоанна III и Менгли-Гирея; пусть источники первой половины XVI-го вѣка говорятъ намъ про поминки магметъ-гиреевскіе и саипъ-гиреевскіе; пусть царь Ѳеодоръ Ивановичъ отправлялъ Казы-Гирею казну не въ одинъ десятокъ тысячъ рублей деньгами, мѣхами и шубами: но московское правительство XVI-го вѣка успѣвало еще уклоняться отъ формальнаго на письмѣ обязательства какою-нибудь дачей въ Крымъ. Въ XVII-мъ же вѣкѣ и такое обязательство становится обычнымъ въ шертныхъ грамотахъ, причемъ устанавливаются самыя росписи, кому именно и сколько давать ежегодной казны, поминковъ и жалованья. Къ сдѣланной однажды росписи изъ Кры-

---

[1]) „Съ Нагайской страны пала въ *Оскол* рѣчка *Валуевка*, а на ней на устьѣ стоитъ градъ *Валуевка*. А отъ Валуйки внизъ по Осколу, отъ Калміусской дороги, пала въ Оскол рѣчка *Ураеви*, да рѣчка *Уразова*". (Книга глаголемая Большой Чертежъ, изд. 1846, на стр. 36). Мѣсто посольскаго размѣннаго съѣзда приходилось верстахъ въ пяти отъ города.

[2]) Пам. дипл. сношен., стр. 177; 180; 184; 186—187. Въ 1683 году уполномоченные русскіе требовали отъ крымцевъ, на съѣздѣ въ Переволочнѣ, чтобы впредь размѣну подъ Переволочною для дальняго пути не быть, а быть бы розмѣну по исконному обычаю подъ Волуйкою на рѣкѣ Ураевѣ: стр. 196—197. Но въ Крыму предпочитали ближайшую отъ него Переволочну: стр. 200. Впрочемъ, это было уже въ концѣ XVII-го вѣка, когда дѣло было близко къ прекращенію съѣздовъ и къ прекращенію всякихъ дачъ крымцамъ.

ма требовали прибавокъ то на новыхъ членовъ ханской семьи и на новыхъ лицъ, къ хану приближенныхъ, то по случаю „обновленья царева", т. е. вступленія на престолъ новаго хана; даже за немирные годы набѣговъ и войны крымцы требовали казны; но московское правительство отказывало въ подобныхъ крайне безстыдныхъ требованіяхъ [1]). Вотъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ, сюда относящихся; послушаемъ, какимъ тономъ говорятъ обѣ стороны: „А брату нашему, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Росіи и многихъ государствъ государю и обладателю, къ намъ Джанбекъ-Гирею царю, и къ брату нашему къ калгѣ Магметъ-Гирею, и къ сыну нашему къ нурадыну Мубарекъ-Гирею царевичу, и къ царицамъ нашимъ, поминки свои, а къ ближнимъ нашимъ людемъ жалованье присылати сполна, не умаля ни въ чемъ, по сему нашему нынѣшнему договору, на чемъ если съ присланнымъ брата нашего съ добрымъ человѣкомъ съ Тимоѳеемъ Анисимовымъ, да съ подъячимъ съ Калистратомъ Акиноѣевымъ договорились мы Джанбекъ-Гирѣево царево величество, по волѣ своей написавъ роспись, за нашею печатью дали; и впередъ бы въ сей дачѣ присылати по той нашей росписи сполна, и чтобъ о томъ впередъ лишнего слова, и шуму, и брани не было; и съ той росписи, которая послана къ вамъ, брату нашему, списавъ списокъ, оставили у себя въ казнѣ для того, чтобъ впередъ знака не было, и чтобъ брата нашего великаго государя посломъ про то впередъ дурна и безчестья никакого не было. А мы сверхъ той росписи на нихъ ничего спрашивать не учнемъ" [2]). Въ шертной записи 1656 года крымскія

---

[1]) Пам. дипл. сношѳ, № 41—двѣ росписи казны и поминковъ. На стр. 64 замѣчено: „а писана ся царева роспись (т. е. Джанибекъ-Гиреева отъ 1633 года) безъ цѣны, и по государеву указу съ цѣною, примѣряся цѣнѣ къ прежнимъ росписямъ". Итакъ, роспись 1633 года не первая въ этомъ родѣ, но единственная изъ дошедшихъ среди шертныхъ грамотъ. Упоминаются не рѣдко еще росписи Богатырь-Гиреева, Курамшина мурзина: тамъ же стр. 66—77; 81; 84; 88; 96 („роспись что при Тахтамышѣ", т. е. уполномоченномъ Богатырь-Гирея: стр. 80); 127; 142; 182 и друг. Не приводимъ указаній на многія другія страницы „Памятниковъ", гдѣ говорится о поминкахъ, о казнѣ, о дарахъ, о нихъ постоянно рѣчь въ шертяхъ XVII-го вѣка, хотя далеко не вездѣ ясная рѣчь на счетъ собственно постоянной казны и временныхъ поминковъ. Да и по самому существу дѣла понятія „казны" и „поминковъ" должны были колебаться. За военное время и за время набѣговъ въ казнѣ отказывали: тамъ же, напримѣръ, стр. 108; 164.

[2]) Тамъ же, стр. 58.

послы даютъ обязательство: „какъ великаго государя его царскаго величества посланники Андрей Акимовичъ, да подъячей Григорій Ждановъ у государя нашего Магметъ-Гирея царя, и у калги Казы-Гирея царевича, и у нурадына Адиль-Гирея царевича будутъ въ Крымѣ, и государю нашему Магметъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну, великаго государя его царскаго величества любительные поминки, а ближнимъ ихъ людемъ его царскаго величества жалованье приняти съ великою честію, по прежней Богатырь-Гирѣевѣ царевѣ росписи, и по Курамшину договору и по шертной грамотѣ, безъ запросовъ; и мимо Курамшина договора и Богатыръ-Гирѣевы царевы росписи на посланникахъ, нынѣ и впредь которые будутъ отъ царскаго величества въ Крымѣ, царю и калгѣ и нурадыну и ближнимъ ихъ людемъ государева жалованья лишнего ничего на нихъ не спрашивать, и ихъ не безчестить, и никакого дурна надъ ними не дѣлать“ и т. д. [1]). Съ своей стороны, крымцы прибавляли: „ежегодъ казну присылать по росписи, по прежнему обычаю, шубы мѣрны и широки велѣть дѣлать“, „шубъ узкихъ и немѣрныхъ не дѣлать“, и проч. [2]).

И вдругъ всё это рушилось! Съ конца XVII вѣка, послѣ крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына, да послѣ азовскихъ походовъ Петра, плата казны и всякихъ поминковъ въ Крымъ сразу и на всегда прекратилась. Съ того времени перестали писать и шерти: ибо прекратился существеный поводъ къ ихъ писанью.

Таково содержаніе крымскихъ шертныхъ грамотъ! Мы изложили, кажется, всё главное ихъ содержаніе и сдѣлали нужныя на нашъ взглядъ выписки, чтобы представить нѣчто въ родѣ общей или сводной грамоты шертной.

Нѣкоторыя статьи шертныхъ грамотъ и записей имѣютъ видъ взаимныхъ обязательствъ, что́ касается, наприм., сдерживанья отъ набѣговъ на русскія границы своевольныхъ татаръ, съ одной стороны, и козаковъ запорожскихъ, донскихъ и татарскихъ на земли крымско-турецкія, съ другой стороны, что́ касается обоюдныхъ обязательствъ не воевать, а держать миръ, беречь пословъ, хранить присягу и

[1]) Тамъ же, стр. 142.

[2]) Тамъ же, стр. 171, 174.

всѣ условія, на которыхъ обѣ стороны согласились; по мѣстамъ въ шертяхъ и въ записяхъ прямо говорится, что онѣ суть „договоръ", что обѣ стороны такъ-то и такъ-то „договорились". При всемъ томъ однако шертныя грамоты не суть въ точномъ смыслѣ договоры, а гораздо больше одностороннія обязательства со стороны Крыма: и починъ, и совершеніе ихъ дѣлались, главнымъ образомъ, съ русской стороны и въ русскихъ видахъ. И пусть, наконецъ скажемъ, шерти на дѣлѣ постоянно были нарушаемы съ татарской стороны; пусть приходилось постоянно возобновлять сдѣлки съ Крымомъ цѣной новыхъ платежей денегъ и всякихъ пожертвованій, въ томъ числѣ иногда унизительныхъ: шерти всё-таки имѣли долю своего значенія для московскаго правительства, давая хотя кратковременное перемиріе съ назойливою Татарской ордой до того времени, когда стало возможно наступленіе на Крымъ, на это гнѣздо разбойниковъ.

М. Бережковъ.

КЪ ВОПРОСУ О КОЗАЧЕСТВѢ

ДО

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

„Будетъ когдась отъ тихъ юнаковъ рѣчь посполитая волная".

(Лѣтопись Грабянки, 22).

„И аще царство на ся раздѣлится, не можетъ стати царство то".

(Ев. Марка, III, 24).

„Verum confitentibus, latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincisa.

(Plin. H. N. XVIII. 7в.).

Рядъ работъ по исторіи Южной Руси, начатыхъ проф. В. Б. Антоновичемъ и продолжаемыхъ его учениками въ теченіе текущей четверти вѣка, въ весьма значительной степени разъяснили мало изслѣдованныя до того времени судьбы нашего края; въ ряду этихъ работъ мы прежде всего встрѣчаемъ извѣстное изслѣдованіе проф. Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ [1]), въ которомъ онъ первый пытался разрѣшить одинъ изъ темныхъ вопросовъ въ исторіи южнорусскаго населенія, въ XIII и XIV вв., вообще, и, въ частности, населенія, занимавшаго ту территорію, гдѣ позже, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, широко развилось свободное, полувоенное, полуземледѣльческое козачество. Благодаря названному труду Н. П. Дашкевича,

[1]) „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи". См. „Труды III-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ". Кіевъ. 1874 г., т. II, стр. 68 (и отдѣльный оттискъ). Его-же: „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ". Кіев. у—тет. изд. 1884, № 4 (и отдѣльно).

а также и другимъ работамъ [1]), прямо или косвенно затрогивающимъ тотъ же вопросъ, могутъ быть болѣе или менѣе прочно установлены слѣдующіе факты:

Послѣ татарскаго погрома Южная Русь не обезлюдѣла совершенно; разбѣжавшееся населеніе возвращается къ своимъ пепелищамъ, когда миновала гроза нашествія.

Въ эту эпоху населеніе обнаруживаетъ непріязненное отношеніе къ княжескому строю, слагается въ автономныя общины со своими особыми, не выдающимися, однако, изъ массы, князьями или атаманами во главѣ, которыхъ западно-европейскій путешественникъ того времени (Плано Карпини) называетъ префектами.

Общины добровольно подчиняются татарамъ (становятся „людьми татарскими", „людьми сѣдящими за татары"), которые оставляютъ имъ свободу подъ условіемъ платежа дани земледѣльческими продуктами („да имъ орютъ пшеницю и просо") и вообще произведеніями своей страны и своего труда.

Общины эти не имѣли городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ оборонительныхъ пунктовъ, хотя не могли обходиться безъ центровъ своей торгово-промышленной дѣятельности („складовыхъ мѣстъ") и администраціи.

Занимаясь промыслами въ лѣтніе мѣсяцы на поляхъ, въ лѣсахъ или по рѣкамъ, общины высылали небольшіе вооруженные отряды для защиты въ случаѣ нападенія кочевниковъ; такіе отряды располагались на огражденныхъ самою природой островахъ рѣкъ Буга и Днѣпра.

Съ половины XIII и до послѣдней почти четверти XV вѣка лѣтописи ничего не говорятъ объ общинахъ, потому что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Грушевскій, „жизнь разбросанныхъ

---

[1]) Назовемъ работы проф. *В. Б. Антоновича*: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569)". См. его „Монографіи", т. I, стр. 221.—Его же: Изслѣдованіе о козачествѣ (1500—1648 г.г.). См. „Архивъ Юго-Западной Россіи, часть III, т. I.—*М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ половины XIII в. до половины XV вѣка" и „Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи (1569 г.). См. „Архивъ Юго-Запад. Россіи" ч. VII, т. 1 и 2-й.—*М. С. Грушевскаго*: „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія." Кіевъ. 1891 г.—*Н. В. Молчановскаго*: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года". Кіевъ. 1885.—*М. Сергіенка*: „Громадській рух на Вкраіні—Руси в XIII віці" (Записки Товариства імени Шевченка. ч. I. Львов. 1892).—

автономныхъ общинъ, не имѣвшихъ княжескихъ усобицъ, не производившихъ походовъ на сосѣднія земли, не вступавшихъ въ брачныя связи съ сосѣдними государями, жизнь чуждая и враждебная современнымъ княжско-государственнымъ понятіямъ", не могла доставить матеріала для лѣтописцевъ [1]). Вслѣдствіе такого недостатка лѣтописныхъ извѣстій дѣлать заключеніе о судьбѣ общинъ въ означенный періодъ времени мы можемъ, принимая лишь во вниманіе общія важнѣйшія событія въ исторіи Южной Руси того времени. Такъ, ослабленіе силы татаръ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ у нихъ во второй половинѣ XIV в. и возрастаніе власти литовскихъ князей привело общины въ концѣ XIV в. къ подчиненію послѣднимъ; литовскіе князья распространяютъ границы своихъ владѣній [2]) до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и рядомъ крѣпостей стараются оградить эти границы; изъ крѣпостей извѣстны: Каневъ, Черкасы, Кременчугъ, Упскъ, Гербедеевъ, (теперь Келеберда, с. Золотоношскаго уѣзда, при Днѣпрѣ), Рогъ Мишуринъ (с. Верхнеднѣпр. у.), Кичкасъ (гдѣ нынѣ Кичкасская переправа на Днѣпрѣ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.), Тавань (теперь Берславъ), Бургунъ (теперь с. Бургунка ниже Берислава), Тягинь (теперь м. Тягинка при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Тягинки) и Очаковъ [3]); кромѣ того упоминаются еще Хаджибей (Одесса), Монкастро (Аккерманъ) и Караулъ [4]).

Подчиненіе Южной Руси Литвѣ должно было поставить старыя общины во враждебныя отношенія къ татарамъ; но эти отношенія еще

---

[1]) Очеркъ исторіи Кіевской земли, стр. 442.

[2]) Въ 1540 г. относительно литовской границы „люди старые кіяне, черкашане, каневцы, вѣдалые тыхъ границъ господарскихъ, повѣдили", что она начиналась отъ устья р. Мурафы, притока Днѣстра, и шла „на низъ Днѣстромъ, по половинѣ Днѣстра мимо Тагиню (Бендеры), аж гдѣ Днѣстръ упалъ въ море; а оттоль съ устья Днѣстрова лиманомъ пошла граница мимо Очакова аж до устья Днѣпрова; а Очаковъ на землѣ вашей милости господарской стоитъ; а отъ устья Днѣпрова до Тавани (Берислава); а у Тавани были перевозы вашей милости на поли съ перекопскимъ царемъ"; а по той сторонѣ Тавани граница шла по Овчьей водѣ „у верхъ Самари и у верхъ Оргѣи аж до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну"..... „А тые границы князь Семенъ Олельковичъ (1455—1471) высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ; а тотъ по тымъ мѣстцомъ розѣзджалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ" (Акты Запад. Россіи, т. II, стр. 362).

[3]) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. 1-й, стр 53 (Отпискъ изъ „Кіев. Старины").

[4]) *В. Б. Антоновичъ*, Монографіи, т. I. 245.

болѣе обостряются со времени признанія надъ собой крымскими ханами власти турецкаго султана, когда также и въ самомъ Крыму ханскій престолъ занялъ воинственный и энергичный Менгли-Гирей; союзъ его съ московскимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ и общая борьба ихъ съ Литвой дѣлаетъ поэтому вполнѣ понятнымъ и тотъ характеръ отношеній южно-русскихъ общинъ къ московскому князю и крымскому хану, который мы наблюдаемъ въ самую раннюю эпоху, до какой только доходятъ достовѣрныя документальныя данныя; такимъ наиболѣе раннимъ документальнымъ источникомъ для исторіи южно-русскихъ общинъ служитъ дипломатическая переписка между Московскимъ государствомъ, съ одной стороны, а Литвой, Польшей [1]), Крымомъ, [2]), Турціей, Молдавіей и Валахіей [3]), съ другой.

Обратимся къ разсмотрѣнію заключающихся въ ней данныхъ.

Замѣтимъ прежде всего, что въ этой дипломатической перепискѣ Московскаго государства, въ донесеніяхъ и рѣчахъ великокняжескихъ и царскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, южно-русское населеніе, вообще, и козачество, въ частности, выступаетъ подъ тѣмъ же именемъ, подъ какимъ извѣстно оно у нихъ и въ послѣдующее время, т. е., подъ именемъ „черкасъ“; рядомъ съ этимъ они именуются еще „королевыми людьми“, вообще, и, въ частности, извѣстны подъ именемъ воеводы, или лица, которому подчиняются; напр., „Пацевы люди“, т. е. подчиняющіеся кіевскому воеводѣ Юрію Пацу; въ другихъ документахъ: „князя Дмитріевы козаки“, „козаки Щуровы роты“ и проч.; иногда же они называются просто „козакамя“, какимъ эпитетомъ и мы будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Наиболѣе раннее извѣстіе о жителяхъ Приднѣпровья мы находимъ въ перепискѣ московскаго князя съ литовскимъ подъ 1489 г., когда черкасы, подъ предводительствомъ своихъ старшинъ Богдана, Голубца и Василія Жилы нападаютъ на московскихъ купцовъ при

---

[1]) Сборникъ Импер. Рус. Историч. Общества, т. XXXV: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-литовскимъ государствомъ, т. I, 1487—1533. Изданъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова. Изд. 2-е. Спб. 1892.

[2]) Ibid., т. XLI: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей, т. 1-й, 1474—1505. Изданъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова. Спб. 1884.

[3]) „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи, и Турціи въ XIV—XVI вв.“ (См. Чтенія въ Москов. Обществѣ исторіи и древностей, кн. 3-я за 1887 г.).

переѣздѣ ихъ черезъ Днѣпръ у Тавани, грабятъ у нихъ товары и нѣкоторыхъ убиваютъ; они именуются здѣсь „пана Юрьевыми людьми [1]) Пацевыми". При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что козаки грабятъ московскихъ купцовъ, не смотря на то, что они ѣхали въ свитѣ возвращавшагося изъ Крыма польскаго посла Яна и находились такимъ образомъ подъ его покровительствомъ [2]).

Дипломатическая переписка между Москвой и Польшей по поводу этого нападенія тянется до мая 1492 г., но безъ всякаго результата для потерпѣвшей стороны; не окончилась она, какъ возникаетъ новая переписка сначала между татарскимъ ханомъ и литовскимъ княземъ, а потомъ и между московскимъ, вслѣдствіе того, что козаки сдѣлали нападеніе въ 1492 году на судно татарское подъ Тягинью на Днѣпрѣ, разбили его, плѣнили нѣсколькихъ человѣкъ, захватили имущество, деньги, стада воловъ, лошадей и проч.; на жалобу объ этомъ хана великій князь литовскій велѣлъ украинным старостамъ розыскать заграбленное и возвратить татарамъ [3]). Въ октябрѣ 1494 г. козаки опять даютъ знать о себѣ: посолъ

---

[1]) „Нынѣча нам сего лѣта (1489) наши послы Московскіе земли, Тферскіе земли и Новугородскіе земли многіе люди шли изъ Крима съ твоимъ посломъ Яномъ вмѣстѣ; да какъ пришли на Тавань къ перевозу, и твоего посла Яна перевозники Днѣпръ перевезли а нашихъ гостей Днѣпръ не перевезли. Да пришедъ на нихъ твоего пана Юрьева люди Пацѣвича, въ головахъ Богданъ, да Голубецъ, да Васко Жила со многими людьми да нашихъ гостей перебили и переграбили, и товаръ у нихъ весь поимали, многихъ людей до смерти побили и перетопили, а иныхъ многихъ людей тѣхъ нашихъ гостей и нынѣча безъ вѣсти нѣтъ". (Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества, т. XXXV, стр 23).

При требованіи удовлетворенія по этой жалобѣ московскій князь называетъ грабителей „королевыми людьми" (Ibid., стр. 38, 42).

[2]) Въ хроникѣ Мартина Вѣльскаго, подъ тѣмъ-же 1489 г., передается разсказъ о походѣ козаковъ, вмѣстѣ съ обывателями Подоліи, подъ предводительствомъ короля Яна-Альбрехта противъ татаръ и побѣдѣ надъ ними подъ Копистыриномъ (Шарогродскаго округа Летичевскаго повѣта).—Изъ малорусскихъ лѣтописцевъ Лукомскій, пользуясь Гвагинномъ, говоритъ о весьма раннихъ успѣхахъ козаковъ; но по провѣркѣ нами его ссылокъ оказалось, что одни факты онъ заимствовалъ у Бѣльскаго, ошибочно называя своимъ источникомъ Гваг нина, а другія, принадлежащіе, правда, Гваггинну, искажаетъ, относя къ козакамъ то, что послѣдній говорилъ о литовцахъ. („Лѣтоп. Самовид." Кіевъ. 1878 г., 325–330).

[3]) „Pisałes do nas w jarłyku swoim, iż ludzie nasi kaniewscy i czerkascy, przeszedłszy Dniepr pod Tehinią, okręt twoj rozbili i jednego człowieka zabrali, i dużo rzeczy pobrali; a potem pod Tehinią czerkascy dziesięc koni zabrali i trzech ludzi uprowadzili z sobą. A to nam nie wiadomo, czy się to stało; a jesli stało, to bez naszej woli. Przeto posłalismy do naszych urzędnikow ukrainnych, aby rzeczy te wszystkie odszukali między *kozakami*, a co wynajdą, aby oddali do rąk sługi twojego Musaka i ludzi, ktorzy byl

великаго князя московскаго бояринъ и князь Иванъ Андреевичъ Суббота шелъ отъ валашскаго господаря Стефана, вмѣстѣ съ его посломъ, въ Крымъ къ Менгли-Гирею; ихъ на пути „*козаки* потоптали", всѣхъ ограбили и многихъ изъ посольской свиты перебили; въ письмѣ къ великому князю ханъ не указываетъ мѣста происшеетія [1]); изъ донесенія же московскаго посла въ Крымъ Константина Заболоцкаго и самого потерпѣвшаго „Иванца Субботы" оказывается, что нападеніе совершено Уздеміромъ царевичемъ, братомъ Менгли-Гирея, враждовавшимъ съ нимъ, при участіи черкасскаго „воеводки", при чемъ еще эти союзники взяли и разорили „новый городокъ" на Днѣпрѣ, сооруженный Менгли-Гиреемъ, какъ базисъ для дѣйствій противъ „черкасъ [2])". Вскорѣ, однако, благодаря содѣйствію московскаго посла и Уздемиръ царевичъ и черкасскій воевода Богданъ, который именуется теперь „*княземъ*", находились въ рукахъ Менгли-гирея [3]); какъ поступилъ онъ съ ними, до насъ не

---

poymani, i rzeczy, ktorzy byli zabrani; a tych złych ludzi, ktorzy się tego dopuscili, kazalismy skarac, aby daley tego nie było; a ty, bracie nasz, abys także ludziom twojm roskazał, aby naszym ludziom ukrainnym szkod nie czynili, a jakie szkody naszym ludziom od twojch się stały, abys kazał oddac i popłacic, aby między nami wzmocniało się braterstwo i przyiaźń". Такъ писалъ литовскій князь къ крымскому хану (См. Кав. Пуласкій: „Szkice i poszukiwania historiczne". Krakow. 1887. I. „Dziki pola", стр. 19; авторъ дѣлаетъ эту цитату изъ литов. метрики, кн. № 192, л. 247.

[2]) „Менгли-Гиреево слово: Великому князю Ивану, брату моему, поклонъ. Суботка слуга твой ѣхалъ; изъ Черкаскаго городка *козаки* потоптали, все поимали, нѣма оставили; къ тебѣ есми не смогъ отпустити; хотѣлъ къ Степану воеводѣ воротитись, и онъ не пустилъ; и коня заряднвъ и одѣтма съ Костянтиномъ хочю отпустити съ Божіею милостію (Сборникъ И. Р. О., т. XLI, 194; Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древн.: В. Уляницкаго: „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв.", стр. 122. 123; кн. 3-я за 1887 г.).

[3]) „Да приходилъ, государь, Уздемиръ царевичъ, да съ нимъ приходилъ Богданъ черкасной воеводка, да взяли новый городокъ" (Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 195). Такъ доносилъ Заболоцкій; Суббота же говоритъ: „И мы, господине, пришли были подъ новый городокъ ко царю на перевозъ; да не дошли есми, господине, до Днѣпра; и пришли, господине, на насъ по грѣхомъ черкасци ночи люди многіе, да насъ, господине, потоптали и ограбили; а мы головами своими отошли нѣши и наги; а Бѣлака, господине, у насъ убили, да и нашихъ людей" (Ibid.). Упоминаемый здѣсь черкасскій воевода Богданъ быть можетъ одно лицо съ тѣмъ Богданомъ, котораго мы встрѣтили выше подъ 1489 г. Кромѣ близости по времени ихъ дѣйствій другихъ основаній нѣтъ для отождествованія этихъ вождей козачества.

[3]) „А твой (посолъ Заболоцкій) Костянтинъ", пишетъ ханъ царю, „то видѣлъ и сему важному дѣлу нашему не утерпя, нашего брата Уздемира царевича къ намъ послалъ, Черкаского города *князя* Богдана вмѣстѣ послалъ твоего, брата моего, дѣла дѣля" (Сборникъ И. Р. И О., XLI, 196).

дошло извѣстій; но освободившись такимъ образомъ отъ сильныхъ и враждебныхъ себѣ вождей, ханъ спокойно совершаетъ набѣгъ на козацкія поселенія, къ которому безуспѣшно собирался два раза; сообщая объ этомъ великому князю и высказывая сожалѣніе о потеряхъ, происшедшихъ отъ разоренія козаками городка и простиравшихся, по его счету, до 150,000 „алтынъ", онъ какъ бы хочетъ сказать, что безпощадною жестокостью своего нападенія желалъ выместить на козакахъ свои потери и не истребилъ совершенно населенія въ сожженныхъ городахъ только по тому, что предувѣдомленное о его движеніи сторожевымъ отрядомъ, т. е., тѣми *„людьми, которые на Нѣпрѣ стояли"*, оно разбѣжалось [1]).

Поводомъ къ нападеніямъ козаковъ на татарскую галеру подъ Тягинью на Днѣпрѣ, а также на московскихъ пословъ и купцовъ у Тавани, служила, мы думаемъ, политика великаго князя Ивана III по отношенію къ литовскому; въ своихъ грамотахъ къ крымскому хану онъ постоянно возбуждаетъ его противъ Литвы и совѣтуетъ предпринять походъ на Южную Русь для завоеванія Кіева и Черкасъ. Менгли-Гирей, хотя и выражаетъ всегда полную готовность „садиться на конь", но подъ разными предлогами медлитъ въ исполненіи своихъ обѣщаній и заботится прежде всего о томъ, чтобы обезопасить свои владѣнія отъ нападеній козаковъ. Такъ, еще въ іюнѣ 1492 г., крымскій ханъ увѣдомляетъ московскаго князя о намѣреніи построить крѣпость ниже Тавани и оттуда уже дѣлать нападенія на Южную Русь. Іоаннъ III отвѣчаетъ ему, что, вмѣсто сооруженія города, лучше всего идти прямо воевать ближайшія владѣнія литовскаго князя, обѣщая тогда помощь и отъ себя [2]). Въ октябрѣ того же года русскій посолъ Лобановъ доноситъ изъ Крыма великому князю, что новый городокъ дѣйствительно основанъ на Днѣпрѣ и снабженъ гарнизономъ; ханъ, увѣдомляя съ своей стороны, о томъ же московскаго князя, проситъ его принять участіе въ денежныхъ расходахъ на сооруженіе крѣпости; Іоаннъ III отказываетъ ему въ выдачѣ суб-

[1]) „До зимы трижды кратъ на конь садился: впервые пошелъ, яко ледъ росполился; а вдругорядъ разболѣвъ воротился; а втретье и сѣмъ ѣздомъ, приходъ съ пушками и съ пищалми, на Черкаской городокъ пришли есмя, и нашъ ходъ которые *ихъ люди на Нѣпрѣ стояли* видѣвши шодъ скакали; сколко городовъ своихъ пометавъ, бѣжали; и мы шодши Черкаскій городокъ въ головахъ и иные ихъ городы пожгли, по близу они людей своихъ не оставили бѣгу для" (ibid. 196).

[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 149, 157, 158, 165, 182, 187 и 190.

сидіи, мотивируя тѣмъ, что крѣпость находится далеко отъ литовской границы, почти при самомъ устьѣ Днѣпра, и потому не можетъ причинить вреда его врагу; когда, наконецъ, козаки, о чемъ мы говорили выше, разорили эту крѣпость, ханъ, исчисляя убытки, въ видѣ жалобы и упрека, заявляетъ князю, что они цѣликомъ ложатся на него одного тяжелымъ долгомъ [1]); неудовлетворенный великимъ княземъ Менгли-Гирей частыми набѣгами на Русь возмѣщаетъ свои убытки; въ перепискѣ упоминается о набѣгахъ 1494 и 1496 гг. [2]). Въ 1498 г, ханъ торжествовалъ побѣду: чрезъ своихъ пословъ въ Москвѣ Казимира да Хозяша онъ извѣщаетъ великаго князя о пріѣздѣ къ нему черкасскихъ *князей* и людей и привозѣ поминокъ", во главѣ этихъ князей и людей стоялъ Айтекъ [3]); вслѣдъ за тѣмъ ханъ опять извѣщаетъ московскаго князя о пріѣздѣ къ нему другого „*черкаскаго князя*" Антонона; кочуя со своею ратью, онъ хотѣлъ-было уже отпустить князя въ свою землю, когда получилъ извѣстіе о движеніи литовскаго князя и турецкаго султана на молдавскаго господаря Стефана; „и мы на его сторону пошли", прибавляетъ ханъ, умалчивая о судьбѣ какъ

---

[1]) „Который городъ на Нѣпрѣ чинили есми, вземши и разорили, на тридцать тысящъ алтынъ деньгами взяли, а въ немъ шестьдесятъ и четыре человѣки взяли, а иныхъ побили, а иныхъ въ полонъ свели. А тотъ городъ дѣлалъ и нутрь дѣлалъ, сколько харчю учинилося; съ тобою, со братомъ своимъ, чинилъ есми роту, потому не солжу: на полтораста тысящъ алтынъ долгу учинилъ и нарядилъ; и нынѣ тотъ долгъ на мнѣ" (Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 196).

[2]) Ibid., 209—212, 218,

[3]) „Вотчина наша добра, здорова стоитъ; и мнѣ, Богу молясь, опроче черкасъ дѣла намъ нѣтъ; а и сами вѣдаете: Айтекъ въ головахъ, черкаскіе *князи* и люди пріѣхали и поминки привезли" (Ibid, 279). Предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь о черкасахъ кавказскихъ мы не видимъ основанія, потому что только днѣпровскіе черкасы причиняли много хлопотъ и крымскому хану и московскому князю; только они могли быть интересны Москвѣ и потому ханъ сообщаетъ о своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Имя Айтека также не должно давать повода къ сомнѣнію въ виду извѣстной разноплеменности козацкаго населенія. Вотъ что, напр., говоритъ о козацкихъ именахъ польскій изслѣдователь: „Imiona i nazwiska tych kozakow, spotykane po źródlach w aktach XV i XVI stolecia swiadczą o owej roznorodnosci pierwiastkow skladowych owej mieszanie plemion zas i wyznan. Przytaczamy dla przykladu owe nazwiska: Dusabekenicz, Mandryk, Minka, Mitenko, Mussa, Karacza, Sołtaniec, Czaban, Labos, Kozar, Aberendij, Malik-bassa, Zubrik i t. d. Odrazu bije w oczy duzo imion tatarskiego i mongolskiego pochodzenia" (См. Каз. Пуласкаго: „Szkice i poszukiwania historiczne"—Dziki pola, стр. 17). Замѣтимъ, что г. Пуласкій въ свой перечень многихъ несомнѣнно татарскихъ именъ вноситъ нѣсколько и чисто южнорусскихъ: Митенко, напр., и друг.

будто задержаннаго князя [1]). Но, кажется, предстоявшая война не нарушила установившихся добрыхъ отношеній Менгли-Гирея къ черкасамъ, и въ 1500 г. великій князь литовскій Александръ напоминалъ Менгли-Гирею, что онъ самъ писалъ къ кіевскому воеводѣ князю Дмитрію Путятичу и къ „*черкаскому князю*“ Ивану Дашковичу и просилъ прислать пословъ [2]) „въ добрыхъ рѣчехъ“; тѣмъ не менѣе заключеніе мирнаго договора едва-ли между ними состоялось, потому что въ апрѣлѣ того же года козаки совершили набѣгъ на Очаковъ [3]), гдѣ захватили въ плѣнъ много людей и долго, не смотря на требованія, не хотѣли ихъ возвратить. Попытку примирить враждующія стороны дѣлалъ и великій князь московскій еще наканунѣ 1500 г., въ декабрѣ предшествовавшаго; онъ сообщаетъ великому князю литовскому Александру, своему зятю, жалобу крымскаго хана Менгли-Гирея на то, что литовское правительство нарушило старыя права хана и продолжаетъ чинить насиліе, именно: присвоиваетъ себѣ населеніе, тянувшее будто бы изстари къ ордѣ, не позволяетъ взимать съ нихъ дань, допускаетъ своихъ людей разорять татарскіе города и брать безпошлинно соль; при этомъ ханъ перечисляетъ слѣдующіе города Южной Руси, отнятые у него литовскими князьями: Кіевъ, Каневъ, Нестобратъ, Дашко, Яро, Чанамъ, Болдавъ, Кулжанъ, Биринъ, Чалбашъ, Черкаскій городокъ, Путивль и Липятинъ [4]). Само

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 263.

[2]) „Что еси писалъ и вказывалъ до воеводы нашего кіевскаго князя Дмитрія Путятича и до намѣстника черкаского князя Ивана Дашковича, аж быхмо къ тобѣ, брату нашему, нашихъ пословъ послали въ добрихъ речѣхъ“. (Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 330).

[3]) Ibid., 305.

[4]) „Еще которые наши люди отъ стороны потягли къ нашей ордѣ, тѣмъ нашимъ людямъ не велитъ намъ ясака давати, ни нашимъ дарагамъ не велитъ у нихъ по старинѣ быти; да еще пришедъ его люди на Днѣпрѣ у меня городъ взяли, колко нашихъ людей побили, и иныхъ съ собою свели, а купъ безчисленно взяли. И опослѣ того, который городъ на устье Днѣпра здѣлали есмя, тому городу его люди за все, приходя въ судѣхъ, много лиха чинятъ. Еще его люди на нашей земли, изъ старины приходя, соль имали и пошлины давали; а нынѣча его люди приходя соль только емлютъ, а пошлинъ не даютъ. Такая сила чинится,—какъ намъ съ нимъ поимритися?“—Ханъ желаетъ, чтобы все было возстановлено такъ, какъ было „при Сеидахматѣ при царѣ“.

Относительно городовъ „Менгли-Гиреевъ царевъ посолъ Ази-Халелъ сказывалъ, что изъ старины къ Перекопской ордѣ тянули Кіевъ въ головахъ поченъ; а опроче по тѣмъ городкомъ дараги были и ясаки съ тѣхъ людей имали: Каневъ, да Нестобратъ, да Дашко.

собою разумѣется что примиреніе не могло быть достигнуто на почвѣ такихъ неумѣренныхъ требованій Менгли-Гирея. Въ тоже время происходитъ разрывъ между московскимъ и литовскимъ князьями; и Іоаннъ III уже не только не помогаетъ примиренію, но, напротивъ, по прежнему уговариваетъ хана идти и воевать Кіевъ и сосѣдніе города [1]); посланнаго имъ съ такой цѣлью въ Крымъ гонца Дмитрія Ларева, „кіевскіе и черкаскіе козаки" поджидаютъ на Днѣпрѣ, чтобы „потоптать"; но это не удалось имъ, благодаря лишь отряду въ 300 человѣкъ, отправленному Менгли-Гиреемъ на встрѣчу гонцу; козаки были отбиты, потерявъ 7 человѣкъ убитыми и 7 раненными да 30 убитыхъ лошадей [2]); такія безпрестанныя стычки съ козаками заставляютъ крымскаго хана снова подумать о возобновленіи крѣпости ниже Тавани, о чемъ онъ и пишетъ московскому князю въ ноябрѣ 1504 г. [3]), особенно же послѣ того какъ козаки опять ограбили купцовъ крымскихъ и кафинскихъ, хотя заграбленное и было возвращено потерпѣвшимъ по распоряженію *„черкаскаго князя"* [4]).

Къ разсматриваемому нами раннему періоду жизни козачества относятся также и его враждебныя отношенія къ Кафѣ; въ 1501 г. кафинскій султанъ Шихзода въ союзѣ съ азовскими козаками, велъ войну съ черкасами, но былъ ими разбитъ [5]); въ слѣдующемъ году, послѣдніе дѣлаютъ нападеніе на азовскихъ козаковъ [6]); кафинскій султанъ, ожидая также нападенія и на себя, проситъ помощи у крымскаго хана, но почему-то получаетъ отъ него отказъ; въ 1503 г. черкасы гра-

---

да Яро, да Чанамъ, да Волдавъ, да Кулжанъ, да Бирянъ, Челбашъ, да Черкаскій городокъ да Путивль, да Липятинъ; тѣ городки и съ селы всѣ царевы люди, то азъ вѣдаю, а иное вѣдаетъ царь, братъ твой" (Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXV, 290—292).

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 427 и 430.

[2]) Ibid., 476 и 479.

[3]) Ibid., 539 и 540.

[4]) „Менгли-Гиреево слово: Великому князю Ивану, брату моему, слово то: въ Кіевъ зимняго для платья, шубы, съ кафинци всим своего человѣка посылалъ, и Шихзодинъ человѣкъ былъ вмѣстѣ жъ съ ними съ кунами; и у нихъ рухлядь была: жемчюгъ, камни съ золотомъ, и золотые, и гроши, и деньги; и тѣ гости на Днѣпрѣ перевозилися на Тавани; моего человѣка, и Шихзодина человѣка, и гостей тутъ на перевозѣ на Тавани ограбили и тѣ куны у нихъ поимали кіевци да черкасци, да и прочь пошли. И которые на нихъ приходили въ судѣхъ грабити ихъ, и *черкаскій князь* тѣ куны собравъ къ нимъ прислалъ" (Ibid., 542).

[5]) Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 357.

[6]) Ibid., 391.

бятъ на Днѣпрѣ [1]) товары у кафинскихъ купцовъ, повторяя тоже и въ слѣдующемъ году, какъ мы выше упомянули [2]).

Таковы тѣ немногіе важнѣйшіе факты, какіе можно было извлечь изъ дипломатическихъ актовъ и которые съ точностью и опредѣленностью, не подлежащею ни малѣйшему сомнѣнію, представляютъ намъ положеніе южно-русскаго населенія въ концѣ XV и началѣ XVI вв., т. е. до того времени, къ которому лѣтописи относятъ возникновеніе козачества и начинаютъ говорить о немъ.

Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что южно-русское населеніе уже въ концѣ XV в. является вполнѣ сложившимся въ ту общественную форму, въ которой изображаютъ намъ лѣтописи козачество XVI в., т. е. въ форму сильной воинственной общины.

Мы видѣли также, что въ то же время воинственные и храбрые приднѣпровскіе обитатели именуются уже въ современныхъ имъ дипломатическихъ актахъ *„козаками“*. Но такъ какъ для своего образованія и развитія козачество необходимо должно было употребить болѣе или менѣе продолжительное время, то начало его съ увѣренностью можетъ быть отнесено не къ концу XV в., а ко времени болѣе раннему, можетъ быть даже и не къ началу XV в. (если принять во вниманіе слова Менгли-Гирея, въ которыхъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ отношеніи Южной Руси былъ возстановленъ тотъ порядокъ вещей, какой существовалъ при Седи-Ахметѣ, т. е. около половины XV в.), а, что гораздо вѣроятнѣе, къ половинѣ XIV, ко времени распространенія власти литовскихъ князей надъ южно-русскимъ населеніемъ [3]), которое подъ давленіемъ этой новой силы должно было стать во враждебныя отношенія къ татарамъ и, мало по малу, изъ мирныхъ земледѣльческихъ общинъ, работавшихъ на татаръ, организовываться въ полувоенныя и полуземледѣльческія общины, ставшія впослѣдствіи извѣстными подъ именемъ козаковъ; литовское подчиненіе какъ бы пробудило національное самосознаніе и породило надежду на поддержаніе русскихъ началъ общественной жизни въ населеніи по освобожденіи отъ тяжелаго монгольскаго рабства.

---

[1]) Ibid., 467 и 469.

[2]) Ibid., 542.

[3]) Завоевателемъ Кіевской и Подольской земли былъ Ольгердъ, по мнѣнію однихъ историковъ, и Гедиминъ, по мнѣнію другихъ (1320—1362 гг.).

Въ концѣ XV в. мы видимъ козаковъ уже настолько сильными, что они вступаютъ въ открытую борьбу съ татарами, нападая на ихъ галеры и разоряя города, и долго сдерживаютъ ихъ набѣги на Русь, не смотря на подстрекательство московскаго великаго князя, пословъ котораго они грабятъ и убиваютъ при малѣйшемъ неудовольствіи.

При господствѣ власти литовскихъ князей мы не замѣчаемъ полной зависимости отъ нихъ козаковъ; послѣдніе сами, сообразно своимъ собственнымъ интересамъ, становятся, какъ показываютъ вышеприведенные факты, въ дружественныя или враждебныя отношенія къ Крыму или Москвѣ, являясь такимъ образомъ болѣе или менѣе самостоятельными во внѣшней политикѣ.

Большая или меньшая политическая независимость, находясь въ непремѣнномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ мѣстной автономіи, заставляетъ насъ предполагать значительное развитіе ея среди козачества еще въ XV в. Такъ, оно подчиняется своимъ собственнымъ предводителямъ, которые въ приведенной выше дипломатической перепискѣ именуются, то подвоеводами, то князьями; этотъ же титулъ встрѣчается и въ королевскихъ грамотахъ, относящихся къ представителямъ центральной власти среди южно-русскаго населенія.

Указанія дипломатическихъ актовъ на одновременное существованіе у козаковъ нѣсколькихъ предводителей и различеніе въ нихъ козаковъ черкасскихъ отъ каневскихъ, кіевскихъ и другихъ позволяетъ думать, что въ то отдаленное время козачество распадалось на отдѣльныя общины, и во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ свой особенный „князь“ [1]).

---

[1]) Слово „князь“ употребляется въ дипломатической перепискѣ. Крымскій ханъ свою переписку съ великимъ княземъ московскимъ велъ на татарскомъ языкѣ; грамоты его для князя переводились въ посольскомъ приказѣ; въ нихъ именемъ „князь“, мы думаемъ, означали въ Москвѣ такой же терминъ, какой стоялъ и въ ханскихъ грамотахъ, въ которыя онъ могъ быть принятъ какъ укоренившееся туземное названіе предводителя, дающее ясное представленіе о его національности. Терминъ „князь“ мы находимъ и въ западно-русскихъ актахъ; напр., въ 1500 г., въ грамотѣ короля Александра крымскому хану черкасскимъ намѣстникомъ названъ князь Иванъ Дашковичъ; въ грамотѣ короля Сигизмунда I, данной имъ на имя черкасскаго намѣстника Василія Дашковича, послѣдній также титулуется „княземъ“, а между тѣмъ извѣстно, что семья Дашковичей не была княжескаго происхожденія, и этотъ титулъ не удержался въ ея потомствѣ (Акты Юж. и Запад. Россіи, т. II, 143). Тоже слѣдуетъ сказать и о какомъ-то князѣ Богданѣ, котораго, какъ мы видѣли выше, русскіе послы называютъ прямо „подвоеводкой“. Всѣ эти эпитеты могли быть синонимами другого древняго эпитета „дука“ (отъ dux), замѣнившагося позже

Черкасскіе „князья", какъ и все населеніе Поднѣпровья, находятся въ нѣкоторой зависимости отъ кіевскихъ князей и воеводъ, при чемъ первые именуются также намѣстниками послѣднихъ, иначе подвоеводами, или являются замѣстителями ихъ. Интересы и тѣхъ и другихъ въ разсматриваемый періодъ времени были общи какъ въ отношеніи промысловъ, такъ и борьбы съ татарами, и мы не видимъ враждебныхъ отношеній между королевскими воеводами и старостами и населеніемъ; это дѣлаетъ понятнымъ, почему во главѣ козацкихъ отрядовъ въ войнахъ съ татарами становятся старосты южно-русскихъ королевскихъ замковъ: Евстафій Дашковичъ, Предславъ Лянскоронскій, Венжикъ Хмельницкій, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Константинъ I-й и II-й Острожскіе, Евстафій Ружинскій и друг., которыхъ козацкія лѣтописи называютъ первыми гетманами и стараются установить между ними послѣдовательность вопреки документальнымъ даннымъ, доказывающимъ ихъ одновременность [1]).

Занятіе населенія было изстари одно и тоже: лѣсное хозяйство, рыбная ловля, охота, соляной промыслъ и земледѣліе, на что указываетъ и уставная грамота Кіевской землѣ, данная въ 1494 г., и вы-

---

эпитетомъ „атамана", „гетмана", который удержался и до сихъ поръ въ народномъ языкѣ и встрѣчается въ извѣстной думѣ о Феськѣ Ганжѣ Андыберѣ въ смыслѣ „богача". Казиміръ Пуласкій въ своемъ сборникѣ сочиненій: „Szkice i rozsuikiwania historiczne" (Kraków, 1887, стр. 239, примѣч.) пишетъ: „nie należy jednak brać ruski tytuł „kniaziа" za jedno co „xiąże" (kniaże); oznaczał on tylko pana znaczniejszego od innych; Bartoszewicz pisał o tem wyczerpująco w rozprawie, wydanej po śmierci autora w Krakowie w 1876 г.: „Kniaz" i „xiąże." Если бы удалось опредѣлить повинности населенія Южной Руси по отношенію къ своимъ „князьямъ", то, быть можетъ, мы имѣли бы основаніе сближать князей козачества съ „князьями" селъ, основывавшихся на валашскомъ правѣ (См. объ этомъ у гр. Александра Стадницкаго: „O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat" (Lwów, 1848), гдѣ князья являются въ роли солтысовъ), или со старостами королевскихъ имѣній (См. И. Линниченко: „Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Запад. (Галиц.) Руси XIV—XV в. Москва. 1894 г). Въ Сѣмлянщинѣ до сихъ поръ сохраняется преданіе о какомъ-то князѣ Юріи и его двухъ сестрахъ Матронѣ и Домнѣ; по имени брата названа гора; Матрона основала монастырь въ 30—40 верстахъ отъ м. Сѣмы, а Домна насыпала плотину на Ирдынскомъ болотѣ, монастырь несомнѣнно весьма древняго происхожденія Бартошевичъ говоритъ объ огромной массѣ князей, распространяющихся до Днѣпра и даже въ Сѣверщинѣ, и, сравнивая его со звѣздами млечнаго пути восклицаетъ: „кто пересчитаетъ звѣздочки этого млечнаго пути, кто пересчитаетъ князей Волыни и Заднѣпровья" (Dzieła, X, 381)?

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, ч III, т. I. Предисловіе В. Б. Антоновича: „Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 гг.", стр. XXVII.

шеприведенная жалоба крымскаго хана московскому князю на литовскаго о неплатежѣ пошлинъ, и люстраціи XVI в.

Для огражденія своихъ полей и промысловъ отъ грабежей татарскихъ, козаки имѣли на Днѣпрѣ постоянный отрядъ, который или самъ отражалъ опасность, если былъ въ силахъ, или предупреждалъ населеніе о движеніи большихъ непріятельскихъ полчищъ, какъ пишетъ о такомъ случаѣ въ 1493 году Менгли-Гирей московскому князю.

Если мы вспомнимъ теперь приведенную нами въ началѣ характеристику южно-русскихъ общинъ XIII и XIV вв. съ вышеизложенными фактами изъ исторіи козачества конца XV и начала XVI вв., то легко замѣтимъ полное сходство въ соціальномъ строѣ тѣхъ и другихъ; если же мы примемъ во вниманіе также и то, что послѣ татарскаго нашествія не произошло такихъ рѣшительныхъ событій, которыя бы на мѣстѣ общинъ XIII в. поставили бы новое населеніе со сходной же общественной организаціей, то должны будемъ признать генетическую связь между тѣми и другими. Еще Н. И. Костомаровъ, излагая свои „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси", говоритъ: „козачество уже въ своемъ существѣ возникло въ XII—XIII вѣкѣ.... читая исторію Юго-Западной Руси XII—XIII вѣка можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій..... Народная жизнь XIV и XV в. намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ козачества, не угасали, а развивались"[1]). Много приведено цѣнныхъ фактовъ и высказано предположеній и въ упомянутомъ трудѣ Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ относительно ранняго развитія козачества въ Подоліи; матеріалы же, собранные М. С. Грушевскимъ о барской околичной шляхтѣ и напечатанные въ 1 и 2 томѣ VIII части „Архива Юго-Западной Россіи", такъ же какъ и изслѣдованіе его по этимъ матеріаламъ даютъ болѣе твердую опору для разрѣшенія вопроса о времени возникновенія козачества.

Изъ вышеизложеннаго мы также видѣли, что черкасы, или козаки, производятъ свои нападенія на московскихъ, молдавскихъ и татарскихъ пословъ и купцовъ исключительно на Тавани или около нея;

---

[1]) „Историч. монографіи и изслѣдованія", I, 69—72.

что для послѣднихъ путь отъ Кіева или Черкасъ до Тавани былъ самымъ опаснымъ, и московскій князь всякій разъ просилъ у литовскаго проводниковъ до Тавани, „чтобы лиха отъ его людей не было никотораго“; что отсюда же дѣлались ими нападенія на татаръ и давались вѣсти въ сѣверныя города о наступленіи враговъ; что они, наконецъ, по словамъ Менгли-Гирея, именно „стоятъ на Нѣпрѣ“; слѣдовательно, мы въ правѣ отсюда вывести заключеніе, что еще въ XV в. на Днѣпрѣ, гдѣ-то на Тавани или около нея, во всякомъ случаѣ ниже пороговъ, т. е. *за порогами*, находилось мѣсто постояннаго пребыванія отряда черкасовъ, или козаковъ, и при томъ довольно значительнаго въ числѣ; мы думаемъ также, что, находясь на открытой рѣкѣ, стоя, такъ сказать открытой грудью противъ ежеминутно готоваго къ нападенію врага, сдерживая его порывы къ грабежу, отрядъ козаковъ не могъ не имѣть хотя слабыхъ укрѣпленій, послужившихъ зародышемъ будущей сѣчи; къ этому-то отдаленному періоду, покрытому туманомъ неизвѣстности отъ недостатка свѣта тоговременныхъ документовъ, мы и относимъ ея начало; сѣчь необходимо должна была родиться вмѣстѣ съ козачествомъ, со времени господства литовскихъ князей надъ Южной Россіей, вслѣдствіе новыхъ измѣнившихся отношеній населенія къ татарамъ.

Положеніе этого отряда на Днѣпрѣ трудно опредѣлить по неопредѣленности нашихъ данныхъ; весьма вѣроятно, что онъ находился и на Тавани, гдѣ существовали какія-то городища, которыми усилившіеся потомъ ханы и воспользовались для устройства на немъ крѣпости Мустритъ-кермена, а рядомъ съ нимъ двухъ другихъ Кази-кермена (теперь, Берславъ), на правомъ, и Асланъ-кермена, (теперь Каховка), на лѣвомъ берегу Днѣпра, для удержанія козаковъ отъ походовъ на Крымъ. Въ концѣ XV в. татары еще не рѣшались занять островъ Тавань и предполагали воспользоваться городищемъ надъ Днѣпромъ ниже Тавани, чтобы построить себѣ крѣпость и оттуда уже громить недруговъ московскаго князя [1]); крѣ-

[1]) Въ іюнѣ 1492 г. Менгли-Гирей пишетъ въ Москву великому князю: „А что ми было на королеву землю ратью итти, и азъ нынѣча здумалъ такъ: есть на королевой земли ниже Тавани, на той сторонѣ Днѣпра, городище на(дъ) Днѣпромъ; и азъ нынѣча пошелъ тотъ городъ дѣлати со всѣми людьми, и какъ дастъ Богъ сдѣлаю его, и близко буду недруга своего, и азъ ожъ дастъ Богъ недругу своему да и брата своего недругу хочю недружбу чинити, сколько ми Богъ пособитъ“ (Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 149)

пость была построена, но вскорѣ разорена козаками, какъ мы показали выше. Намъ кажется, поэтому, что здѣсь-то на Тавани и была древнѣйшая Запорожская сѣчь. Козаки, часто мѣнявшіе мѣсто пребыванія своего коша, оставили, вѣроятно, Тавань въ 1504 г., ибо въ концѣ этого года ханъ предполагаетъ строить новый городъ уже на самомъ островѣ Тавани [1]); почему ушли отсюда козаки, неизвѣстно; быть можетъ вслѣдствіе напора татаръ, поддерживаемыхъ турками; въ это время они, хотя и продолжаютъ грабежи на Тавани, но тотчасъ по совершеніи ихъ „уходятъ прочь“ [2]).

Но если Запорожская сѣчь должна была необходимо возникнуть на Тавани или вблизи нея въ XV в., то мы не видимъ, поэтому, основаній для того, чтобы приписывать заложеніе ея московскимъ или литовскимъ князьямъ. Напротивъ, мы наблюдаемъ, что, независимо отъ присутствія въ низовьяхъ Днѣпра сильнаго отряда изъ южно-руссовъ, польско-литовское и московское правительства, не полагаясь на „залоги запорожскіе“, быть можетъ часто враждебные имъ, содержали каждое отдѣльно свои собственные сторожевые отряды на Днѣпрѣ и заботились объ устройствѣ тамъ крѣпостей для предупрежденія на случай выступленія въ походъ татаръ; указаніе на этотъ фактъ мы находимъ еще подъ 1498 г. [3]) въ дипломатической взаимной перепискѣ сосѣднихъ государствъ Польши, Литвы, Москвы, Молдавіи, Валахіи, Турціи и Крыма. Мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ большинства нашихъ историковъ объ основаніи сѣчи княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ на островѣ

---

[1]) Въ ноябрѣ 1504 г. крымскій ханъ сообщаетъ въ Москву: „Да еще самъ на Днѣпрѣ на Таванѣ хочю доспѣти, одинъ городъ великъ, и городищо есть, и язъ то хочю городъ доспѣти“ (Ibid., 540). Въ другой грамотѣ онъ прибавляетъ нѣсколько подробностей: „Богъ дастъ ся весна будетъ, перекопь здѣлаю, а на Днѣпрѣ на Таванѣ перевозѣ Инверменъ городъ сдѣлаю; а салтанъ Баязидъ тысячю человѣкъ далъ; „перекопь крѣпкой сдѣлай“, молвилъ; и нинѣ Богъ доведетъ съ первовесніа, со всею ратью своею подъ на томъ дѣлѣ буду (Ibid., 544).

[2]) См. примѣч. на стр. 63. — Въ первой половинѣ XVI в., т. е. до времени, къ которому принято относить возникновеніе сѣчи, мы также находимъ указанія на отрядъ козаковъ на Днѣпрѣ, именно, въ грамотѣ короля къ крымскому хану, отъ 30 ноября 1542 г.: „а къ тому тежъ дано намъ отъ старостъ нашихъ украинныхъ знати, изъ лихіе люди *козаки*, яко з замковъ нашихъ, такъ тежъ и московскаго, *зъ немалымъ почтомъ на рѣцѣ Днѣпру лежатъ* и кони съ собою маютъ, и гонцовъ нашихъ, такожъ и твоихъ, брата нашего, которые до насъ ходятъ, стерегутъ и грабятъ“ (Акты Запад. Россіи, т. II, 394).

[3]) Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древн., кн. III-я, 1887 г., стр. 139.

Хортицѣ; изъ нихъ, напр., Максимовичъ и друг. ссылаются на Татищева; послѣдній же повторяетъ лишь фактъ, заимствованный изъ малоизвѣстной у насъ тоговременной лѣтописи Нормантскаго, въ которой говорится лишь о сооруженіи города, но вовсе не сѣчи, какъ укрѣпленнаго мѣста для пребыванія „немалаго почта“ козаковъ. (Временникъ Москов. Общ. исторіи и древностей, кн. 5, стр. 102, 103 и 116).

О построеніи замка же, а не сѣчи, говоритъ и другой писатель XVI в. Эрихъ Лассота (1594 г.) въ своихъ „Путевыхъ запискахъ“ (по изданію Ф. Бруна, стр. 53). Оба современника говорятъ такимъ образомъ о сооруженіи города, замка; авторъ Нормантской лѣтописи означаетъ мѣсто его „на Днѣпрѣ, на Кортитскомъ островѣ, противъ Конскихъ водъ“, Лассота же—на островѣ Малой Хортицѣ, лежавшемъ выше большаго острова того же названія. Изъ этихъ двухъ извѣстій, противорѣчащихъ одно другому, мы считаемъ первое болѣе достовѣрнымъ, потому что авторъ Нормантской лѣтописи, обстоятельно знакомый съ дѣятельностью Дмитрія Вишневецкаго дѣлалъ свои записи одновременно съ происходившими событіями; Лассота же писалъ спустя 30 лѣтъ по преданію; послѣднее могло быть ошибочно, такъ какъ не было связано ни съ какими воспоминаніями изъ козацкой исторіи: замокъ не былъ козацкимъ поселеніемъ, а основанъ на „господарево имя“, хотя Н. И. Костомаровъ ссылается, для утвержденія противоположнаго мнѣнія, на грамоту короля Сигизмунда-Августа отъ 1557 г.; [1]) остальные историки совсѣмъ не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго основанія; но и упомянутая грамота Сигизмунда не позволяетъ дѣлать то заключеніе, къ какому пришелъ г. Костомаровъ; правда, въ ней король благодаритъ Вишневецкаго за устройство замка въ удобномъ мѣстѣ,—и только, не больше; но, въ какомъ мѣстѣ, не означаетъ: на землѣ или на рѣкѣ; выше или ниже пороговъ; это тѣмъ болѣе не могла быть сѣчь, что Вишневецкій, во 1-хъ, устроилъ городъ „на господаря“, вообще, „ку повстягненю инихъ людей“, подъ которыми обыкновенно разумѣлись козаки, отличавшіеся этимъ эпитетомъ отъ „поганства—татаръ“, и, во 2-хъ, проситъ короля снабдить новооснованный замокъ „людьми“ и „стрѣльбой“, чего вовсе не требовалось бы, если бы замокъ былъ занятъ запорожцами. Изъ

[1]) Акты Южн. и Запад. Россіи, т. II, стр. 148, № 130.

тоговременной лѣтописи Нормантскаго мы уже знаемъ, что замокъ дѣйствительно былъ сооруженъ на Днѣпрѣ; подтверждая въ грамотѣ сообщаемый лѣтописью фактъ, король увѣдомляетъ между прочимъ Вишневецкаго, что и московскій царь тоже приготовляется строить замокъ при Днѣпрѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже, признавая удобство положенія крѣпости, король отказываетъ въ посылкѣ гарнизона и вооруженія, а вмѣсто того совѣтуетъ Вишневецкому удерживать козаковъ отъ нападеній на татарскихъ чабановъ, обѣщая выслать жалованье и дать „науку“ для дальнѣйшихъ дѣйствій [1]). Такъ какъ мѣсто, избранное Вишневецкимъ для замка, не было занято и укрѣплено, король „людей“ и „стрѣльбы“ не прислалъ, то о сооруженіи воинственнаго князя мы и не встрѣчаемъ болѣе въ актахъ указаній; между тѣмъ, въ 1635 г., когда сеймъ опредѣлилъ, что для удержанія „лихихъ людей“ необходимо построить крѣпость, то мѣстомъ для нея былъ избранъ Кодакъ, потому что Хортица былъ уже въ рукахъ запорожцевъ.

Точно также не могло основать сѣчь и московское правительство; оно, въ свою очередь, серьезно было занято вопросомъ о сооруженіи крѣпостей по Днѣпру и даже намѣтило для этого пункты: урочище Монастырище гдѣ-то на длинномъ пространствѣ между Черкасами и островомъ Хортицей; до 1559 года это предположеніе не было еще приведено имъ въ исполненіе, потому что царю на Днѣпрѣ служилъ Дмитрій Вишневецкій; но Хортицкій городъ былъ оставленъ, и вопросъ о новой крѣпости выступилъ на очередь; литовскій князь въ это именно время обращается къ панамъ раднымъ за совѣтомъ, какъ ему поступить въ такомъ случаѣ и какія мѣры принять, чтобы не дать Москвѣ укрѣпиться на берегахъ Днѣпра, такъ какъ при дипломатической перепискѣ Польши съ Москвой въ 1558 году оказалось, что сооруженіе крѣпости царь поручилъ князю Дмитрію Вишневецкому, перешедшему не задолго до того въ Москву. Вслѣд-

[1]) Неудовлетворенный королемъ Вишневецкій обратился съ той же просьбой къ московскому государю. Государь далъ ему отрядъ путивльскихъ козаковъ; съ ними Вишневецкій выдержалъ лѣтомъ 1557 г. нападеніе отъ крымскаго хана и о своей побѣдѣ извѣщаетъ царя. Въ октябрѣ 1558 г. у Вишневецкаго корму не хватило, козаки отъ него разошлись; напавшіе татары, турки и волохи заставили его уйти изъ Хортицкаго города; онъ занялъ Черкасы и Каневъ, но царь велѣлъ ихъ оставить и возвратиться въ Москву; въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ съ козаками и стрѣльцами на Казань, Астрахань, Кабарду и Азовъ (Лѣтопись Нормантскаго, стр. 109, 110, 115 и 118.

ствіе этого, въ 1559 г. возникаетъ даже особая оффиціальная переписка и переговоры черезъ пословъ между обоими государствами [1]); козачество, какъ лице, не участвующее въ переговорахъ, въ актахъ посольства совсѣмъ даже не упоминается, хотя, конечно, оно не могло оставаться безучастнымъ зрителемъ и смотрѣть спокойно на ограниченіе своихъ вольностей; въ половинѣ XVI в. вопросъ о крѣпостяхъ сошелъ какъ-то со сцены самъ собой, и мы не знаемъ, какъ поступило бы козачество, если бы онъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но въ 1635 г., когда крѣпость Кодакъ дѣйствительно была устроена польскимъ правительствомъ и снабжена гарнизономъ, то козаки надъ предводительствомъ Сулимы тотчасъ же разорили ее. При переговорахъ 1559 года московское правительство убѣждаетъ польскаго короля, что, сооружая крѣпость, оно тѣмъ не „вступается“ въ его земли, а ограничивается лишь „береженьемъ христіанства отъ татаръ“; оно считаетъ себя въ правѣ занимать Днѣпръ, по тому что, если онъ не московскій, такъ какъ вытекаетъ изъ владѣній московскаго царя, то непремѣнно ужь и ничей—„Божій“; изъ этихъ же переговоровъ мы узнаемъ, что тогда на Днѣпръ съ ратью былъ посланъ, вмѣсто Вишневецкаго, окольничій Данило Ѳедоровичъ Адашевъ и съ нимъ много людей „для береженья отъ татаръ“ [2]) Московское правительство содержало сторожей не только

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, 580 и слѣд.

[2]) Въ 1559 г. русскіе послы на запросъ польскихъ: „толь государя вашего правда, что въ государя нашего вотчину въ Днѣпръ вступаетца и людей своихъ на Днѣпръ ставитъ, и вотчины черкаскіе люди его пустошатъ и рыболовей грабятъ“?—должны были отвѣтить: „государь нашъ въ королевы земли и воды не вступаетца ничѣмъ, и рыболовей государя нашего люди не грабятъ и вотчинъ черкаскихъ не пустошатъ ничѣмъ; а стоятъ люди государя нашего на Днѣпрѣ, берегутъ христіанство отъ татаръ, и въ томъ стояньѣ государя нашего на Днѣпрѣ не одинъ государя нашего людямъ оборонъ—и королевой землѣ защита: бывалъ ли одинъ татаринъ за Днѣпръ, какъ государя нашего люди учали стоять на Днѣпрѣ? и за такую христьянскую оборону пригоже было государя нашего людей чтити; и королевы козаки у государя нашего людей безпрестанно крадутъ лошади; и въ тѣхъ дѣлѣхъ только не учинитъ король управы, ино впередь какъ добру быти“?—Что касается до р. Днѣпра, то русскіе послы должны были говорить польскимъ: „а будетъ о Днѣпрѣ межъ государей писма нѣтъ, въ чьей сторонѣ, ино то онъ Божій: кто захочетъ, тотъ на немъ стоитъ; а по се время того есми не слыхали, что противъ Крыма Днѣпръ королевъ; а какъ ся видитъ, что Днѣпръ государя нашего, потому что течетъ изъ государя нашего земли“. На замѣчаніе польскихъ пословъ, что присутствіе Адашева на Днѣпрѣ „перемирье рушитъ“, русскіе должны были успокоить ихъ тѣмъ, что „въ Каневъ и въ Черкасы и въ иные королевы мѣста вступатися ему не велѣно ничѣмъ, потому какъ въ перемирныхъ грамотахъ государю нашему съ королемъ рубежъ описанъ“. (Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, стр. 583 и 584).

на Днѣпрѣ и въ городахъ на лѣвомъ берегу его, но также и въ правобережныхъ городахъ съ согласія польскаго короля, и дозволяло тоже дѣлать польскимъ властямъ въ своихъ владѣніяхъ; такъ, напр., въ 1551 году царь извѣщаетъ короля, что онъ приказалъ своимъ намѣстникамъ позволять польскимъ сторожамъ наблюдать въ порубежныхъ городахъ за движеніями татаръ и проситъ, въ свою очередь, охраны для московскихъ сторожей, находящихся въ Каневѣ и Черкасахъ [1]). Ясно отсюда, что ни польскіе короли, ни московскіе цари рѣшительно не довѣряли козакамъ въ дѣлѣ охраненія своихъ границъ и сами заботились о содержаніи собственныхъ сторожевыхъ отрядовъ. Эти-то факты подобной заботливости и были истолкованы нашими историками въ смыслѣ основанія сѣчи то однимъ правительствомъ, то другимъ. Ни Польша, ни Москва не могли положиться на козачество, потому что въ эту пору его интересы обособились отъ интересовъ и той и другой и, быть можетъ, даже шли въ разрѣзъ, когда козаки примирялись и сближались по старинѣ съ татарами. Такой фактъ сближенія ихъ мы находимъ въ Межигорской лѣтописи даже въ сравнительно позднее время, именно подъ 1628 г. [2]); факты противоположнаго характера слишкомъ многочисленны и извѣстны въ козацкой исторіи, и потому мы не видимъ необходимости въ примѣрѣ.

Какъ формировался козачій сторожевой отрядъ на Таванѣ, мы не находимъ положительныхъ указаній въ ранній періодъ существованія козачества, но въ первой половинѣ XVII в., какъ свидѣтельствуетъ постановленіе кіевской рады 1638 г., [3]) существовалъ обычай, согласно которому въ извѣстное время отправлялось по нѣсколько человѣкъ отъ каждаго полка или сотни въ Запорожье, какъ „залога“, гарнизонъ, на смѣну бывшему тамъ прежде отряду; возвращавшіеся казаки назывались „отставленными“ [4]).

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, стр. 354 и 361.

[2]) Року 1628 съ Шангиреемъ, царемъ татарскимъ, козаки примирили; и на Запорожью кочовалъ Шангирей и съ татары своими; а другихъ послалъ у Вишневеччину на лежу, которые мели лежу у Лубнихъ, въ Пирятинѣ, въ Прилукѣ, въ Лохвицѣ и въ Варвѣ; а по иншихъ мѣстечкахъ и селахъ всѣхъ стацѣю брали, якъ сами хотѣли, и отошли знову таиже на Запорожье въ року 1629“. (Сборникъ лѣтописей Южной и Западной Россіи, стр. 95).

[3]) Лѣтопись С. Величка, т. IV, стр. 275.

[4]) Акты Москов. государства, т. I, стр. 345, № 327

Вольная жизнь въ Запорожьи привлекала много охотниковъ идти въ „залогу“; „отставленные“ также очень часто не хотѣли возвращаться домой; и въ томъ и въ другомъ случаѣ приходилось самимъ же козакамъ употреблять силу для принужденія непослушныхъ къ повиновенію. Составленный такимъ образомъ запорожскій гарнизонъ въ частномъ своемъ дѣленіи на курени могъ давать послѣднимъ названія полковъ или сотенъ, изъ которыхъ приходили жившіе въ куренѣ козаки, при чемъ названія полковъ или сотенъ замѣнялись именами ихъ атамановъ—явленіе весьма обычное въ козачествѣ (напр. Щуровы козаки, князя Дмитріевы козаки и проч.); названія куреней древнѣйшаго періода намъ неизвѣстны; быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ удерживались еще и въ XVIII в., а въ настоящее время вызываютъ недоумѣніе относительно ихъ происхожденія. Если запорожское козачество было только „залогою“ малорусскаго козачества вообще, сторожевымъ отрядомъ, который всегда, въ каждую минуту, долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ врага или къ выступленію въ походъ, то существовавшіе въ немъ обычаи, какъ, напр., недопущеніе женщинъ въ сѣчь, и друг. становятся понятны сами собою. Эта же необходимость постоянной боевой готовности обусловила собою большую или меньшую автономію „запорожскихъ залогъ“ и огромное права кошевого атамана, не смотря на его подчиненіе власти гетмана, проживавшаго, то въ Каневѣ, то въ Черкасахъ, то въ Чигиринѣ, и бывшаго общимъ вождемъ и представителемъ малорусскаго козачества.

Такъ разрѣшается самъ собою поднятый нашими историками вопросъ о возникновеніи Запорожской сѣчи; въ свою очередь, и болѣе древніе, дошедшіе до насъ, козацкія лѣтописи совершенно умалчиваютъ о началѣ коша, какъ о событіи, покрытомъ глубокой давностью, хотя выдвигаютъ на первый планъ два другія событія, неопредѣленныя, не подкрѣпляемыя никакими современными имъ положительными данными, кромѣ преданія, записаннаго бытописателями болѣе поздняго времени, и потому дающія поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и толкованіямъ, тѣмъ не менѣе событія, послужившія эпохой въ жизни южно-русскаго населенія; это—самое возникновеніе южно-русскаго козачества, согласно относимое всѣми лѣтописями къ началу XVI в. (1506—1516 гг.), и мнимая организація козачества, совершенная королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ началѣ своего правленія и раздѣлившая единое козачество на регестровое и запорожское.

Остановимся на первомъ изъ этихъ событій. Сказанія лѣтописцевъ о началѣ козачества могутъ быть точно резюмированы словами польскаго хроникера Мартина Бѣльскаго: „a na ten czas (въ 1516 г.) sie dopiero kozacy u nas wszczeli [1])". Русскіе лѣтописцы, относя названное событіе одни къ 1506 г. [2]), другіе къ 1512 [3]), а третьи вообще ко времени правленія Сигизмунда I [4]), прибавляютъ, что этимъ королемъ „дано вольность и землю выше и ниже пороговъ по обоихъ сторонъ Днѣпра во владѣніе вѣчное и привиліемъ королевскимъ утверждено". Какимъ образомъ согласить теперь сообщаемыя лѣтописцами извѣстія, дошедшія до нихъ по традиціи, съ тѣми несомнѣнными фактами, которые заимствованы нами изъ дипломатической переписки Польши съ Крымомъ и Москвою и предствляютъ казачество вполнѣ сформировавшимся уже въ концѣ XV в.? Не скрывается-ли подъ словами лѣтописи память о какомъ-то дѣйствительно произшедшемъ переломѣ въ жизни козачества, но непонятномъ для бытописателей?—Если мы обратимъ вниманіе на жизнь Южной Руси въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, то не можемъ пройти мимо того важнаго для нашей цѣли явленія, которое отмѣчено еще проф. В. Б. Антоновичемъ и выдѣлено имъ изъ массы разрозненныхъ фактовъ, затемненныхъ противорѣчивыми мнѣніями изслѣдователей новѣйшаго времени, это—явленія борьбы южно-русскаго населенія за свою вѣру и народность противъ наступавшаго полонизма, въ которой ясно проявилось твердое національное самосознаніе населенія; борьба велась въ теченіе столѣтія подъ предводительствомъ кіевскихъ князей Ольгердовичей, Олельковичей и Глинскихъ и въ 1508 г. окончилась торжествомъ польскаго начала; не вдаваясь въ разсмотрѣніе причинъ неудачи этой борьбы, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, ограничимся вполнѣ спроведливымъ заключеніемъ проф. Антоновича [5]), что „княжеское сословіе, очевидно, было безсильно въ этой борьбѣ: его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ; они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общенародное дѣло", при этомъ

---

[1]) Хроника, стр. 534.

[2]) Сборникъ лѣтописей Южн. и Запад. Руси, стр. I.

[3]) Лѣтопись Самовидца, стр. 329.

[4]) Лѣтопись Грабянки, стр. 21.

[5]) Монографіи, т. I, 244.

почтенный изслѣдователь замѣчаетъ „въ нѣдрахъ Кіевской области зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху[1])“. Такими силами явились разъединенныя послѣ неудачной попытки 1508 г. козацкія общины, которыя, быть можетъ, сплачиваются въ эту роковую минуту и настолько рѣшительно поднимаются на свою самозащиту, что польская власть не рѣшается преслѣдовать этихъ смѣлыхъ борцовъ въ ихъ „дикомъ полѣ“ и за порогами, гдѣ козачество могло, кромѣ того, найти себѣ союзниковъ и въ татарахъ.

Намъ неизвѣстно, въ какихъ формахъ населеніе выразило въ то время свое рѣшительное намѣреніе остаться политически независимымъ, но польскій король дѣлалъ, мы думаемъ, попытку къ покоренію козачества оружіемъ и даже входилъ съ этой цѣлью въ союзъ съ татарами, что позволяетъ намъ предполагать сохранившееся въ въ Кіевской лѣтописи подъ 1519 г. извѣстіе объ этомъ[2]); однако, попытка короля окончилась неудачей, не смотря на пораженіе Руси: въ своихъ степяхъ они были неуловимы ни для татаръ, ни для поляковъ. Это-то событіе—проявленіе южно-русскимъ населеніемъ горячаго стремленія къ независимости отъ власти польскихъ воеводъ и старостъ, готовность къ рѣшительной защитѣ послѣ возстанія кн. М. Глинскаго въ 1508 г. и его отдѣленіе отъ населенія, усвоявшаго себѣ польскій строй и вѣрованія—и отмѣчено въ лѣтописяхъ какъ начало козачества, событіе, подобное тому, которое совершилось около $2^1/_2$ столѣтій до того времени[3]), когда общины добровольно подчинились татарамъ, отпавъ отъ княжеской власти.

Тѣмъ не менѣе однакоже, отстоявъ свою независимость, козачество, въ силу тогдашнихъ политическихъ условій, не могло совершенно отдѣлиться ни отъ остальнаго русскаго населенія, ни отъ польской власти и должно было искать въ нихъ союзника для борьбы съ татарами, усилившимися въ то время и участившими свои набѣги на Южную Русь. Это были одинаковые враги и польской вла-

---

[1]) Ibid.

[2]) Року 1519, татаре, съ поляками зрадившеся, на голову нашихъ, Русь, подъ Соколемъ поразили, а другихъ въ Бугу потопили“ (Сборникъ лѣтописей Юж. и Запад. Руси, стр. 75).

[3]) *М. Сергіенко*: „Громад. рух на Вкраіні -Русі в XIII вѣці“ (Записки товарищества имени Шевченка, т. I).

сти и русскаго населенія, и необходимость общихъ дѣйствій противъ нихъ сближала и ту и другое; польскіе старосты южно-русскихъ городовъ, какъ мы выше сказали, соединяются съ козаками, становятся во главѣ ихъ общинъ, разрозненныхъ еще въ ту эпоху, и удвоенными такимъ образомъ силами отражаютъ татаръ, и это обстоятельство даетъ поводъ позднѣйшимъ лѣтописцамъ называть такихъ временныхъ предводителей козацкими гетманами и даже устанавливать между ними преемство, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были современны другъ другу. Однако, болѣе тѣсному сближенію козаковъ съ южнорусскими старостами препятствовало постоянное стремленіе послѣднихъ къ расширенію правъ своихъ и распространеніе ими на свободное населеніе своей власти, выражавшейся въ требованіи все большихъ повинностей и платежей; отсюда возникаетъ рядъ жалобъ и тяжебъ между тѣми и другими, оканчивавшихся, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу представителей королевской власти; такія жалобы и тяжбы начинаются еще съ первыхъ годовъ управленія Евстафія Дашковича [1]) и продолжаются при его преемникахъ съ небольшими лишь перерывами; все это приводило къ частымъ кровавымъ разсчетамъ. Польское правительство, въ свою очередь, нуждаясь въ услугахъ козаковъ, льготами и выгодами обезпеченія за ними ихъ земельныхъ правъ старалось привлечь ихъ на свою сторону; и эти старанія не оставались напрасными: большинство населенія искало спокойнаго пользованія своимъ имуществомъ, болѣе эгоистическіе элементы козачества тяготѣли къ Польшѣ; это и было началомъ въ жизни южно-русскаго населенія другого важнаго событія, на которое обратили свое вниманіе козацкіе дѣписатели и отмѣтили его, какъ организацію будто-бы козачества, произведенеую въ концѣ XVI в. королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который, обязавъ ихъ военной службой, самъ „козакомъ опредѣлилъ гетмана и старшину учредилъ межи ними“, и „платилъ всякому козаку по червонцу и кожухъ“, и „далъ гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска Запорожскаго“; для приведенія въ извѣстность количества козаковъ, получавшихъ червонцы и кожухи, составлены были регестры, положившіе начало регестровому козачеству. Фактъ этотъ, совершавшійся постепеннымъ и мирнымъ

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, № XVII, стр. 366

путемъ, болѣе или менѣе уже разъяснился, благодаря изданію въ настоящее время весьма многихъ актовъ, относящихся до козачества, и ошибочность лѣтописныхъ извѣстій становится очевидной. Самая ранняя, какая только до сихъ поръ намъ извѣстна, попытка обратить козачество на службу Рѣчи-посполитой дѣлается не Стефаномъ Баторіемъ, а полустолѣтіемъ раньше него, еще Сигизмундомъ I [1]) и быть можетъ, по указанію черкасскаго старосты Евстафія Дашковича, послѣ неудавшейся попытки покоренія козаковъ силой, указанію, сдѣланному имъ на городенскомъ сеймѣ въ 1522 году. Король принялъ этотъ совѣтъ и въ 1524 году предписываетъ панамъ раднымъ обсудить поставленный Дашковичемъ вопросъ, найти „годнаго и добраго человѣка", отправить его въ Кіевъ для сбора козаковъ, приготовить для вознагражденія послѣднихъ сукно и деньги и расположить отряды ихъ по Днѣпру на перевозахъ для предупрежденія татарскихъ набѣговъ [2]); при этомъ король даетъ совѣтъ имѣть постоянный наем-

[1]) Такъ въ 1506 г. онъ даетъ жалованную грамоту козакамъ на ихъ территорію, а сеймъ въ 1511 подтверждаетъ ее (Сборникъ лѣтописей, 1.—В. Б. Антоновичъ: „Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 г. г.) Указаніе лѣтописи на 1506 г. мы считаемъ ошибочнымъ: дата привиллегіи записана по памяти, потому что подлинникъ ея былъ утраченъ къ тому времени, когда писалась эта лѣтопись; важно лишь то, что дата близка къ перевороту въ козачествѣ, совершившемуся въ 1508 г.; быть можетъ грамота даже дана въ 1516 г., къ которому другія лѣтописи относятъ начало козачества.

[2]) Король, упоминая о томъ, что онъ ранѣе уже поручалъ радѣ, державцѣ рѣчицкому Семену Полозовичу и п. Кристофу Кмитичу, „собравши козаковъ, на низъ Днѣпромъ на службу нашу пойти" и что порученіе это радою не было исполнено, говоритъ далѣе: „иные тыми разы писали къ намъ панъ Семенъ Полозовичъ и панъ Кристофъ, повѣдаючи, ихъ . . . . . они, яко слуги наши добрые и вѣрные . . . . . собравши малый почотъ козаковъ, предся тымъ на низъ Днѣпромъ до Киева и далѣй до Тавана на службу нашу ходили и, тамъ будучи, послуги намъ не мало своее вчинили: тыхъ людей непріятелей всѣхъ татаръ, которыи въ панствѣ нашомъ были, тыждень черезъ Днѣпръ не пропустили, иные каждый дей день зъ ними битву мѣвали и много дей ихъ вбили, а иншие дей сами тонули. Кгдыжъ они съ тымъ малымъ почтомъ людей такими послуги намъ, господарю, чынили, мы на то бачымы, кгды бы тамъ тисяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, знать бы и овшемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы вашое милости, радъ нашихъ, рачте о томъ радити и мыслити. И видѣлося бы вашое милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на пришлое лѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рачте обрати зъ дворянъ нашихъ которого годного и доброго человѣка и казали бы ему скоро по Велицѣ—дни до Киева ѣхати и козаковъ збирати, и казали бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣнязей на нихъ колко сотъ копъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложити, абы намъ и Рѣчи-посполитое земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый поможетъ".

(Настоящій документъ сообщенъ намъ проф. С. А. Бершадскимъ, которому и выражаемъ искреннюю благодарность).

ный отрядъ козаковъ въ одну или двѣ тысячи, совѣтъ, имѣвшій можетъ быть нѣкоторый успѣхъ, потому что въ 1540 году король посылаетъ уже своего дворянина Стрета Солтовича, которому приказываетъ переписать въ регестръ но только однихъ кіевскихъ козаковъ и доставить таковой ему, упрекаетъ кіевскаго подвоеводу князя Коширскаго за потворство ради своихъ выгодъ своеволію козаковъ и грозитъ, при повтореніи ихъ нападеній на татарскіе улусы, взыскать всѣ убытки съ имѣній князя [1]). Тѣ же мѣры употребляетъ и Сигизмундъ-Августъ по отношенію къ козакамъ; съ одной стороны, въ 1568 г., приказываетъ имъ уйти съ низовьевъ Днѣпра и „не чинить шкодъ и лупезства чабаномъ царя турецкаго и татаромъ царя перекопскаго", съ другой, старается привлечь ихъ на службу королевству: „ведже при замцехъ нашихъ знайдется вамъ служба наша, за которую жалованье кождый зъ васъ одержитъ" [2]); результаты принятыхъ королемъ мѣръ были уже настолько прочны, сравнительно съ предшествующимъ царствованіемъ, что онъ въ 1572 г., произведя исчисленіе козаковъ и ограничивъ ихъ количество, не только подчиняетъ ихъ начальству короннаго гетмана, но ставитъ надъ ними еще „судью", быть можетъ для устраненія раздоровъ среди козачества; такимъ судьей былъ какой-то Янъ Бадовскій [3]); этотъ моментъ и долженъ быть признанъ временемъ окончательнаго образованія регестроваго козачества. Что касается до отношенія къ нему же Стефана Баторія, этого мнимаго организатора козачества, то при немъ неизмѣнно продолжался установленный его предшественниками характеръ отношеній; онъ также, съ одной стороны, даетъ козакамъ, ради привлеченія ихъ на свою службу, жалованную грамоту, въ которой будто бы излагалась эта мнимая организація, а въ дѣйствительности только укрѣплялась за ними та широкая территорія, которую они занимали испоконъ вѣка и на которой грамота отмѣчаетъ, между прочимъ, существованіе мѣстечекъ, селъ и хуторовъ съ ихъ землями и угодьями, находившимися во владѣніи и пользованіи козаковъ; онъ также обращается къ „запорожскимъ молодцамъ", убѣждая ихъ не вмѣшиваться въ дѣла валашскія

[1]) Акты Южн. и Запад. Рос., т. I, стр. 110.
[2]) Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. III, т. I, стр. 4—6
[3]) Ак. Ю. и З. Р., II, 176.

и татарскія, не поддерживать претендентовъ на престолъ у первыхъ и не грабить вторыхъ; съ другой стороны, король предписываетъ кн. Константину Острожскому [1]) и украиннымъ, особенно черкасскому, старостамъ разогнать это скопище разбойниковъ, не давать ему поддержки и не снабжать боевыми припасами; подобно своему предшественнику, Стефанъ Баторій назначаетъ запорожскимъ гетманомъ Яна Оришевскаго [2]), котораго впослѣдствіи король Сигизмундъ III, въ 1590 г., посылаетъ съ горнизономъ въ 1000 чел. въ Кременчугъ и велитъ ему тамъ заложить крѣпость для удержанія козаковъ отъ нападеній на татаръ [3]). Отсюда мы видимъ, что одно время козачество какъ бы добровольно подчиняется королевской власти, а вслѣдъ затѣмъ сбрасываетъ съ себя эту власть и является опять свободнымъ, борющимся за сохраненіе своей національности и отцовской вѣры.

Это добровольное подчиненіе козачества польской власти совершается, какъ мы видѣли, весьма постепенно, безъ кровавой борьбы, въ теченіе первой половины XVI в. и въ третьей четверти его какъ бы завершается; но въ послѣдующее затѣмъ время въ послѣдніе годы этого столѣтія оно вызываетъ сильную реакцію, сопровождающуюся войнами и договорами поляковъ съ козаками, какъ равныхъ съ равными, или, точнѣе, сюзерена съ непокорнымъ вассаломъ. Такое колебаніе козачества отъ подчиненія къ независимости указываетъ на дѣйствіе среди него какихъ-то внутреннихъ силъ, преведшихъ его во второй половинѣ XVI в. къ перевороту въ политической жизни, независимость которой оно отстояло въ самомъ началѣ столѣтія, послѣ окончательнаго паденія Кіевскаго княжества, а въ концѣ столѣтія снова вынуждено было защищать ее. Для уясненія себѣ этихъ силъ обратимся къ внутренней жизни козачества и разсмотримъ тѣ стороны ея, которые должны были оказать вліяніе и даже вызвать тяготѣніе козачества къ Польшѣ въ началѣ и борьбу съ ней въ концѣ XVI в.; такими сторонами мы считаемъ широко развившееся землевладѣніе и мѣстную общественную автономію. Разсмотримъ первую изъ нихъ.

Мы отмѣтили уже выше раннее развитіе среди козачества занятія земледѣліемъ, рыбной ловлей, охотой, лѣснымъ хозяйствомъ; позже,

[1]) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, 1—16.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, 255.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, 28—30.

въ половинѣ XVI в., этотъ фактъ подтверждаютъ и королев. люстраціи старостъ; козаки занимаются промыслами весною и лѣтомъ по такъ называемымъ „уходамъ, або станамъ", которые всѣ располагаются по лѣсамъ, рѣкамъ и полямъ и тянутся до самыхъ татарскихъ поселеній; крайними являются уходы по Ворсклѣ, Орели, Самарѣ, обоихъ Ингулахъ, по Днѣпровскимъ порогамъ и даже на Тавани [1]).

Работая изъ года въ годъ на однихъ и тѣхъ же „уходахъ", козацкія семьи мало по малу освояли ихъ, оставались жить на мѣстахъ промысловъ постоянно, и люстраторы XVI в. отмѣчаютъ этотъ фактъ, какъ явленіе обыденное, замѣчая, что козаки по уходамъ живутъ „уставичне", [2]), причиняя этимъ „переказу" [3]) частнымъ владѣльцамъ и старостамъ; въ этомъ отношеніи особенно любопытна грамота короля Сигизмунда-Августа, отъ 20 декабря 1568 г. [4]), которая и была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что постоянное пребываніе козаковъ „на низу, на Днѣпре, въ поле и на иныхъ входѣхъ" влечетъ за собою ихъ столкновеніе съ татарами, у которыхъ они угоняютъ стада и табуны, а это нарушаетъ миръ, приводитъ къ татарскимъ набѣгамъ и даже къ войнѣ съ Турціей.

Мѣщане и бояре уже въ люстраціяхъ XVI в. именуются „отчичами" своихъ уходовъ, т. е. потомственными владѣльцами [5]); но такъ какъ боярское и мѣщанское сословія того времени не были рѣзко разграничены отъ козацкаго и взаимный переходъ отъ одного къ другому допускался совершенно свободно [6]), то и земли боярскіе и мѣщанскіе становятся козацкими, и козаки являются ихъ наслѣдственными владѣльцами; какъ частная собственность эти уходы продаются и завѣщаются, даже съ людьми на нихъ живущими; напр. „уходъ на Тясмени, на имя Радивоновской, боярина черкасскаго Зуб-

---

[1]) Арх. Ю. З. Рос., ч. VII, т. I, стр. 84.

[2]) Ibid, 103.

[3]) Люстраторы, с ажемъ ужь кстати, отмѣчаютъ, что „переказу" въ пользованіи уходами дѣлаютъ также и „*копачи*", археологи XVI в., которые, по городищамъ и селищамъ оными ходячи, могилы расапиваютъ, ищучи тамъ оброчей и перстней, мощи погребеныхъ выкидываютъ на помсту за то живымъ и невиннымъ" (Арх., ч. VII, т. I, 103).

[4]) Арх, Ю. З. Р., ч. III, т. I, 4—6.

[5]) Ibid., ч. VII, т. I, 102.

[6]) М. Н. Александровичъ, Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й Историч. описаніе. Часть 1-я, стр. 109: бояре и мѣщане остерскіе становятся козаками, въ тоже время они наслѣдственные владѣльцы земли.

рикова" купленъ у князя Путивлскаго [1]); въ приложеніи мы сообщаемъ (№ I, 1—5) „тестаментъ Ивана Лисиченка на Бузуково, подъ Черкасы, въ пользу Кіево-Печерской лавры", подтвержденіе этого тестамента гетманами Григоріемъ Черным въ 1630 г. и Богданомъ Хмельницкимъ въ 1650 г. вслѣдствіе оспариванія хутора козаками; о правѣ промысловъ въ уходахъ по Днѣпру отъ р. Быстрика по Ердань Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь ведетъ тяжбу въ 1544 году передъ черкасскимъ старостою Оникіемъ Горностаемъ съ мѣщанами и козаками г. Черкасъ [2]).

Нарушеніе со стороны казаковъ права этого же монастыря на владѣніе землей Савной (при устьѣ р. Роси) запрещаетъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный въ своемъ приказѣ отъ 13 мая 1619 г. [3]) Случались взаимныя тяжбы и между самими козаками, такъ, напр., въ 1617 г. гетманъ Дмитрій Богдановичъ Барабашъ предписываетъ козакамъ не захватывать и не отнимать земель у козака Гаврилы Колушкевича, который владѣетъ ими какъ „отцовщиной" [4]). Въ перечисленныхъ примѣрахъ тяжебъ и споровъ отдѣльныхъ владѣльцевъ (монастырей и козаковъ) съ козацкими общинами мы видимъ борьбу двухъ правъ на землю: общиннаго, опиравшагося на обычай, преданіе и отстаиваемаго козаками и мѣщанами, завладѣвающими спорными землями, и частнаго, выдѣлившагося изъ общиннаго, укрѣпленнаго уже юридическими актами и потому поддерживаемаго властью. Позже частное владѣніе землей все болѣе развивается и къ концу XVI вѣка мы имѣемъ уже если и не многочисленныя доказательства его, то все-таки настолько точныя и опредѣленныя, что они не оставляютъ мѣста для сомнѣнія. Такъ, мы имѣемъ жалованную грамоту короля Сигизмунда-Августа Емельяну Ивановичу [5]), отъ 4 октября 1571 г., называемому въ документѣ то родовитымъ земяниномъ, то козакамъ низовымъ; король жалуетъ ему „входную" землю „Сиверу" по р. Ворсклѣ, съ правомъ передачи этой земли наслѣдникамъ—дочери, если не будетъ сыновей [6]). Весьма любопытна судьба

[1]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, 86.

[2]) Акты Запад. Россіи, т. II, 188 и 402.

[3]) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I, 253.

[4]) Кіев. Стар. за май 1883 г., 145.

[5]) См. Прилож. № II.

[6]) Настоящую грамоту подтверждаетъ также и король Генрихъ въ 1574 г.— Документъ этотъ сообщенъ намъ М. С. Грушевскимъ, которому приносимъ сердечную благодарность.

наслѣдниковъ этого козака-землевладѣльца; въ январѣ 1646 г. дв. Станиславъ Гурскій, игнорируя совершенно вышеозначенныя грамоты Ивановичу, занесъ въ житомирскій гродскій судъ жалобу на наслѣдниковъ Емельяна Ивановича: Емельяна Кроновича и Радка Василевича о томъ, что они, будучи, „*простыми хлопами*“, осмѣливаются именовать себя шляхтой и „*дѣдичами*“ земли Сиверы и позволили себѣ уступить эту землю по фальшивой записи сыну брацлавскаго воеводы Станиславу Потоцкому во вредъ и убытокъ жалобщику, какъ законному потомственному владѣльцу земли, которую онъ, жалобщикъ, продалъ кіевскому коморнику Юрію Немиричу [1]). Чѣмъ дѣло окончилось намъ неизвѣстно; если Гурскій и не выигралъ его, то развѣ только благодаря тому, что эта земля перешла уже къ Потоцкому [2]), тяжба съ которымъ была не легка. Для насъ акты Ивановича важны въ томъ отношеніи, что, во 1-хъ, они подтверждаютъ жалобы на польскихъ старостъ, изложенныя и въ письмахъ Сагайдачнаго и въ универсалѣ Стефана Остранина и, во 2-хъ, здѣсь повторяется съ полнымъ сходствомъ все, происходившее позже на правомъ берегу Днѣпра въ Субботовѣ между Хмельницкимъ и Чаплинскимъ: и непризнаніе личныхъ дворянскихъ правъ козаковъ, и игнорированіе ихъ грамотъ на землевладѣніе, и захватъ козацкихъ имѣній, и всякія насилія. Какъ многочисленны были такіе факты, показываютъ событія 1638 г., когда козаки задумали-было возвратить себѣ „добра дѣдичные“; распространившійся объ этомъ слухъ дошелъ до коронаго гетмана; послѣдній встревожившись посылаетъ къ нимъ дв. Трояна Голубковскаго съ убѣжденіемъ, что это было бы противно всѣмъ прежнимъ договорамъ (Величко, IV, 271). Такими же земянами—козаками и шляхтичами являются землевладѣльцы Любецкаго староства Назаръ Тарасовичъ, Милко Бывальковичъ, Демидъ Карповичъ, Данило Глѣбовичъ Пероцкій. Богданъ Жоглинъ, Остапъ

[1]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. VI, т. I, 543—545.

[2]) Что упоминаемый выше Емельянъ Ивановичъ былъ въ свое время весьма значительнымъ лицомъ въ козацкой и даже польской общественной іерархіи, показываетъ найденный нами въ кіевской гродской книгѣ подъ $^{9}/_{19}$ ноября 1793 года древній документъ въ которомъ является и Емельянъ Ивановичъ и претендовавшій на его имѣнія дв. Станиславъ Гурскій; документъ этотъ есть жалованная грамота короля Владислава IV п. Гурскому на Кагорлыцкое староство, оставшееся послѣ (неизвѣстно, когда умершаго) какого-то Емельяна Ивановича и Ивана Чекала (въ 1637 г.) См. кн. Кіев. центр. арх. № 128, л. 693, актъ 777.

Юрковичъ, Федько Антоновичъ, Скугарь Логвиновичъ, Богданъ и Лашко Репчичи и друг. [1]); нѣкоторые изъ этихъ семей и впослѣдствіи мы встрѣчаемъ въ козацкихъ рядахъ, тогда какъ другія или перешли на сторону польскаго шляхетства или снизошли въ сословіе крестьянъ; въ половинѣ XVI в. всѣ они являются землевладѣльцами и просятъ польскихъ королей сначала Сигизмунда-Августа, а позже Стефана Баторія объ укрѣпленіи за ними ихъ „отчины", которую они „з давныхъ часовъ уживаютъ", съ пахотными полями, сѣнокосами, рыбными ловлями, бобровыми гонами и друг. доходами Болѣе важными для доказательства факта козацкаго землевлаѣнія на далекомъ югѣ вольныхъ степей мы считаемъ документы рода Волевачей [2]): 1) духовное завѣщаніе 1600 г. козака Тишка Волевача на свое движимое и недвижимое имущество въ южной части козацкихъ владѣній по Днѣпру; 2) запись о продажѣ козакомъ Максимомъ Михайловичемъ Плоскаго лѣса значковому товарищу Ивану Волевачу въ 1615 г. и 3) запись о продажѣ вдовой козачкой Ѳедорой Андреевой своей пасѣки по р. Ингульцу обозному Запорожскаго войска Ивану Волевачу около 1630 года.

Три послѣдніе документа свидѣтельствуютъ также и о способѣ развитія крупнаго землевладѣнія среди козаковъ: они пріобрѣтали земли путемъ покупки. Такъ, напр.:, Тишко Волевачъ, въ 1600 году, владѣлъ почти всѣмъ теченіемъ р. Чутки [3]) съ пахотными полями, сѣнокосами и пасѣками; пасѣкой въ Мотронинѣ; лѣсомъ надъ Еничемъ съ пахотными полями и сѣнокосами; хуторомъ на Березовкѣ; восемью Волевачевскими байраками съ пахотными полями и сѣнокосами по обѣимъ сторонамъ р. Цыбульника; пахотными полями и сѣнокосами у Колонтаева и по р. Чуткѣ; наконецъ пахотными полями и сѣнокосами отъ Грузкой балки до пороговъ. Козакъ Максимъ Михайловичъ владѣлъ Плоскимъ лѣсомъ, верховьемъ р. Цыбульника, р. Говнянкой, Ингульцемъ отъ устья Говнянки до устья Макаровки, со всѣми по этимъ рѣкамъ сѣнокосами, пахотными полями, пасѣками, рыбными ловлями и проч. угодьями. Козачкѣ Ѳедорѣ Андреевой принадлежали байраки по р. Макаровкѣ и Ингульцу съ хуторами, пасѣками, сѣнокосами и пахотными полями. Земли двухъ послѣднихъ

[1]) См. Прилож. № IX.

[2]) См. Прилож. № III.

[3]) Т. е. землями въ сѣверо-запад. части Александр. уѣзда Херсонской губ.

владѣльцевъ скупилъ козакъ Иванъ Волевачъ, занимавшій одно изъ важныхъ мѣстъ въ войскѣ, именно, обознаго войска Запорожскаго. Факты землевладѣнія въ XVII в. еще болѣе многочисленны; напр., козакъ Григорій Фуртникъ вмѣстѣ съ женой своей продаютъ въ 1649 году свой сѣнокосъ по р. Роси противъ Каменицы козаку же Конону Мазнюченку [1]). Въ 1650 г. переселяющійся изъ с. Черницы на Украину запорож. козакъ Иванъ Водяникъ ведетъ за собой лошадей, рогатый скотъ, везетъ одежды, деньги и проч. имущество, которое у него было заграблено, а пріобрѣтено, если не земледѣліемъ, то промыслами; заграбленное по ошибкѣ въ м. Вильскѣ имущество козака признается его собственностью и возвращается обратно [2]). Въ 1653 г. козакъ Супрунъ Ступиченко продаетъ своему брату Кирику часть мельницы на р. Роси [3]); въ 1655 г. козаки Василій Куликъ съ друг. его совладѣльцами продали половину своего наслѣдственнаго става въ с. Харьковцахъ [4]) „урожоному“ козаку Якову Пекулицкому. Въ завѣщаніи Тишка Валевича 1600 г. упоминаютъ еще о какомъ-то „Супрунѣ, що Безнеску держитъ“. Между актами по исторіи крестьянскаго землевладѣнія, собранными В. Б. Антоновичемъ [5]), встрѣчается одна купчая крѣпость о продажѣ козакомъ Иваномъ Олещенкомъ своего байрака козаку же Василію Коробкѣ. Правда, запись относится къ 1660 г., но упоминаемая въ ней земля называется „отцовской“ и объ ея покупкѣ извѣстно будто бы старому козаку Ѳедору Коробкѣ, котораго мы встрѣчаемъ дѣйствующимъ еще въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Въ 1516 году козакъ Дмитръ Базановичъ въ Звенигородскомъ старостве является владѣльцемъ двухъ селъ: Мытковцевъ и Соколковъ, на которыя права его подтверждаются королевской грамотой [6]). Многіе изъ лицъ, игравшихъ видную роль въ козацкой исторіи, являются въ актахъ и какъ землевладѣльцы; такъ, мы находимъ упоминаніе о гетманѣ Григоріи Лободѣ, купившемъ будто бы с. Сошники у кіевскаго подчашаго Лаврина Лозки въ 1600 году [7]). На югѣ Бра-

[1]) См. Прилож. № V.

[2]) См. Прилож. № VI.

[3]) См. Прилож. № VII.

[4]) См. Прилож. № VIII; с. Харьковцы—Пирятин. у. Полтав. губ.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. 2-й, стр. 244 и 245.

[6]) Арх. Ю.-З. Р. VII, т. I, 185 и слѣд.

[7]) См. Прилож. № IV.

славщины въ 1583 г. владѣютъ обширными имѣніями братья земяне Андрей и Иванъ Кошки, къ семьѣ которыхъ могъ принадлежать и извѣстный гетманъ Самуилъ Кошка [1]). О Криштофѣ Косинскомъ, какъ владѣльцѣ м. Рокитнаго, упоминается въ люстраціи королевскихъ старостъ въ 1765 г. [2]), со ссылкой на сеймовую конституцію 1590 года [3]). Разорившій въ 1635 г. польскую крѣпость Кодакъ Иванъ Сулима также владѣлъ обширнымъ имѣніемъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра [4]), а его предокъ Георгій Сулима въ 1577 занималъ должность каменецкаго мечника [5]); владѣнія рода Сулимъ находились и на Волыни въ Кременецкомъ повѣтѣ [6]). Всѣ эти лица, считая себя козаками, владѣли [7]) имѣніями въ той части южно-русскихъ воеводствъ, гдѣ съ XVI вѣка начинаетъ развиваться и крѣпостное право; такъ на это положительно указываетъ искъ благородн. козака Богдана Звенигородскаго, предъявленный имъ къ п. Бѣлозору о двухъ крестьянахъ въ 1568 г. въ барскомъ замковомъ судѣ [8]). Въ описаніи Днѣпра, составленномъ въ 1697 г., упоминаются урочище, перевозъ и плавни Барабаша и луга съ пристанью Сагайдачнаго (Лѣтоп. Сам. Величка, т. III, 474 и 482). Урочища съ именемъ Сагайдачнаго встрѣчаются еще на лѣвомъ берегу Днѣпра выше остр. Хортицы (Кіев. Стар. за 1894, май, стр. 266, въ статьѣ г. Падалки). Къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ должно, намъ кажется, отнести и чигиринскаго сотника, впослѣдствіи гетмана, Богдана Хмельницкаго; въ 1650 г. король даетъ ему жалованную грамоту и подтверждаетъ прежнія права его на имѣнія, которыми онъ владѣлъ до начала войнъ, именно: на хуторъ Субботовъ, а также „на добра, въ воеводствѣ Кіевскомъ за Чигириномъ отъ поль дикихъ лежачіе“; границы его „добръ“ были опредѣлены въ грамотѣ 1652 г. такъ: „отъ пасеки Хмельницкаго некогда

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 610.

[2]) Кн. Кіев. центр. арх. № 76, л. 635.

[3]) См. о ней Vol. leg., I—II, стр. 318.

[4]) А. Лазаревскій, Сулимовскій Архивъ, стр. 9 и 22.—Архив. отрывки, 41.

[5]) Кн. Кіев. центр. арх. № 3604, л. 26 об., 62 и 237 об.

[6]) Въ собраніи документовъ для исторіи монастырей Полтавской епархіи (Арх. отр., вып. 1-й Полтава 1887 г.) мы находимъ нѣсколько документовъ показывающихъ землевладѣніе козаковъ на лѣвомъ берегу Днѣпра до эпохи Хмельницкаго.

[7]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, 222.

[8]) Акты Ю. и З. Р., т. X, стр. 468.

старого, черезъ Ингулецъ и Черный лѣсъ до устья рѣчки Бержки [1]), и къ байракамъ, а съ другое стороны отъ устья рѣчки Каменки къ рѣчкѣ Каменкѣ, въ Ингулъ впадающей". Пасѣка Богдана Хмельницкаго, по дошедшему до нашего времени преданію [2]), находилась въ Лебединскомъ лѣсу, а изъ цитированной выше грамоты оказывается принадлежащей еще отцу или дѣду Богдана; такимъ образомъ, пространство отъ Лебедина до Субботова на сѣверѣ, до устья р. Каменки, впадающей въ Ингулъ, на югѣ, составляло наслѣдственную собственность гетмана; вотчиной Хмельницкаго называются Субботово и Новоселки также и въ жалованной ему грамотѣ, данной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г., тогда какъ мѣстечко Медвѣдовка и села Каменка и Борки признаются маетностями Хмельницкаго, пожалованными польскими королями; объ этихъ послѣднихъ не говорится, чтобы они были наслѣдственными, да и грамота на нихъ дана была отдѣльная, тогда какъ на всѣ вотчины одна общая.

Кромѣ перечисленныхъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ точно опредѣляются въ прилагаемыхъ актахъ, существовало еще больше мелкихъ, извѣстія о которыхъ разбросаны во множествѣ документовъ, изданныхъ раньше; мы не будемъ приводить ихъ, находя сказанное выше достаточнымъ для доказательства того, что въ козачествѣ владѣніе землей было широко и весьма распространено, и на собственно козацкой территоріи въ глубинѣ степей, и на лѣвомъ берегу Днѣпра, и въ южной части Кіевскаго повѣта; на основаніи этихъ актовъ мы можемъ также наблюдать, какъ частное землевладѣніе постепенно развивалось изъ присвоенія себѣ отдѣльными лицами составлявшихъ общую собственность такъ наз. „уходовъ", въ которыхъ они занимались долгое время промыслами или земледѣліемъ: давность фактическаго пользованія и владѣнія землей, „станомъ", „уходомъ", укрѣпляла и право распоряженія имъ, т. е. образовывала право полной частной собственности. Это право еще въ первой половинѣ XVI в. подтверждается королевскими жалованными грамотами; такъ мы видѣли право было подтверждено Емельяну Ивановичу на „входную землю Сиверу", Дмитру Базановичу и друг. на ихъ отцовщину и дѣдовщину; но оно только подтверждается, какъ фактъ,

[1]) Эта рѣка по указу 1752 г. „состоитъ въ новосербскомъ козачьемъ и слободскомъ поселеніяхъ" (Эварницкій, „Вольности запорож. козаковъ", стр. 15).

[2]) См. замѣтку О. И. Левицкаго въ „Кіев. Стар." за 1885 г.

существовавшій издавна, санкцируется лишь, а не создается вновь. Но если королевская власть закрѣпляетъ право собственности за отдѣльными владѣльцами на земли уже въ первой половинѣ XVI в., то случаи присвоенія земли и перехода ея отъ предковъ къ потомкамъ должны были начаться гораздо раньше, это позволяютъ думать слѣдующія данныя: въ завѣщаніи козака Тишка Волевача, который, умирая въ 1600 г. и оставляя уже взрослыхъ совершеннолѣтнихъ сыновей, женатыхъ, былъ необходимо, если и неглубокимъ, то все-таки старикомъ, заканчивавшимъ свой вѣкъ, въ завѣщаніи его, повторяю, сказано, что передаваемыя имъ въ наслѣдство земли пріобрѣтены покупкой еще дѣдомъ его Яковомъ отъ козака Ивана Безмолвнаго и что на эту покупку у него сохранилась запись. Когда-же могла совершиться покупка земли Яковомъ Волевачемъ? Если мы пріймемъ во вниманіе старость завѣщателя Тишка Волевача и несомнѣнно полное совершеннолѣтіе, если также не старость, его дѣда Якова въ моментъ покупки, то едва ли ошибемся, считая отъ времени покупки Якова Волевача до времени завѣщанія его внука Тишка три поколѣнія, что составитъ, предполагая на каждое поколѣніе по 40 лѣтъ, или около 120 лѣтъ; отсюда слѣдуетъ, что козакъ Яковъ Волевачъ могъ купить землю у козака Ивана Безмолвнаго въ концѣ XV в., т. е. около 1480 г., когда самое козачество является уже, какъ мы видѣли выше съ вполнѣ опредѣлившимся характеромъ; онъ же купилъ тогда, какъ видно изъ завѣщанія, пасѣку въ Мотронинѣ, лѣсъ надъ Еничемъ съ подлѣсьемъ, съ пахотными и сѣнокосными полями; о другихъ земляхъ завѣщатель говоритъ вообще, что они его предкомъ „*здавна* за гроши набыты“. На тотъ же фактъ ранняго развитія и крупнаго и мелкаго землевладѣнія среди барской околичной шляхты въ весьма раннюю эпоху указываетъ и М. С. Грушевскій въ своемъ сочиненіи о немъ [1]), а г. Ѳирсовъ высказалъ весьма основательное мнѣніе, что крупное землевладѣніе обусловливало и преобладаніе бояръ въ Галицко-Волынской землѣ въ эпоху княжеской власти надъ ней [2]).

Если такимъ образомъ раннее развитіе козацкаго землевладѣнія, вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, не даетъ повода къ

[1]) „Барское староство“, Кіевъ. 1894 г., стр. 69 и слѣд.

[2]) Учен. Зап. Казан. у—та за 1892 г., кн. 1, стр. 124.

сомнѣнію въ этомъ фактѣ, то широкое территоріальное его распространеніе не можетъ быть доказано прямо за отсутствіемъ какихъ-либе переписей, регестровъ или люстрицій тѣхъ южныхъ окраинъ, которые заняты были козаками; тѣмъ не менѣе однакоже, оно можетъ быть подтверждено нѣкоторыми побочными обстоятельствами, необходимо сопровождающими всякій вообще фактъ землевладѣнія, именно, полнымъ и совершеннымъ развитіемъ понятія о правѣ частной собственности на землю, выражающагося въ самомъ фактѣ владѣнія, пользованія и распоряженія ею, на что указываютъ формы и содержаніе сохранившихся актовъ: никакого указанія при этомъ на права общины въ записяхъ частныхъ лицъ, никакого ограниченія въ правѣ распоряженія (даже въ наслѣдованіи дочерей) въ королевскихъ грамотахъ даже на „входныя земли“ мы не находимъ.

Другимъ не менѣе прочнымъ доказательствомъ широты распространенія землевладѣнія служитъ также и цѣнность земли въ козацкихъ владѣніяхъ. Возьмемъ для примѣра документы болѣе ранніе и относящіеся къ болѣе южной части Поднѣпровья: козакъ Максимъ Михайловичъ продалъ Волевачу свой лѣсъ, пахотныя поля, сѣнокосы, рыбныя ловли, пасѣку и проч. угодья, расположенные по р. Цыбульнику, впадающей въ р. Ингулецъ, за 2000 копъ литовскихъ грошей, а козачка Ѳедора Андреева продала свою пасѣку по р.р. Ингульцу и Макаровкѣ также со всѣми угодьями и пахотными полями тому же Волевачу за 500 копъ литовскихъ грошей. Если теперь вышеприведенныя цѣны сравнимъ съ цѣнами на земли въ густо-населенныхъ частяхъ Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ, то замѣтимъ, что послѣдніе были почти не выше первыхъ. Такъ, напр., въ записяхъ о продажѣ имѣній мы находимъ, что въ 1588 г., село Дидковцы (Кіевскаго повѣта) было продано за 600 копъ литовскихъ грошей [1]); тогда же часть села Рудниковъ, около Житомирскаго замка [2]), т. е. въ наиболѣе важномъ пунктѣ повѣта и болѣе доходное (тамъ могла производиться разработка желѣза), отдана въ залогъ за 200 копъ; въ 1602 г. въ Луцкомъ повѣтѣ село Дубляны [3]) заложено за 1500 польскихъ злотыхъ, или за 600 копъ литов. грошей, такъ какъ копа грошей равнялась тогда $2^1/_2$ злотымъ; въ 1623 г. село Рудка Ста-

[1]) Кн. Кіев. центр арх. № 8, л. 360, № 20.

[2]) Ibid., л. 325, № 6.

[3]) Ibid., кн. № 2113, л. 61 № 37.

рая (Коростышевской волости) продано за 500 копъ литов. грошей [1]); въ 1629 г. село Якимовка (Бѣлиловской волости) продано за 1000 польскихъ злотыхъ, что̀ составляло 400 копъ литовскихъ грошей [2]), а м. Коростышевъ, вмѣстѣ съ с. Новымъ Городкомъ въ томъ же году было продано за 6000 пол. злотыхъ, или за 2400 копъ литов. грошей [3]); намъ кажется, этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что спросъ на земли былъ столь же значителенъ на югѣ Кіевской земли, какъ и на сѣверѣ, вдали отъ собственно козацкихъ поселеній. Можно думать поэтому, что для займа и освоенія свободныхъ земель [4]) къ югу отъ р. Тясьмина уже не было; пріобрѣтеніе ихъ здѣсь возможно было такъ же только посредствомъ покупки, какъ и на сѣверѣ, въ Кіевскомъ и Волынскомъ воеводствахъ. Жалоба на отсутствіе свободныхъ земель выражается и въ извѣстной малорусской думѣ о Ганжѣ Феськѣ Андыберѣ.

Тѣмъ не менѣе однакоже, хотя никому не принадлежащихъ для займа земель уже не оставалось, населеніе южной окраины не было еще настолько густо, чтобы могли возникать крупные или частые споры изъ-за захвата грунтовъ и нарушенія межевыхъ знаковъ; въ началѣ XVII в. козаки-землевладѣльцы не имѣютъ еще необходимости прибѣгать къ искуственному размежеванію своихъ полей и лѣсовъ и довольствуются естественными границами: рѣками, рѣчками, озерами, урочищами и проч.; но опредѣлить степень густоты этого населенія очень трудно; судить о количествѣ козацкихъ семей по числу участвовавшихъ въ войнахъ козаковъ затруднительно, по тому что въ въ разное время это число бываетъ различно и колеблется отъ 1000 до 20,000, а въ Хотинской битвѣ, по сказанію лѣтописей, и при осадѣ Путивля въ 1634 г. подъ начальствомъ Арендаренка и Тараса, по донесенію воеводъ [5]), ихъ является даже 50,000 человѣкъ. Бопланъ считаетъ количество хуторянъ—козаковъ въ 80000 душъ; если принять даже это количество жителей, то нельзя не признать, что то пространство южно-русскихъ степей, которое въ настоящее время вмѣщаетъ въ себѣ милліоны людей, было населено весьма рѣдко отъ конца XV в. до половины

[1]) Ibid., Кн. № 9, л. 174, № 1.
[2]) Ibid, л. 230, л. 230, № 56.
[3]) Ibid., л. 212, № 36.
[4]) Свободныхъ, въ смыслѣ обработанныхъ, приспособленныхъ для пользованія.
[5]) Акты Москов. госуд., I, № 645, стр. 594—596.

XVII в. Это, какъ мы видѣли выше, не служило однако признакомъ слабости козачества; оно съ успѣхомъ боролось противъ татаръ въ концѣ XV в.; съ самаго начала XVI в. мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что силы козачества, если не увеличились, то никакъ не уменьшились; напр., въ 1527 г. крымскій ханъ извѣщаетъ короля, что онъ готовъ идти на Москву съ отрядомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, но проситъ, чтобы онъ прислалъ листъ, обезпечивающій отряду свободный проходъ мимо Черкасъ и Канева, и приказалъ бы старостамъ не допускать козаковъ до нападеній и грабежей; однако, на обратномъ пути козаки татаръ все-таки ограбили; козаки были подъ предводительствомъ Солтанца, Ворочи и Масла [1]). Въ 1500 г. ханъ жалуется что на Днѣпрѣ ему „не добро кочевать: многіе съ ними брани чинятъ отъ ногай и отъ черкасъ“ [2]). Въ грамотѣ короля Сигизмунда I, отъ 21 іюня 1541 г., указано объ ограбленіи козаками небольшаго отряда татаръ, ходившаго воевать окраины Московскаго государства [3]). Поэтому-то, мы думаемъ, что вслѣдствіе численности и поголовной готовности козаковъ къ войнѣ татары избѣгали дѣлать набѣги на козацкія земли; мы рѣдко видимъ ихъ здѣсь; всего чаще татары ходили на Волынь, Подолію и Московскія окраины; и важнѣйшіе шляхи татарскіе, Муравскій и Черный, всѣ проходили въ сторонѣ отъ козацкой территоріи; напротивъ, татары, нуждавшіеся въ степяхъ для своихъ табуновъ, предпочитали избѣгать столкновеній съ козаками и, по-сосѣдски, входили съ ними въ договоры относительно кочеванія въ козацкихъ степяхъ, какъ было, напр., въ 1628 г. по извѣстію Межигорской лѣтописи [4]); татары не были бы къ этому вынуждены, если бы поля оставались пустынны и не имѣли сильныхъ защитниковъ, если бы они были такъ „дики“ и страшны, какъ стараются изобразить ихъ польскіе бытописатели и даже оффиціальные документы того времени, частью вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ самыми степями и съ бытомъ ихъ обитателей, частью изъ корыстныхъ видовъ съ цѣлью получить во владѣніе пустыя земли подъ предлогомъ якобы ихъ заселенія; при проѣздѣ чрезъ степи они, дѣйствительно могли, показаться путешественнику пустын-

[1]) Акты Запад. Рос., II, 186.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, л. 321.

[3]) Акты Ю. и З. Р. т. 1-й, л. 109, № 105.

[4]) Сборн. лѣт., Южн. и Зап. Руси, 95.

ными вслѣдствіе разселенія козаковъ по берегамъ рѣкъ, ради занятія ихъ рыболовствомъ[1]), такъ какъ земледѣліе было еще слабо развито; быть можетъ именно козакамъ и принадлежатъ тѣ городища, которые открыты проф. Антоновичемъ въ Поднѣпровьи[2]).

Въ польской исторической литературѣ мы также встрѣчаемъ изслѣдователей, склоняющихся къ тому же предположенію; такъ, напр. Каз. Пуласкій, въ статьѣ своей „Dziki pola“ („Szkice i poszukiwania historiczne“. Kraków. 1887), признавая раннее развитіе козачества (въ концѣ XV в.) и приводя факты козацкаго землевладѣнія, считаетъ послѣднее вполнѣ развившимся къ концу XVI в. и южно-русскія степи, хотя еще слабо, но заселенными уже: „to też ostatnich lat XVI wieku całkiem rożny od tego, cośmy tutai widzieli w wieku XV. Prawda, że jeszcze dużo jest stepow, bo tak wielkich przestrzeni nie latwo zaludnić,—ale już niema jednego wielkiego stepu wzdłuż Dniepra od Kijowa aż po Oczakow—już niema bezludnych *dzikich pól*, a większe lub mniejsze osady rozrzucone choc z rzadka, lecz na całej przestrzeni“ (стр. 41).

Что касается до другаго важнаго фактора въ жизни козачества—до общественной автономіи ихъ, то хотя она является фактомъ извѣстнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію, но въ нѣкоторыхъ частяхъ не достаточно выяснена; приведенные нами акты о козацкомъ землевладѣніи содержатъ въ себѣ нѣсколько весьма важныхъ данныхъ. Фактъ землевладѣнія вообще тѣсно связывается съ силой и прочностью власти, вѣдѣнію которой подлежало укрѣпленіе правъ частнаго лица на недвижимое имущество при переходѣ его изъ однихъ рукъ въ другія и спорныя дѣла, возникавшія изъ-за права владѣнія имъ; въ болѣе раннюю эпоху жизни южно-русскаго окраиннаго населенія, управлявшагося избираемыми на время князьями или атаманами, оба рода власти: гражданская (административная и судебная) и военная, могли находиться въ рукахъ однихъ этихъ общинныхъ пред-

---

[1]) Такъ разселяются до сихъ поръ уральскіе козаки, главное занятіе которыхъ также рыбная ловля въ Уралѣ и его притокахъ; каждый козакъ, какъ бы далеко ни лежала его пахотная земля отъ мѣста его постояннаго жительства, уѣзжаетъ лѣтомъ въ поле для обработки земли и не возвращается домой до конца полевыхъ работъ. Такъ могли разселятся и запорожскіе козаки, давъ своимъ поселеніямъ названіе „зимовниковъ“, изъ которыхъ они лѣтомъ ходили для промысловъ и обработки земли въ свои „уходы, або станы“.

[2]) Ѳ. Николайчикъ, г. Кременчугъ. Историч. очеркъ. Кременчугъ 1891, стр. 16 Авторъ замѣчаетъ, что такіе же городища замѣчены имъ на притокахъ Днѣпра въ Лѣвобереж. Украинѣ.

ставителей и лишь законодательная и высшая судебная принадлежала самой общинѣ; позже, съ развитіемъ формъ гражданской жизни и съ необходимостью вести непрерывныя войны, должно было произойти раздѣленіе властей на гражданскую и военную. И дѣйствительно въ самомъ началѣ XVII в. мы находимъ уже въ козацкой общинѣ каждую власть вполнѣ обособившейся; организація военной съ ея дѣленіемъ на полки и сотни достаточно извѣстна, чтобы на ней останавливаться здѣсь. Въ исторіи развитія гражданской власти долженъ былъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка совершиться тотъ же процессъ, какой мы видимъ въ эпоху войнъ Хмельницкаго,—военные предводители становятся въ мирное время гражданскими правителями; атаманы южно-русскихъ военныхъ общинъ (называвшихся, быть можетъ, и тогда тѣмъ же именемъ, которое удержалось за ними до конца XVIII в., а встрѣчается въ актахъ и начала XVII в., т. е. *товариществами*) обращаются позже во власть административно-судебную; каждое товарищество имѣло своимъ центромъ какой-нибудь городъ, а жившіе въ немъ козаки постепенно обращаются въ обывателей мѣста, мѣщанъ [1]); ихъ атаманы становятся городовыми атаманами; изъ такихъ товариществъ мы пока имѣемъ опредѣленное указаніе на товарищество только чигиринское, хотя въ актахъ и дипломатической перепискѣ постоянно различаются еще „каневцы“, „черкасцы“, „кіевцы“, быть можетъ, по тому, что они составляли тогда еще разрозненныя общины съ отдѣльными своими атаманами и что эти общины лишь въ случаѣ общей опасности или ради общаго дѣла соединялись и во главѣ каждой становился свой атаманъ, и мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ въ такихъ случаяхъ имена трехъ и четырехъ предводителей. При атаманѣ товарищества состоялъ писарь; обязанностью его (и, вѣроятно, не единственною) было составленіе актовъ о переходѣ правъ на землю, которые имъ же и скрѣплялись, а утверждались атаманомъ; къ акту прикладывалась печать, которая называется то товарищескою, то мѣстскою; писаря въ то время, какъ и въ позднѣйшее, должны были принимать участіе и въ

[1]) Напр., въ 1539 г., въ рѣшеніи жалобы черкасскихъ мѣщанъ на старосту своего Яна Пенька объ отягощеніи ихъ повинностями понятіе о мѣщанинѣ смѣшивается съ понятіемъ о козакѣ; одно названіе замѣняется другимъ, при чемъ прибавлено, что многіе мѣщане пожаловались за старосту (А. З. Р., II, 353, 354). То же обращеніе козаковъ и мѣщанъ можно видѣть и въ прилагаемыхъ актахъ Волевача.

судѣ и въ управленіи, рядомъ съ атаманами. Атаманамъ товариществъ принадлежала такая же судебно-административная власть, какая въ королевскихъ замкахъ принадлежала старостамъ, что видно не только изъ обязанности ихъ утверждать гражданскія сдѣлки, но и изъ прямого указанія грамоты короля Яна-Казимира, данной имъ 18 августа 1649 года въ обозѣ подъ Зборовымъ; въ этой грамотѣ мы читаемъ: „а особно то имъ (т. е. козакамъ) тѣмъ нашимъ привилеемъ оберегаемъ, что сужены быти не маютъ отъ нашихъ старостъ, державцевъ и намѣстниковъ, но ихъ же атаманы въ дѣлахъ рузсужденіе чинити мѣютъ и всякому требующему по томужъ справедливость чинити вмѣсто городовыхъ урядовъ"; здѣсь ясно сказано, что судъ старостъ замѣняется судомъ атамановъ; тоже еще яснѣе обнаруживается изъ слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто позже, именно, въ 1660 году: упомянутый уже запорожскій козакъ Иванъ Олещенко продалъ свой отцовскій ставъ и байракъ Олешковъ запорожскому же козаку Василію Коробченкѣ сыну Ѳедора Коробки, который при Богданѣ Хмельницкомъ исполнялъ обязанности чигиринскаго атамана; купчая представлена была на утвержденіе тогда, когда Чигиринъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій политической жизни, находился уже въ распоряженіи польскихъ старостъ; только съ утвержденіемъ старосты документъ получилъ законную силу, какая до эпохи Богдана Хмельницкаго давалась одной подписью атамана и приложенной имъ печатью общины. Юрисдикція атамановъ отмѣнена и запрещена сеймовой конституціей 1613 г.

Коммиссія на Масловомъ Ставу въ 1638 г., при каждомъ сотникѣ назначаетъ и атамана; но этихъ атамановъ она же называетъ поручиками, т. е. исполнявшими военныя порученія; атаманы же, упоминающіеся въ нашихъ актахъ являются съ обязанностями судебными; придавать значеніе одинаковости названія обѣихъ должностей нельзя также и по тому, что слово „атаманъ" означало въ козачествѣ вообще начальника, лицо, стоявшее во главѣ и большаго и малаго отряда или общины.

Со времени войнъ Хмельницкаго должность судебныхъ атамановъ замѣняется и на правомъ и на лѣвомъ берегахъ Днѣпра болѣе развитыми полковыми и сотенными судами; на правомъ берегу она во время Руины, вслѣдствіе расширенія власти старостъ и распространенія магдебургскаго права даже въ мелкихъ городахъ почти исче-

заетъ, а на лѣвомъ преобразовывается въ весьма ограниченную власть городовыхъ атамановъ, какъ представителей городскаго козачества.

Но какъ была широка территорія, на которую распространялась судебная власть атамановъ до событій 1648 г., мы можемъ предполагать лишь по тому, напр., факту, что въ найденныхъ нами актахъ чигиринскій атаманъ утверждаетъ сдѣлки на имѣнія, расположенныя по р. Ингулу и у пороговъ.

Что должность козацкаго атамана въ разсматриваемую нами эпоху на правомъ берегу Днѣпра была не маловажна и въ нее избирались лица, заслужившія общее уваженіе и довѣріе, объ этомъ можно судить по тому, что два изъ трехъ извѣстныхъ намъ атамановъ являются въ роли представителей и ходатаевъ за козацкіе интересы предъ польскимъ правительствомъ; это были—Ѳедоръ Кузминскій и Василій Томиловичъ, извѣстный въ козацкихъ лѣтописяхъ подъ народнымъ именемъ Томиленка. Ѳедора Кузминскаго мы встрѣчаемъ въ 1632 году, какъ посла на сеймъ отъ козачества, а Василій Томиловичъ (или Томиленко), возвысившійся до званія гетмана въ 1636 году, боролся противъ Польши и погибъ въ Варшавѣ въ 1638 году; наконецъ при Богданѣ Хмельницкомъ чигиринскимъ атаманомъ былъ Ѳедоръ Коробка, участвовавшій во встрѣчѣ московскихъ пословъ, ѣхавшихъ отъ царя къ Хмельницкому въ Чигиринъ; какъ должностное лицо, онъ получаетъ царскіе подарки наравнѣ съ Выговскимъ, и самъ, будучи уже обознымъ войсковымъ, отправляется къ царю отъ Хмельницкаго въ качествѣ посла.

Говоря объ обязанностяхъ атамана, мы упомянали между прочимъ и объ употребленіи имъ товарищеской печати; такъ какъ онъ пользовался ею при утвержденіи юридическихъ актовъ и быть можетъ былъ хранителемъ ея, какъ аттрибута своей власти, то скажемъ кстати нѣсколько словъ и о ней. Она называется въ нашихъ документахъ то „печатью товарищеской чигиринской“, то „мѣстской“ (городской); названія эти не имѣли тогда рѣзкаго различія, какъ и названія „мѣщанина“, „козака“ и „обывателя“; въ указанной нами раньше козацкой купчей 1660 г. говорится, что она скрѣплена печатью „старой русской“, и хотя послѣдняя не описана и не изображена, но мы думаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о той же чигиринской печати, изображеніе которой уцѣлѣло на нашемъ документѣ. Она представляетъ собой небольшой овальный кружокъ съ ясно очер-

ченной въ срединѣ фигурой сердца, изъ верхней части котораго возвышается вертикальная линія, раздѣляющаяся у основанія своего на двѣ вѣтви, отклоняющіяся въ противоположныя стороны и закругливающіяся въ видѣ листьевъ; сходство линіи со стрѣлой очень незначительное; буквъ вокругъ печати разобрать невозможно. Изображеніе печати напоминаетъ собою нѣсколько гербъ Аксакъ, принадлежащій дворянскому кіевскому роду Аксаковъ. По сказанію К. Несѣцкаго, онъ присвоивался тѣмъ лицамъ и ихъ потомству, которые прославляли себя въ войнахъ съ турками и татарами; быть можетъ усвоеніе себѣ такого герба дворянами дѣлалось по примѣру козачества, одерживавшаго частыя побѣды надъ татарами.

Но органомъ высшаго общественнаго управленія служила рада. Мы не имѣемъ данныхъ чтобы прослѣдить во времени ея возникновеніе и развитіе; но въ концѣ XVI в., судя по описанію ея Эрихомъ Лассотой (въ 1594 г.), она является вполнѣ сложившимся институтомъ въ то время; несомнѣнно, рада, какъ и само козачество, очень древняго происхожденія и, быть можетъ, имѣетъ тѣсную связь съ вѣчемъ великокняжеской эпохи. На собранія рады въ болѣе позднюю эпоху мы имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ и въ оффиціальныхъ документахъ XVII в.; такъ, напр., въ дневникѣ похода противъ козаковъ въ 1625 г. [1]), 12 октября; въ универсалѣ, печатаемомъ нами, гетмана Григорія Чернаго въ 1630 г.; въ 1632 г., 1634 г., по донесеніямъ русскихъ людей и самыхъ взятыхъ въ плѣнъ черкасовъ [2]), и въ 1638 г. по діаріушу Окольскаго [3]). Въ указанные нами годы рада собиралась по случаю чрезвычайныхъ событій, хотя нѣтъ основаній для заключенія, что ея собранія были постоянны и созывались въ опредѣленные сроки. Въ составъ рады входили всѣ люди, находившіеся въ войскѣ, если рада собиралась во время самой войны для рѣшенія вопроса о принятіи или непринятіи условій мира, какъ было, напр., въ 1625 г.; или для принятія предложенія сосѣднаго государства, приглашавшаго козаковъ на войну въ союзники, какъ было въ 1594 г., но козацкія рады въ такихъ случаяхъ скорѣе носили характеръ военнаго совѣта; быть можетъ, это были малыя рады,

[1]) Сборн. лѣтописей Ю. З. Руси, 104.

[2]) Акты Моск. госуд., I, 402—411. 622.

[3]) Лѣт. Величка, IV, 170, 275.

въ отличіе отъ общенародныхъ, какъ существовали прежде большія и малыя вѣча; въ мирное же время, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся внутренняго управленія и распорядка, что мы видимъ въ 1632 г., въ составъ рады входили „лучшіе люди", полковники и „товариство", „письменные лучшіе люди" по пяти человѣкъ отъ каждаго города; кромѣ козаковъ, въ радѣ участвуютъ кіевскій митрополитъ и луцкій епископъ, когда обсуждается вопросъ о борьбѣ съ уніей.

Раду, какъ мы видимъ изъ указанныхъ нами источниковъ, могъ созывать и гетманъ и митрополитъ, а въ военное время и простое козачество, и даже сторонніе лица (напр. князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.). Способъ созванія рады неизвѣстенъ за недостаткомъ источниковъ. Рада собиралась въ разныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, напр. въ сѣчи въ 1594 г., въ Каневѣ въ 1625 г., на Старицѣ и въ Кіевѣ въ 1630 и 1638 г.г., въ Корсунѣ въ 1632 г. въ Чернѣховской Дубровѣ тогда же, и въ Лубнахъ въ 1634 г. Порядокъ обсужденія дѣлъ и постановленія рѣшеній въ общей радѣ (черной) мы предполагаемъ такимъ, какимъ онъ описанъ у Эриха Лассоты, хотя то былъ, какъ мы сказали, только военный совѣтъ: собравшіеся на раду козаки, послѣ выслушанія предложенія гетмана, раздѣляются на два круга (кола); одинъ состоялъ изъ старшинъ, другой изъ черни; послѣдняя требовала единогласнаго рѣшенія дѣла и несоглашавшихся силой принуждала присоединиться къ рѣшенію большинства [1]). Вѣдѣнію рады подлежали важнѣйшія дѣла, касавшіяся интересовъ всего южно-русскаго населенія; постановленія рады по этимъ дѣламъ имѣли обязательную силу закона; таковы, напр., постановленія кіевской рады въ 1638 г., постановленія Чернѣховской рады въ 1632 г. о борьбѣ съ Польшей изъ-за уніи; вѣдѣнію рады подлежало также право низверженія и избранія гетмановъ и возбужденіе вопроса о подчиненіи московскому государю.

Насколько распространенъ былъ обычай рѣшенія общественныхъ дѣлъ въ радѣ, показываетъ упомянутый нами созывъ рады въ Лубнахъ кн. Іеремією Вишневецкимъ, а ея необходимость и право существованія доказывается словами Богдана Хмельницкаго, въ которыхъ онъ долженъ былъ оправдывать принятыя имъ мѣры безъ всенароднаго вѣдома и совѣта важностью сохраненія въ тайнѣ на-

[1]) Эр. Лас., 32, 33.

мѣренія и дѣйствій козачества [1]), такъ какъ огласка въ предшествовавшія возстанія давала полякамъ возможность приготовляться къ войнѣ.

Быть можетъ радѣ принадлежало также право и высшей судебной инстанціи, но въ сохранившихся источникахъ до эпохи Богдана Хмельницкаго мы не находимъ прямыхъ указаній, кромѣ того косвеннаго, что низложеніе гетмана, какое было совершено на радѣ въ 1632 г., не могло произойти безъ суда надъ смѣненнымъ, который и былъ потомъ убитъ. Изъ изложеннаго нельзя не замѣтить большаго сходства между козацкими радами и вѣчами великокняжескаго періода; сходство это мы думаемъ просто объясняется тѣмъ, что какъ самыя южнорусскія общины, такъ и выработанныя ими учрежденія, продолжали существовать отъ глубокой древности, съ тѣми лишь измѣненіями, какія произведены въ нихъ временемъ и обстоятельствами.

Съ совершившимся въ козачествѣ въ концѣ XVI в. развитіемъ гражданской власти рады и атамана, съ пріобрѣтеніемъ ими большаго авторитета, чѣмъ въ предшествующіе XV и XVI вв., и съ начавшимся въ то же время сплоченіемъ отдѣльныхъ общинъ во-едино, должна была возрасти и единая власть военная, сосредоточившаяся въ рукахъ гетмана. Въ исторіи развитія этой власти мы наблюдаемъ три періода: 1-й продолжается до 1572 г.; козачество въ это время жило отдѣльными общинами, въ главѣ которыхъ стояли атаманы; такъ, напр., подъ 1489 упоминаются Богданъ, Голубецъ и Васко Жила [2]). въ 1527 г. мы встрѣчаемъ Солтанца, Ворочу и Масла [3]) и друг.; въ случаѣ общей опасности отъ татаръ, грозившей и козачеству и королевскимъ староствамъ, общины идутъ на борьбу подъ предводительствомъ старостъ, что̀ и дало поводъ, какъ мы сказали выше, лѣтописцамъ называть послѣднихъ гетманами; 2-й періодъ начинается съ 1572 г., когда польское правительство пришло къ мысли о необходимости особаго предводителя козакамъ и назначило таковымъ въ 1572 г. Яна Бадовскаго, потомъ Яна Оришевскаго въ 1580 г., какого-то Вышков-

---

[1]) „А що мы нынѣшнюю съ поляками зачали войну безъ вѣдома и совѣта вашего всенароднаго, за тое вы на насъ не ускаржайтеся": примѣры прежнихъ неудачныхъ козацкихъ возстаній требуютъ осторожности и тайны (A. S. P., V, 80, № 25).

[2]) Сборн. И. Р. И. О., XXXV, 23, 26 и друг.

[3]) Акты Запад. Рос., II, 186.

скаго, который упоминается мимоходомъ подъ 1617 г.[1]), и, наконецъ, князя Михаила Ружинскаго[2]) въ 1585 г. Существованіе этихъ лицъ и положеніе ихъ, какъ малорусскихъ гетмановъ, подтверждается несомнѣнными документами. Въ этотъ же періодъ, вслѣдствіе недовольства назначаемыми гетманами, тянувшими въ сторону Польши, само козачество избираетъ себѣ собственнаго гетмана изъ своей среды и ведетъ войны съ Молдавіей и Крымомъ; таковы: Иванъ Свирчовскій, Иванъ Подкова, Яковъ Шахъ и друг.; развитію самостоятельной должности гетмана среди козаковъ много помогли также преслѣдованія и гнетъ надъ ними старостъ и начавшіяся по смерти Сигизмунда-Августа неурядицы въ самой Польшѣ, вниманіе которой было такимъ образомъ отвлечено отъ того, что происходило на далекой южной окраинѣ. Усиленіе и обособленіе собственныхъ гетмановъ въ козачествѣ продолжается до самаго начала XVII в., когда оно, послѣ Брестской уніи, вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ Польшей. Отъ этого времени беретъ начало третій періодъ въ развитіи гетманской власти; съ 1593 г., начиная съ Криштофа Косинскаго, до насъ доходятъ ихъ подлинные универсалы и другіе документы; въ нихъ мы замѣчаемъ уже широкое развитіе гетманской власти, которая въ военное время становится диктатурой, а въ мирное—ей принадлежитъ высшій надзоръ за спокойствіемъ страны; своими универсалами[3]) гетманы то ограждаютъ частную собственность, то дѣлаютъ распоряженіе о преслѣдованіи уніи[4]), охраненіи братствъ, церквей, школъ. Съ 1638 г. гетманская власть совершенно отмѣняется польскимъ правительствомъ въ подавленномъ и побѣжденномъ козачествѣ, съ тѣмъ чтобы чрезъ 10 лѣтъ проявиться съ болѣе полной силой при Хмельницкомъ.

Что касается до должности кошевого атамана въ Запорожьи, то подъ этимъ именемъ она является въ актахъ весьма поздно; первое время кошевой именуется гетманомъ или старшимъ даже въ

[1]) Въ договорѣ 1617 г. въ Старой Ольшанкѣ комиссаровъ съ козаками постановлено, что козаки будутъ принимать „старшóго“ по назначенію короннаго гетмана, „iako nigdy bywał Wyszkowsky i inszy“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, 209).

[2]) Ibid, 15.

[3]) Универсалы Барабаша 1617 и Сагайдачнаго 1619 г., упомянутые нами выше, универсалъ Григорія Чернаго 1630 г. (См. Прилож. № I, 4) и друг.

[4]) С. Голубевъ, П. Могила, т. I, Прилож. 401—407, 505—506.—Приложеніе № I и Памятники Вр. Ком. для разб. древн. акт., II, № X, (Отд. I, 127).

оффиціальныхъ актахъ, что даетъ поводъ часто смѣшивать запорожскаго гетмана съ малорусскимъ вообще. Какъ начальникъ сторожеваго отряда козаковъ, кошевой подчинялся гетману; но такъ какъ значеніе и сила послѣдняго часто то падала, то опять поднималась, то и значеніе кошевого, какъ единаго представителя козачества, должна была въ періоды паденія стоять высоко; нерѣдко кошевые атаманы вступаютъ въ борьбу съ гетманами, становятся на сторону „черныхъ“ людей и при ихъ посредствѣ сами дѣлаются гетманами; въ періодъ козацкой исторіи до Богдана Хмельницкаго прослѣдить эту борьбу не легко, какъ не легко указать и послѣдовательный рядъ кошевыхъ атамановъ по недостатку нашихъ данныхъ. Мы возвратимся къ этому вопросу въ другой разъ, потому что въ настоящемъ случаѣ онъ отвлекъ бы насъ далеко въ сторону отъ главнаго предмета нашей работы.

При существованіи въ козацкихъ общинахъ органовъ административной и судебной власти въ лицѣ гетмана, атамановъ и представителей рады, необходимо допустить также и существованіе права; нѣтъ основаній для того, чтобы предполагать употребленіе ими литовскихъ статутовъ или сеймовыхъ постановленій; весьма вѣроятно, что они удерживали древне-русское право, которое и отличаютъ какъ особое (отъ польскаго) козацкое. Такъ, напр., по прилагаемымъ нами документамъ могутъ быть установлены слѣдующія юридическія обычаи:

1) При наслѣдованіи, дворъ и домъ, гдѣ жилъ отецъ, отдаются имъ младшему сыну и женѣ.

2) Остальное движимое и недвижимое имущество распредѣляется поровну между сыновьями и ихъ матерью.

3) Завѣщатель требуетъ, чтобы и жена оставленныя ей деньги, умирая, поровну раздѣлила всѣмъ сыновьямъ.

4) Погребеніе и поминовеніе по душѣ отецъ поручаетъ старшему сыну, а взысканіе долговъ женѣ.

5) Жена при жизни мужа пользуется равнымъ съ нимъ правомъ пріобрѣтенія, отчужденія и пользованія недвижимымъ имуществомъ.

6) Вдова пользуется самостоятельно правомъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ, которое она считаетъ отчизнымъ, указывая тѣмъ на наслѣдованіе дочерей. Дочери, за неимѣніемъ сыновей, наслѣдуютъ отцовскія земли.

Кромѣ русскаго обычнаго права, выражающагося въ нашихъ древнѣйшихъ актахъ, языкъ ихъ также свидѣтельствуетъ о принадлежности населенія къ чисто-русской народности, которая не подверглась еще полонизаціи.

Среди богатаго козачества проявляется потребность и въ просвѣщеніи; по большей части они были образованными для своего времени людьми и среди народа извѣстны подъ именемъ „письменныхъ“; этотъ эпитетъ, вмѣстѣ съ народомъ, усвоиваютъ и путивльскіе воеводы въ своихъ донесеніяхъ царю о мѣстныхъ событіяхъ. Каргопольскіе воеводы въ 1614 г. указываютъ на одного образованнаго сотника Ѳедьку, который находился у нихъ въ плѣну: „а тотъ-де Ѳедька у нихъ честенъ и умѣетъ многимъ языкомъ и преже сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ“ [1]). Гдѣ же могли получать образованіе козаки, какъ не въ Кіевѣ, съ которымъ находилась въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ, или въ монастырскихъ школахъ, подобныхъ той, какая существовала въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ неизданная до сихъ поръ какая-то монастырская будто хроника [2]).

Два разсмотрѣнные нами фактора во внутренней жизни козачества—крупное землевладѣніе и автономія—при глубокомъ сознаніи особности русской національности и ея приверженности къ православію, обусловливали собою тѣ два переворота, которые указаны нами выше. Забота объ укрѣпленіи за собою земель и стремленіе къ власти и вліянію въ общинѣ глубоко раскалывали козачество, заставляя его искать поддержки извнѣ и обусловливали собою ту повседневную внутреннюю борьбу, которая привела къ подчиненію Польшѣ и которую мы попытаемся обрисовать по возможности кратко.

Разъ возникшее крупное землевладѣніе продолжало развиваться; оно должно было давать силу и значеніе богатымъ козакамъ; среди нихъ мы дѣйствительно и наблюдаемъ зарожденіе мѣстнаго дворянства, именующаго себя, подобно польской шляхтѣ, шляхетнымъ, урожонымъ, какъ показываютъ акты и универсалы того времени; при существованіи козацкой автономіи, при существованіи вліятельныхъ козаковъ, стремленіе послѣднихъ къ власти, къ руководству дѣлами

[1]) Акты Москов. госуд., I, 107, № 70.

[2]) См. соч. Марьяна Дубецкаго: „Kudak, twierdza kr. sowa i jej okolice“ Warszava 1879 г., стр. 85.

своего товарищества, понятно само собой; сосредоточеніе земли въ рукахъ богатыхъ козаковъ частью путемъ купли, частью путемъ займа свободныхъ пространствъ, должно было возстановить противъ себя землевладѣніе мелкое, потому что первое стремилось поглотить второе; между ними начиналась борьба; прежде въ этой борьбѣ крупные землевладѣльцы могли опираться на центральную власть (въ лицѣ кіевскихъ князей), а послѣ окончательнаго паденія ея въ началѣ XVI в. лишились такой опоры; въ самой общинѣ они не могли ея найти и волей-неволей пришлось искать ее внѣ; поэтому-то вслѣдъ за такъ называемымъ началомъ козачества мы и встрѣчаемъ, что крупные и даже многіе мелкіе землевладѣльцы ищутъ огражденія своихъ правъ на землю у королей, ихъ старостъ и замковыхъ судовъ; получить же охрану ихъ они могли лишь съ возстановленіемъ своего подчиненія польской власти, становясь такимъ образомъ въ большую или меньшую зависимость отъ нея. На встрѣчу этимъ просьбамъ о подтвердительныхъ грамотахъ идетъ охотно и польское правительство, хорошо сознавая выгоды для себя такого рода отношеній къ козачеству; оно подтверждаетъ и общими грамотами (напр. упоминаніе въ лѣтописи о какой-то грамотѣ Сигизмунда I 1506 г. и грамотѣ Стефана Баторія 1576 г.) и частными привиллегіями права козаковъ на землю и въ то же время приглашаетъ ихъ на службу королевству за жалованье; на этотъ призывъ отвѣчаютъ не медля согласіемъ козаки-землевладѣльцы; образуется регестровое козачество; оно, состоя на службѣ у короля, не только получаетъ отъ него жалованье, но что важнѣе всего для него, пользуется охраной своихъ имѣній; чѣмъ далѣе, тѣмъ число регестровыхъ козаковъ стремится къ увеличенію, побуждаемое къ тому необходимостью упроченія своихъ правъ владѣльческихъ. Это стремленіе землевладѣльцевъ къ обезпеченію своихъ правъ на землю, расширяяся, и ведетъ потомъ, быть можетъ, къ закрѣпощенію безземельныхъ, что производитъ между тѣми и другими вражду постоянную и разрывъ, хотя и неокончательный; моментъ этого разрыва, близкій по времени съ образованіемъ регестроваго козачества, и есть тотъ второй переворотъ (онъ по свойству своему не можетъ быть пріуроченъ къ какому-нибудь году), который отмѣченъ въ лѣтописяхъ, какъ организація козачества королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

Указанному перевороту помогало и другое обстоятельство; это—стремленіе къ шляхетству крупныхъ землевладѣльцевъ, которое такъ же, какъ и право землевладѣнія, заставляетъ ихъ искать поддержки у польскаго правительства; тѣмъ не менѣе однакоже, сознаніе своей народности, естественная потребность ея сохраненія, вмѣстѣ съ преданностью православію, удерживаетъ ихъ отъ окончательнаго сліянія съ польской шляхтой, и этого они достигаютъ только въ союзѣ съ мелкими землевладѣльцами и съ остальной массой населенія; послѣдніе, въ свою очередь, обособляются, сходясь въ Запорожьи, какъ сторожевомъ отрядѣ, всегда нуждавшемся въ новыхъ и новыхъ пришельцахъ. По мѣрѣ того какъ усиливаются крупные и мелкіе землевладѣльцы-козаки, по мѣрѣ того какъ увеличивается число регестровыхъ, они становятся все въ большій разрѣзъ съ интересами безземельныхъ, по временамъ, вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, дѣлаютъ попытки къ ихъ уничтоженію и часто, по собственной иниціативѣ, принимаютъ мѣры къ тому, чтобы число запорожцевъ не возростало (напр., постановленія рады 1638 г. и борьба гетмана Кулаги съ своевольными козаками). Но въ то же время регестровое козачество не можетъ желать и полнаго уничтоженія сѣчевиковъ, потому что они охраняли козацкія владѣнія съ юга отъ татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не давали возможности и польскому правительству окончательно овладѣть и подчинить себѣ крупныхъ землевладѣльцевъ: въ моменты наибольшаго напора полонизма на русское населеніе вообще они находили точку опоры въ безземельномъ козачествѣ и соединялись для общей борьбы. Но такъ какъ пріобрѣтенію земель и увеличенію богатства много помогало общественное положеніе, то крупные землевладѣльцы стремятся еще и къ власти въ товариществѣ, отъ котораго вполнѣ зависитъ избраніе или неизбраніе лица въ должность; конкуррентамъ приходилось искать себѣ сторонниковъ въ той массѣ, которую они старались ограничить въ правахъ. Происходила такимъ образомъ борьба козаковъ-землевладѣльцевъ на два фланга: съ одной стороны съ безземельными и малоземельными изъ-за земли и закрѣпощенія ихъ, по примѣру польской шляхты, а съ другой—между собой изъ-за власти въ общинѣ; и та и другая борьба проходитъ красной нитью въ исторіи козачества, и каждая изъ нихъ, начавшись весьма рано, доходитъ до значительныхъ уже размѣровъ въ то время, къ которому лѣтописи относятъ такъ называемую организацію козачества.

Указанія лѣтописей на борьбу малоземельныхъ и безземельныхъ вообще съ крупнымъ землевладѣніемъ относится къ очень раннему періоду и проявляется одинаково какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Южной Руси, хотя первыя признаки ея трудно уловить. Такъ, напр., подобный фактъ отмѣченъ еще Мартиномъ Бѣльскимъ въ своей хроникѣ подъ 1491 г.; тогда разбойникъ Муха, валахъ по происхожденію, простой холопъ, собралъ въ Валахіи и въ Руси вокругъ себя такихъ же людей, какъ и самъ, до десятка тысячъ и воевалъ Покутье и Русскія земли; однако Николай Ходецкій, по прозванію Земелька, мужъ не простой, вмѣстѣ съ польскими жолнерами, поразилъ его отрядъ, но самъ Муха бѣжалъ. Впослѣдствіи, уже при Альбертѣ, онъ снова собиралъ народъ; но когда былъ у одной русской женщины, съ которою имѣлъ общіе интересы, то послѣдняя тайно выдала его; жолнеры его поймали и связаннаго отвезли въ Краковъ, гдѣ онъ и умеръ въ заключеніи [1]). Подъ 1579 г. упоминается о злодѣяхъ Качорѣ, Крадзвѣ (sic) и Ракошикѣ, которыхъ имена были извѣстны [2]) по всей Подоліи, какъ разорителей и грабителей. Въ 1585 г. своевольные люди, запорожскіе козаки, взбунтовавшись замучили и утопили королевскаго посла пана Глубоцкаго; они были своими же регестровыми козаками арестованы и присланы въ Кіевъ въ ожиданіи о нихъ королевскаго распоряженія [3]). Въ 1587 г. какой-то козакъ Лукьянъ Чернинскій который именовавъ себя гетманомъ, вмѣстѣ съ какими-то Ивановскимъ, Патокой и Пергатомъ, собралъ вокругъ себя не мало козаковъ и „хлоповъ простыхъ", конныхъ и пѣшихъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, напалъ на г. Кодню и разорилъ его [4]). Въ слѣдъ затѣмъ въ исторіи Южной Руси наступаетъ смутный періодъ борьбы козаковъ и всего народа изъ-за уніи и закрѣпощенія народа. Акты того времени свидѣтельствуютъ о безчисленныхъ скопищахъ своевольныхъ людей [5]) въ Правобережной Украинѣ, производившихъ разбои, грабежи и убійства, такъ что трудно теперь опредѣлить, имѣли-ли они цѣлью борьбу съ гонителями вѣры или же были слѣдствіемъ споровъ изъ-за земли.

---

[1]) Стр. 478.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I-й, стр. 8.

[3]) Ibid., стр. 15.

[4]) Ibid., стр. 19.

[5]) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I (до конца).

Лѣвобережная Украина, рѣже населенная и потому болѣе спокойная также испытывала волненія „голоты“. Однако волненія эти обнаруживаются здѣсь лишь во второй четверти XVII в. и, быстро подавляемыя, не принимаютъ такихъ широкихъ размѣровъ, какія мы видѣли на правой сторонѣ. До эпохи Хмельницкаго лишь Черниговская лѣтопись отмѣчаетъ и то только одинъ подобный фактъ, именно подъ 1632 г.[1]): „въ Лубнахъ мужикъ одинъ назвалсе царемъ и зобралосе до него много голоты; а гды ляхи того царя поймали, гултайство его едныхъ постинали, а иншіе поутекали, а самого того царя, набивши гармату великую, вложили его въ ея и выстрелили на воду—и тамъ утонулъ“[2]).

Проявлявшаяся въ указанныхъ возстаніяхъ голоты глухая повседневная борьба между богатыми козаками-землевладѣльцами и козаками безземельными изъ-за права владѣнія землями нашла себѣ полное выраженіе въ одной изъ извѣстныхъ малорусскихъ думъ, записанной П. А. Кулишемъ, именно въ думѣ о Ганжѣ Феськѣ Андыберѣ[3]). Сущность этой борьбы и ея цѣль высказываются въ словахъ Ганжи, относимыхъ имъ къ богатымъ козакамъ, „дукамъ-сребленникамъ“ думы:

„Эй, дуки, вы, дуки!
„За вами вси луги и лукы,
„Нигдѣ нашому брату козаку-нетязи статы
„И коня попасты“.

Какъ самъ г. Кулишъ (въ болѣе ранній періодъ своей дѣятельности), такъ и другіе изслѣдователи малорусскихъ истор. пѣсенъ, напр., В. Б. Антоновичъ и покойный Н. И. Костомаровъ,—всѣ они пріурочиваютъ эту думу ко времени послѣ Богдана Хмельницкаго на томъ основаніи, что крупное землевладѣніе развилось будтобы лишь послѣ 1654 г.; только въ недавнее время г. Кулишъ въ своей драмѣ: „Байда, князь Вишневецкій“, относитъ ее къ 1553—1564 г. Мы не раздѣляемъ обоихъ мнѣній и думаемъ, что она должна быть отнесена къ первой половинѣ XVII в., вообще ко времени до Хмельницкаго, по слѣдующимъ основаніямъ: 1, наши документы точно устав-

[1]) Стр. 16.

[2]) Въ указанныхъ случаяхъ борьба въ козачествѣ вполнѣ напоминаетъ такую же борьбу въ древней Греціи и Римѣ.

[3]) Записки о Южной Руси, т. I, стр. 200—209.

ливаютъ фактъ развившагося вполнѣ на правѣ полной частной собственности крупнаго козацкаго землевладѣнія, т. е. существованіе „дуковъ-срибленниковъ“ думы, а время, къ которому этотъ фактъ относится—первая половина XVII вѣка; 2, мѣсто дѣйствія, описываемаго въ думѣ—правый берегъ Днѣпра, а не лѣвый, и при томъ въ южной части козацкихъ владѣній и, наконецъ, 3, лица, упоминаемыя въ думѣ, встрѣчаются въ лѣтописяхъ и документахъ XVII вѣка, именно самъ герой думы „козакъ-нетяга“ Ганжа и одинъ изъ „дуковъ—срибленниковъ“—Долгополенко.

Если Ганжа и не былъ запорожскимъ гетманомъ, какъ величаетъ его дума, отъ которой нельзя и требовать точности, то, во всякомъ случаѣ, виднымъ дѣятелемъ въ козацкомъ войскѣ. Ганжа выдвигается еще въ войну 1638 г., и ему позже, какъ одному изъ популярныхъ вождей Запорожья, Хмельницкій даетъ порученіе склонить на свою сторону регестровыхъ козаковъ: и въ лѣтописяхъ и въ думѣ Ганжа является дѣятельнымъ представителемъ безземельной массы—голоты. Что касается до Долгополеника думы, то это имя мы встрѣчаемъ въ печатаемыхъ нами актахъ Волевачей XVII вѣка; и въ думѣ и въ актахъ оно принадлежитъ лицу, являющемуся козакомъ, который владѣетъ большимъ имѣніемъ и богатствомъ.

На сторону безземельныхъ и малоземельныхъ козаковъ становилось и Запорожье со своими кошевыми атаманами во главѣ; во время войнъ они дѣйствовали согласно съ богатыми козаками лишь до тѣхъ поръ, пока интересы тѣхъ и другихъ не расходились; въ противномъ случаѣ возникало междоусобіе, оканчивавшееся гибелью того изъ вождей, сторона котораго оказывалась болѣе сильной Такъ, напр., въ 1596 г. предводители народа и козаковъ, Наливайко и Лобода, котораго мы встрѣтили уже въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣйствовали сначала сообща; при неудачѣ Лобода сталъ тянуть на сторону коронныхъ войскъ, былъ обвиненъ въ этомъ Наливайкомъ и убитъ козаками; въ 1621 г., когда регестровое козачество было приглашено въ участію въ войнѣ Польши съ Турціей, то предводитель его гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный казнитъ атамана запорожцевъ Бородавку за позднее, а можетъ быть просто за неохотное появленіе его; вообще въ эту войну, замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, обнаружилось сочувствіе простаго народа къ Турціи; „Сагайдачный же“, говоритъ онъ далѣе, „считалъ

Польшу отечествомъ и по тому становился въ разрѣзъ съ посполь-ствомъ"; но, конечно, и Сагайдачный не считалъ Польшу отечествомъ, а дѣйствовалъ въ ея пользу лишь изъ-за надежды на поддержку богатаго козачества; послѣ войны въ письмѣ къ королю онъ, дѣйствительно, и жалуется на польскихъ магнатовъ: „Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ" о томъ, что они хотятъ козаковъ „въ подданство и ярмо работническое себѣ безбожне наклонити"; [2]) гетманъ угрожаетъ польскимъ панамъ печальными послѣдствіями и не въ силахъ скрыть своей ненависти въ корол. старостамъ, какъ главнымъ виновникамъ козацкихъ бѣдъ, называя ихъ презрительно „старостками" и „пьяницами" [3]).

Хотя и не столь сильная, какъ между Сагайдачнымъ и Бородавкой, проявились рознь и во время войны 1625 г., когда на радѣ въ Каневѣ 3000 козаковъ, не желая подчиняться коронному гетману, власть котораго признавало регестровое козачество, ушли на югъ на встрѣчу гетману Жмайлу, выходившему изъ Запорожья. Не обошлось безъ такого же двоевластія и въ возстаніе Тараса въ 1630 г.: запорожцы и меньшая часть регестровыхъ выбрали Тараса, а большая часть предпочла Григорія Чернаго, преданнаго полякамъ. Въ 1632 г. обнаруживается борьба между гетманомъ регестровыхъ козаковъ Кулагой, живущимъ въ Каневѣ и пользующимся милостями короля (ему присланы знамя, булава и литавры), и Запорожьемъ, которое выбрало себѣ гетманомъ опять Тараса и Дацка Бѣлоцерковца; Кулага силою хотѣлъ заставить запорожцевъ идти войною на московскіе города съ нимъ и польскими войсками [4]). Онъ ходилъ за пороги съ войскомъ, но боя не было; тѣмъ не менѣе Тараса взяли, а на его мѣсто оставили полковника Коленку, преданнаго полякамъ, чтобы удержать запорожцевъ отъ похода на татаръ; потомъ всѣ запорожцы пошли въ Корсунь къ Кулагѣ, чтобы вмѣстѣ идти подъ Смоленскъ;

---

[2]) Богд. Хмел., т. I, стр. 69.

[3]) Лѣт. Сам. Вел., I, прилож., стр. 45.

[3]) „Кгдижъ если они, козаки, не получатъ въ томъ вашего королевского найсвѣтшаго величества призренія и респекту, то же би що новое отъ нихъ (якъ уже и починаютъ) не уродилося и огня гнѣвного (чего не дай Боже) не запалило; въ якій часъ уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ *пятницъ старостокъ великихъ* ихъ милость панове полскіе наректи и жалковати мусѣли бы" (Ibid., 46).

[4]) А. М. Г., I, 346, № 328 и слѣд.

но собравшись на раду въ Чернѣховской Дубровѣ козаки смѣнили Кулагу и выбрали Андрея Дѣденка, который за поляками и Конецпольскимъ не пошелъ [1]); кромѣ гетмана выбрали и полковниковъ изъ „черныхъ людей", отняли у Кулаги аттрибуты его власти и передали новому гетману; наконецъ Кулага былъ убитъ [2]) за то, что хотѣлъ „обляшиться"; кошевымъ выбрали Каллиника; оба представителя козачества дѣйствуютъ теперь согласно и собираются идти на море; они же на радѣ въ Корсунѣ прогнали отъ себя сторонниковъ польской власти, „унейщиковъ", и рѣшили стоять за вѣру „по Днепръ"; такихъ унейщиковъ оказалось на радѣ почти 2000 человѣкъ. Въ 1634 г. былъ уже новый гетманъ Ильяшъ. [3]) Въ 1635 г. во время возстанія Сулимы, разорившаго новопостроенную крѣпость Кодакъ, регестровые не пристали къ запорожцамъ и выдали Сулиму полякамъ. Въ 1637 г. и 1638 гг. раздоры не прекращались между указанными сторонами; съ одной стороны мы видимъ склоннаго къ примиренію съ поляками Василія Томиловича и Савву Кононовича, съ другой—непримиримыхъ вождей казачества Павлюка, Скидана, Гуню и Остранина [4]); то же явленіе борьбы и двоевластія повторилось и при Богданѣ Хмельницкомъ.

Во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ ясно наблюдается распаденіе козачества на двѣ большія и сильныя группы, взаимно ослабляющія одна другую въ борьбѣ,—„лучшихъ людей" и „черныхъ", по актамъ Москов. [5]) государства; „духовъ-прибленниковъ" „и козаковъ-нетягъ"—малорусской думы; „шляхетно-урожонныхъ паповъ" и „поспольство"—польскихъ памятниковъ; этими послѣдними эпитетами величаются они въ [6]) универсалахъ Остранина и Богдана Хмельницкаго [7]); также именуютъ они себя и въ своихъ юридич. актахъ [8]); польскія власти въ своей перепискѣ съ козаками, въ свою очередь, признаютъ, что „шляхта и козаки одной поваги", такъ какъ кровью и мечемъ защищаютъ отчизну.

---

[1]) Ibid., стр. 402

[2]) Ibid., 405, 410.

[3]) Ibid., 586.

[4]) Вообще въ эту войну обнаруживается сильное господство черни, среди которой выдѣляется даже наиболѣе враждебный къ панамъ элементъ со своимъ предводителемъ Шекерявымъ (Вел., IV, 229).

[5]) См. цитов. мѣста.

[6]) Велич., IV, стр. 135.

[7]) А. З. Р., V., стр. 80, № 25.

[8]) Ки Кіев. центр. арх. № 2952, л. 104, актъ $^{54}/_{70}$.

Однако не одна указанная борьба шляхетно-урожонаго козачества съ посполствомъ ослабляла Южную Русь,—среди самой козацкой шляхты происходили раздоры, въ свою очередь, много вредившіе ихъ общему дѣлу—борьбѣ съ поляками въ защиту своей вѣры и народности; такъ, напр., назначеніе въ 1572 г. королемъ Сигизмундомъ-Августомъ Яна Бадовскаго на должность козацкаго судьи показываетъ уже, что среди козаковъ существовали какіе-то споры, примирить которые были безсильны ихъ собственные войсковые судьи. Н. И. Костомаровъ сообщаетъ о какихъ-то неурядицахъ среди самого регестроваго козачества въ октябрѣ 1614 г., чѣмъ воспользовались польскія власти и заключили съ козаками подъ г. Житомиромъ договоръ, въ силу котораго подчиненіе регестровыхъ увеличивалось, а право козаковъ собираться на рады было стѣснено [1]); быть можетъ эти ограниченія сдѣланы были въ-замѣнъ за поддержку, которая оказана была поляками болѣе сильной партіи въ богатомъ регестровомъ козачествѣ въ его борьбѣ между собой. Эту вражду польскія власти считаютъ пагубной (конечно, для своихъ интересовъ), и коронный гетманъ, указывая на постоянное взаимное недовѣріе, „неуфность“, среди старшины, „же единъ другому между собой на той первости не вѣрятъ“ [2]), предлагаетъ и желаетъ самъ „до едности привести“ ихъ. Богатые и наиболѣе вліятельные козаки и сами также сознавали весь вредъ этихъ несогласій для общественыхъ интересовъ, а по тому въ 5 пунктѣ своего постановленія, состоявшагося на радѣ въ Кіевѣ 9 сентября 1638 года, заявляютъ, что между ними самими „такій едиктъ вийшолъ, абы жили въ братерской любви“, „аби жаденъ другому подъ горломъ (т. е. подъ страхомъ повѣшенія) словомъ докладати не мѣлъ“. Всѣ случаи несогласій они обязываются передавать на судъ корон. гетмана, какъ своего „старшого“. Дальше идти было некуда—козаки, постоянно враждуя между собой, стремясь къ богатству и власти, ища опоры и защиты въ своихъ стремленіяхъ, сами отдаются во власть польскихъ королей, ихъ старостъ и гетмановъ; число такихъ сторонниковъ Польши, готовыхъ, по выраженію московскихъ воеводъ, „обляшиться“, склонныхъ принять или уже принявшихъ унію („унейщиковъ“) доходитъ въ 1632 г. до 1900 человѣкъ, по донесе-

[1]) Богд. Хмельн., I, 62.

[2]) Величко, IV, 274.

ніямъ этихъ воеводъ[1]); другая часть также богатаго козачества, „лучшіе", „письменные" люди, прогоняетъ ихъ съ рады и дѣйствуетъ за одно съ поспольствомъ; такія взаимныя отношенія между козаками были явленіемъ раннимъ и никогда не прекращавшимся. Естественно, что они-то и были главной причиной распаденія малорусскаго козачества на регестровое и запорожское, причиной внутренней борьбы одного съ другимъ и, въ частности, между собой и приводили ихъ къ добровольному признанію надъ собой власти польскихъ старостъ и гетмановъ.

Но если козачество само стремилось въ регестръ, если оно шло добровольно подъ власть Польши, то въ чемъ же выражалось право надъ нимъ послѣдней и каковы были ихъ взаимныя отношенія?

Записываніе себя въ регестръ, какъ мы сказали, имѣло для козаковъ ту выгоду, что оно обезпечивало имъ право землевладѣнія и приносило жалованье, подъ условіемъ несенія военной службы; дальше этого подчиненіе не шло; козаки только тогда и шли на войну за польскими вождями, когда получали жалованье: они были какъ бы наемнымъ войскомъ, какихъ тогда не мало было въ Европѣ. Стороженко, Сагайдачный, Дорошенко и друг., напр.,—всѣ требуютъ или обезпеченія своихъ правъ или денегъ[2]). Тѣмъ не менѣе однакоже, служа Польшѣ, какъ наемное войско, они удерживали свою политическую особность и пользовались правомъ военной поддержки того или другого государства; такъ, они поддерживаютъ самозванцевъ, стремящихся овладѣть престолами: молдавскимъ (Петра Волошина и Константина Локусту въ 1578 г.), московскимъ (Лжедимитрія) и цареградскимъ (Александра Ахію въ 1625 г.), оказываютъ военную помощь Молдавіи (Свирчовскій), Германіи (въ 1594 г. при Рудольфѣ II) и Швеціи (при Густавѣ Адольфѣ въ 1630 г.), самостоятельно ведутъ войны съ сосѣдями: поляками, татарами и волохами и вступаютъ съ нами въ договоры, какъ равные съ равными (съ поляками и татарами), стараются посадить своего гетмана на княжескій столъ (Ивана Подкову въ Молдавіи); правительства сосѣднихъ государствъ Польскаго и Московскаго сами, въ свою очередь, то признаютъ подчиненность себѣ козачества, то отказываются отъ него; напр., польскій посолъ

[1]) А. М. Г., I, № 436, стр 409—411.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. 14.—Чтенія въ И. О. Н. Л., VII, отд. III, стр. 69—72.—А. М. Г. I, 215.

въ Крыму въ 1578 г. Мартинъ Броневскій сваливаетъ вину за козацкіе походы и разореніе татаръ на московское правительство [1]), а въ 1601 г. тоже повторяетъ въ Константинополѣ другой посолъ Польши Янъ Пясочинскій; Эрихъ Лассота въ своихъ запискахъ прямо говоритъ о зависимости козаковъ отъ московскихъ государей; въ 1620 году царь Михаихъ Ѳеодоровичъ въ грамотѣ, данной Сагайдачному, указываетъ на прежнюю вѣрную службу ему запорожцевъ, а между тѣмъ послѣдніе въ слѣдующемъ году входятъ уже въ союзъ съ Польшей, какъ и раньше поддерживая ее, и сражаются противъ московскихъ войскъ; къ 1639 году относится грамота Мих. Ѳеодоровича съ упреками запорожскому гетману и полковникамъ за учиненную ими измѣну царю [2]).

Въ тяжелую годину бѣдствій угнетаемое поляками полусвободное днѣпровское козачество съ надеждой смотритъ на московскаго государя и отъ него ожидаетъ защиты и покровительства; такъ, напр., объ этомъ просилъ царя Сагайдачный въ 1620 г.; гетманъ Дорошенко въ 1627 г. объявилъ польскимъ посламъ, что онъ пойдетъ со всѣмъ войскомъ служить московскому государю; въ 1632 г., когда положеніе козачества стало еще тяжеле, то всѣ собравшіеся на раду и лучшіе и худшіе люди постановили просить царя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ и подъ свою государеву руку принялъ [3]). Мы не говоримъ о единичныхъ переходахъ и переселеніяхъ цѣлыхъ сотенъ козацкихъ семей на территорію Московскаго государства, какъ о фактѣ достаточно уже извѣстномъ. Такъ поступать и такъ распоряжаться своими дѣйствіями, отношеніями и имуществомъ могла лишь народность сколько-нибудь свободная; понятіе о независимости козачества господствовало и въ средѣ польскаго общества; хроникеры, усвоившіе себѣ оффиціальную точку зрѣнія на козачество [4]), считаютъ необходимымъ разубѣдить въ томъ своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ весьма многіе, „не знающіе дѣла“ будто-бы, считаютъ козаковъ народомъ, владѣющимъ собственными

---

[1]) Panow. Henr. Wal i Stef. Bat., 409.—Костомаровъ, Богд. Хмел., I, 55.

[2]) Опись малорос. дѣлъ, св. 3, № 2, главнаго Москов. архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—П. Кулишъ, Мат. по ист. возс. Руси, I, 92—99.

[3]) А. М. Г., I, стр. 411.

[4]) „Et praemonemus, ne quis erret in nomine cosacorum, ut plurimi, rerum ignari, putant esse gentem propriis terrarum terminis et proprio reipublicae vel tetrarchiae statu consistentem“ (Памятники древней письменности, т. LXVIII, вып. 5-й за 1887 г.).

землями и живущимъ въ собственномъ государствѣ или тетрархіи [1]), какъ дѣлаетъ это, напр. перемышльскій бискупъ Павелъ Пясецкій (1604—1618). Только доведенное до крайности гнетомъ старостъ и пановъ вольное козачество сплачивается съ остальнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ во-едино, безъ различія интересовъ, забывъ свои домашніе счеты, и сбрасываетъ ярмо „лядской неволи", которое наложили на него желавшіе „обляшиться" „унейщики", сплачивается подъ предводительствомъ вышедшаго изъ „лучшихъ людей" „письменнаго" козака Богдана Хмельницкаго, который, говоря въ своемъ универсалѣ [2]), что старосты королевскіе и паны „старинныя поля и выробленыя нивы, отчизны, гумна, мельницы и все козацкое, що есть въ уподобаню, выдираютъ; отбираютъ быдло; одесятствуютъ пчолы; конѣ послѣдніе, которыми въ войску служатъ, отыймуютъ; а скаржитися не годится: просьбы за гордыню, жалобы и слезы за бунты имѣютъ"; что „полны козаковъ темницы, иные явныи терпятъ узы на тѣлѣ", и что „безъ жадной вины, хиба за маетки свои смерть поносятъ" [3]), выразилъ въ этихъ характерныхъ словахъ и основу козацкой жизни, и намѣренія шляхты по отношенію къ козачеству, и ближайшія причины начатой въ 1648 г. козаками войны съ поляками.

И. Каманинъ.

---

[1]) Нѣтъ-ли въ словѣ „тетрархія"—четевластіе—намека на существованіе не задолго до того отдѣльныя козацкія общины—„товарыства": кіевское, каневское, черкасское, чигиринское, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ?

[2]) Акты Запад. Рос., т. V, стр. 80, № 25.

[3]) Акты Москов. госуд—ва также очень часто отличаютъ козаковъ, какъ и всѣхъ малороссовъ вообще, именемъ „черкасовъ", „черкашанъ", разумѣя подъ нимъ народность, отличную отъ „польскихъ и литовскихъ людей".

Заговоръ Томской „литвы“ въ 1634 г.

I.

Въ колонизаціи Сибири за XVII в. весьма видное участіе принимали „*литва*“ и „*черкасы*“, т. е. бѣлоруссы и малороссы. Впрочемъ, подъ „литвою“ въ XVII в. разумѣлись не одни только бѣлоруссы и литовцы въ собственномъ смыслѣ, но также и *поляки*, черкасы, латыши и др. подданные Польскаго государства. Только въ тѣхъ оффиціальныхъ документахъ, которые описываютъ моментъ ссылки разныхъ „иноземцевъ“ въ Сибирь, еще возможно (хотя и не всегда) отличить бѣлорусса отъ поляка, отъ черкашенина и т. п. Напр. въ „росписи ссыльнымъ опальнымъ людямъ“, присланнымъ вмѣстѣ съ ихъ семьями въ 1651 г. въ *Кузнецкъ*, въ службу и на пашню, ясно различается національность сосланныхъ: „полякъ“ Янко Шварцъ, „черкасы“—Ив. Бидарь, Демка Губаренко, Троф. Момотъ, Куз. Уманской, Вас. Водопьянъ, Яцко Золотаренко и проч.[1]). Но разъ эти поляки, черкасы, бѣлоруссы и пр. верстались въ государеву службу, или садились на „государеву пашню“, ихъ національное происхожденіе исчезаетъ: попавшіе въ „пашенные крестьяне“ они совершенно сливаются съ великорусскимъ крестьянствомъ, а поверстанные въ службу образуютъ по сибирскимъ городамъ особую группу служилыхъ людей подъ общимъ именемъ „литвы“ или „*литовскаго списку* козаковъ“. Если въ этихъ отрядахъ служилой „литвы“ можно иногда хотя бы по фамиліямъ отличить черкасовъ отъ поляковъ и бѣлоруссовъ, то ужъ въ массѣ сибирскаго крестьянства

[1]) См. въ Моск. архивѣ м—ва юстиціи *Сибир. приказа* столбецъ № 112, л. 535.

даже по этимъ признакамъ нельзя отдѣлить малоросса и др. „литвы“ отъ великоросса, потому что первые съ теченіемъ времени теряютъ свои мѣстныя „прозвища“ и получаютъ новыя, а чаще, подобно великороссамъ, именуются только по отчествамъ (см. въ Сибирскомъ приказѣ „крестьянскія книги“ XVII в, т. е. именные списки крестьянъ).

Вся эта „литва“ (т. е. поляки, малороссы, бѣлоруссы и проч.) заселяла въ XVII в. Сибирь конечно не добровольно. Правда, попадаются хотя изрѣдка и добровольные переселенцы изъ „литовскихъ людей“: такихъ добровольцевъ можно иногда встрѣтить среди того сброда, который, подъ именемъ „гулящихъ людей“, въ большомъ количествѣ поселялся въ XVII в. въ Сибири и здѣсь или шелъ въ государеву службу, или садился на земляхъ, занимался торговлей, промыслами и пр. Главную массу „гулящихъ людей“ составляли русскіе крестьяне, посадскіе, дворовые и др. люди, но изрѣдка мелькаютъ среди нихъ и типичные Носенки, Губенки и т. п.

Но это были исключенія. Въ большинствѣ же случаевъ „литва“ появлялась въ Сибири въ качествѣ *ссыльныхъ* людей изъ военно-плѣнныхъ, разнаго рода „измѣнниковъ“ и проч. Опредѣлить количество ихъ трудно. Проф. Буцинскій подсчиталъ въ извѣстныхъ ему архивныхъ и печатныхъ источникахъ „около 1500 человѣкъ“ ссыльныхъ за періодъ съ 1593 г. по 1645 г., въ томъ числѣ онъ нашелъ—около 650 иноземцевъ разнаго рода, (поляки, литвины, нѣмцы и др.), 366 черкасовъ, остальные великороссы [1]). Но онъ рѣшительно оговаривается, что цифра—1500 человѣкъ—только приблизительная. Да, она слишкомъ гадательна и ее смѣло можно увеличить едва-ли не вдвое.. Довольно точный подсчетъ г. Буцинскій могъ сдѣлать только за десятилѣтіе 1614—1624 г.г. и за одинъ этотъ короткій періодъ получилось 560 ссыльныхъ. Но и предъидущее и послѣдующія десятилѣтія были бурны не меньше періода 1614 — 24 г.г.: военныя и политическія обстоятельства не переставали давать московскому правительству значительное количество ссыльныхъ черкасъ, литвы и пр. Притомъ же, изъ приводимаго г. Буцинскимъ перечня отдѣльныхъ случаевъ ссылки [2]) видно, что ему

---

[1]) „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“, с. с. 198—199.

[2]) Ibid, 199—204.

были извѣстны далеко не всѣ эти случаи... Для примѣра укажу на пропущенный имъ случай ссылки въ 1642 г. на р. *Лену*, къ воеводѣ *П. П. Головину*, *188 черкасъ* съ женами и дѣтьми, уроженцевъ Чугуевскаго, Курскаго и Воронежскаго уѣздовъ [1]).

Съ другой стороны, г. Буцинскій упустилъ изъ виду, что далеко не всѣ изъ ссыльныхъ иноземцевъ оставались навсегда въ Сибири; напротивъ, многіе, именно изъ военноплѣнныхъ, были только *временными* поселенцами Сибири и затѣмъ возвращались на родину вслѣдствіе заключенія міра и „размѣна *вязней*“ (т. е. взятыхъ въ плѣнъ). Приведу нѣкоторые изъ такихъ случаевъ отпуска и „розмѣна“ военноплѣнныхъ, относящихся къ „литвѣ“ [2]).

Въ 1634—37 г.г. производилось въ Сибирскомъ приказѣ дѣло о возвращеніи „по посольскому договору и вѣчному докончанью“ сосланныхъ въ Сибирь въ 1633—34 г.г. „литовскихъ и нѣмецкихъ *людей и жидовъ*“, которые во время „Смоленской службы“ (похода) были „иманы на боѣхъ и языцѣхъ“ [3]) и сосланы въ Сибирь въ службу и на пашню. На родину отпускались всѣ, кромѣ тѣхъ иноземцевъ, которые „*похотели остаться*“, а также приняли православіе и женились на русскихъ. Впрочемъ, относительно принимавшихъ православіе не было установлено однообразнаго правила: иногда ихъ обязательно удерживали въ Россіи, въ другой разъ предоставляли на ихъ волю—остаться или уѣзжать. Въ дѣлахъ сохранились „именныя росписи“ иноземцевъ какъ ѣдущихъ на родину, такъ и остающихся въ Сибири, также умершихъ тамъ и пр., съ указаніями ихъ національности, состава семьи, службы или крестьянства и проч. [4]).

Сохранились еще два дѣла о возвращеніи изъ Сибири польскихъ, литовскихъ, еврейскихъ и нѣмецкихъ людей въ 1660—64 г.г. по случаю размѣна „вязней“ [5]) и въ 1667—68 г.г., вслѣдствіе за-

---

[1]) Сибир. приказа столбецъ № 206, л. 222 и слѣд.

[2]) Правда, г. Буцинскому извѣстенъ одинъ случай „розмѣна“ литвы въ 1619 г. (см. стр. 200—201), но авторъ не обратилъ вниманія на значеніе этихъ фактовъ въ вопросѣ объ убыли въ колонизаціи Сибири иноземцами.

[3]) „*Языки*“—ратные и др. люди непріятельской стороны, взятые въ плѣнъ для распросовъ о положеніи непріятеля, иногда—непріятельскіе шпіоны. Очевидно, „жиды“ попадали въ плѣнъ въ качествѣ только „языковъ“.

[4]) Сибир. приказа столбцы №№ 55 и 59 (л. 36 и слѣд.).

[5]) Столбецъ № 557.

ключенія мира съ Польшей [1]). Въ связи съ первымъ находится особое дѣло 1665—69 г.г. о тѣхъ польскихъ и литовскихъ „вязняхъ“, которые *„не похотѣли“* идти „на розмѣнъ“ и били челомъ „на вѣчную службу“ государю, вслѣдствіе чего были отправлены на сибирскую службу, гдѣ многіе изъ нихъ и раньше служили, пожелились на православныхъ и сами приняли православіе. На размѣнъ должны были идти „вязни“ съ 1654 года [2]). Бывали, впрочемъ, случаи, когда литва, принявшая православіе, не отправлялась въ Сибирь, а служила въ московскихъ городахъ. Такъ въ 1660 г. была отмѣнена ссылка въ Сибирь полоцкой „шляхты“—Богдана *Подбипенты*, Казиміра Храповицкаго, Ивана Завалишева и др., пожелавшихъ принять православіе [3]).

Но не смотря на всѣ эти случаи возвращенія на родину ссыльной „литвы“, количество ея въ Сибири всегда было значительно и постепенно увеличивалось къ концу XVII вѣка, когда въ составѣ этой собирательной „литвы“ численное преобладаніе получаютъ „черкасы“.

II.

Какъ же жилось въ Сибири этимъ невольнымъ колонизаторамъ ея?—Мы видѣли, что многіе изъ нихъ добровольно „похотѣли“ остаться тамъ „на вѣчной службѣ“ государю, хотя бы могли совершенно свободно вернуться на родину. Очевидно, эти лица вполнѣ удовлетворялись тою жизнію и дѣятельностію, какая выпадала имъ въ Сибири. Они сознательно находили здѣсь свое „второе отечество“ и служили ему по совѣсти, забывая о родинѣ. Г. Буцинскій совершенно справедливо объясняетъ это обстоятельство тѣми выгодами, какія получали иноземцы на сибирской службѣ. Большинство ихъ были „люди грамотные и сравнительно развитые“, и немудрено, что „скоро они дослуживались“ до хорошо оплачиваемыхъ высшихъ ранговъ сибирскихъ служимыхъ людей—боярскихъ дѣтей, сотниковъ, атамановъ, головъ и проч. Около 1630 г. былъ изданъ указъ, чтобы

[1]) Столбецъ № 991.

[2]) Столбецъ № 812.

[3]) Столбецъ № 575 (дѣла ссыльныхъ за 1660—64 г.г.).

„всѣ ссыльные изъ иноземцевъ, которые примутъ православную вѣру, верстались въ боярскіе дѣти“ [1]).

Но, конечно, такой „литвы“ врядъ ли было большинство... Другая часть литвы, вынужденная оставаться въ Сибири въ силу разныхъ обстоятельствъ—по случаю женитьбы на русскихъ, по мотивамъ ссылки (если это были не военноплѣнные, а „измѣнники—черкасы“ и др., или преступники) и проч.—такая литва не видѣла въ Сибири второго отечества и не переставала забывать и постоянно стремилась къ первому, тяготясь жизнью въ Сибири... Очень типичную характеристику такого настроенія литвы передаетъ г. Буцинскій, разсказывая „извѣстное дѣло“ 1637 г. ссыльнаго литовскаго чернеца *Малаха* [2]), довольно извѣстнаго въ то время въ Сибири своими „безчинствами и многимъ воровствомъ“, а особенно своими многочисленными „извѣтами“... Извлекаю отсюда только нѣкоторыя характерныя подробности изъ рѣчей ссыльныхъ литовскихъ монаховъ.

Чернецъ Малахъ, самъ родомъ изъ Литвы, донесъ воеводамъ про „неистовыя рѣчи“ другихъ ссыльныхъ литовскихъ монаховъ, жившихъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Когда въ Тобольскѣ узнали о походѣ подъ Смоленскъ московскихъ ратныхъ людей, старецъ Галактіонъ сказалъ Малаху: „послали-де ратныхъ людей подъ Смоленскъ патріархъ да *старцевъ сынъ* (т. е. царь Михаилъ Ѳедоровичъ), *захотѣли-де литвы взять; вотъ-де что имъ будетъ!*“— и „показалъ перстъ“ (т. е. кукишъ) Малаху... Когда этого старца Галактіона переводили вслѣдствіе доносовъ Малаха въ енисейскій острогъ, другой литовскій чернецъ Капитонъ сказалъ Малаху: „отца-де ихъ духовнаго Галактіона посылаютъ въ енисейскій острогъ за тебя худого доносчика, а *ты Малахъ забылъ свою вѣру и набрался-де русскаго собачьяго духа!*“... Дальше такого проявленія ненависти къ русскимъ трудно найти...

Но одними словами не ограничивались проявленія недовольства со стороны ссыльной литвы: при удобныхъ случаяхъ она старалась *бѣжать* изъ Сибири, и хоть это рѣдко ей удавалось, однако покушенія на побѣгъ затѣвались часто. Г. Буцинскому извѣстны 4 слу-

---

[1]) Буцинскій, 208—209.

[2]) См. очеркъ г. Буцинскаго: „Сибирскіе архіепископы Макарій, Нектарій, Герасимъ“ (Харьковъ, 1891), с.с. 40—42.

чая массоваго побѣга изъ Сибири литвы въ первой половинѣ XVII в., когда бѣжали партіи въ 19 человѣкъ, 30 чел. и пр.[1]). Особенно любопытна подробно разсказываемая имъ одиссея бѣгства въ 1620 г. партіи литовцевъ (и кажется—черкасъ) въ 30 чел., подъ предводительствомъ Первушки *Шершня*. Послѣ неимовѣрныхъ трудностей и подъ угрозою неотстававшей погони, партія достигла Двинскаго уѣзда сильно растаявши отъ погромовъ служилыхъ людей и крестьянъ, и, кажется, только 4 бѣглеца, съ Шершнемъ во главѣ, спаслись.

Но случаевъ покушеній на бѣгство литвы было гораздо больше. Одинъ изъ такихъ случаевъ—заговоръ Томской литвы въ 1634 году—разсказывается ниже.

За вторую половину XVII в. мнѣ извѣстны въ Сибирскомъ приказѣ два дѣла о покушеніяхъ сибирскихъ иноземцевъ на побѣгъ изъ Сибири: 1) дѣло о побѣгѣ въ 1660 г. изъ *Сургута* сосланныхъ туда *нѣмцевъ*, литвы (Янъ Потемкинъ, Богданъ Халецкой и др.) и черкасъ. Партія побѣжала „на низъ Обью рѣкою“, но съ дороги добровольно вернулась, узнавши, что посланные въ погоню сургутскіе служилые люди „дорогу переняли“[2])... 2) Дѣло о замыслѣ иноземцевъ сибирской службы (преимущественно поляковъ) бѣжать за рубежъ, въ 1669—71 г.г.; заговоръ обнаруженъ въ Москвѣ и въ немъ принимали участіе, повидимому, и иноземцы московской службы[3]).

III.

Перехожу къ передачѣ дѣла о заговорѣ Томской литвы въ 1634 году[4]). О немъ говорятъ слѣдующіе документы: 1) *отписка* томскихъ воеводъ стольника кн. Никиты Ивановича *Егупова-Черкасскаго*, товарища его Ѳедора Григорьевича *Шишкина* и дьяка Андрея *Строева*, въ іюнѣ 1634 г., 2) приложенныя къ отпискѣ *распросныя рѣчи* въ Томской съѣзжей избѣ обвиняемой въ заговорѣ литвы и др. лицъ и 3) *выпись* Сибирскаго приказа для доклада государю.

[1]) „Заселеніе Сибири“, с.с. 200—201, 204—206.
[2]) Столбецъ № 594.
[3]) Столбецъ № 829.
[4]) Столбецъ № 40, л.л. 265—285.

Данныя этихъ документовъ не особенно подробны и сущность ихъ заключается въ нижеслѣдующемъ.

Томскъ съ давнихъ лѣтъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ Сибири, куда ссылалась литва въ службу и на пашню. Въ августѣ 1633 г. была прислана туда большая партія „литовскихъ людей“ въ 150 человѣкъ. Часть ихъ была поверстана въ „конные и пѣшіе козаки“, а нѣкоторые попали и въ боярскіе дѣти, остальные же написаны въ пашенные крестьяне. Большинство „новоприсыльныхъ литовскихъ людей“ было изъ Бѣлоруссіи—уроженцы „повѣтовъ“ Мстиславскаго, Кричевскаго, Оршанскаго, Могилевскаго, Пропойскаго и др. Но были между ними и черкасы главнымъ образомъ изъ Нѣжинскаго повѣта, затѣмъ изъ Стародуба, Чернигова, Паволочи и др. Одинъ былъ родомъ изъ Львова, одинъ назвалъ себя „бѣлорусцемъ“ и проч.

Вся эта разношерстная „литва“ съ трудомъ сживалась съ новою обстановкою и дѣятельностію и томилась тоскою по родинѣ... Если попавшіе въ боярскіе дѣти отчасти примирялись съ своимъ обезпеченнымъ положеніемъ, то рядовые козаки и крестьяне не имѣли и этого утѣшенія. Именно среди „новоприсыльныхъ“ козаковъ и крестьянъ началось вскорѣ броженіе, незамедлившее перейти въ открытый заговоръ, поставившій своею цѣлью—добиться освобожденія изъ Сибири и возвращенія на родину... Мысль эта бродила и у „староверстанной“ Томской литвы, но ея было мало и она не могла отважиться на рѣшительныя дѣйствія. А тутъ сразу прибыло 150 человѣкъ новой литвы—сила значительная для глухой Сибири того времени!.. Съ такою силою можно было пуститься и въ рискованныя предпріятія... Исторія побѣга Первушки Шершня была еще жива въ памяти старожиловъ. Если тогда 30 человѣкъ рискнули на бѣгство изъ Сибири, то съ такою силою литвы, какая теперь была въ Томскѣ (вмѣстѣ съ старою литвою число ея доходило до 200 человѣкъ), трудно было ей не попробовать счастья...

Мысль о побѣгѣ была всеобщею среди литвы, но непосредственное участіе въ заговорѣ приняли около 50 служилыхъ людей (1 боярскій сынъ, 1 „затинщикъ“, остальные конные и пѣшіе козаки) и около 25 крестьянъ.

Во главѣ заговора стояли конные козаки Иванъ Петровъ *Бѣлиловецъ* (нѣжинецъ), изъ „новоприсыльной литвы“, и Иванъ *Красно-*

польской, „староверстанный литвинъ“ (а потому его родина неизвѣстна). Какъ старожилъ томскій, Краснопольскій имѣлъ въ городѣ свой дворъ, въ которомъ жилъ и Бѣлиловецъ. Что именно послѣдній былъ главою заговора, объ этомъ единогласно утверждаютъ всѣ его товарищи, а томскіе воеводы въ отпискѣ царю такъ о немъ выражаются: „а *первый* у нихъ всему тому злому совѣту *заводчикъ* Иванъ Бѣлиловецъ“...

Но роль Ивана Краснопольскаго не такъ ясна. Повидимому, онъ не былъ сознательнымъ главаремъ заговора и если очутился на первыхъ роляхъ, то совершенно случайно и только потому, что Бѣлиловецъ жилъ въ его домѣ и именно здѣсь, у Бѣлиловца, собирались заговорщики—„думали“ и „совѣтовали“ о своемъ дѣлѣ. Правда, нѣкоторые товарищи Краснопольскаго говорили о немъ, что онъ „въ той ихъ воровской думѣ съ ними жъ былъ и бѣжать съ ними хотѣлъ же“... Но другіе обвиняли Краснопольскаго только въ томъ, что въ его дворѣ заговорщики „совѣтъ воровской“ держали. А воеводы въ своей отпискѣ хотя и ставятъ Краснопольскаго въ числѣ главныхъ зачинщиковъ, но говорятъ о немъ съ такою странною оговоркою: „а онъ съ ними жъ (заговорщиками) думалъ *въ началѣ*“..., т. е. какъ будто впослѣдствіи онъ отказался отъ „воровской думы“ своихъ товарищей. Однако, какъ увидимъ ниже, Краснопольской былъ жестоко наказанъ наравнѣ со всѣми „пущими заводчиками“.

Въ числѣ послѣднихъ документы выставляютъ еще нѣсколькихъ лицъ, именно: „затинщика“ Василія *Борисова*, коннаго козака Мосяжку (Моисей?) *Голящевскаго*, пѣшихъ козаковъ Софрона *Стасейскаго* (нѣжинецъ), Кондрата *Михайлова* („козакъ изъ Носовки“) и Тимофея *Левонтьева*, крестьянина Софрона *Иванова* и Зеновія *Левонтьева* — „холопа“ томскаго воеводы кн. Егупова-Черкасскаго. Только затинщикъ и воеводскій холопъ были изъ „старой литвы“, а всѣ остальные изъ „новоприсыльныхъ“. Привлеченіе къ заговору Зиновья Левонтьева было очень ловкимъ шагомъ со стороны заговорщиковъ: черезъ него они могли узнавать всѣ новости съ воеводскаго двора и сообразно съ обстоятельствами вести свое дѣло...

Любопытно участіе въ заговорѣ представителя высшей служилой знати Томска—боярскаго сына Михаила *Гробовецкаго*, также изъ новоприсыльной въ 1633 году литвы. Свидѣтели говорятъ о немъ, что онъ былъ „въ думѣ“ съ остальными заговорщиками. 14

іюня 1634 г. (день открытія заговора) Гробовецкій посылалъ Кондрата Михайлова къ Ивану Бѣлиловцу съ вопросомъ: что-де у васъ приговорено—и вы-де готовитесь-ли?... Да и самъ Гробовецкій признавался впослѣдствіи на допросѣ: „въ винѣ-де ево воленъ Богъ да государь!... *вся-де литва одномышлена*—въ одной думѣ съ Ивашкомъ Бѣлиловцомъ“... Это было его первое показаніе, а на второмъ онъ сдѣлалъ существенную оговорку, будто въ заговорѣ замѣшана далеко не вся литва, а только „нововерстанные“ въ конные и пѣшіе козаки и въ крестьяне, но верстанные въ болрскіе дѣти изъ старой и новой литвы къ заговору неприкосновенны... Но, кажется, первое показаніе Гробовецкаго болѣе заслуживаетъ довѣрія по своей искренности и естественности...

„Воровское лихое дѣло“, которое „умыслили“ литовскіе люди, заключалось въ томъ, чтобы „*побить*“ *воеводъ* и другихъ русскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, „*пограбить казну*“ денежную, соболиную и „зелейную“ (порохъ и пр.), „а городъ и острогъ и посады *жечь*, и взявъ лошадиное стадо, *бѣжать* степью мимо Тары *на Волгу* и *проиматѝца въ Литву*“... Замыселъ хотѣли выполнить лѣтомъ 1634 г.—„ изпоша *въ дѣловую пору*—въ жнитво и въ сѣнокосъ, а въ тое пору служилые люди живутъ по заставамъ, и въ проѣзжихъ и въ отъѣзжихъ сторожахъ, а въ городѣ въ тое въ дѣловую пору людей живетъ мало“... Овладѣвши городомъ и избивши воеводъ и русскихъ служилыхъ людей, литва собиралась отправиться въ Томскій уѣздъ и на пашняхъ, сѣнокосахъ, заставахъ и проч. уничтожить остальныхъ служилыхъ людей, чтобы избѣжать всякой погони за собою, затѣмъ—бѣжать на родину...

Однако, этимъ широкимъ планамъ не удалось сбыться... 14 іюня явился въ съѣзжую избу къ воеводамъ пашенный крестьянинъ Тимофей Емельяновъ *Смольянинъ* и „извѣщалъ въ измѣнномъ дѣлѣ“ на козаковъ Ив. Бѣлиловца, Кондр. Михайлова, Тим. Левонтьева и вообще на всѣхъ 150 новоприсыльныхъ литовскихъ людей... Воеводы не причисляютъ Смольянина къ литвѣ но судя по прозвищу онъ былъ уроженцемъ Смоленскаго уѣзда и въ качествѣ таковаго могъ быть въ числѣ старой или новой литвы. По крайней мѣрѣ, между участниками заговора былъ одинъ уроженецъ Смоленскаго уѣзда изъ новоприсыльной литвы. Очевидно, что и Тим. Смольянинъ былъ въ числѣ заговорщиковъ: онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ

съ однимъ изъ главныхъ „измѣнщиковъ“—съ Кондратомъ Михайловымъ, и отъ него слышалъ всѣ подробности заговора. Утромъ 14 іюня Кондратъ говорилъ Смольянину: „дѣлать-де имъ то воровское дѣло *вскорѣ*“... Это-то сообщеніе и заставило Смольянина измѣнить своимъ товарищамъ и выдать всѣхъ ихъ правительственной власти.

Воеводы немедленно схватили указанныхъ Смольяниномъ главныхъ заговорщиковъ и др. литовскихъ людей и „про тотъ воровской заводъ роспрашивали и *пытали* и *огнемъ жгли*“... Всѣ главные дѣятели зоговора „винились“ во всемъ, въ чемъ оговорилъ ихъ Смольянинъ—что они хотѣли овладѣть городомъ и бѣжать въ Литву... Мосяжка Голящевскій между прочимъ назвалъ „пущими заводчиками“ воеводскаго холопа Зиновья Левонтьева и крестьянина Софрона Иванова, приписывая именно имъ мысль—убить воеводъ, сжечь городъ и ограбить государеву казну...

Второстепенные дѣятели заговора—козаки также частію „винились“, что „въ воровской думѣ“ были и „воровской заводъ вѣдали“, но большинство увѣряло, что только „слышали“ про „воровской заводъ у своей братьи“, иные даже указывали—отъ кого именно слышали. Только одинъ литвинъ (Захаръ Сергѣевъ) прямо сказалъ, что хотя обо всемъ „слышалъ“, но „самъ бѣжать не хотѣлъ“... Но часть козаковъ и всѣ крестьяне рѣшительно заявляли, что о заговорѣ ничего „не вѣдали“, такъ какъ „были въ тѣ поры на лѣшемъ (лѣсномъ) промыслу“, или просто говорили, что „про воровской заводъ не слыхали“...

Томскіе воеводы кн. Егуповъ-Черкасской и Шишкинъ и дьякъ Строевъ поступили съ заговорщиками очень рѣшительно: не отписываясь въ Москву и не дожидаясь государева указа, они—„за такую великую измѣну и за воровской лихой заводъ, которые въ томъ воровскомъ дѣлѣ *большіе пущіе заводчики—12 человѣкъ велѣли повѣсить*“...

Жестоко поступили воеводы съ людьми не заслуживавшими такой страшной кары, но они оправдывались тѣмъ, что „во многихъ, государь, въ Томскомъ въ ссыльныхъ въ *литовскихъ* и въ *рускихъ* (sic!) людяхъ, въ *донскихъ* и въ *волскихъ* козакахъ и въ пашенныхъ крестьянахъ *о побытѣ шатость*“ существуетъ... Для успокоенія этой-то „шатости“ воеводы и принесли въ жертву 12 несчастныхъ литовскихъ людей... Вообще, воеводы увѣряютъ, что если въ Томскъ и

города его „Разряда“ по прежнему будутъ присылаться „ссыльные литовскіе и *русскіе воровскіе* люди въ служилые и въ пашенные крестьяне—и отъ тѣхъ воровскихъ ссыльныхъ людей *опроче дурна и воровского заводу никоторого добра не чаятъ* же“...

Вотъ имена казненной литвы: конные козаки—Ив. Бѣлиловецъ. Ия. Краснопольской и Мосяжка Голящевской, затинщикъ Вас. Борисовъ, пѣшіе козаки—Софр. Стасейской, Кондр. Михайловъ, Тим. Левонтьевъ, Гавр. Гришинъ (нѣжинецъ), Ив. Степановъ Басань („съ Паволочья“), Петръ Салтыковской (Мстиславскаго повѣта), крестьянинъ Софр. Ивановъ и воеводской холопъ Зиновій Левоньевъ. Остальные заговорщики были посажены въ тюрьму. „Распросныя и пыточныя рѣчи“ воеводы отправили въ Сибирскій приказъ.

Изъ воеводской отписки и распросныхъ рѣчей Сибирскій приказъ составилъ „*выпись*“ о количествѣ казненныхъ литовскихъ людей и посаженныхъ въ тюрьму и вообще объ обстоятельствахъ заговора. Выпись назначалась для доклада государю, но доклада не послѣдовало, какъ говоритъ слѣдующая помѣта приказа: „по сей выпискѣ не докладывано, потому что тѣ литовскіе люди *взяты къ Москвѣ*“... Рѣчь идетъ, очевидно, о тѣхъ литовскихъ людяхъ, которые въ Томскѣ были посажены въ тюрьму, но затѣмъ освобождены и отправлены въ Москву по случаю возвращенія плѣнныхъ вслѣдствіе заключенія мира съ Польшей (см. выше). Тѣмъ безцѣльнѣе представляется казнь 12 литовскихъ людей, стоявшихъ уже на порогѣ законнаго освобожденія отъ сибирской неволи!...

Н. Оглоблинъ.

Алексѣй Васильевичъ

КОЛЬЦОВЪ,

какъ человѣкъ и какъ поэтъ[1]).

19-ое октября настоящаго года вызвало воспоминаніе объ истекшемъ 50-тилѣтіи со времени смерти одного изъ выдающихся и оригинальныхъ русскихъ поэтовъ, Алексѣя Васильевича Кольцова.

Но истекшее пятидесятилѣтіе не принесло окончательнаго рѣшенія возникшихъ въ разное время вопросовъ, большею частію спорныхъ, о жизни и литературной дѣятельности поэта. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ, все еще остается мало выясненнымъ и около его имени и теперь, какъ прежде, раздаются споры. Если мы оставимъ въ сторонѣ только-что возникшій вопросъ о днѣ смерти поэта,—не отнести ли ее на 29 октября, согласно указанію метрической книги одной изъ воронежскихъ церквей,—то и безъ этого вопроса наберется не мало другихъ спорныхъ вопросовъ о личности Кольцова, о значеніи его въ исторіи русской литературы. Мы, съ своей стороны, видимъ въ этихъ спорахъ даже отрадную сторону: очевидно, Кольцовъ, какъ поэтъ и какъ человѣкъ, еще слишкомъ и близокъ и дорогъ намъ, не смотря на истекшее пятидесятилѣтіе, и, безъ сомнѣнія, современемъ онъ вызоветъ болѣе серьезное и внимательное изученіе.

---

[1]) Рѣчь, произнесенная 27 октября 1892 г. въ торжественномъ собраніи Историческаго Общества Нестора лѣтописца. Печатается безъ измѣненій. Прим. автора.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ Кольцова, я считаю нелишнимъ остановиться на отношеніи къ Кольцову русской критики.

„Стихотворенія Алексѣя Кольцова“ явились впервые въ 1835 г., въ Москвѣ, безъ всякихъ объясненій и предисловія. Въ этой маленькой книжечкѣ въ 16 долю листа и всего въ 40 стр. помѣщено 18 стихотвореній, въ числѣ которыхъ находятся уже: Пѣсня Пахаря, Крестьянская Пирушка, названная здѣсь Пирушкой русскихъ поселянъ, и др. Книжка обратила на себя вниманіе. Петербургская Сѣверная Пчела припомнила, что Кольцовъ печатался уже въ малоизвѣстномъ Московскомъ журналѣ. Но самые замѣчательные отзывы о Стихотвореніяхъ Кольцова дали Бѣлинскій въ Телескопѣ 1835 г. и Невѣровъ въ Сынѣ Отечества 1836 г. Статья Невѣрова носитъ заглавіе „Поэтъ-прасолъ“ и содержитъ подробную біографію Кольцова, составленную съ его словъ. Не могу не привести изъ этой біографіи хотя нѣсколькихъ выдержекъ, такъ какъ они характеризуютъ и пріемы старой критики и отношеніе къ поэту: „Этотъ мѣщанинъ, этотъ прасолъ, въ уединеніи степей, среди стадъ своихъ мечтающій о тайнахъ созданія, о вѣщаніи міровъ—еще дружится съ вашимъ воображеніемъ, напоминаетъ вамъ жизнь патріархальную. Здѣсь спокойная высокая картина; но тотъ же прасолъ на базарѣ, возлѣ воза съ саломъ мечтающій о любви, о сокровенныхъ движеніяхъ души, о жизни и высокой ея цѣли, о счастіи сочувствія—и слагающій звучныя сладкія пѣсни, не есть ли рѣзкій диссонансъ въ гармоніи этого міра, и этотъ диссонансъ не пробѣгалъ ли огненною змѣею по душѣ его, не терзалъ ли ее страшными, тяжкими мученіями?“ Критикъ возбуждалъ даже вопросъ: не оставить ли Кольцову своихъ торговыхъ занятій и совершенно посвятить себя искусству? Упоминалось въ критической статьѣ и о томъ, что въ печатное изданіе Стихотвореній Кольцова попали только немногія изъ большой тетрадки, присланной поэтомъ; причемъ издателями сдѣланъ не только выборъ піесъ, но имъ же принадлежатъ и поправки обильныхъ грамматическихъ погрѣшностей автора. Невѣровъ сообщалъ также, что у него въ рукахъ новая большая тетрадь стихотвореній Кольцова, изъ которой лучшія піесы появятся вскорѣ въ журналахъ. И такъ Невѣровъ старался своей статьей заинтересовать читателей въ пользу новаго поэта прежде всего тѣмъ, что онъ воронежскій мѣ-

щанинъ прасолъ, т. е. некрупный торговецъ рогатымъ скотомъ, едва выучившійся грамотѣ и обязанъ своимъ развитіемъ исключительно себѣ. Надо замѣтить, что въ русскихъ журналахъ 20—30-хъ годовъ много занимались поэтами-самоучками изъ русскихъ, особенно крестьяниномъ Слѣпушкинымъ, а изъ иностранныхъ англійскими поэтами и, между прочимъ, извѣстнымъ шотландскимъ поэтомъ Робертомъ Борнсомъ. Отдѣльныя стихотворенія Кольцова ранѣе 1835 г. и даже позднѣе сопровождались въ журналахъ замѣтками о личности Кольцова, какъ поэта-самоучки. Но Стихотворенія 1835 г. недаромъ вышли безъ всякой подобной рекомендаціи. Изданіе это редактировалъ Бѣлинскій, и вскорѣ за изданіемъ въ отдѣльной критической статьѣ онъ указалъ, что Кольцовъ не имѣетъ ничего общаго съ этими стихотворцами-самоучками, на изданіяхъ стихотвореній которыхъ прежде всего красуется заявленіе: Стихотворенія крестьянина или русскаго поселянина такого-то. Въ Кольцовѣ Бѣлинскій не затруднился признать истинный поэтическій талантъ, неподдѣльный даръ творчества. Мало того, критикъ поставилъ новаго поэта выше такихъ поэтовъ, какъ Бенедиктовъ. Уже въ это время и Невѣровъ и Бѣлинскій называли Кольцова настоящимъ народнымъ русскимъ поэтомъ.

При жизни Кольцова, другого изданія его стихотвореній, кромѣ 1835 г., не выходило. Отдѣльныя стихотворенія его помѣщались въ Петербургѣ въ Пушкинскомъ Современникѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ и въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду—Краевскаго и въ журналахъ Полеваго, Сеньковскаго, а въ Москвѣ въ Телескопѣ, въ Московскомъ Наблюдателѣ и друг. Черезъ 4 года послѣ смерти поэта въ 1846 г. явилось первое болѣе или менѣе полное собраніе его стихотвореній только печатныхъ подъ редакціей Бѣлинскаго и съ его обстоятельной статьей о жизни и сочиненіяхъ Кольцова. Уже 11-ое изданіе повторяетъ и эту статью Бѣлинскаго и его редакцію стихотвореній поэта. Мало того, біографія Бѣлинскаго сдѣлалась образцомъ для множества біографій Кольцова, легла въ основаніе статей о развитіи поэтическаго таланта Кольцова, о его семейныхъ отношеніяхъ. Характеристика поэта вышла у Бѣлинскаго цѣльной, хотя и не вполнѣ точной въ отдѣльныхъ подробностяхъ; но она проникнута одной общей мыслью, что жизнь Кольцова прошла въ тяжкой борьбѣ между призваньемъ и его су-

ровой судьбой. Страданія поэта среди окружавшей его дѣйствительности, грязи и дрязгъ и семейныя огорченія—вотъ что свело молодого поэта въ могилу, по объясненію Бѣлинскаго. Бѣлинскій хорошо зналъ Кольцова и находился съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, прекратившейся незадолго до смерти поэта. Несмотря на эти дружескія отношенія Бѣлинскій колебался въ опредѣленіи значенія Кольцова и старался разграничить понятія о поэтахъ геніальныхъ и талантливыхъ. Къ послѣднимъ онъ относилъ и Кольцова. Особенное участіе Бѣлинскаго въ судьбѣ Стихотвореній Кольцова вызвало партійныя нападки и на поэта.

Таковы были отзывы Булгаринской Сѣверной Пчелы, Библіотеки для чтенія Сеньковскаго—и особенно Москвитянина въ статьяхъ Шевырева. Какъ ни принижали Кольцова, называя его поэтомъ-поселяниномъ, но противники Бѣлинскаго должны были признаться, что Кольцовъ (въ 40-хъ годахъ) „столько извѣстенъ читающей Россіи, что не требуетъ ни малѣйшаго снисхожденія". Странно это недоразумѣніе, непониманіе поэта у славянофиловъ 40-хъ годовъ. Около Кольцова возгорѣлся прежде всего споръ объ отношеніи народности и всего національнаго къ человѣческому. Кольцовъ нашелъ съ этой стороны прекрасную оцѣнку еще въ 1846 г. въ статьѣ талантливаго молодаго критика, Валеріана Майкова.

Майковъ выступилъ противъ одного изъ основныхъ воззрѣній Бѣлинскаго на Кольцова, противъ мнѣнія, что таланта Кольцова могло хватить только на возведеніе въ поэзію русскаго крестьянскаго быта, а личность поэта обозначилась сочетаніемъ основныхъ стихій русской національности. Майковъ указываетъ на глубокое, хотя, можетъ быть, и неясное для самого поэта, сознаніе идеала. Идеалы Кольцова въ страсти и въ трудѣ въ ихъ естественномъ благоустройствѣ, въ пафосѣ жизненности. Кольцовъ представляется въ нашей поэзіи могучей исполинской личностью; его лирика-поэзія порыва. Это поэтъ возможнаго и будущаго. Въ его поэзіи нѣтъ ни романтизма, ни разочарованія. Выражая необыкновенную жизненность, стихотворенія Кольцова отличаются дѣльностью и нормальностью. Какъ личность, Кольцовъ находится въ діаметральной противоположности съ особенностями большинства и меньшинства его націи, съ ея крайностями. Поэтому и въ художественныя изображенія крестьянской и мѣщанской дѣйствительности онъ вноситъ гуманизированіе быта, чело-

вѣчность и прибавляетъ новые элементы къ развитію своего народа. Майковъ въ заключеніе своихъ статей указываетъ и на общее неясное представленіе о поэзіи Кольцова въ 40-хъ годахъ: Кольцовъ былъ до сихъ поръ (до полнаго собранія стихотвореній) поэтомъ безъ публики. Нисшій классъ народа не читалъ его потому же, почему, можетъ быть, и долго еще не будетъ читать; а образованные люди, большею частію, смотрѣли на него, какъ на фактъ, любопытный по своей рѣдкости.—Слѣдуетъ замѣтить, что первое изданіе Стихотвореній Кольцова 1846 г. продавалось по баснословно дорогой цѣнѣ и только съ 1856 г. явились удешевленныя изданія. Между тѣмъ уже въ 40-хъ годахъ многія пѣсни Кольцова вошли въ учебныя христоматіи, распространились въ музыкальныхъ переложеніяхъ для пѣнія, вошли въ народные пѣсенники и распѣвались даже цыганскими хорами. Высшая формація простонародія—мѣщанство и купечество, первые, послѣ образованнаго общества, усвоили пѣсни Кольцова.

Но стихотворенія Кольцова, не выходившія 10 лѣтъ послѣ перваго дорогого изданія, были извѣстны вполнѣ только немногимъ любителямъ народнаго поэта. Въ 1852 г. въ Сынѣ Отечества Стоюнинъ въ рядѣ статей о Кольцовѣ взялъ на себя задачу познакомить читателей съ поэзіей Кольцова. Онъ указалъ ея отношеніе къ жизни поэта, вполнѣ раздѣляя при этомъ отношеніе Бѣлинскаго къ русскимъ народнымъ пѣснямъ; но въ сужденіи о мѣстѣ Кольцова въ ряду русскихъ поэтовъ Стоюнинъ разошелся съ выдающимися предшественниками: съ Бѣлинскимъ и Майковымъ. Стоюнинъ отводитъ Кольцову скромное мѣсто, впрочемъ ничуть не въ связи съ нашими второстепенными поэтами. Кольцовъ не внесъ въ нашу литературу никакихъ новыхъ идей, не развилъ и внесенныхъ другими; онъ не былъ подражателемъ и не увлекъ за собой ни одного подражателя. Кольцовъ въ этомъ случаѣ стоитъ одиноко и въ исторіи русской литературы можетъ быть какъ бы прекраснымъ эпизодомъ. Все это заключеніе было, конечно, въ 52 г. рановременнымъ. Второе общедоступное изданіе стихотвореній Кольцова въ 1856 г. вызвало статьи о немъ во всѣхъ выдававшихся тогда журналахъ. Рядомъ съ статьями о значеніи поэзіи Кольцова, причемъ не мало говорилось о русскомъ народѣ, его характерѣ и проч., явились первыя воспоминанія о Кольцовѣ, между прочимъ, въ Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ—Аскоченскаго. Но интереснѣе другихъ представляются воспоминанія

Каткова, Панаева и Тургенева. Въ 60-хъ годахъ вспомнили поэта и на родинѣ, въ Воронежѣ. Но первыя воспоминанія были не въ пользу поэта. Надо замѣтить, что всѣ бумаги, какія остались послѣ Кольцова, родные его продали на завертки въ лавки. Тутъ были и черновыя тетради поэта съ 1825 г. и письма къ нему отъ петербургскихъ и московскихъ литераторовъ, такихъ, какъ Жуковскій, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, Бѣлинскій, Боткинъ и др. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Воронежѣ отыскались остатки черновыхъ тетрадей поэта, но за ранній періодъ его дѣятельности отъ 1825 до 1830 г. и за 39-й годъ. Здѣсь нашлись очень плохія первоначальныя стихотворенія Кольцова и вотъ о нихъ появились статьи Де-Пуле и Малыхина—воронежцевъ. Кромѣ тетрадей эти образованные писатели, цѣнители поэта, обратились и за устными справками къ оставшимся въ живыхъ родственникамъ поэта, къ его знакомымъ. Конечно, вышло противорѣчіе во многомъ съ жизнеописаніемъ Бѣлинскаго. Мало того, въ печати явились воспоминанія о другѣ Кольцова, семинаристѣ Сребрянскомъ, которому приписывалось сочиненіе нѣкоторыхъ Кольцовскихъ думъ. Выходило такъ, что Кольцовъ воспользовался чужей собственностью, присвоивши нѣсколько думъ Сребрянскаго.

Началось приниженіе Кольцова, но не столько какъ поэта, сколько какъ человѣка. Воронежскіе педагоги, какъ выражались тогда газеты, напали съ ожесточеніемъ на біографію Кольцова, составленную Бѣлинскимъ, называя ее памфлетомъ, уголовнымъ дѣломъ, взведеннымъ преимущественно на родственниковъ поэта, а отчасти и на воронежское общество. Самое рѣзкое выраженіе и окончательную форму эта полемика приняла въ сочиненіи Де-Пуле, вышедшемъ въ 1878 г., подъ названіемъ „Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ“. Прежде чѣмъ отмѣтить рѣзкія стороны этого всетаки замѣчательнаго труда о Кольцовѣ, надо упомянуть, что авторъ его дѣятельно участвовалъ въ постановкѣ небольшаго памятника Кольцову въ Воронежѣ въ 1868 г., когда и одинъ изъ воронежскихъ бульваровъ получилъ названіе Кольцовскаго. Де-Пуле, теперь уже покойному, принадлежитъ біографія и изданіе сочиненій другого воронежскаго поэта, преемника Кольцова, какъ его считали сограждане, Никитина, и надо замѣтить, что Де-Пуле, лично знавшій Никитина, покрови-

тельствовавшій ему, ставитъ его, какъ человѣка, несравненно выше Кольцова. Уже изъ этого очевидно пристрастіе Де-Пуле.

Этою односторонностью дѣйствительно страдаетъ, признается самъ Де-Пуле въ біографіи Кольцова, нашъ трудъ, но она неизбѣжно вытекаетъ изъ свойствъ главнаго источника для біографіи Кольцова (статьи Бѣлинскаго); приниженіе, при лучезарности изображенія даннаго лица въ подобномъ источникѣ, является неизбѣжнымъ результатомъ и изслѣдованія, а потому мы при немъ и остаемся. Мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить хотя нѣкоторыя стороны въ этомъ разногласіи Де-Пуле и Бѣлинскаго. Прежде всего Де-Пуле старается обѣлить родныхъ поэта, преимущественно отца и сестру Кольцова. Дѣйствительно, въ отзывѣ Бѣлинскаго было преувеличеніе по отношенію къ этому вопросу; но Бѣлинскій судилъ шире: онъ разсматривалъ отношеніе родныхъ не къ человѣку, а къ поэту, и въ этомъ отношеніи онъ былъ въ значительной мѣрѣ правъ Самъ Де-Пуле долженъ былъ признать озлобленіе отца Кольцова противъ сына въ послѣдніе годы его жизни; тоже должно сказать и по отношенію къ другимъ родственникамъ Кольцова. Второе важное обвиненіе Де-Пуле относится къ вліянію Бѣлинскаго на Кольцова. Де-Пуле винитъ Бѣлинскаго въ несчастіи Кольцова, котораго критикъ сбилъ съ толку, посѣялъ въ душѣ его разладъ, сдѣлалъ изъ натуральнаго Кольцова поэта-пѣсенника кабинетнаго ученаго, литературщика. Выходитъ, что Кольцовъ не жертва судьбы семейнаго и общественнаго положенія, неудовлетвореннаго стремленія къ образованію, а жертва Бѣлинскаго, который, на самомъ дѣлѣ, создалъ первую популярность Кольцову, издавалъ его сочиненія, помѣщалъ ихъ въ журналахъ, наконецъ горячо любилъ Кольцова, и самъ, будучи человѣкомъ совсѣмъ не обезпеченнымъ, старался устроить какъ нибудь положеніе Кольцова въ столицѣ. И этотъ выводъ Де-Пуле намъ кажется пристрастнымъ. Объясненіемъ этому служитъ размолвка Кольцова съ своими воронежскими знакомыми изъ образованныхъ людей, преимущественно преподавателями семинаріи и гимназіи. Послѣдніе и сами, конечно, поклонялись Бѣлинскому; но щепетильность и мелочность самолюбія привели ихъ къ враждебному отношенію къ нашему поэту. Эти люди и ихъ близкіе жили еще, когда Де-Пуле и самъ воронежецъ собиралъ свои матеріалы для измѣненія лучезарнаго, мученическаго образа Кольцова, какъ онъ

представлялся Де-Пуле въ біографіи Бѣлинскаго. Конечно эти матеріалы и дополнили и нѣсколько измѣнили одностороннюю характеристику Кольцова, сдѣланную Бѣлинскимъ. Такъ ближе выяснилось имущественное состояніе Кольцовыхъ, подробности ихъ тяжебныхъ дѣлъ, личность женщины, которая играла непослѣднюю роль въ преждевременной смерти поэта и вовсе не была такъ умна и образованна, какъ нарисовалъ ее Бѣлинскій. Но Бѣлинскій не скрылъ отравительныхъ восторговъ въ этой любви, которыми озарился закатъ жизни поэта. Со времени выхода книги Де-Пуле явилось въ русской литературѣ какъ бы двѣ біографіи, двѣ противоположныхъ характеристики Кольцова. Если Де-Пуле хотѣлъ примирить тѣнь поэта съ родными и воронежскимъ обществомъ, то слѣдующему біографу поэта предстоитъ примирить эти двѣ противорѣчивыхъ характеристики Кольцова.

Постараюсь теперь въ самомъ сжатомъ очеркѣ представить личность Кольцова, какъ человѣка и какъ поэта.

Извѣстные портреты Кольцова, по словамъ близко знавшихъ его, не даютъ вѣрнаго и точнаго представленія объ оригинальной физіогноміи этого даровитаго человѣка. На портретахъ мы находимъ только поясное изображеніе Кольцова, для чего-то наряженнаго въ шубу поверхъ костюма, почти ничѣмъ неотличающагося отъ костюма штатскихъ людей 30—40 годовъ. Можетъ быть, эта шуба должна была указывать на поэта-простолюдина, потому что и въ лицѣ его нѣтъ ничего такого, что бы указывало на его общественное положеніе: бритое лице, прическа съ боковымъ проборомъ, широкій большой лобъ, густые брови и большіе задумчивые глаза. Не такимъ мы знаемъ Кольцова по воспоминаніямъ современниковъ. Кольцовъ былъ средняго, скорѣе небольшаго роста; но фигура его была коренастая, приземистая, и нѣсколько сутуловатая. Одни изъ біографовъ поэта объясняютъ эту сутуловатость тѣмъ, что Кольцовъ въ юности упалъ съ лошади на всемъ скаку; другіе—и сутуловатость и нѣсколько кривыя ноги поэта объясняютъ кочевой жизнью его, частыми и долгими разъѣздами верхомъ въ степи. Въ фигурѣ почти всякаго прасола было что-то наѣздническое, козачье. Лице Кольцова было самое простое, съ мелкими чертами и даже некра-

сивое; но за то большіе глаза его по временамъ то свѣтились какой-то хитростью и лукавствомъ, какъ у бойкаго русскаго торговца; то широко раскрывались и становились привлекательными, когда въ нихъ блестѣли искры таланта или проснувшейся, захватывающей страсти. Люди, видавшіе поэта въ столицахъ съ 1836 г., затѣмъ въ 1838 и въ 1840 годахъ, представляютъ его въ обществѣ застѣнчивымъ и робкимъ въ высшей степени, флегматичнымъ, медленно говорившимъ и смотрѣвшимъ изъ-подлобья, какъ то въ сторону, а не въ лице собесѣдника. Этотъ взглядъ, манеры, угрюмость и молчаливость съ перваго взгляда мало располагали въ пользу Кольцова: онъ казался мѣщаниномъ торговцемъ, себѣ-на-умѣ, человѣкомъ практическимъ, и многіе литераторы сомнѣвались съ первой встрѣчи съ Кольцовымъ, чтобы у него былъ поэтическій талантъ, душа, способная на восторгъ, страсти и вдумчивость, но за то въ близкомъ кружкѣ, среди симпатичныхъ людей Кольцовъ становился неузнаваемымъ: молчаливость и угрюмость смѣнялись живымъ, бойкимъ и веселымъ разговоромъ. Онъ любилъ горячо поспорить, былъ нѣсколько рѣзокъ и неразборчивъ въ выраженіяхъ; онъ увлекался искусствомъ и приходилъ въ восторгъ отъ поэзіи и музыки. Тургеневъ и Панаевъ представляютъ намъ Кольцова мѣщанина, но Бѣлинскій и Катковъ изображаютъ его замѣчательный умъ и чуткую, отзывчивую душу. Правда, рѣдкіе наѣзды Кольцова въ столицы, когда онъ знакомился съ другими привычками, не могли устранить въ немъ прежнихъ, усвоенныхъ въ своемъ кругу: надъ нимъ подсмѣивались за его страсть упиваться безмѣрнымъ количествомъ чашекъ чаю и неотступными приставаньями съ угощеніемъ столичныхъ гостей своихъ виномъ и соленой рыбой съ Дона, какъ это принято и до сихъ поръ въ народѣ и въ мѣщанствѣ. До третьей поѣздки въ столицы Кольцовъ и стригся еще въ кружокъ, какъ стриглись тогда мѣщане; но позднѣе онъ носилъ обыкновенную въ 30—40 годахъ прическу и даже любилъ припомадиться, подушиться, украсить себя цвѣтнымъ модным галстухомъ. Только костюмъ его, длиннополый сюртукъ, большею частію поношенный, картузъ, зимой плохенькая шуба напоминали въ немъ купца средней руки.

Да такимъ купцомъ онъ и былъ въ своей жизни не только по внѣшности. Торговля захватила его въ свои крѣпкіе руки съ дѣтства и не давала ему возможности вздохнуть на свободѣ во всю его

короткую жизнь. Втянувшись въ торговлю съ юности, усвоивъ практиковавшіеся пріемы наживы и мечтая уже въ зрѣлыхъ годахъ на основѣ нажитаго достатка основать свою новую жизнь въ сферѣ дорогой ему литературы и самообразованія, онъ такъ и не вырвался изъ захлестнувшагося вокругъ него роковаго круга. Тщетно мечталъ онъ, уже подъ конецъ жизни, развязаться съ торговлей: жить литературнымъ трудомъ для него было немыслимо, а добиться выдѣла у отца онъ не могъ. Не могъ онъ помириться и съ такимъ положеніемъ, какое рисовалъ въ письмѣ къ Жуковскому въ 1838 г.: „что если человѣкъ придетъ къ вамъ измаянный весь горемъ, оборванный, зимой въ лѣтнемъ платьѣ. О, дай Богъ все претерпѣть, но не дожить до этой встрѣчи!“ Не даромъ въ своихъ стихотвореніяхъ онъ живо переживалъ чувства бѣдняка-горемыки крестьянина. Въ письмахъ онъ называетъ себя торгашемъ-горемыкой. Какъ у бойкаго смышленаго торговца у него всегда была твердая надежда на трудъ, и онъ въ поэзіи подтрунивалъ надъ лѣнивымъ мужичкомъ, будилъ его отъ апатичнаго сна; какъ купецъ, Кольцовъ говоритъ въ хуторкѣ: „Горе есть, не горюй; дѣло есть—работай. А подъ случай попалъ, на здоровье гуляй!“—Въ немъ жила и русская надежда на авось, на случай, который какъ нибудь ужъ и самъ навернется. Конечно, отъ такихъ расчетовъ на авось недалеко и отъ того, чтобы зарваться въ дѣлахъ, какъ и было нерѣдко съ Кольцовыми—отцемъ и сыномъ. Но въ душѣ и крестьянина и торговца живетъ еще другая крѣпкая надежда на волю Божью. „А тамъ Богъ уродитъ“, говоритъ крестьянинъ у Кольцова, „Микола подсобитъ собрать хлѣбецъ съ поля“. Но религіозныя чувства Кольцова, какъ мы видимъ ихъ въ его думахъ, были и выше и чище этихъ народныхъ представленій, которыя, однако, служатъ съ давнихъ вѣковъ однимъ изъ крѣпкихъ устоевъ русской народной жизни. Было и еще чувство въ душѣ Кольцова, свойственное только болѣе достаточной мѣщанско-купеческой формаціи простонародья. Это удалое чувство—постоять за себя, увѣриться въ правотѣ своего дѣла, а правымъ опять-таки Богъ владѣетъ. Идутъ дѣла этого удалого мѣщанина-купца хорошо—онъ спокоенъ и мирно живетъ съ людьми; но вотъ они пошатнулись немного, онъ уже начинаетъ говорить съ недобрыми намеками о добрыхъ людяхъ; но пошатнись они въ конецъ, и поднимется геройская душа. Въ письмахъ Кольцова мы видимъ чрезвычайно горячее, образное выраже-

ніе этихъ переходовъ въ душѣ удалого торговца. Пишетъ Кольцовъ въ 1836 г., при началѣ своихъ тяжебныхъ комерческихъ дѣлъ: „добрые люди не свернули меня въ комокъ, сдержался на ногахъ, хочу выйти какъ-нибудь изъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствъ и меньше съ людьми дѣлать шуму, какъ-нибудь уладить съ ними тише". Не то говоритъ Кольцовъ, нѣсколько позже, когда дѣла разстроились и ихъ накопилось ужъ очень много: „Вы говорите, пишетъ онъ Краевскому, я упалъ духомъ. Нѣтъ, духомъ я не упалъ, и бѣдѣ моей я смотрю въ глаза прямо,—и грудь не сокрыта передъ ней. Я не бѣгу, а стою и жду бури: сломитъ-упаду; выдержу—пойду впередъ! Но не стану передъ ней на колѣна, не буду слезно молить о пощадѣ и бабой выть; нѣтъ, этого не будетъ! Я русскій человѣкъ. Шапку скинемъ передъ грозой, а въ сердцѣ кровь не остановимъ; холодъ по тѣлу пустимъ, но въ тѣлѣ не удержимъ... Нѣтъ, духомъ я не упалъ и не упаду, развѣ мощь измѣнитъ, развѣ отъ напряженья силы тѣла лопнутъ; тогда—конецъ!" Конечно, иногда это чувство перерождается и въ такое явленіе, которое слыветъ въ русскомъ народѣ высшей формаціи подъ именемъ бахвальства, съ оттѣнкомъ ломанья; но въ Кольцовѣ, при его крѣпкой силѣ воли, оно было настоящимъ сильнымъ чувствомъ, и онъ перелагалъ его въ свои поэтическіе образы сильныхъ народныхъ натуръ. Такъ понималъ и Лермонтовъ своего купца Калашникова. Изъ этого же чувства вытекало у Кольцова стремленіе даже—„съ злою долей перевѣдаться", хотя и было что-то роковое и примирительное въ этой слѣпой, злой судьбѣ, отъ которой никуда не скроешься.

Но что-же это были за торговыя дѣла, на которыя уходило дорогое для Кольцова время, въ чемъ состояли дурныя обстоятельства коммерціи, непріятности, разстройства? Вотъ какъ ихъ описываетъ самъ Кольцовъ въ письмахъ къ Краевскому: 1836 г.: „Батенька два мѣсяца въ Москвѣ продаетъ быковъ. Дома я одинъ, дѣлъ много: покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу отъ зари до полуночи". Два года спустя въ письмѣ къ Краевскому: „Почему я къ вамъ не писалъ такъ долго,—причина простая: мѣсяца полтора я былъ не въ городѣ. Жилъ за 100 верстъ отъ города, въ лѣсу, мѣрялъ сосны, рубилъ дрова, а вечеромъ слушалъ, какъ волки воютъ". Кстати ска-

зать, что тутъ же онъ описываетъ, какъ этотъ волчій вой веселилъ и занималъ его: „въ немъ нѣтъ никакой точности и весьма мало складу; безпрестанная неровность: то ужъ дюже много долгихъ выгибовъ, то вдругъ шероховато, то длинные подъемы, то рѣзкія остановки. Они (волки) сами бѣдные жалуются на свой недостатокъ, и сильно винятъ своего прадѣда, который научилъ ихъ такой нескладицѣ. Я обѣщалъ прислать имъ новаго капельмейстера—городскаго волченка, но онъ улизнулъ, и дня черезъ два поѣду съ извиненьемъ, скажу: „Ну, дорогіе пріятели, извините, не выполнилъ слова"! Еще живѣе связь торговца-прасола съ природой въ слѣдующемъ письмѣ къ Бѣлинскому по поводу засухи и ожидаемаго голода въ Воронежскомъ краѣ въ 1839—40-мъ году: „все это какъ-то ужасно имѣло нынѣшнее лѣто на меня большое вліяніе, или потому, что мой бытъ и выгоды тѣсно связаны съ внѣшней природой всего народа. Куда ни глянешь—вездѣ унылыя лица; поля, горѣлыя степи наводятъ на душу унынье и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить, ни думать. Какая рѣзкая перемѣна во всемъ. Напримѣръ: и теперь поютъ русскія пѣсни тѣже люди, что пѣли прежде, такъ же поютъ, напѣвъ одинъ, а какая въ нихъ,—не говоря уже грусть, онѣ всѣ грустны,—а какая то слабость, болѣзнь. Разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывала".

Мы оставимъ пока эту поэтическую сторону въ промысловой и торговой дѣятельности Кольцова и обратимся къ прозаической. Съ 12 лѣтъ Кольцовъ сталъ помогать своему отцу въ главныхъ и сначала его единственныхъ дѣлахъ скотопромышленныхъ. Съ первымъ снѣгомъ прасолы выѣзжали въ далекія степи—донскія, черноморскія и приволжскія скупать рогатый скотъ; затѣмъ этотъ скотъ гнали гуртами и ватагами на воронежскія пастбища, которыя арендовали у крестьянъ и помѣщиковъ. Ранней весной такія же скупки скота дѣлались въ ближайшихъ мѣстахъ. Скупка скота, аренда земель производилась у Кольцова-отца подъ кредитъ. Кредитъ этотъ на одни скотопромышленныя дѣла доходилъ у Кольцова тысячъ до 20. Точно также и съемки земель доходили до 500 десятинъ. Но случались года, когда скотъ пропадалъ или продажа битаго мяса, кожъ, шерсти, сала давала убытки, а контракты на земли не утверждались или вызывали тяжбу по заключеннымъ условіямъ. Тогда-то являлись гражданскія, судопроизводственныя дѣла, происходившія по тогда-

шнимъ присутственнымъ мѣстамъ въ Воронежѣ и восходившія даже въ московскіе и петербургскіе департаменты сената. Малограмотный отецъ Кольцова отдалъ на долю сына-грамотѣя, когда онъ подросъ и уже пользовался нѣкоторой славой воронежскаго стихотворца, всѣ эти гражданскія и судопроизводственныя дѣла. А между тѣмъ самъ сталъ расширять свои обороты: завелъ въ Воронежѣ дровяной дворъ и снималъ рощи на срубъ; снималъ земли для посѣва и продавалъ рожь, пшеницу и проч. Наконецъ, кажется, по особенному настоянію сына, затѣялъ постройку большаго дома въ Воронежѣ. Дѣло было семейное и потому на долю сына выпало множество разнообразныхъ хлопотъ. Дѣла шли приливами и отливами, поэтому у Кольцова-сына не было ни копѣйки самостоятельнаго капитала, а между тѣмъ уже въ послѣдніе годы онъ сильно мечталъ о немъ, задумывая переѣхать въ столицы. То ему казалось необходимымъ имѣть тысячъ 10, то одну тысячу. Холостое положеніе Кольцова не давало ему права собственности въ семьѣ, состоявшей, кромѣ него, изъ нѣсколькихъ сестеръ. Но, можетъ быть, и непрерывныя дѣла, состоявшія то въ утвержденьяхъ контрактовъ, то въ искахъ по нарушеніямъ ихъ, то въ отсрочкахъ уплаты или въ уплатахъ по векселямъ, которыя заставляли поэта странствовать по присутственнымъ мѣстамъ, по переднимъ высокопоставленныхъ лицъ, наконецъ прибѣгать къ протекціи вліятельныхъ столичныхъ покровителей-литераторовъ,—въ концѣ концовъ не оставляли въ рукахъ молодого Кольцова никакихъ капиталовъ. А между тѣмъ поэтъ прилагалъ къ этимъ дѣламъ всю свою энергію, практическій, расчетливый умъ и даже пользовался для поправленія дѣлъ своей литературной славой, прибѣгая къ помощи Жуковскаго, кн. Вяземскаго, кн. Одоевскаго, и др. Мало того, нерѣдко выносилъ и незаслуженныя оскорбленія отъ тогдашнихъ гордыхъ высшихъ чиновниковъ Воронежа, попрекавшихъ мѣщанина-просителя тѣмъ, что онъ обманываетъ самъ да еще прибѣгаетъ къ протекціи, или, какъ выражалось одно высокопоставленное лице въ Воронежѣ, ходитъ по угламъ да закоулкамъ, плутуетъ, мошенничаетъ. Такое непріятное положеніе ходатая-просителя, волнующагося изъ-за исхода дѣла и переносящаго даже непріятности, продолжалось для Кольцова отъ 35 г.—времени его первой литературной славы—до 41, т. е. за годъ слишкомъ до его смерти. Какъ ни безпокоили эти дѣла Кольцова, какъ ни отвлекали отъ

любимыхъ занятій; но всего хуже было то, что они отразились на семейномъ и общественномъ положеніи поэта въ Воронежѣ.

При всей энергіи и настойчивости поэта дѣла отца его, дѣла семейные находились почти въ одномъ и томъ же положеніи, или, даже, вѣрнѣе сказать, ухудшились. Несомнѣнно, что вина въ этомъ ухудшеніи падаетъ на отца Кольцова, такъ какъ безъ сына онъ и раньше еще врядъ ли бы могъ выпутаться изъ многихъ затѣянныхъ дѣлъ. Отецъ Кольцова былъ отчасти торговецъ-спекулянтъ. Выигранныя дѣла сыномъ подбавляли только смѣлости отцу. Кольцовъ-отецъ видѣлъ, что сынъ его не только разумная голова, но и человѣкъ съ большими связями. Это вело его къ риску; но удачъ отъ торговли не было, а нѣсколько неудачъ также скоро охладили отца къ сыну, какъ раньше слишкомъ быстро заставили увѣриться его въ возможности большой и вѣрной наживы. Такъ создалось то тяжелое положеніе Кольцова, которое онъ переживалъ въ семьѣ въ послѣднее время жизни, года полтора съ лишкомъ, подъ конецъ уже совсѣмъ измученный и больной. Тоже отразилось и на общественномъ положеніи Кольцова въ Воронежѣ. Нѣсколько разъ въ жизни поэтъ вызывалъ лестное вниманіе въ воронежскомъ образованномъ обществѣ: сначала какъ молодой поэтъ-самоучка; но, мало по малу, эта новинка приглядѣлась и къ поэту охладѣли; затѣмъ въ 1837 году всеобщее изумленіе вызвало особенное вниманіе и расположеніе къ Кольцову Жуковскаго, посѣтившаго Воронежъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ). Жуковскій, посѣтившій Воронежскую гимназію, обратилъ вниманіе педагогическаго персонала на талантливаго воронежскаго поэта и просилъ оказать ему содѣйствіе въ стремленіи къ самообразованію. Но черезъ годъ съ небольшимъ съ Кольцовымъ разошлись и педагоги и другіе образованные люди Воронежа. Мы уже объясняли выше, что въ этомъ разладѣ участвовала больше всего мелочная зависть. Бѣдный поэтъ остался въ такомъ кругу, въ которомъ, по его словамъ. „о словесныхъ предметахъ и на Рождество Христово не услышишь“, и въ этомъ кругу онъ кончилъ свою поистинѣ многострадальную жизнь. Посмотримъ теперь, каково было образованіе Кольцова. Мы должны здѣсь снова коснуться его семьи. Семья эта была достаточная; къ достаточнымъ и даже богатымъ купеческимъ и мѣщанскимъ семьямъ принадлежали и родственники

Кольцова. Нѣкоторые изъ нихъ жили на широкую ногу, водились съ людьми, стоявшими на высокихъ ступеняхъ воронежской администраціи, но умѣли, кажется, перенять только одинъ комфортъ: обставить пороскошнѣе домъ, устраивать дорого стоющіе вечера и т. п. Но и въ помышленіи этихъ людей не было о необходимости дать средства на образованіе дѣтей и родственниковъ.

А между тѣмъ въ Воронежѣ въ первой четверти настоящаго столѣтія, въ эпоху дѣтства и юности Кольцова, существовали не только духовныя, но и свѣтскія учебныя заведенія. Рядомъ съ старыми, перешедшими изъ XVIII в., учебными заведеніями для дѣтей духовенства—духовнымъ училищемъ и семинаріей—существовали приходское училище, уѣздное и гимназія. Завелась въ городѣ и книжная лавка, соединявшая въ себѣ въ тоже время и библіотеку для чтенія. Основатель этой книжной торговли въ Воронежѣ былъ не столько коммерческій человѣкъ, хотя и вышелъ изъ купеческаго сословія по разстройству хлѣбной торговли, сколько оригинальный любитель просвѣщенія, книжнаго дѣла и искусства. Онъ самъ писалъ стихотворенія, игралъ на музыкальныхъ инструментахъ, вообще жилъ жизнью, примыкавшей къ умственнымъ интересамъ времени. Семья Кольцова, начиная съ главы отца, не имѣла ничего общаго съ этимъ книгопродавцемъ. Отецъ Кольцова кое-какъ выучился грамотѣ для торговыхъ дѣлъ, мать поэта была совершенно безграмотной. Обученіе грамотѣ для маленькаго Кольцова началось только на 9 году и ограничилось однимъ классомъ уѣзднаго училища. 12-ти лѣтъ Кольцовъ, не смотря на открывшіяся способности къ ученію и страсть къ чтенію, былъ взятъ изъ училища. Съ этого времени начинается для молодого Кольцова тяжелая школа самообразованія урывками, благодаря случайнымъ знакомствамъ съ книжными юношами. Сначала онъ пользуется книгами своего товарища, послѣ смерти котораго эти книги, большею частію сказки и романы, переходятъ въ собственность Кольцова, затѣмъ—у Кашкина, упомянутаго книгопродавца. Нельзя не подивиться, что этому чтенію Кольцовъ предавался большею частію тайкомъ отъ родныхъ, особенно отъ строгаго отца. Вѣроятно, среди книгъ Кольцова были и печатные пѣсенники, которые издавались въ XVIII и въ началѣ XIX в.

Эти пѣсенники имѣли мало общаго съ современными намъ научными изданіями русской народной поэзіи, съ соблюденіемъ почти

всѣхъ особенностей и выговора и напѣва. Въ старыхъ русскихъ пѣсенникахъ, издававшихся и для образованныхъ людей и для народа, русскія народныя пѣсни были нѣсколько подправлены на манеръ тѣхъ подражательныхъ пѣсенъ и романсовъ, которые помѣщались въ нихъ. Подобныя книги какъ-бы сближали русскую народную пѣсню съ искусственной литературой, съ стихотвореніями. Безъ сомнѣнія, малоразвитой Кольцовъ, едва умѣвшій писать безъ всякой орѳографіи, только изъ этихъ пѣсенниковъ могъ усмотрѣть связь раздававшейся около него устной народной пѣсни съ книжной, хотя бы это были стихотворенія Дмитріева, которыя онъ впервые началъ съ восторгомъ распѣвать какъ пѣсни и затѣмъ пытался подражать имъ. Но книга на первое время закрыла для него своеобразную красоту русской народной поэзіи. Только съ помощію самоучки-книгопродавца Кольцовъ кое-какъ осилилъ тайны русскаго стихосложенія.

Интересно остановиться на „Русской просодіи, или правилахъ, какъ писать русскіе стихи“, которую далъ Кольцову книгопродавецъ. „Поэзія есть одна изъ пріятнѣйшихъ наукъ“, говорится въ этой книжкѣ, составленной для благородныхъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона. „Поэзію называютъ наперстницею боговъ, усладительницею жизни человѣческой“. О т. н. богатыхъ риѳмахъ замѣчено: „стихотворцы, кажется, выдумали ихъ на зло судьбѣ, которая самимъ имъ опредѣлила по большей части быть бѣдными“. Книжка даетъ понятіе о внѣшнемъ строѣ множества стихотворныхъ размѣровъ, причемъ приводится всего болѣе примѣровъ изъ сочиненій Карамзина и Дмитріева и немного—изъ Ломоносова, Державина, Богдановича и Хераскова. Конечно, для Кольцова было интересно встрѣтить въ этой книжкѣ упоминаніе о старинныхъ русскихъ пѣсняхъ, о стихахъ безъ риѳмъ, пѣсенникахъ и буколическихъ, или пастушескихъ, стихотвореніяхъ, въ которыхъ описывается сельская жизнь со всѣми прелестями: лѣса, горы, долины, дерева, и проч., а дѣйствующими лицами выводятся пастухи, пастушки, поселяне или поселянки.

Много времени, вѣроятно, убилъ на эту маленькую книжку полуграмотный Кольцовъ, для котораго понятнѣе были только популярныя народныя книги, въ родѣ пѣсенниковъ, собраній сказокъ или въ родѣ письмовника Курганова; многое въ этой просодіи осталось

для него звукомъ безъ всякаго значенія, хотя бы всѣ эти имена поэтовъ древняго міра и новой европейской литературы. Русскихъ поэтовъ онъ могъ достать у Кашкина, но и здѣсь многое оставалось непонятнымъ для Кольцова. Случай свелъ его съ даровитымъ семинаристомъ Сребрянскимъ. Впрочемъ, и самъ Кольцовъ искалъ встрѣчи съ семинаристами, которыхъ онъ, конечно, представлялъ себѣ истолкователями всякихъ книгъ. Дружба съ Сребрянскимъ, продолжавшаяся года 4 и начавшаяся около 1827 г., когда Кольцову было лѣтъ 17—18, открыла для него много новыхъ понятій: друзья читали вмѣстѣ Шекспира въ русскомъ переводѣ, спорили, вѣроятно, болѣе всего о стихотвореніяхъ Кольцова, которыя Сребрянскій судилъ строго и, какъ видно, справедливо, уничтожая плохія. Быть можетъ, споры съ Сребрянскимъ, на которыя намекаетъ самъ Кольцовъ, касались и вопросовъ философскихъ, которыми проникнута и стихотворная поэма Сребрянскаго подъ названіемъ „Безсмертіе“. Но „туманъ непросвѣщенья“, по собственному выраженію Кольцова, продолжалъ тяготѣть надъ его мыслью. Ему, 17—18-тилѣтнему юношѣ, нельзя было и думать о возможности пройти самому школу, какъ его другъ Сребрянскій,—а среди родственниковъ и знакомыхъ Кольцова не было такихъ людей, какіе изъ мѣщанскаго же или купеческаго провинціальнаго класса вывели Мерзлякова, Полевого, и друг. Семья Кольцова готовила изъ него только прасола, а на его порыванья къ свѣту науки, къ занятіямъ словесностью смотрѣла или сквозь пальцы, какъ на баловство, или даже подозрительно, хотя въ воронежскихъ развивателяхъ Кольцова не было никакихъ посторонннихъ цѣлей, кромѣ увлеченія литературой и особенно стихами. Такое увлеченіе охватило тогда большую часть учащагося юношества. Въ Воронежѣ семинаристы и гимназисты составляли сборники стихотвореній, спорили объ ихъ достоинствѣ. Кольцовъ интересовался этими стихотвореніями и переписывалъ ихъ вмѣстѣ съ Сребрянскимъ въ свои тетрадки стиховъ, съ 1825 г. Самъ онъ въ это время плохо еще владѣлъ стихомъ, писалъ посланія, эпиграммы, употреблялъ не кстати непонятныя ему слова, въ родѣ фіалъ, филомела; но за то онъ продолжалъ изучать стихотворенія нашихъ лучшихъ поэтовъ. Въ письмѣ къ Жуковскому Кольцовъ говоритъ: „Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сливаясь съ ними“. Тоже было и позднѣе: „бывало въ тѣсной моей комнатѣ, поздно вечеромъ, сидѣлъ

я одинъ и велъ бесѣду съ вами, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Дельвигомъ. Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полною жизнью жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда ни уносился я мечтою! Гдѣ ни былъ я тогда! Бывало скоро свѣтъ, а я сижу да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! Гдѣ живутъ они? Небось, въ Москвѣ да Питерѣ! Гдѣ эта Москва да Питеръ? Охъ, еслибъ мнѣ удалось побыть въ нихъ. Ужь какънибудь а посмотрѣлъ бы я изъ нихъ хоть одного". Такъ зарождались въ Кольцовѣ желанія сблизиться, сколько возможно, съ уважаемыми поэтами, которыхъ онъ выучился понимать и усвоивалъ ихъ поэтическіе пріемы. Это желаніе Кольцова осуществилось въ 1831 г. и затѣмъ стало постояннымъ его стремленіемъ въ столицы. Хотя на первомъ планѣ въ этихъ поѣздкахъ и стояли цѣли торговыя, а впослѣдствіи и тяжебныя, но для развитія Кольцова эти поѣздки имѣли важное значеніе въ теченіе всей его жизни. Въ столицахъ онъ входилъ въ литературные кружки, сближался съ текущей журналистикой, которая замѣнила для него школу, получалъ въ подарокъ много книгъ, находилъ нравственную поддержку въ своемъ стремленіи къ образованію, къ литературной дѣятельности. Русская журналистика, составлявшая предметъ живѣйшаго интереса для Кольцова, конечно, сдѣлалась ему извѣстной еще до первой поѣздки въ столицы. Чтобы отыскать пѣсни Мерзлякова, появившіяся въ отдѣльномъ изданіи только въ 1830 г., Дельвига—еще позднѣе, даже и слѣдить за выходившими въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, кн. Вяземскаго, и др.—необходимо было обращаться къ разнымъ альманахамъ, къ журналамъ и газетамъ. Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ въ русской журналистикѣ было возбуждено особенное вниманіе къ стихотворцамъ изъ поселянъ, какъ извѣстный въ то время Слѣпушкинъ, Алипановъ, которыхъ особенно расхваливали Отечественныя Записки за ихъ стремленіе къ самообразованію, а стихотворенія ихъ сравнивали съ стихотвореніями шотландскаго поэта Роберта Борнса, англійскаго поселянина Блумфильда и друг. Появились въ русскихъ журналахъ и свѣдѣнія объ иностранныхъ поэтахъ-самоучкахъ изъ простонародія. Имя Борнса стало извѣстнымъ въ русской литературѣ еще въ 1829 г., когда въ Московскомъ Телеграфѣ явилась статья о переводѣ Ко-

зловымъ двухъ стихотвореній Бориса: Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи и Къ полевой маргариткѣ. Критикъ не могъ удержаться, чтобы при имени Борнса шотландскаго крестьянина не вспомнить русскаго крестьянина Слѣпушкина. Московскій Телеграфъ и Литературная Газета Дельвига не раздѣляли однако крайняго увлеченія Отечественныхъ Записокъ въ превознесеніи Слѣпушкина и указывали на необходимость этимъ поэтамъ обратиться къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, къ народному быту, который имъ долженъ быть ближе знакомъ, чѣмъ предметы, воспѣваемые ими въ одахъ, элегіяхъ, эпиграммахъ, и пр. До нѣкоторой степени такому совѣту отвѣчала поэма Слѣпушкина: „Четыре времени года русскаго поселянина“, вышедшая въ 1830 г.

Всѣ эти журнальные отзывы о поэтахъ-самоучкахъ, о народныхъ пѣсняхъ, несомнѣнно, имѣли значеніе въ развитіи поэзіи Кольцова, въ выходѣ его на настоящій путь. Въ Воронежѣ, въ теченіе всей жизни Кольцова не было печатнаго слова, даже газетъ, хотя и были, конечно, типографіи, въ которыхъ Кольцовъ собирался издавать альманахъ, но планъ этотъ не осуществился. Во время поѣздокъ въ столицы Кольцовъ сближался преимущественно съ литераторами, участвовавшими въ журналахъ. Онъ сблизился съ Бѣлинскимъ, съ Краевскимъ, съ Плетневымъ. Журналы составляли постоянное чтеніе Кольцова, онъ слѣдилъ за отношеніемъ къ нимъ въ воронежскомъ обществѣ, исполнялъ порученія редакторовъ и выдающихся сотрудниковъ въ журналахъ и въ концѣ концовъ для него, для Кольцова, открылось мѣсто въ конторѣ Отечественныхъ Записокъ, подъ редакціей Краевскаго. Это послѣднее указываетъ, однако, на то, что образовательныхъ средствъ Кольцова не могло хватить на большее, чѣмъ коммерческое или бухгалтерское занятіе. Его приглашали въ конторщики въ редакцію Отечественныхъ Записокъ, а самъ онъ мечталъ о книжной торговлѣ въ Воронежѣ. Конечно, при этомъ предполагалась возможность и даже необходимость развитія поэтической производительности Кольцова (въ прозѣ онъ ничего не писалъ); но она, сама по себѣ, не могла дать средствъ для жизни. Кольцовъ никогда не былъ поэтомъ или литераторомъ по профессіи; напротивъ, онъ готовъ былъ самъ заплатить за изданія своихъ стихотвореній и выдавалъ съ этой цѣлью векселя на имя Краевскаго, обезпечивая всѣ расходы по изданію. Тетради своихъ стихотвореній Кольцовъ

раздавалъ съ какою-то совѣстливостью редакторамъ журналовъ и полагался вполнѣ на ихъ выборъ. Вознагражденія за свои литературные труды Кольцовъ, кажется, не получалъ, или получалъ иногда, но очень немного. Итакъ, самообразованіе Кольцова совершалось преимущественно подъ вліяніемъ русской журналистики. Но онъ имѣлъ и непосредственныя отношенія съ нѣкоторыми литераторами, какъ, напр., около 1830 г. съ Станкевичемъ, затѣмъ съ Бѣлинскимъ, съ московскими и петербургскими литераторами. Въ 1836, 1838 и 1840 годахъ Кольцовъ жилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ бывалъ на литературныхъ вечерахъ, прислушивался къ бесѣдамъ образованныхъ людей, набирался свѣдѣній. Мы не знаемъ въ подробностяхъ о вліяніи петербургскихъ и московскихъ литераторовъ на Кольцова; въ письмахъ онъ благодаритъ ихъ за ласковыя отношенія, за участіе къ его судьбѣ, за книги; но ничего не сообщаетъ о своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, однако, что эти отношенія Кольцова съ московскими и петербургскими литераторами давали ему возможность лучше понимать русскую литературу, журналистику и еще болѣе развивали и укрѣпляли въ немъ высшія человѣческія чувства и идеи. Иногда, быть можетъ, онъ находилъ въ этихъ бесѣдахъ и темы для своихъ стихотвореній. Каждую поѣздку въ столицу Кольцовъ называлъ „золотымъ вѣкомъ“ въ своей жизни. Не станемъ утверждать, чтобы эти поѣздки восполняли недостатки въ образованіи Кольцова, давали ему научныя свѣдѣнія. Но несомнѣнно, что онъ развился, какъ поэтъ. Такъ въ 1838 г. Кольцовъ пишетъ изъ Москвы Краевскому о нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ піесахъ, какъ о „плохихъ, гадкихъ пьескахъ“. Нѣсколько стихотвореній Кольцова вызываютъ обыкновенно рѣчь о его понятіяхъ философскихъ и историческихъ. Это—Думы и т. п. старыя пѣсни; изъ послѣднихъ только одна вошла въ печатное изданіе. Дѣйствительно, Кольцовъ любилъ читать философскія книги и выслушивалъ отрывочныя свѣдѣнія о философіи сначала отъ Сребрянскаго затѣмъ отъ Станкевича и Бѣлинскаго. Но въ Думахъ Кольцова отражаются только самыя поверхностныя черты философскихъ системъ, до того невыдержанныхъ, что сами развиватели Кольцова удивлялись нескладицѣ въ Думахъ. Обыкновенно Кольцовъ выходилъ на дорогу изъ этой путаницы рядомъ сопоставленій различныхъ образовъ изъ сферы жизни и духа, причемъ или успокаивался въ живой вѣрѣ,

отчасти въ мистицизмѣ; или оставлялъ вопросъ открытымъ. Дума въ такомъ видѣ получала характеръ пѣсни въ честь дивной гармоніи мірозданія, или выраженіемъ изумленія передъ вѣковыми вопросами. Изъ историческихъ сюжетовъ Кольцовъ выбралъ только эпоху Іоанна Грознаго; покореніе Казани и мрачный характеръ Іоанна Грознаго въ эпоху казней. Послѣдній сюжетъ остался неразработаннымъ. Конечно, и въ этихъ пѣсняхъ Кольцовъ ближе стоитъ къ историческимъ народнымъ пѣснямъ, чѣмъ къ историческимъ научнымъ трудамъ.

Какъ бы то ни было нельзя отрицать образовательнаго вліянія на Кольцова со стороны Бѣлинскаго, Станкевича, Боткина, и друг. Какъ ни отрывочно, какъ ни продолжительно было это вліяніе; оно, всетаки, поднимало Кольцова и заставляло его въ послѣдніе годы жизни повторять нерѣдко: во мнѣ хотятъ видѣть мѣщанина, а я прошу всѣхъ, чтобъ на меня смотрѣли, какъ на человѣка. Людямъ не много толку, что я мѣщанинъ, а надобно, чтобъ моя книга (стихотворенія) стояла сама за себя.

Переходимъ теперь къ Кольцову, какъ поэту. Предыдущій очеркъ личности Кольцова, какъ человѣка, далъ уже намъ нѣкоторыя черты и для характеристики Кольцова-поэта. Но, кромѣ отмѣченныхъ отношеній, личный элементъ въ поэзіи Кольцова выражается въ пылкой любви къ двумъ женщинамъ, игравшимъ различную роль въ жизни поэта; далѣе, въ разнообразномъ выраженіи горя-тоски и наконецъ, въ широкомъ смыслѣ, въ оригинальномъ поэтическомъ созерцаніи русской природы, народнаго быта и народныхъ характеровъ. Кромѣ этого выдающагося личнаго элемента, придающаго особенную оригинальность поэзіи Кольцова, въ ней отражаются еще различныя вліянія: прежде всего широкое и разнообразное вліяніе русскаго народнаго слова, начиная съ присказокъ до разнообразныхъ пѣсенъ и преданій, затѣмъ отражаются и литературныя вліянія.

Остановимся сначала на личномъ элементѣ въ поэзіи Кольцова. Его поэзія характеризуется, между прочимъ, сильнымъ выраженіемъ страсти подъ вліяніемъ чувства любви. Эта страсть даетъ необыкновенный подъемъ духа и силъ удалаго молодца, открываетъ для него прелесть природы. Мало того, съ этимъ чувствомъ и „вьюги зимнія, вьюги шумныя, ночи темныя, ночи бурныя“ уносятъ въ край заколдованный. А безъ любви и среди дня безъ огня ходитъ

солнышко. Поэтъ часто обращается къ представленію разлуки съ милой. Такую тяжелую разлуку Кольцовъ испыталъ еще на зарѣ туманной юности. Это была первая любовь его къ красавицѣ, крѣпостной дѣвушкѣ, Дуняшѣ, которую въ отсутствіи поэта, отецъ его продалъ въ одинъ изъ далекихъ донскихъ хуторовъ. Эта первая любовь поэта была настолько глубока, что, когда, послѣ тщетныхъ поисковъ за своей милой, онъ не нашелъ ее, то слегъ въ постель, въ горячку. Невозвратная потеря была первымъ толчкомъ къ развитію поэзіи Кольцова. Теперь, послѣ подражательныхъ опытовъ, онъ перешелъ къ самостоятельному творчеству, къ пѣснѣ, служащей по преимуществу выраженіемъ дѣйствительно пережитаго и переживаемаго чувства. Горе разлуки возвысило это чувство до идеала, и образъ русской дѣвушки принялъ нѣжныя и тонкія очертанія въ поэзіи Кольцова. Онъ захватываетъ ея самыя глубокія чувства въ пору первой любви, чуднаго очарованья, любви—тоски, и также прочувствованно относится къ безутѣшному горю покинутой или разлученной дѣвушки, къ тяжелому положенію замужней женщины, выданной неволею. Горькое чувство утраченной юношеской любви въ первыхъ пѣсняхъ Кольцова выражается преимущественно въ тяжелыхъ думахъ о смерти милой. Тѣже представленія онъ влагаетъ въ душу и разлученной дѣвушки. Позднѣе поэтъ обращается къ представленіямъ о томъ невозвратномъ времени первой любви, когда съ гордостью онъ смотрѣлъ въ туманную даль волшебную, а мечтамъ его конца не было. Другая женщина и изъ другаго класса общества выступаетъ въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ стихотвореній Кольцова, которую онъ призывалъ звѣздою свѣтлой озарить трудный путь его судьбы. Но женщину эту покинутый поэтъ призывалъ къ новой жизни, къ спасенью изъ бездны низкаго паденья, отъ страшной бездны порока. Очень вѣроятно, что эта несчастная любовь Кольцова, загубившая его здоровье, была не однимъ только печальнымъ заблужденіемъ поэта. Можетъ быть, въ ней были и отклики тѣхъ настроеній, которыя выражались въ литературѣ 40-хъ годовъ, особенно во французской литературѣ, и приводили нѣкоторыхъ даже образованныхъ русскихъ людей къ необдуманнымъ и тяжелымъ отношеніямъ въ области чувства любви во имя спасенія погибающихъ жертвъ. Кромѣ двухъ отмѣченныхъ въ поэзіи Кольцова отношеній къ любимымъ женщинамъ, мы не встрѣчаемъ выраженія другихъ отношеній.

Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что, не смотря на страстный темпераментъ, Кольцовъ былъ одаренъ зоркимъ практическимъ взглядомъ на жизнь и людей и могъ перенести въ свои завѣтныя поэтическія думы только образы первой—свѣтлой и вмѣстѣ горестной любви и послѣдней, омрачившей его жизнь.

Кромѣ горя-тоски отъ любви жизнь и въ другихъ отношеніяхъ приносила Кольцову горе. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго очерка основанія этого горя въ личной судьбѣ Кольцова. Въ своихъ письмахъ въ разное время онъ объясняетъ и самъ, почему онъ подлилъ въ извѣстное время своей жизни много горечи въ свои стихотворенія. Но какъ въ образахъ любящихъ Кольцовъ рисуетъ почти исключительно народныя типы, такъ и въ образахъ людей, постигнутыхъ горемъ. Всѣ эти бѣдные и богатые, сильные и слабые, несчастные вслѣдствіе прожитого счастья, скитанья по чужимъ людямъ, вслѣдствіе отсутствія крѣпкой воли или невозможности выйти на настоящую дорогу—все это или вполнѣ ясно очерченные народные типы, или такіе общіе образы, которые коренятся все-таки въ народномъ быту. Очевидно, поэтъ свое личное горе, свои думы о жизни, о различныхъ человѣческихъ отношеніяхъ легче всего представлялъ себѣ въ отношеніяхъ народной жизни. Образы эти, впрочемъ, такъ же общи, какъ обща народная жизнь, съ ея старинными пѣснями, роднящими въ общихъ чувствахъ и мысляхъ одно народное поколѣніе съ другимъ. Нельзя, однако, и въ выраженіи горя-тоски у Кольцова, какъ и въ выраженіи любви, не отмѣтить страсти, „мучитъ душу мука смертная, вонъ изъ тѣла душа просится; аль ни потъ съ лица посыплется, аль ни въ грудь душа застукаетъ; загрустила запечалилась моя буйная головушка, ясны очи соколиныя не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ“. Мы уже говорили о выходахъ изъ горя у Кольцова: или къ примиренію съ жизнью или къ страстному порыву; то и другое опять-таки преимущественно представляется въ очеркахъ народной жизни. Это стремленіе выразить свои чувства, страсти и думы въ формахъ окружающей поэта народной жизни было въ немъ ничуть не преднамѣреннымъ. Оно вытекало непосредственно изъ условій его жизни, изъ постояннаго созерцанія природы, народнаго быта и народныхъ характеровъ.

Въ поэзіи Кольцова мы находимъ отраженіе природы широкаго и разнообразнаго пространства Россіи, изъѣзженнаго поэтомъ во время

его прасольскихъ занятій и поѣздокъ въ столицы: отъ Чернаго моря и предгорій Кавказа до Москвы и Петербурга, отъ береговъ Нижняго Поволжья до Юго-западнаго края. Какъ въ пѣснѣ: время поэта катилось по полямъ и лугамъ, по селамъ, городамъ; но особенно онъ любилъ останавливаться на степи. Въ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ и себя называетъ „дикаремъ—степнякою". Въ вѣкъ юности онъ жилъ въ степяхъ съ коровами. Въ глуши степей, отъ селъ далеко, онъ съ любовью созерцалъ и степныя травы: ковыль и перекати-поле и цвѣты въ травѣ особенно весной, когда степь зеленая съ цвѣтами и съ птичками пѣвуньями полна дыханьемъ чаръ, и осенью, когда особенно пріятно было обогрѣться на ночлегѣ у огней чумаковъ, слушать ихъ пѣсни, ѣсть кашу степняка, приходилось бывать Кольцову въ степи и зимой, когда мятель закрывала путь снѣгомъ, когда разыгрывались на степи вьюги зимнія—крещенскія. Не смотря на однообразіе степей Кольцовъ сильно любилъ ихъ, особенно въ весеннюю пору. Въ невошедшемъ въ изданіе Бѣлинскаго и послѣдующія концѣ стихотворенія „Ночлегъ чумаковъ" находятся драгоцѣнныя подробности для характеристики Кольцова, какъ поэта:

Живалъ въ большихъ я городахъ,
Бывалъ на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ, и тѣ... стремятся
Узналъ, вздохнулъ... и для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня
Подъ возомъ отъ грозы укрыться,
Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить...
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душей и сердцемъ отдыхаю.

Вѣроятно не безъ вліянія пѣсенъ чумаковъ Кольцовъ задумался въ степи:

Чья это могила тиха, одинока?..
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву
Мимо той могилы
Сухую былинку

Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не прободитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Изъ степи-же Кольцовъ вынесъ одно изъ любимыхъ своихъ сравненій: сохну, вяну я, что трава въ степи передъ осенью или какъ трава подкошоная. Я предполагаю хорошо извѣстнымъ всѣмъ моимъ благосклоннымъ слушателямъ „Косаря“ Кольцова. Если кто припомнитъ еще при этомъ навѣянное же степью стихотвореніе „Пора любви“, тотъ согласится, конечно, со мной, что трудно найти въ русской литературѣ другого такого пѣвца родныхъ степей. Указывать на выдающіяся мѣста у Кольцова въ этомъ отношеніи, значило бы выписывать цѣликомъ эти чудныя пѣсни. Кромѣ степей, Кольцовъ любитъ останавливаться на лѣсахъ и поляхъ. Опять-таки я предполагаю всѣмъ извѣстнымъ стихотвореніе Кольцова „Лѣсъ“, посвященное памяти Пушкина; но есть другое стихотвореніе Кольцова, подъ тѣмъ же названіемъ, въ которомъ онъ, подобно Тургеневу въ Запискахъ Охотника, останавливается на дикой красѣ лѣса, съ вопросомъ о тайнѣ, сокрытой въ немъ. Эта тайна навѣваетъ мысль о смерти. Въ лѣсу же являются у Кольцова и лѣшіе и русалки въ поэтической картинкѣ Домикъ лѣсника; но чаще Кольцовъ соединяетъ съ лѣсами темными дремучими — удальцовъ разбойниковъ. Однако поля, какъ и степи, больше привлекали поэтическія думы Кольцова, чѣмъ лѣса. Одной изъ выдающихся особенностей поэтическаго таланта Кольцова является оживленіе природы человѣческой жизнью. Въ глухихъ широкихъ степяхъ поэтъ отыскиваетъ чумаковъ, косарей и чудную дѣвушку. На поляхъ, среди зеленыхъ садовъ, среди пашенъ и высокой ржи, по которой вѣтерокъ плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается, на гумнахъ,—поэтъ вездѣ отыскиваетъ сельскихъ людей, то пахарей, то молодую жницу; онъ любитъ мирныя думы сельскихъ людей, ихъ тяжелые труды, ихъ отдыхъ и пирушки. Какъ въ природѣ поэтъ видитъ то ясную погоду съ тишиной, то тучи съ страшной гровой, такъ и въ народныхъ характерахъ онъ созерцаетъ то мирныхъ тружениковъ иногда съ грустнымъ выносливымъ чувствомъ, то удалыхъ молодцевъ, которые, подъ вліяніемъ роковой страсти. мстятъ страшно и безповоротно. Кольцовъ и въ жизни хорошо зналъ и понималъ такихъ молодцевъ.

Разсказываютъ, что въ степи раздраженный работникъ собирался убить поэта; но послѣдній лаской и угощеніемъ съумѣлъ отвести отъ себя руку убійцы. Впрочемъ, удальцы Кольцова чаще становятся несчастными отъ злой судьбы, а страсть ихъ выражается въ порывѣ и въ сознаніи иногда полной недостижимости задушевныхъ желаній. Итакъ, личный элементъ въ поэзіи Кольцова соединялся съ образами, воззрѣніями и вообще жизнью въ широкомъ смыслѣ русскаго народа, преимущественно крестьянства.

Но для Кольцова была уже готова и почва для воспроизведенія этого народнаго міра. Эта почва—поэзія русскаго народнаго слова въ самомъ широкомъ смыслѣ. Много силъ, много поколѣній потрудились надъ развитіемъ этой поэзіи, отражающейся въ мѣткомъ, образномъ словѣ, въ присказкѣ, въ пѣснѣ, въ сказаніи. Кольцовъ съ дѣтства сжился съ этой поэзіей народнаго слова: онъ то и дѣло употребляетъ пословицы, поговорки, и рѣчь его даже въ письмахъ отличается образностью. А между тѣмъ проза ему не давалась. Быть можетъ, это происходило столько же отъ недостатковъ его самообразованія, сколько и отъ привычки выражаться живописнымъ, картиннымъ языкомъ поэтическаго русскаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте этимъ языкомъ составить хотя бы описаніе мѣстности; описаніе выйдетъ только поэтическое: вмѣсто опредѣленныхъ логическихъ сторонъ предмета явятся глубокія, задушевныя отношенія къ предметамъ, составленныя избранными натурами изъ народа, понравившіяся всѣмъ и вошедшія такимъ образомъ въ обиходъ русскаго языка. Было бы долго и утомительно перечислять всѣ мелкія и крупныя отношенія Кольцовскихъ пѣсенъ къ русскимъ народнымъ пѣснямъ. Одно можно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ мы найдемъ только отдѣльныя мѣста, выраженія и пріемы; но не найдемъ тождественныхъ пѣсенъ съ Кольцовскими. Интереснѣе отмѣтить различіе между Кольцовскими русскими народными пѣснями. У Кольцова мы не находимъ пѣсенъ, связанныхъ съ играми, хотя бы напр. хороводными, не находимъ пѣсенъ свадебныхъ. Въ пѣсняхъ Кольцова нѣтъ припѣвокъ, которыми такъ богаты, напр., пѣсни Беранже, въ соотвѣтствіи съ французскими народными пѣснями. Какъ видно, Кольцовъ и не думалъ, что его пѣсни станутъ распѣвать и въ художественно-музыкальномъ пѣніи и въ складѣ народной пѣсни. У Кольцова нѣтъ пѣсенъ юмористическихъ, которыя у народа перехо-

дятъ нерѣдко или въ грубую каррикатуру, или въ цинизмъ. Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ, не смотря на ихъ цѣлостность въ описательныхъ эпическихъ мотивахъ, не встрѣчается такихъ стихотвореній, какъ Кольцовскій Хуторокъ или его же Ночь. Нѣтъ и такихъ думъ, какъ Кольцова.

Всѣми этими новыми элементами пѣсни Кольцовъ былъ обязанъ столько же своему поэтическому таланту, сколько и своимъ предшественникамъ и талантамъ первоклассным, которыхъ онъ усваивалъ пріемы. Въ этомъ отношеніи Кольцовскія пѣсни являются вполнѣ литературными произведеніями, и въ исторіи русской литературы имѣютъ свое прошлое и оказываютъ дальнѣйшее вліяніе на развитіе русскаго литературнаго слова и на развитіе художественной поэзіи. Дѣйствительно, можно согласиться съ тѣми воззрѣніями на Кольцова, по которымъ онъ не только русскій народный поэтъ; но и поэтъ—художникъ. Послѣднее лучше всего уясняется въ постепенномъ развитіи поэтическаго таланта Кольцова и въ литературныхъ вліяніяхъ, которыя имѣли значеніе въ этомъ развитіи.

Первоначальныя произведенія Кольцова и нѣкоторыя послѣдующія представляютъ подражанія, въ особенности двумъ выдающимся русскимъ поэтамъ: Жуковскому и Пушкину. Но вліяніе послѣдняго сказывается глубже вообще во всей поэзіи Кольцова. Самъ Кольцовъ одно изъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ „Соловей“ назвалъ подражаніемъ Пушкину. Замѣчательно, что лучшія Кольцовскія подражанія Пушкину (какъ въ названномъ стихотвореніи, въ Видѣніи Наяды и друг.) относятся къ 1830—1831 годамъ, когда нашъ поэтъ впервые выступаетъ и съ пѣснями: Кольцо, Пѣсня Пахаря. Такъ, овладѣвши стихомъ и языкомъ Пушкина, Кольцовъ нашелъ и самостоятельный путь. Еще критикъ Майковъ въ 40-хъ годахъ сравнивалъ Кольцовскихъ женщинъ съ „Татьяной“ Пушкина и находилъ полную аналогію въ характерѣ страсти и любви у этихъ женщинъ. И характеромъ пѣсни, какой мы отмѣтили у Кольцова, въ отличіе отъ пѣсни народной, нашъ поэтъ обязанъ предшествующимъ дѣятелямъ въ области русской литературы.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII в. Но сначала это была пѣсня, представлявшая только подражаніе французской ложно-классической пѣсенкѣ, а народный бытъ появлялся въ этой поэзіи, въ идилліяхъ и буколикахъ.

Во второй половинѣ XVIII в. появилась въ русской литературѣ и народная пѣсня, правда, значительно подправленная и изукрашенная не только въ пѣсенникахъ, но и комическихъ операхъ. Однако въ XVIII в. и даже въ началѣ XIX въ русской литературѣ отличали и пѣсни нѣжныя, свѣтскія отъ простонародныхъ. Эти нѣжныя пѣсни явились подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія. И тѣ и другіе не имѣли ничего общаго съ русской народной пѣснью; но распѣвались образованнымъ обществомъ вмѣстѣ съ романсами. Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ, Дельвигъ и Цыгановъ сблизили искусственную пѣсню съ русской народной пѣснью; но такъ, что перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ большею частію мы встрѣчаемъ заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій; у Цыганова встрѣчаются даже народныя пѣсни, переправленныя въ языкѣ и въ тонѣ. Дельвигъ имѣлъ особенное вліяніе на Кольцова, но не только пѣснями, а вообще всей своей поэзіей. Иногда у Дельвига можно найти искусственные мотивы, которые переродились у Кольцова въ народные. Вотъ, напримѣръ, слѣдующій; „Хата“ Дельвига:

Мѣсяцъ свѣти—не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ
Скрой меня, бурная ночь! заметай слѣды мои вьюга,
Вѣтеръ холодный бушуй вкругъ хаты Лизеты прекрасной.

У Кольцова:

Мѣсяцъ будь, иль не будь—
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый въ потьмахъ
Съ ней его не собьетъ,
И до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой,
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой...

Кольцовъ, какъ и всякій талантливый писатель, бралъ свои нѣкоторые сюжеты изъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ. Какъ часто при этомъ замѣчается, сильный талантъ беретъ чаще эти сюжеты изъ сочиненій слабыхъ писателей, чтобы представить ихъ въ лучшей формѣ, въ полномъ развитіи. И въ поэзіи Кольцова можно найти нѣкоторое отношеніе къ стихотвореніямъ русскихъ поэтовъ самоучекъ. Изъ этихъ стихотвореній въ русской литературѣ 1830 и 31 г. пользовались особенной извѣстностью сельская поэма

Слѣпушкина подъ названіемъ „Четыре времени года русскаго поселянина“. Поэма была написана, по совѣту и указаніямъ ученыхъ друзей Слѣпушкина, въ родѣ четырехъ временъ года Томсона, Попе и друг., но содержаніе ея заключается въ изображеніи трудовъ и удовольствій русскихъ поселянъ. Эта сельская поэзія Слѣпушкина, при всѣхъ ея недостаткахъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ выборѣ Кольцовымъ сюжетовъ Урожая, Косаря и особенно Крестьянской пирушки.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ поэмы Слѣпушкина въ соотвѣтствіи съ Крестьянской пирушкой Кольцова:

Гостей старанушка ведетъ,
За столъ дубовый ихъ сажаетъ,
Друзей по лавкамъ, на скамьѣ,
И всѣмъ честитъ ихъ, угощаетъ.
И сынъ привѣтливъ молодой,
Ихъ просятъ пивомъ жатвы новой;
Вотъ старики заговорили:
Кто сколько хлѣба съ поля снялъ?
И много ль сѣна накосили?

Точно также и въ описаніи весенней грозы, послѣ которой:

Испили класы золотые,
Озимой потучнѣлъ загонъ,
И всѣ посѣвы яровые
Отъ влаги зрѣютъ и растутъ
И земледѣльцы счастья ждутъ,—

можно видѣть слабый намёкъ на „Урожай“. Эти стихотворенія Слѣпушкина, въ которыхъ на каждомъ шагу проглядываетъ сладенькая идиллія, съ поддѣлкой не столько подъ народный языкъ и воззрѣнія, сколько съ поддѣлкой подъ складъ художественныхъ идиллій Гнѣдича, Дельвига, и др., были расхвалены въ 1830 г. въ Литературной Газетѣ Дельвига, за „правду описаній, которыя знакомы пѣвцу-поселянину не по слуху“. Дельвигъ ставитъ за это Слѣпушкина выше многихъ второстепенныхъ русскихъ стихотворцевъ, подражателей Пушкина и Баратынскаго. Но съ кѣмъ бы онъ долженъ былъ сопоставить Кольцова, еслибы могъ сравнить его описанія съ соотвѣтствующими описаніями Слѣпушкина.

Какъ ни ставятъ высоко поэзію Кольцова; но обыкновенно разсматриваютъ ее внѣ вліянія европейской иностранной литературы. Мы уже говорили однако, что Кольцовъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣ-

дѣнія по журнальнымъ статьямъ 1829 и 37 годовъ о личности и пѣсняхъ знаменитаго англійскаго народнаго поэта Роберта Борнса. Можно бы найти нѣсколько общихъ мотивовъ у Кольцова какъ съ Борнсомъ, такъ и съ другимъ народнымъ поэтомъ Беранже, хотя бы напр. въ изображеніи бѣдняка, въ отношеніи къ земледѣльческому труду, къ произрастанію хлѣба, къ цвѣтамъ, къ животнымъ, и проч. Сюда бы можно присоединить и нѣмецкаго поэта Гебеля. Если пѣсни Беранже, которыя долго были неизвѣстны въ русской литературѣ, могутъ быть только сопоставляемы съ пѣснями Кольцова, то пѣсни Борнса и стихотворенія Гебеля могли быть и извѣстны Кольцову по переводамъ Козлова и Жуковскаго.

Говорятъ, что Кольцовъ стоитъ одиноко въ русской литературѣ и сравниваютъ его въ этомъ отношеніи съ Крыловымъ. Но это не совсѣмъ справедливо. Вліяніе поэзіи Кольцова живо чувствуется у Некрасова, у Никитина и отражается вообще въ русской литературѣ съ сороковыхъ годовъ. Но, дѣйствительно, и до сихъ поръ поэзія Кольцова сохраняетъ свою особенную прелесть и къ ней приложимо собственное же опредѣленіе поэта:

У тебя-ль была...
Рѣчь высокая,
Сила гордая...
Заливная пѣснь
Соловьиная...

П. Владиміровъ.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ

КОЗАЦКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

(1494—1668 гг.).

Сообщилъ И. М. Каманинъ.

Въ исторической литературѣ установились два противоположные взгляда на козачество: одни видятъ въ немъ только борющихся за идею героевъ, рыцарскій орденъ, полувоенное, полумонашеское братство, доводятъ, однимъ словомъ, идеализацію его до послѣднихъ предѣловъ; другіе, наоборотъ, съ неменьшей настойчивостью, считаютъ козачество гнѣздомъ разбойниковъ, ищущихъ легкой наживы, избѣгающихъ власти и всякаго порядка, производящихъ смуту внутри и внѣ государства и наводящихъ враговъ на свое отечество; каждая изъ сторонъ, опираясь на одни и тѣже источники, толкуетъ ихъ сообразно своимъ политическимъ, національнымъ и религіознымъ симпатіямъ; получаются два крайнія мнѣнія, между которыми трудно отыскать истину; намъ кажется, поэтому, что ни то ни другое изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ принято въ наукѣ. Крайніе взгляды примиряются и факты получаютъ болѣе близкое къ истинѣ значеніе и смыслъ, когда мы начинаемъ смотрѣть на козачество, какъ на исконное землевладѣльческое и земледѣльческое туземное южно-русское населеніе, сознающее свою національную особность и преданное своей вѣрѣ, которое, признавъ сначала добровольно власть татаръ, а потомъ, перейдя подъ владычество Литвы и слившъ послѣднюю съ собою, при вторженіи въ его жизнь чуждыхъ шляхетско-католическихъ началъ, стало стремиться къ обособленію, къ выработкѣ собственныхъ формъ; но, вслѣдствіе отсутствія сильной центральной власти въ немъ, вслѣдствіе соединеннаго польско-турецкаго давленія извнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ смутъ и броженія неустановившихся элементовъ внутри, оно вынуждено было разрываться лишь въ многосторонней обезсиливавшей его борьбѣ, которая и составляетъ отличительную черту козацкой исторіи. Однако, хотя борьба и выдвигала героевъ, жизнь всей массы населенія шла всетаки по обычнымъ историческимъ законамъ; лѣтописи и акты, какіе до сихъ поръ были выбираемы и издаваемы историками, достаточно разъясняютъ лишь политическія событія да военно-административный строй козачества, но слишкомъ мало даютъ для характеристики экономическихъ отношеній въ немъ, служащихъ главной основой общественной жизни; для одной изъ сторонъ этой именно основы, въ частности для исторіи разви-

тія землевладѣнія среди козачества, мы предлагаемъ теперь тѣ немногіе документы, которые намъ удалось собрать, въ надеждѣ, что болѣе счастливые розыскатели дадутъ и большее число ихъ, а это уже позволитъ установить современемъ фактъ прочнѣе, опредѣлить его послѣдовательный ростъ, размѣръ, характеръ и вліяніе и понять правильнѣе тѣ явленія въ козацкой исторіи, посильное объясненіе которыхъ мы пытаемся представить здѣсь, съ грустью сознавая во многихъ случаяхъ недостаточность и неполноту нашихъ данныхъ.

И. Каманинъ.

I.

Акты, касающіеся спорнаго между Кіево-Печерскимъ монастыремъ и козаками хутора Бузукова, „въ Черкасѣхъ“,—1494—1651 гг.

1) Духовное завѣщаніе п. Ивана Лисиченка Кіево-Печерскому монастырю на своего наслѣдственнаго крестьянина Ѳеодора въ с. Ремизовичахъ (Овруч. пов.), съ земельными его владѣніями и денежными платежами, а также на селище Бузуково, „въ Черкасѣхъ“, со всѣми доходами,—5 января 1494—1509 гг.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Се я, раб Божій, Иван Лисиченко, записываю по своей душе у вечистый сорокоустъ на Пречистой домъ человѣка своего отчизного, на имя Ѳедора у Ремезовичах, з даними и землями, и селищи, и сеножатми, и с иншими доходы, што к тому прислухало; а тотъ человѣкъ дани даетъ пят ведерецъ меду кіевской меры да сорокъ грошей; а в Черкасехъ селище мое Бузуково и з землями, и сеножатми, и с пасеками, и с иншими доходы, што к тому прислухало, на Пречистой домъ. А при томъ былъ панъ Сенко Полозовичь, староста врудскій; а отецъ мой духовный панъ Еремей, настоятель святого Николы; а панъ Яцко Мизиновичъ; а панъ Счасный Полозович; а панъ Немира Грискѣвич; а панъ Давидъ Ходкевичь. А про липшую справедливость просили и билі есмо чоломъ пану Сенку Полозовичю, старостѣ врудцкому, а отцу нашему духовному Еремѣю, абы ихъ милость печати свои приложили к сему нашему листу.

Писан в Овручомъ, генваря 5-го дня, индикта 12-го.

Уподлинной крепости печатей двѣ.

Рукопись Церковно-археолог. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 313.

2) Запись п. Анны Лисиченковой объ исполненіи и подтвержденіи ею завѣщанія своего мужа, отписавшаго на Кіево-Печерскій монастырь крестьянина Ѳеодора въ с. Ремизовичахъ (Овруч. пов.) и селище Бузуково, „въ Черкасѣхъ“,—5 сентября 1494—1509 гг.

Я, Болгаковая Лисичинковая, Анна, вызнаваю симъ моимъ листомъ тое, штожъ панъ небощикъ, панъ Булгакъ, отходячи сего свѣта, отписалъ въ духовницы своей на Пресвятую Богоматерь Печерскую человѣка своего отчизного, на имя Ѳедора у Ремезовичах, зъ данми и землями, и селищи, и сеножатми, и съ иншими доходы, што къ тому прислушало; а тотъ человѣкъ дани даетъ пять ведръ меду кіевской мѣры да сорокъ грошей; въ Черкасехъ селище Бузуково и зъ землями, и сеножатми, и пасеками, и зъ иншими доходы, што къ тому преслушало, на Пресветой домъ; що я тое после пана своего небощика сполнила и, особливо листъ списавши, ведлугъ духовницы пана своего, оддала есми Пресвятой Богоматери; а духовницы есмы по себѣ не дала для иншихъ речей; а на твердость того и печать есмы приложила къ сему моему листу.

Писанъ въ Овручомъ, семтеврія 5-го дня, индикта 12.

У сей крепости печать одна.

Рукопись Церковно археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л 313 об.

---

3) Грамота короля Сигизмунда I, съ приказомъ черкасскому и каневскому старостѣ Евстафію Дашкевичу не требовать никакихъ платежей и повинностей съ имущества и крестьянъ Кіево-Печерскаго монастыря, живущихъ на селищѣ Бузуковѣ,—29 апрѣля 1529 года.

Жигимонтъ, Божіею милостю король полскій, великій князь литовскій, рускій, прускій, жмоддкій и инныхъ,—старостѣ черкаскому и каневскому пану Остаѳію Дашковичю: присылалъ къ намъ архимандритъ монастыря Печерского Пречестной Богоматере съ Кіева Антоній, жалуючи о томъ, што жъ дей которые люди монастыря

Печерского святой Пречистой Матери[1]). . . . . тамъ у Черкасехъ и въ Каневе, а къ тому пасеки и озера, и бобровые гоны, и ты дей отъ колко годовъ съ тыхъ людей архимандричихъ дан и інные всякіе доходы кажешъ на себе брати и озера волочити, и бобровые гоны велишъ гонити, и съ пасекъ его на себе платъ берешъ; и коли дей архимандритъ пошлетъ тамъ слугъ своихъ съ тыхъ людей доходовъ выбирати,—и ты дей велишъ тыхъ слугъ его бити и въ (вязе не?) ихъ сажаешъ, и инные дей кривды и утиски тому монастырю отъ тебе ся дѣютъ. Прото, кгдыжъ здавна тые люди и пасеки, и озера, и бобровые гоны (суть) того монастыря Печерского, приказуемъ тобѣ, абы еси въ тые люди его нечим ся не уступовалъ, и съ нихъ дани на себе не бралъ, и озеро его волочити и бобровыхъ гонъ гонити не казалъ, и съ пасекъ плату не бралъ, и иныхъ кривдъ и утисковъ тому монастырю Печерскому ни въ чемъ еси не дѣлалъ и далъ ему въ томъ во всемъ покой; а которое бы тобѣ было до него дѣло, и ты бы въ томъ съ нимъ правом ся обходилъ конечне.

Писанъ въ Вилне, подъ лѣто Божого нароженія 1529, мѣсяца апреля 29 дня, индикту 2.

У подлинной крѣпости печать одна.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіевск. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей" (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 314.

Примѣч. Настоящій актъ имѣетъ слѣдующій заголовокъ: „*Копия привелею королевского на Бузуково*".

---

4) Универсалъ запорожскаго гетмана Григорія Савича Чорнаго, съ запрещеніемъ козакамъ нарушать права Кіево-Печерскаго монастыря на владѣніе въ Черкасскомъ старостве землей и лѣсомъ,—28 февраля 1630 г.

Мы, Григорей Савичъ Чорный, гетман, полковницы, сотники, атаманы войска его королевской милости Запорожского, подъчасъ конклюзій коммисіи зѣхавшися до Кіева—всемъ въобецъ и каждому з особна паном товарищом нашим войска его королевской милости Запорожского, которые суть в приповеди до служби его королевской милости и Речи-посполитое захованы, обывателемъ черкасскимъ,

[1]) Здѣсь, очевидно, переписчикомъ прошлаго вѣка пропущено или неразобрано нѣсколько словъ подлинника.

доброго здоровія!—Вы, от Господа Бога повеншованши, вѣдомо чинимъ: перекладал пред нами нерешкоду ясне в Бозѣ превелебный отец его милость пан Петръ Могила, воеводичъ земел Молдавских, милостію Божию архимандритъ, со всею еже о Христе братіею святое великое чюдотворное Печерское Кіевское Лавры, же вы в пасецѣ манастѣря Печерского, которая лежит к грунтамъ в староствe Черкасскомъ, за привилеемъ его королевской милости пана нашего милостиваго, великіе перешкоды чините: без вѣдомости его милости і того там брата (который на тот час тамъ кгрунтом и пасекою заведовати будетъ), в кгрунты вдершисе, лѣсъ пустошите и брата, которыи высланый бываетъ, зневажаетѣ, што се дѣетъ противко воли самого Бога и самого нашего сумленія, же, мѣсто помноженыя церкви Божей, сами оную ущербляемъ. Прето повагою коммисіі сее, владзою гетманства моего и всего войска срокго росказуемъ, абысте кождый из вас в кгрунтъ помененого монастыря Печерского вступу жадного не мелъ и в лис без воли и листу его милости отца архимандрита и ногою не вступовалъ; а естлибы который из васъ противным и упорным против сего листовного заказу нашего знайдовалсе, таковый кождый судового каранія от всего войска не увойдетъ, иначей не чинечи конечнѣ, што, такъ ствердивши, при печати войсковой писарю войсковому подписатисе казалисмо.

Дѣялосе в Кіевѣ, февраля 28-го дня, 1630-го року.

Константы Волкъ, писар войсковый.

У сего листа печат одна.

Рукопись Церковно археологич. музея при Кіев дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 316.

---

5) Универсалъ запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, съ запрещеніемъ козакамъ нарушать право Кіево-Печерскаго монастыря на владѣніе при хуторѣ Бузуковѣ землями и лѣсомъ,—5 декабря 1651 г.

Богдан Хмелницкій з войскомъ его королевской милости Запорожским—ознаймуемъ симъ писаніем нашим атаманови харковскому, также и ловатинскому, и всим обывателемъ: дошла до нас скар-

га и вѣдомость, ижъ вы в пасецѣ монастыря Печерского и кгрунтах оутора их Бузукова, тамъ поблизу васъ будучихъ, черицомъ великую кривду и перешкоду чините, что мы, видаючи уневерсали, от килка десятъ лѣтъ и прошлых гетманов войска нашего Запорожскаго на тот грунтъ наданые, жебы вцале былъ захованый, расказуемъ вамъ под срокгимъ войсковым каранемъ, абысте жаднои в тых ихъ кгрунтахъ и пасеце и найменшой кривды чинити не важилися; а которые бы, мимо сей нашъ уневерсалъ, мели якую кривду учинить, мы вамъ, атаманомъ, росказуемъ без оолги карати сурово, бо перед тымъ товариство наше, на мори здобываючися, на домъ Божий надавали, а тепер вы добра церковные шарпаете; повторе под срокгостю войсковою росказуемъ, абы иначе не было; также и .....[1]) которые там ставятъ черицы на виживѣне свое, ежелибы мѣли псовать, теды неомылно кождый таковый за найменшою скаргою горломъ каран будетъ.

Дан з Чигирина; 5-го декабря, року 1651-го.

Богдан Хмелницкій, рука власная.

У сего неверсала печать одна.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 318.

II.

Жалованная грамота короля Сигизмунда-Августа земянину, шляхетному козаку Емельяну Ивановичу, подъ условіемъ исполненія военной службы, на землю Сиверу по обоимъ сторонамъ р. Ворсклы,—4 октября 1571 г.

Жикгимонт-Август, etc.—Ознаймуем сим нашим листомъ всимъ посполите и кождому зъ особна, нинешънимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ шляхетъный Омельян Ивановичъ, земянин нашъ, и просилъ насъ абыхмо ласку нашу господарскую над нимъ показали а за службы его, которые он намъ въ себе от немалого часу на той Украине показуетъ, гдеж и на сес час вязневъ непріятельских татарина сам от

[1]) Замѣненное точками слово не разобрано.

себе и от всихъ товарышовъ своихъ, козаковъ низовых, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати миляхъ, то есть, почавши от Санчаровского перевозу на реце Ворскли шляху татарского, на низ тою рекою Ворсклом, къ устью речки Полузоры которая с поля, з Московское стороны, с правое руки приходить и въ Ворскло въпадываеть, а оттоль Ворсклом до речки Кустови, которая теж с поля от Орды зълева тамъ же впадаеть, и зась Ворсклом аж до рубежа Степана Жарковича Артемъковых Песков, по обудву сторонах тое речки Ворскъла, зо всими вгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север зъдавна в собе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасьце и Черни; а еслибы он сыновъ еще мелъ, тогды, отдаливъши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и вельможный Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман коруны нашое, староста любичевский, хмельницкий и чирвоногродский, до нас в причине пасал, залецаючи намъ верные и годные службы его. А такъ мы, з ласки нашое господарское, на причину пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нашого Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Сиверу ему самому, жоне и девкам его Гасце и Черни, а еслибы онъ сыны мелъ, тогды, заховуючи преднейшое право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомком их, леняым правомъ мужского рожаю дали есмо и симъ листом нашимъ даемъ на вечность, а девки его преречоные Гаска и Черня вжо до тое земли никоторого права мети не маютъ и от нее отпадають. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомъки его властные, тым правомъ и порядкомъ оную землю Сиверу по обудвух сторонахъ реки Ворсла, яко ся вышей поменило, почавши от шляху Санчаровского на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемковых Песков, зо всими землями, вгрунты, з боры, з лесы, з деревом бортным, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовъю, з озеры, з ловы звериными, пташими, рыбными, з бобровыми гоны и зо всими доходы, пожитки и ихъ належностями, так долго и широко, яко ся тая земля Сивера сама в собе в границах, пожитках и обыходех своихъ здавна и на сесь час маеть, держати и уживати, прибавляти, розширяти и всякие пожитки собе тамъ розмножати. А вжо от сего часу врадники наши, старостове

черкаские, и нихто иный в том ему и потомкомъ его никоторое переказы чинити и вступовати ся в то ничим не мають, одно же повиненъ будеть Омелянъ с тыми потомками своими нам, господарю, и потомком нашимъ, королем полским, с того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омельяну Ивановичу сесь наш листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, дня четвертаго мѣсяца октября, лета Бож. нарож. 1571, панования нашого року 42.

Подпис руки его кр. милости.

Кн. Записей коронныхъ № 1. л. 215, хранящаяся въ Москов. архивѣ министерства юстиціи.

Заглавіе этого документа таково: „Данина Омельяну Ивановичу на землю Северу за Черкасы".

Примѣч. Грамота эта 15 апрѣля 1574 г. была подтверждена въ Краковѣ королемъ Генрихомъ и записана въ книгу № 3, на оборотѣ 3-го листа, подъ заглавіемъ „Потвержение Омеляну *козаку* на землю Северу за Черкасы" (Текстъ грамоты начинается словами: „Былъ намъ чолом шляхетный Омельянъ Ивановичъ, земянин нашъ" и т. д., какъ и выше).

III.

Акты на землевладѣніе козаковъ Волевачей,—1600—1630 г.

1) Духовное завѣщаніе козака Тишка Волевача на земли, лѣса, поля и сѣнокосы, а также движимое имущество и долги въ пользу жены и сыновей, —8 августа 1600 года.

Во име Отца і Сына и Светаго Духа, Светія Живоначальнія и Нероздѣлѣнія Тройца, ставется реч у вечной памети. Амень.

Я, рабъ Божій Тишъко Федоровичъ Волевачъ, обыватель и козакъ чигринский, будучи мнѣ отъ Господа Бога навѣженому хоробою и лежачому на постели смертвой, при конци живота моего, пишу сей мой тестаментъ за доброй памети и зуполного розуму моего и, будучи ни от кого намовенній и ни примушаний, тилько по доброй волѣ своей, напродъ полецаю душу мою грѣшную Господу Богу, а тело мое ко погребенію земному, отдаю се ув опеку

—амень—сину моему Антону; онъ меетъ по смерти моей тело мое похоронити и душу мою грѣшную поменути ведлугъ закону христіанского.

Напрод отписую двор свой властний, въ Чигрине будучий, в котором и живу, жонѣ моей Маріи из мизиннимъ сином Іванцемъ и зо всѣмъ господарским подсудком; пасеку будучую на Чутцѣ, с пчелами и дванадесятма байрачкама, с полем пахотнимъ и сенокосами, възевши зъ усте Чутки, отъ Ирклее ажъ до привороте леса Чути, где Германовские байраки в Чутку речъку потекли, и хуторъ, тамъ же будучий, з бидломъ и овцами; коней два табуне з двома жеребцами вороним и гнедим; грошей тисеча копъ; казановъ шесть—женѣ моей Маріи из сином Іванцемъ; пасека въ Мотренине, по-надъ Еничемъ лѣсъ съ подлесем, съ сеножатми и пахотним полемъ; зъ екой пасеки и Суботовка речка вийшла; пчелъ въ оной стодвадцет,—то синови моему Антону; а тотъ грунтъ купленъ небожчиком дедомъ моим Іаковомъ Волевачемъ, отъ Ивана Безмолъного, на який і запис имѣемъ; тому жъ синовѣ моему петьсотъ копъ грошей доброй монети; хутор на Березовце по поламъ з Андреемъ; Антону—рогатое бидло и овци пополамъ; коней по табуну и по жеребцу половому и рижому синамъ Антону и Андрею; Волевачевскіе байраки, якихъ меемъ восемъ, с полемъ по-надъ Цибулникомъ пахотнимъ и сеножатми, по обадва бока речки Цибулника лежачими, зъ нижшей головы, въ зідши от жбира, гдѣ могила, и от Грузкой балки, и от малого круглого озерце мало не до скель оніе сеножати и пахотное поле, въ техъ Волевачевскихъ байракахъ пасека с пчелами,—то все синови моему Андрею и петсотъ копъ грошей; і тіе Волевачевскіе предкомъ моимъ все сенокосніе и пахотніе заходи и байраки, за гроши здавна набитіе, поле пахотніе и сенокоси, яко-то у Калантаеве, такъ і на Чуте, синамъ моимъ Антону и Андрею; петдесятъ дежокъ меду—то тредцеть женѣ моей из сином малимъ, а по десет болшимъ: Антону и Андрею; янъчарекъ добрих под сребромъ по две, а по пет ручницъ куждему сину; одежою и сребними чарками ровне меют поделитсе; невесткамъ двом Вотце.... и Гапце по ярмаку хвалендишовом из злоцестими потреби и по едамашко... да по позлоцѣстом поесу, единой ис червоними, а другой из зеленими..... попамъ Свето-Спаскому и Пречискому да третему Петровскому (на поми)наніе по двадцети конъ грошей, да на церкви по сороку копъ.... на все три; а где жене своей

сказалъ грошн,—то при конце своем.... не воле меетъ по ровной части детемъ отказат, також на поминаніе за душе и на церкви роздать по волѣ своей; хъте теж мене.... (виненъ?),—меетъ жена себе виправит: первей, Кузма Кривец копъ сто грошей; Иванъ Соленикъ полтораста две копи; Якимъ Довгополий пет сотъ копъ виненъ грошей; Супрунъ виненъ, що Безнеску держит, сорокъ копъ грошей; Жукъ Белий виненъ тридцет пет копъ грошей, застава его—жепанъ аксамитний чирвоний; Пшенична Керилова винна семнадцеть копъ грошей; Павелъ Снитка виненъ дванадцеть копъ грошей; Якимъ Чернишенко виненъ тридцеть копъ грошей; Иванъ Момотъ виненъ сорокъ копъ грошей; Семенъ Турчинецъ петдеситъ копъ грошей; Харко Гущенко виненъ четыри десет золотыхъ; мещане винъни шесть десет копъ грошей,—брал Коваленко Юско да Бондаренко; Скрипчишины дочки винни десет копъ грошей; а больш того ни мъне ни я ничего никому не виненъ, тилко Господу Богу душею моею грешнею; а хтоби мел по смерти моее ув убогую маетност мою въ опекуновъ моихъ отбират, позиват и духовницу мою косовати, приводити тотъ се зо мною розсудити на ономъ свете, на страшномъ суде Христове, предъ Судіею нелицемернемъ.

При которомъ писанію и справованню сеей духовници моее были люди добріе вери годніе козаки и мещане чигринскіе, того добре сведомие: панъ Терешко Кременчукъ, Харко Гущинскій; а дле лепшое вери и ствержения сеей духовной моей, за прозбою моею, панъ Михайло Лавриковичъ, атаманъ чигринскій, печать свою мескую чегринскую до сее духовнице моее приложил [1]), а писаръ руку свою подписалъ.

Писано въ Чегринѣ.

Року 1600-го, месеце августа 8 дне.

Михайло Щелипинский, писаръ чегринский, рукою вл.

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. централ. архива.

---

[1]) Печать не сохранилась; осталось лишь коричневаго цвѣта пятно отъ сургуча.

2) Запись о продажѣ козакомъ Максимомъ Михайловичемъ Плоскаго лѣса со всѣми землями, полями, сѣнокосами и проч. значному регестровому козаку Ивану Волевачу,—5 марта 1615 г.

Я, Максимъ Михайловичъ. козакъ и обиватель мѣста Чегерина, весполъ и з малжонкою своею, з Анною, а (дочкою?) бившого небожчика Якима Довгополого, козака и обивателя меского чегеринского, чинимо ведомо симъ листомъ квитованнимъ, от насъ даннимъ пану Івану Воліовачу, значному рейстровому козаку и обивателю мескому чегеринскому, на Плоскій лесъ, зо всѣми околичными приналежитностми, отъ вершини Цибулника речки, з речкою Говнянкою, до устья, где потекла в речьку Ингулецъ; таможъ и плеса рибніе по Ингульцу от устя Говнянки до устя речьки Макаровки, из сѣнокосами, ис степнимъ полем и пахатнимъ, и с поселеніемъ людей; до якого Плоского лѣса повинно бить дванадцят байраковъ, без малих байрачьковъ, дай речька Цибулникъ, якая вийшла спод Плоского леса, обѣ вершини зойшедшися повинни бить тож съ поселеніемъ людей и сѣнокосами по оба боки, с пахатним и степним полем до скель и далѣе; и той вижеписаній грунтъ зо всѣми угодіями продолемъ его милости пану Воліовачу, жоне и потомкамъ его у вечность за добру монету литовской личьби за тисечъ две копъ грошей без десети; я тежъ себе, жену и потомковъ моихъ и покровенних, ближних и далних, вечьне оддаляю, а ему пану Воліовачу на пасечѣ яко у Плоскомъ лесе, такъ и въ иншихъ байраках и байрачьках, и во всѣх тамо приналежитостяхъ, якъ хотя користоватсе, надъ поселеніемъ и людей надмовляти, (над ловлями?) рибними и звериними, над полем пахатним и степним, и сеножатми, и въ пасекахъ пчелу плодити и присади садити, яко то ко найлучшему пожитку своему догажати и розширати, и людей розмножувати, яко у своем власномъ; а хтеби мелъ ему, пану Волевачу, перешкоду чинити, будемъ обстояват; при сеей продажи и куплѣ били значніе реестровіе козаки и обивателѣ чегеринскіе панъ Якимъ Чернишенко, панъ Романъ Бешта и иннихъ било козаковъ товариства не мало. А для лучшой твердости и вери сего листу квитованного, отъ насъ ему данного, упросилисмо о приложенія печати товариское чегеринское пана Хведора Кузминского,

чегиринского атамана, што его милость на прозбу учинил и печать товарискую чегеринскую приложити рачилъ.

Писанъ у Чегеринѣ, тисеча шессотъ пятогонадесят году, месеци марта петого дня.

Михаило Щилипинскій, писарь чигиринскій, рукою вл. [м. п.]

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. центральн. архива.

---

3) Запись о продажѣ вдовой козачкой Ѳеодорой Андреевой пасѣки съ лѣсомъ по р. Макаровкѣ и сѣнокоса по р. Ингульцу обозному Запорожскаго войска Ивану Волевачу,—26 сентября 1630(?) г.

Я, Ѳеодора Яновна Андреевая, жителка чигринская, даю (пи-са)ніе мое его милости пану Івану Воліевачу, обозному войска Запорожского, а обивателевѣ чигиринскому, такъ сама отъ себе, яко и отъ покревныхъ моихъ, такъ и небожчика мужа моего, ижемъ въ доброи волѣ моеи, не будучи ни от кого намовлена, продала пасеку свою съ лѣсомъ къ егоже(?), пана обознаго, лѣсу, прозиваемаго Плоского, вершини, къ рецѣ Макаровцѣ, зо всѣми приналежитостми: зъ байраками и байрачки, и изъ рѣчкою Макаровкою, от вершини до устя Макаровки, сѣнокоси тож к рецѣ Ингулцю съ хуторищемъ и с селищемъ людей, сѣнокосами и полемъ степнимъ по оба боки Ингулця и Макаровки, речокъ, с плесами, ловлями рибними и зверними, за певную суму доброи монети литовскои лечьби, за пят сотъ копъ грошей, и тот выжеписаній грунтъ, нѣ в чомъ нѣкому не пеній и незаведенний, але власній мой от(чиз)ній; на що для лучшого свѣдецтва и вѣри даня даю сіе писаніе мое; при которомъ-то писанію били люде вѣри годніе: господинъ Стефанъ Святопречиский; панъ Феодоръ Калиновичъ, панъ Гаврило Коробка, обивателѣ чигринскіе; о що для лѣпшого вѣроятія упросила пана атамана, на тот часъ будучого въ Чигринѣ, Василія Томиловича о при(ложеніе) печати.

Печатанъ въ Чигринѣ, сентября 26. . . . . .

. . . . . .ичъ, атаманъ чигринскій

. . . . . писар чигринскій, подписался

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. централ. архива.

Примѣч. Одинъ уголъ этого документа вслѣдствіе ветхости бумаги оторвался и утратился вмѣстѣ съ печатью.

IV.

Подписка вознаго Василія Сосницкаю въ томъ, что онъ, за время отъ 1590 г. по 1597, а потомъ и по 1606 г., пересматривалъ житомирскія гродскія книги съ цѣлью отысканія документовъ по дѣлу кіевскаго подчашаго Лаврина Лозки и дв. Адама Олизара-Волчкевича и, между прочимъ, жалобы Волчкевича на козацкаго гетмана Григорія Лободу, силою будто-бы вынудившаго у него продажу с. Сотниковъ, но ни этой жалобы, ни другихъ документовъ не нашелъ,— 12 сентября 1606 г.

Року 1606, мѣсяца сентября 12 дня.

На вряде его королевское милости замъку житомирского, передо мною, Даниелем Вышполским, подстароства житомирского, ставшы очевисто, возный енерал воеводства Киевского шляхетный Василей Сосницкий ку записованю до книг созналъ, водлуг того сознаня своего, квит под печатю и с подписомъ руки своее, писаный тыми словы, подал: Я, Василей Сосницкий, енерал возный, сознаваю тым моим квитом, иж року тепер идучого, тисяча шестсот шостого, месяца сентебра 12 дня, ревидовал есми книги житомирские, почавшы от року деветдесятого аж до року деветдесят семого, шукаючы справ, видимусов его милости пану Лаврину Лозце, подчашему киевскому, еслибы се коли его милость пан Адамъ Олизар Волчъкевич оповедал на Григоря Лободу, на он час гетмана козацкого, (иж онъ) Грегорему Лободѣ через мус, кгвалтъ маетност свою село Сошники продат якобы мел; а другое справы, естли теж о туюж маетност тот же его милость пан Олизар позвы якие по тогож пана Лозку через якогож бы колвекъ возного класти мел; а третее справы, естлибы панъ Ян Лозка кому част свою Жеребятинскую заставит мел; тых всих дей шукал естми справ в книгах замку житомирского, почавшы от року сего аж до року деветдесят семого, нижли жадное с тых справ не нашелъ; и на то есми дал сознане мое до книг врядовых замку житомирского под печатю моею и с подписомъ руки моее.

Писан в Житомиру, року 1606, месяца сентебра тогож выш описаного дня.

Которое очевистое сознане возного и квит его до книг врядовых замку господаръского житомирского принято и записано ест.

Кн. Кіев. центр. арх. № 10, л. 431 об., актъ 489.

V.

Запись о продажѣ Григоріемъ Фуртникомъ своего сѣнокоса на р. Роси козаку Канону Мазнюченку,—27 ноября 1649 г.

Року первая тысяча шест сот чотыри десят девятого, м—ца новембра двадцат семого дня.

Предо мною, Михайлом Ивахнюкомъ, на тот часъ пулковником наказным корсунским, при бытности товариства козаковъ, обывателев корсунских, меновате: Федоръ Теля, Левко Трохименко, Северинъ Федурченко, Иван Галченко, Остапъ Бгомолченко, ставши очевисто, Григоръ Фуртникъ, посполу з жоною своею Марьею Даниловною, признали доброволне тыми словы: Пане пулковнику и в. мл. (козаки и обыватели корсунскіе)! Признаваемъ то, ижъ есмо продали синожат свою власную, никому ни в чомъ не певную, на томъ боку Роси, противку Каменицы Конопови Мазнюченкови, козакови а обывателеви корсунскому, за суму певную копъ сорокъ личьбы литовскои; которая сума зараз от Конона вся сполне рукъ наших дойшла; которую то синожат вышъпомененную пущаемо Кононови до спокойного уживаня вѣчьними часы такъ ему самому, жони, яко и потомкомъ его; и вже от того часу сами себе отдаляемо, потомковъ наших и покревних наших, близькихъ и далекихъ; тымъ южъ писаннемъ нашимъ варуючи то, докладаемъ, еслибы кто колвекъ мил ея отозвати, задаючи турбацию Кононови за помененный проданный кгрунтъ, теди мы повинни будемъ в кождого суду своим коштом и накладом боронити и заступовати, що теды я, с товариствомъ своимъ вышъ помененымъ, чувши доброволное признане продажи помененихъ особъ, потребуючой сторони казалисмо на писми тот запис дати, с притисненем печати нашое и с подписом руки писарское.

Писанъ въ Корсуню, року и дня вышъписанного.

При печати моей казалемъ ся подписати: Михайло Ивахнюкъ, полкувник выпъ поменений корсунский наказный.—Лаврентый Григориевичъ, писаръ того листу, рукою власною.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. духов. академіи; въ „Описаніи рукописей" (вып. III, стр. 599) она означена подъ № 595.

VI.

Квитовая запись отъ имени запорожскаго регестроваго козака Ивана Водяника о томъ, что онъ, получивъ удовлетвореніе, прекращаетъ претензіи къ вильскому старостѣ, боярамъ. слугамъ и мѣщанамъ г. Вильска, принадлежащаго краковскому воеводѣ, за ограбленіе у него, подъ предлогомъ неплатежа мимоходщины, движимаго имущества при переселеніи его, въ декабрѣ 1649 года, изъ с. Черницы на Украину,— 2 мая 1650 г.

Року тисеча шестсотъ пятдесатого, мѣсяца мая второго дня.

На враде гродскомъ, въ замку его королевской милости житомерскомъ, предо мною, Даніелемъ Бильскимъ, наместникомъ житомерскимъ, становши очевисто, Иванъ Водяникъ, козакъ войска его королевской милости Запорозкого реестровый, для вписания до книгъ нынешнихъ гродскихъ житомерскихъ подалъ и очевисто призналъ листъ, добровольный записъ свой квитовый, съ печатю и подписомъ руки урожоного пана Ивана Грибовского, на местцу моимъ, яко писать неумеючого, за прозбою моею подписаное, такъ тежъ съ печатьми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, на подписе нижей меновапыхъ, отъ себе урожоному пану Янови Белецкому и иншимъ въ томъ квите нижей меновапымъ, въ речи нижей меновапой даный и служачій, въ чомъ ширей тотъ квитъ речь въ себе обмовляетъ. Которого подавши и во всимъ оного устнымъ очевистымъ и добровольнымъ сознанемъ своимъ ствердзивши и змоцнивши, просилъ, абы былъ принятъ и до книгъ уписанъ; а такъ я, вырядъ, оного пріймуючи, читаломъ, и такъ въ собе, письмомъ польскимъ писанный, маетъ:

Ja, Iwan Wodianik, kozak z wojska j. k. m. Zaporozkiego regestrowy, jako zeznawaiący, a ia, Jan Grzybowski, będąc od jaśnie

wielmoźnego jego mości pana woiewody kiiowskiego, commisarza, y od jego mości pana Bohdana Chmielnickiego, hetmana wojska jego królewskiey mości Zaporozkiego, starosty czyhiryńskiego, dla przysłuchania y przypatrzenia się czynienia dosyć pomienionemu Jwanowi Wodianikowi zesłany, co się mnie dotycze Wodianika, odstąpiwszy swey należney jurisdykticy y prawa woyskiego, a pod ten zapis móy kwitowny samego siebie, dobra, żonę y potomki moie cale poddaiąc, wiadomo czynimy i zeznawamy tym naszym kwitem, iż w roku niedawno przeszłym, tysiąc sześćset czterdziestym dziewiątym, pod czas swiąt ruskich Bożego Narodzenia, gdym szedł sz Czernice precz na Ukrainę przez miasto Wilsko, gdzie mi zabrano było w sposob mimochodszczyzny konie, bydło, suknie, pieniądze y insze fanty przez urodzonego jego miłość pana Jana Bieleckiego, starostę wilskiego, iako też przez szlachtę panów Jurewiczów Popławskich, takze boiarów obywatelów, w kluczu Wilskim mieszkaiących, sług jasnie oswięconego xięcia jego mości pana woiowody krakowskiego y mieszczan wilskich. A iż mi się od tych wszystkich wysz mianowanych osób we wszystkim w tym zabraniu do syt stało, tedy onych z odebrania wszystkich rzeczy czasy wiecznemi kwituie, wolnych czynie y drogę sobie do dochodzenia y znowienia y dalszego poparcia tey sprawy, także małzonce y potomkóm moim y inszym drogę na wszystkie przyszłe y potomne czasy zawieram.

Na co dla lepszey wiary y pewności uprosiłem od siebie, ponieważ sam pisać nie umiem, o podpis ręki jego mośc pana Jana Grzybowskiego, iako na tę sprawę od jego mości pana woiewody kiiowskiego y od jego mości pana hetmana ze mną zesłanego, który imieniem moim y swoim do tego kwitu rękę podpisał. Do tego uprosiłem postronnych przyiacioł, dla większego swiadectwa, sług wielmoźnego jego mości pana starosty żytomirskiego, do teyże sprawy ze mną zesłanych, na podpisie rąk niżey mianowanych, którzy, za ustną y oczewistą prozbą moią, będąc tego wszystkiego wiadomi, pieczęci swe przyłożyc y ręce podpisać raczyli.

Działo się w Wilsku, roku tysiąc sześćset pięćdziesiątego, miesiąca maia pierwszego dnia.

У того квиту при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: именемъ Ивана Водяника, который писати не умѣетъ, именемъ своимъ подписуюся: Иванъ Грибовскій, рукою власною.—Proszony pieczętarz

Marcin Tudorowiecki, ręką swą.—Proszony pieczętarz Piotr Klębowski.—Антоній Трубельскій, енералъ.

Который же то квитъ, за поданемъ, очевистымъ признанемъ вышъ меноваое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешнихъ гродскихъ житомерскихъ есть уписанъ.

Кн. Кіев. центр. арх. № 19, л. 200, актъ 151.

VII.

Добровольное соглашеніе запорожскихъ козаковъ братьевъ Супруна и Кирика Ступиченковъ о раздѣлѣ между собой мельницы на р. Роси, наслѣдованной отъ отца,—15 мая 1653 г.

Roku tysiąc szescset pięcdziesiąt trzeciego, dnia piętnastego miesiąca maia.

Przedemną, Maximem Nesterenkiem, pułkownikom woyska Zaporozkiego korsuńskim, przy bytnosci pana Lewka Bałakczyienka, ataman horodowy korsuński Misko Stadniczenko, Iwan Szangiryia, także y urząd mieski, mianowicie, Semen Bochniec, woit korsunski, Misko Cybulka, Andrey Skorobohacz, burmistrzowie korsunscy, y innych ludzi zacnych obywatelow korsunskich nie mało, stanowszy oczywiscie, przed nami sławetny Suprun Stupiczenko, kozak woiska Zaporozkiego, obywatel korsunski, zeznał przed nami wszystkimi tymi słowy, iż, panie pułkowniku y w. m. panowie sądowi, przyznawam ia to przed w. m., iż my, bracia rodzoni dwa s Kirykiem Stupiczenkiem, maiąc od oyca swego Wasilia Stupika młyn kupnym sposobem na rzecze Rosi na niższych łuhach za sume, iako w zapisie iest mianowano, nam od oyca danym,—tedy my, upatrzywszy rzecz słuszną, żeby między nami bracią turbacyi żadney nie było, uczynilismy ugodą taką między sobą, iż ia bratu swemu Kirykowi swoie polowice w tym młynie puscił czasy wiecznymi, a mnie na tymże gruncie postanowilismy drugi młyn zobopolno; tedy ia iuż powinien swego pilnowac, a Kiryk swego oyczystego, o ktory iuż nima miec żadnego przenagabania a ni turbacyi o te polowice tak ode mnie samego, iako od żony y potomkow moich czasy wiecznymi, ale go powinien zażywać tak sam, iako żona y potomkowie jego, spokoinie. Przy ktorej ugodzie naszey dobrowolnej

byli ludzie zacni, mienowicie, Hrycko Krywoboki y Hryn Kolos, kozacy woiska Zaporozkiego, obywatele korsunscy. Co my, słysząc dobrowolne zeznanie ugody braterskiey między sobą y kwitowanie ieden drugiego we młynach czasy wiecznymi, daiemy to pisanie nasze s przycisnieniem pieczenci pułkownickiey, także y woytowskiey, y s podpisem rąk.

Działo się w Korsuniu, roku y dnia z wysz mianowanego.

Максимъ Нестеренко, полковникъ, р. в.—Semen Bochniec, woit korsunski.—Stephan Stocki, pisarz mieski korsunskij. [м. п.]

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. духовн. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. III, стр. 599) она означена подъ № 595.

VIII.

Запись о продажѣ запорожскими козаками Василіемъ Куликомъ, Василіемъ Сопученкомъ, Андреемъ Зубенкомъ и Яскомъ Москалемъ половины своего наслѣдственнаго става въ с. Харьковцахъ, Переяславскаго полка, козаку Якову Пекулицкому,—21 мая 1655 г.

Року Божого тисеча шестсот пятдесятъ пятого, м-ця мая двадцят першого дня.

На вряде местском, в ратушу переяславском, передъ нами, Ѳеодоромъ Пашкевичемъ войтомъ, Михайломъ Григоревичемъ Ревою рочнымъ бурмистромъ, Кириломъ Красовскимъ, Кондратомъ Цевкою, Иваномъ Лавриновичемъ, Кириломъ Совоновичомъ, райцами, и іншими всѣми райцами и лавниками для суженя справъ местскихъ в том року зуполне заседаючими, персоналитеръ ставши, славетные панове Василь Куликъ, Васил Сопученко, Андрей Зубенко, Яско Москал, козаки войска его цар. вел. запорозкие, полку Переяславского, обывателе харковские, для записаня до книг писанних местских переяславских явне, ясне и доброволне сознали тыми словы, ижъ мы половицу ставу свого власного отчистого, ни въ чомъ никому непевную и незаведеную, на селе Харковцахъ, в певных межах и границах лежачую, намъ сукцесиве по небожчику отцу нашимъ спалую и належачую, и декретомъ его мл. пана Павла Тетери, полковника войска его цар. вел. Запорозкого переяславского, межи нами а Іваномъ Степановичемъ ферованым и учиненым, нам

присуженую, з греблею, з вольным ловенем рыбъ и зо всѣми пожитками и приналежностями, здавна и теперъ до того ставу належачими и з него преходячими, за певную готовую и рукодайную суму пенезей, то ест, за сто и десет золотых полскихъ урожоному пану Яковови Пекулицкому, козакови войска его цар. вел. Запорозкого полку Переяславского, ему самому, малжонце и потомком албо сукцессором его на вечност продалисмо и до жетельной поссесыей, вечистого держаня и уживаня, по одобраню од него тое всее суммы помененое, тую половицу ставу оному подали и поступилисмо; воленъ теды ест и будет менованый панъ Яковъ Пекулицкий тым ставомъ, яко своею власностю, шафовати и дыспоновати, кому хотечи продати, дати, даровати, заменити и записати и ведлуг найлепшого промыслу и уподобаня своего пожитки собе съ того ставу приспособляти и розмножати, в чом мы сами жадное перешкоды и перенагабаня въ держаню и уживаню оного ставу пану Яковови Пекулицкому, малжонце и потомкомъ албо сукцессоромъ его чинити и задавати не маемъ и не будемъ могли; а по насъ малжонкове и потомкове албо сукцессорове наши не маютъ и могти не будутъ и до жадное речи и найменшои до того ставу належачого утручатися и юж жадного вступу мы вси зобополне, и кождый з насъ особъ, и оденъ по смерти позосталый, не маем, и малжонки либо теж и потомки наши не мают часы вечными, але и овшемъ од вшеляких импедиментовъ правныхъ и неправныхъ, перешкод яких колвек и од кого колвек въ держаню и уживаню того ставу пана Якова Пекулицкого, любо теж кого колвек при нем и по нем держачого, заходячих своим власнымъ коштомъ и накладомъ у кождого суду, права и вряду обороняти и заступовати и тот ставъ уволняти и освобожати маемо и повинни будемо, а по насъ сукцессорове наши маютъ и повинни будутъ тыле кротъ, иле кротъ бы того потреба указовала, где и право свое, намъ на тот ставъ даное и служачое, до рукъ пану Яковови Пекулицкому отдалисмо и трансфундовали, а сами се с того ставу часы вечными зрекаемо так, иж жадного претексту собе самимъ, жономъ, а ни потомкомъ нашимъ не зоставуючи, а то подъ закладомъ другое таковое жъ суммы ста и десяти золотых полскихъ и под нагороженемъ шкодъ, за тымъ походячих.

И просилъ панъ Яковъ Пекулицкий, абы тое очевистое и доброволное сознане вышъ менованых особъ до книгъ было записано—

што и одержал; съ которыхъ и тот выписъ подъ печатю нашею местскою радецкою переяславскою и съ подписомъ руки писарское ест выданъ.

Писанъ въ ратушу переяславскомъ.

Михаилъ Борейковичъ, писаръ местский переяславский, р. в. (М. П.) Корыкговал с книгами, р. в.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей" (вып. I, стр. 162) она означена подъ № 216.

IX.

Выданная 28 марта 1646 г. выпись изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ отъ 30 іюня 1582 г. грамоты короля Сигизмунда-Августа отъ 13 марта 1571 г., подтвержденной королемъ Стефаномъ Баторіемъ отъ 20 февраля 1581 г., пп. Данилу Глѣбовину, Назару Тарасовичу и другимъ любецкимъ земянамъ на принадлежащія имъ дѣдовскія земли въ Любечскомъ старостве подъ условіемъ несенія ими военной службы,— 30 іюня 1668 года.

Року тисеча шестсотъ шестдесят осмого, месяца июня трыдцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его кролевской милости володимерскомъ, передо мною, Томашом Савицъким, наместником присяглым буркграбства и замъку володимерского, и книгами нинешъними кгродскими старостинскими, становъшы очевисто, урожоный панъ Марекъ Даничъ, екстрактъ з книг кгродских воеводства Киевъского, з уписанем в немъ листу его кролевское милости, або конъфирмации данины добръ певных од наяснейшого Стефана, короля полского, въ том же привилею, або конъфирмации, нижей инъсерованом, меновапым особомъ даный и с помененых книг кгродских киевъских автентыце выданый, для вписаня до книг нинешъних перъ облатамъ подалъ, так се в собе маючый:

Выпис с книг кгродских воеводства Киевского. Року тисеча пятъсотъ осмъдесят второго, месяца юня тридцатого дня. Пришедшы до вряду его кролевской милости, передъ мене, Остафия Ивановича Ружыньского, наместника воеводства Киевъского, зе-

меninъ господарский любецъкий на имя Данило Глебовичъ самъ одъ себе и од инъшых земян брати своее оповедалъ листъ данину его кролевской милости и просилъ, абы для часовъ пришлых оный лист у книги кгродские киевъские уведенъ и вписанъ былъ, который такъ се в собе мает:

Стефанъ, Божею милостю королъ полъский, великий князъ литовъский, руский, пруский, мазовецъкий, жомоицъкий, киевъский, волынский, подляский, инфлянский и кнежа седъмикгродское,—ознаймуемо тым листомъ нашым всим в обецъ и кожъдому з особъна, кому то ведатъ належытъ, ижъ указивал передъ нами земенин замъку нашого любецъкого Данило Глебовичъ самъ одъ себе и именем инных земянъ нашыхъ любецъких, брати своее, листъ славъное памети Жыкгмунъта-Августа, короля, продка нашого, за печатю коронною, с подписом руки велможъного Валентого Дебинского, канцлера коронного, имъ даный; в которомъ листе описует, ижъ королъ его милост потвердитъ имъ рачылъ тым то листом своим земъли тые, меновите в томъ листе описаные, которые они власными отчизными своими быт меновали и на которые листы привилея належачые од (царя) Московъского забраными а инъные огнем згорелые быт поведели, яко то все шырей и достатечней на томъ листе естъ описано, который слово од слова такъ се въ собе маетъ:

Жыкгмунтъ-Августъ, Божою милостью королъ полский, великий князъ литовъский, руский, пруский, мазовецкий, жмодцкий, киевъский, волынский, подляский, инъфлянский, панъ и дедичъ,—овнаймуемо тымъ листомъ нашымъ всим вобецъ и кожъдому з особна, кому того ведати належыт, нинешънимъ и на потомъ будучым; приходили до насъ земяне нашы замъку нашого любецъкого на имя: Назаръ Тарасовичъ, который держыт земълю. названую Селъчанскую; Милъко Бывалковичъ, который держыт земълю Кувечыцъкую и островъ Билъдянский, Смолигову и Серехову; Демид Карповичъ, который держыт земълю Селъчанъскую и Велитецъ и Семеничъ борокъ; Данило Глибовичъ Пероцъкій, который держытъ земълю Пероцъкую и островокъ Турисчъ и дуброву Черничына; Леско, Конъдрат и Демъко Даничи, которые держатъ земълю Пероцкуюжъ и остров Творыговъский и Кривицы; Богушъ Жогълин, который держыт земълю Гаврыловсчыну и роспашы свое дубровы Сереховъское и Быковъсчызны из тертежемъ за Песчою и селисче Голков; Василий Семеновичъ Неданъчыцъкий,

который держыт землю Пенезевъсчызну; Остапъ Юрковычъ, который держыт землю Голенасчовъскую; Богданъ а Лашко Репчычы, которые держатъ землю Пероцъкую и дуброву власного тертежа их противъ Кривицъ; Скугаръ Логвиновичъ, который держыт землю Обыймицкую; Федко Антоновичъ, который держыт землю Погорискую и Алексеевъскую; которых землъ выш описаных кожъдый з них зособна своее ку службе нашой военъной коня ставитъ; а ижъ дей листы и привилея, которые на тые земли свои отчызные мели, од неприятеля нашого Московъского з маетностями их забраные сутъ, а инъшые за погоренем од огня в них се зостати не могли,—и били намъ чоломъ, абыхмо тые земъли от отчызны моцю нашею господарскою потвердили и на то лист нашъ дати велели, за которым бы они тых землъ своих отчызных безпечъне они сами, дети и потомки их уживали, якожъ и староста наш тамошный любецъкий, урожоный Павелъ Ивановичъ Сапега, кашътелянъ киевъский, поспол з ревизорми нашыми тамошъними, о томъ за ними у причыне писали, поведаючы намъ то, иж они тых землъ своих отчызных здавъна ужываютъ и с того службу нашу военную годне и пожыточне на то Украине служат; а такъ мы, видечы прозбу их слушъную и маючы певную ведомост од старосты нашого тамошнего любецъкого, иж то их земли вижей описаные власная отчызна естъ, с которых они, з давных часовъ ужываючы, намъ, господару, с того служъбу нашу военную служат, з ласки нашое господарское тые вси вышей описаные имена и земъли их зо всим на вся, яко се тые земли их з давных часовъ сями в собе мают: з земълями, пашъными, з боры, лесы, сеножатми, с пасеками, з реками, з озеры, з бобровыми гоны и зо въсими належъностями и пожитки, которые здавъна ку тым землямъ их прислухали, тым выжей меneным земяномъ нашым любецкимъ потверждаемъ и умоцъняемъ тымъ нашымъ листом такъ, ижъ они тых своих вышъописаных землъ, яко власную свою отчызну, маютъ держати и ужывати они сами, жоны, дети и потомки их на вечъные часы, служачы и нам, господару, и Речы-посполитой, при том замъку нашомъ любецком служъбу нашу земъскую военную, по тому яко инные земяне замъку нашого любецъкого служат, и инъшых никоторых повинностий и роботъ до замъку нашого любецъкого полнити не повинны; вед же, если бы межы тыми земълями их выжей описаными земли, кгрунты албо якие пожытки и уходи, до того замъку нашого любецъкого здавна належачые, были, тые тепер и на потомъ ку замъку нашому держаны быти мают; а на сведецътво того всего вышъописаного и печатъ нашу коронную до

того листу нашого притиснути есмо росказали.—Дан в Варшаве, дня третегонадцат месяца марца, року Божого нароженя тисяча пятсотъ семдесят первого, а панованя нашого сорокъ второго.—Валенты Дебинский, писар.—Реляция велъможного Валентого Дебинского з Дебянъ, канцлера короны Полское.

Билъ намъ чоломъ пречоный Данило Глебовичъ сам од себе и именемъ инных земян замъку нашого любецъкого, меновите в листе короля Жыкгмонта-Августа писаных, абыхмо им листъ короля Жыкгмонта-Августа, продка нашого, и земли, меновите на ним описаные, потвердили им нашым листом; и такъ, мы, прислухаючыся прозбе их, лист вышъ описаный короля продка нашого и тые земъли, меновите на немъ описаные, которых если они здавна были и сутъ в ужываню и если то не ест противно праву посполитому, потверджамы и умоцънямы тым нинешъним листом нашым, хотечы то мети, абы тот лист помененого короля, продка нашого, во всих речах и артикулех, въ нем описаных, всюды и на кождом местцу был тое моцы и важъности, которые слушне водлуг права быт мает такъ, ижъ они тые вси вышъ описаные земли, яко власную отчызну свою, мают держат и ужыват они сами, жоны, дети и потомки их власные вечъными часы, служачы нам и Речы-посполитой при том замъку нашом любецком службу нашу земъскую военную, водлуг давного звычаю, по тому яко иная шляхта замку нашого любецъкого тым неуближаючы служат, ничыему праву и пожытком здавъна належачымъ до замку нашого любецъкого тым неуближаючы; а на сведецтво того всего вышъ описаного тот лист рукою нашою подписалисмо и печат нашу коронную до него притиснут росказалисмо.—Дан в Варшаве, на сейме валным коронным, дня двадцатого месяца февраля, року тисеча пятсотъ осмъдесят первого, а кролованя нашого року пятого.—Стефанусъ, рексъ.—Яхим Высоцъкий.

С которых книгъ выпис под печатю кгродскою киевскою року теперешънего тисеча шестсот сорок шостого, месяца марца двадцат осмого дня, ест выданъ.—Писанъ в Киеве.—Корыкговалъ (Иванъ?) Выговский.

У того экстракту печатъ кгродска воеводска киевъска ест притиснена, а подпис руки писарское в тые слова: Войтех Рылъский, войский житомирский, писар кгродскій киевъский.

Который же то екстрактъ, за поданем и прозбою вышъ речоное особы подаваючое, а за моим урядовымъ принятем, до книг нинешъних ест вписаный.

Кн. Кіев. центр. арх. № 1039, л, 1220, актъ 277.

ПОХВАЛА

ИСАІЋ БАЛАБАНУ

1611 г.

Сообщилъ А. И. Соболевскій.

Библіотека Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ владѣетъ большою рѣдкостью — спискомъ славянскаго перевода сочиненія Ѳеодора Авукара противъ еретиковъ, евреевъ и магометанъ, сдѣланнаго въ Острожскомъ греко-славянскомъ училищѣ въ 1611 году, слѣдовательно, въ то время, когда православная церковь въ южной Руси, лишившись большей части своихъ святителей, находилась почти въ отчаянномъ положеніи. Переводчикъ, по обычаю того времени, снабдилъ свой трудъ посвященіемъ одной изъ важныхъ духовныхъ особъ, оставшихся вѣрными православію, Исаіѣ Балабану, гдѣ недурно, хотя и очень осторожно, обрисовалъ тогдашнее положеніе церкви. Это обстоятельство, въ связи съ разсѣянными переводчикомъ немногочисленными, но важными историческими данными, въ связи съ его взглядомъ на способъ перевода съ греческаго языка на славянскій, побуждаетъ насъ издать изъ списка все то, что принадлежитъ переводчику: заглавіе, посвященіе и обращеніе къ читателю.

Объ имени и личности переводчика мы не знаемъ ничего. Единственное, что онъ сообщаетъ о себѣ, указаніе, что онъ — «одинъ изъ воспитанниковъ» Острожскаго училища, «потщавшійся даже въ Аравію», чтобы добыть греческій текстъ сочиненія. Сверхъ того, тонъ, которымъ онъ говоритъ съ Балабаномъ, показываетъ въ немъ человѣка немолодого и со значеніемъ, но стоящаго въ сторонѣ отъ событій, и позволяетъ думать, что онъ назвалъ себя воспитанникомъ Острожскаго училища лишь потому, что кончилъ въ этомъ училищѣ курсъ и во время труда надъ переводомъ имѣлъ къ нему какое-либо близкое отношеніе.

Рукопись, отлично сохранившаяся, какъ будто не имѣвшая совсѣмъ читателей, написана красивымъ уставомъ XVII вѣка. Она значится въ каталогѣ подъ № 317—697 [1]).

---

[1]) Эта рукопись упоминается въ „Библіологическомъ словарѣ“ П. Строева, стр. 120, 394.

Мы для изданія не нашли нужнымъ сохранять сокращенія, придыханія, ударенія и т. п., но сохранили орѳографію подлинника. Сверхъ того, имѣя въ виду искусственность изложенія, мы признали небезполезнымъ разставить знаки препинанія.

А. Соболевскій.

ПОХВАЛА ИСАІѢ БАЛАБАНУ, 1611 Г.

КНИГА БЛАЖЕННАГО ѲЕОДОРА,

НАРИЦАЕМАГО АВУКАРА,

ЕПИСКОПА КАРІЙСКАГО,

ПРОТИВУ РАЗЛИЧНЫХЪ ЕРЕТИКОВЪ,

ІЮДЕЙ ЖЕ И СРАЦЫНЪ,

ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ студеовъ училища Острозскаго греко-словенского преведена.

Ісаіа Балабанъ, архімандритъ уневскій и дерманскій, строитель всьмъ острозскимъ монастырем княжатіихъ милостей и блюститель епископіи львовскія.

ПРЕДИСЛОВІЕ

к пречестному, благочестивому и боголюбезному, в Бозѣ велебному, его милости господину отцу Ісаіи Балабану, архімандріту уневскому и дерманскому и строителю прочиихъ монастырей острозскихъ.

Корабль церковный великій в Бозѣ, честный господине, отче архимадрите, отнележе на сіе многомятежное море мирское испущенъ бысть, николиже отъ обуреванія различныхъ еретическихъ вѣтровъ упокоевается, но присно, аще и не истопаетъ, волнуется, и донележе плаваетъ, не престаетъ волноватися. Понеже мнози на богатьство в немъ лежащее непрестанно покушаются украсти и восхитити е тщащеся, коварьствомъ и навожденіемъ началозлобнаго и николиже истинъствующаго. На сій корабль ополчися Самосадскій, путь правды в ложное мнѣніе превращая. На сіе богатъство Киринфъ покусився, хотя украсти і испроврещи. Сей корабль безчисленіи разбойницы слова истиннаго, изъощряюще лести яко бритвы языки свои хулныя, тщащеся и опревратити. Но сей правленіемъ всесилныя руки и призираніемъ всевидящаго и недремлемаго она [1]) оного кормчія, иже бысть камень прекеканія и камень соблазны, о немже мнози преткнушася и даже доселе нѣцыи слову противляющіися претыкаются, пребысть цѣлъ и невредимъ, пловый оною водою, иже истекаетъ отъ источника жива; враждующеи же и ополчающеися нань, падше на камени, отъ негоже піяху, прошедшіи пучины морскія сокрушишася, и не могуще успѣвати и ни во чтоже его обратити, изблеваютъ глаголы хулныя, ими-же тщатся вред нанести [2]) в

[1]) Читай: ока.

[2]) Въ подлинномъ ошибочно: предпанести (ред.).

корабли оном̀ъ текущимъ, противу коихъ Господь и Кормчій оного корабля воиновъ своихъ ополчаетъ, возбуждая ихъ, даже отвращаютъ разбойническая ихъ нахожденія, і избираетъ сихъ, иже на подвигъ противу восстаютъ и дерзновеннѣ ополчаваются. Тщащеся Арій своимъ злоумнымъ мудрованіемъ въскочити ко оному кораблю и вредъ нанести; но кормчій всевѣдый постави противу ему воина, во еже отвратити, Афанасія бодроумнаго, отъ негоже отвращенъ и побежденъ бысть. Ополчи же ся противу сему Несторій, разбойническимъ нападеніемъ хотя пакостити. Но обличенъ бысть и отгнанъ Кириломъ богомудрымъ, еже ничтоже успѣти ему. И нападе Евномій духоборецъ, боритися хотя с симъ, иже вся препобѣждаетъ, напрязая лукъ свой на Сего, Иже паче всякаго навѣта и смысла человѣческа вышшій, мняще суемудреный, яко возмощи ему одолѣти. Но и противу сего воздвиже Василія божественнаго царское священіе, иже силою своею богомудренаго писанія отгна его и лукъ сломи. И никогда же сей корабль оставленъ бываетъ и презренъ. Но всегда, якоже обѣщася ему, спребываетъ и пребывати будетъ даже до скончанія вѣка неотступне, борителя якоже нѣкія вѣтрила, являя, иже ополчается [1]) о немъ и блюдутъ врученная имъ в немъ орудія. Отъ нихъ же единъ обрѣтается и Феодоръ, нарицаемый Авукаръ, епископъ карійскій, иже противу многимъ еретичествующим ополчашеся и нахожденія ихъ отгоняше, в пастырствѣ, званіи своемъ, немедля и бодръственнѣ и мужественнѣ сопротивляшеся противу невѣрнымъ несторіяномъ, северіяномъ, июдеомъ и махметаномъ, различним вопросомъ отъ нихъ наводимымъ отвѣщевая, егоже и писаніе даже до насъ доиде, отъ него-же разумѣти есть мощно, коего ученія бѣ и како остроумнѣ всѣмъ заграждаше уста, якоже отъ божественныхъ писаній, сице и отъ внѣшнихъ ученій, и якоже кто вопроси, сице скоро отвѣщеваше, ядъ еретически словесы своими, якоже нѣкимъ врачеваніемъ, отъ церкве прогоняше. Его же зѣло полезна церкви мнѣвъ быти, потщався даже во Аравію, и в ризѣ еллинской сущу ему, покусится въ словеньскую его облещи, даже приступенъ и нашему роду будетъ, во еже пользу нѣкую пріимати прочитающимъ его писанія. Не вси бо достизаютъ Еллады, вси же желаютъ онѣхъ, яже тамо. Бысть же сей божественный мужъ во время Василія Македонянина и Льва Премудраго, царей греческихъ, лѣта отъ воплo-

[1]) Читай: ополчаются.

щенія Бога Слова осмьсотъ седмьдесятъ шестаго, при патріарху Царяграда Игнатія и Фотія, папы же римскаго Андріана, внегда и срацынска ересь прозябе, возмущающи церковь и нападающи на стадо Христово, растерзающи е, внегда держава греческая отъ срацынъ пакость пріимаше, и овѣмъ начинающимъ востати, симъ же падати, в се время онъ бодрый и ученія исполненый епископъ кормило корабля оного, еретическими вѣтры обуреваема, держаше. Сицевого убо странника, отъ далнихъ странъ к намъ пришедша, его же азъ покусихся привести, ни единаго же судихъ сице быти страннолюбива и любочествующа сицевыхъ странниковъ и могуща сего удовлѣти, яко же господьство ти, на гощеніе къ боголюбію ти сего привожду, достойно бо разумѣвъ подобномъ с подобнымъ веселитися. Яко же онъ во оно время подвизашеся, сопротивляяся еретичествующимъ, и тебе всякъ зря видитъ не коснѣюща, но яко сплываеши бодро, тако и скормительствуеши в семъ карабли, подносиши вѣтрила, прилежиши стражи, блюдый, да нѣкако отъ обуреваній и нахожденій отъ иже нынѣ тщащихся его потопити во иступленіи [1]) пріидетъ. Не вотще пріялъ еси достоинство священьства но яже ти суть врученна во оградѣ оного Небеснаго Царя, пасеши добрѣ, ограды бо еси хранитель. Тѣм же всегда тщишися и прилежиши ономъ, егоже онъ отъ Самаріи пріиде [2]) во оную гостинницу, тщишися приложити нѣчто и отъ своихъ, чая, внегда возвратится иже всѣмъ воздаяй воздаянія. Злостраждеши о стадѣ Христовѣмъ, дѣло твориши благовѣстника, служеніе свое предъ всѣми извѣстно показуеши. Не стыдишися язвами, ниже узами братіи твоея, ихъ же претерпѣваютъ поношеніе, христіанство на себѣ носяще. Не изволилъ еси с прочими, ниже изволяеши египетскимъ сокровищемъ присѣдити, якоже нѣцыи сотвориша, оставльшеи Сиона. Болшее богатьство вмѣняеши поношеніе Христово, взирая на мздовоздаяніе. Не возбраняеши слово во время спасенія, не обинуешися лица, ниже устрашаешися сихъ, иже души не могущихъ убити, но паче оного, иже власть имать в геону воврещи. Не о себѣ ниже яже о тебѣ брежеши, но яже ближняго полезная. Се бо створи и началнѣйшій Пастырь, Учитель, иже пострада о человѣце, по писанному, не себѣ угоди. Обрѣтаешися истинный сынъ матере твоея, иже породи тя святымъ крещеніемъ. Убивати

[1]) Читай: во истопленіе.

[2]) Читай: приведе.

тщишися египтянина, обидящаго брата твоего, не терпиши поношенія его, но якоже свое вмѣняеши. Блаженъ бяше вѣкъ онъ, внегда посрамлени бываху еретичествующіи; но блаженнѣйши, яко имѣяше посрамляющихъ. Аще бо симъ не быти, ниже бы были когда побѣды; но понеже нужда приходитъ соблазномъ и ересемъ воставати всяко, кромѣ ополчающихся о немъ, ни едино же было бы различіе Христу съ Веліаромъ. И сему времяню блаженство достойно есть причитати, не зане отступленію быти грѣхъ ради, но яко обрѣтаются сопротивляющіися сему. Между коими, якоже нѣкій архистратигъ, впредъ ополчаешися и всѣмъ себе во образъ предлагаеши и не медлиши никогда же предстати, внегда время истязуетъ. Свидѣтельствуютъ о тебѣ и в приходящее свидѣтельствовати будутъ мнози грады и мѣста, идеже не обинуяся, яже достоитъ, глаголеши, утвержая братію свою и елико мощно заступая. Мнози быша онѣхъ временъ, внегда отъ ересей церковь возмущаема бываше, но токмо нѣкихъ вѣмы о ней поборителей, ихже слава никогда же померкнет, зане большее имъ тщаніе и дерзновеніе показовати. Мнози и нынѣ еще остаютъ, иже нарицаются сыны матере своея, но малы суть, яже истиннѣ о ней побораютъ. Господьству же твоему кто речетъ, яко стыдишися матере своея и слезъ ея не утоляеши? Всемъ бо явѣ, яко паче иныхъ со инѣми жалость ея в тебѣ остаетъ. Ревнуеши онѣмъ древнимъ отцемъ, ихже имена в книзѣ животнѣй суть написаны, иже и нынѣ суть почитаемы отъ родительницы своея церкве трудовъ ихъ ради и защищенія, яже о ней показоваше. И боголюбія твоего имя в русійскомъ родѣ не останется в долгія вѣки, но во образъ всѣмъ сіяти будетъ. В таковыхъ убо добродѣтелехъ свѣтящо господьство твое вѣдый, и яко ревнитель еси отеческой, и онѣхъ наслѣдуеши, отъ сихъ тебѣ единаго, глаголю, отцевъ, в сихъ странахъ никогда же бывша, в ризу рѣчи словенскія облекши, якоже жива, писаніе его предлагаю, с нимже бесѣдуя, судивъ, яко неполезна его церкви мнѣти будеши. Тѣмже молю любовнымъ лицемъ сего, господьство твое, изволивъ в себѣ дати сему мѣсто, пріими и с прочими писаніи, яже отъ богодухновенныхъ, причти и сего нова, якоже новодревня вмѣняя, чтя и лобызая. Таже здравствуй о Господѣ.

Во Острозѣ, во училищи къгрекословеньскомъ, мѣсяца марта въ 23 день, лѣта 1611.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Да не чюдишися, любезнѣйшій читателю, аще кая в настоящій книжицѣ мнят ти ся неразумна быти, се вѣдый, яко нраву рѣчи еллинскія послѣдовася. Се бо вси словенстіи преводницы сохраниша, даже ничтоже пременятъ, слово отъ слова еллиньской рѣчи послѣдоваша, да не послѣдующе нраву рѣчи словенскія истинны нѣчто погрѣшатъ. Им же и азъ послѣдуя, се сохранихъ. Ты же хотя извѣстно разумѣти, яже чтеши, не ленися испытнѣ и со тщаніемъ проити, даже разумна ти будутъ. Мнѣ же, молю, аще и погрѣшити нѣчто, яко человѣку случися, самъ исправивъ, прощеніе даруй. Таже здравствуй.

РУССКІЕ КОНФИДЕНТЫ

ВЪ

ТУРЦІИ и КРЫМУ

ВЪ 1765—1768 ГГ.

Сообщилъ А. А. Андріевскій.

Въ прошломъ столѣтіи свѣдѣнія о турецкихъ и татарскихъ «обращеніяхъ» получались чрезъ нарочно посылаемыхъ изъ Кіева офицеровъ, состоявшихъ въ распоряженіи кіевскаго генералъ-губернатора, какъ главнаго «пограничнаго командира», который письменно сносился со своими «дружелюбными пріятелями»—сосѣдями: ханомъ крымскимъ, сераскеръ-султанами татарскихъ ордъ и съ пашами бендерскимъ и очаковскимъ. Офицеры ѣздили всегда съ толмачами, которые, состоя при Кіевской губернской канцеляріи, сопровождали обыкновенно и рейтаръ, ежемѣсячно по очереди отправлявшихся въ Константинополь съ бумагами къ россійскому резиденту [1]). Посылаемые нарочно для развѣдыванія офицеры снабжались „приличными претекстами», письмами къ тѣмъ или другимъ властямъ, причемъ обыкновенно заѣзжали въ Запорожскую Сѣчь, откуда и получали особыхъ провожатыхъ.

Конечно, одного личнаго наблюденія при такихъ «развѣдываніяхъ», однихъ сношеній съ оффиціальными лицами было бы недостаточно. Сами эти посланцы должны были пріискивать на мѣстѣ такихъ «пріятелей», которые могли бы не только при личныхъ съ ними свиданіяхъ, но и путемъ переписки сообщать разнаго рода интересныя для русскихъ свѣдѣнія о турецкихъ и татарскихъ дѣлахъ. Такіе «пріятели» и находились въ различныхъ городахъ и нѣкоторые изъ нихъ за свое пріятельство получали не только случайные, единовременные подарки, но иногда и правильно установленное жалованье. Пріятельство это обставлялось, конечно, тайною, хранилось въ большомъ секретѣ, а самая переписка этихъ секретныхъ корреспондентовъ, или, какъ ихъ называли, «конфидентовъ», производилась иногда посредствомъ особаго шифрованнаго письма и пересылалась разными окольными путями.

Заграничными корреспондентами изъ турецкихъ и татарскихъ мѣстъ являлись нерѣдко и русскіе люди, проживавшіе въ этихъ мѣстахъ по своимъ купеческимъ дѣламъ. Такъ, напр., въ 1752-мъ году въ Крыму прожи-

---

[1]) См. мою статью „Кіевскіе толмачи" въ „Кіев. Стар." за 1889 г., № 5—6.

вали путивльскій купецъ Алексѣй Шестаковъ, нѣжинскій Николай Судаклей и малороссійскій купецъ роменскій житель Павелъ Таранъ [1]), которые и приходили въ г. Бахчисараѣ къ инженеръ-поручику Шемаеву, пріѣзжавшему туда для «развѣданія тамошнихъ обращеній». Въ Перекопѣ же приходилъ къ этому поручику въ гости проживавшій тамъ Полтавскаго полка значк. товарищъ Василій Гегела, имѣвшій «общій торгъ» съ туркомъ Кара-Магометомъ. Къ помощи этого Гегелы, между прочимъ, прибѣгалъ для секретныхъ «провѣдываній» и генералъ-поручикъ Черницовъ.

Упомянутый выше путивльскій купецъ Шестаковъ велъ торговлю въ Перекопѣ, Бахчисараѣ, Козловѣ и Кафѣ и имѣлъ въ этихъ городахъ своихъ прикащиковъ. Онъ, по словамъ поручика Шемаева, свободно владѣлъ татарскимъ языкомъ. Этого-то Шестакова и предлагалъ Костюринъ, управлявшій тогда Кіевскою губ., избрать въ секретные корреспонденты, находя, что это «можетъ всѣхъ другихъ постороннихъ вѣдомостей быть вѣрнѣе». Въ своемъ рапортѣ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ о результатахъ поѣздки Шемаева Костюринъ высказалъ мнѣніе, что можно бы даже придать Шестакову изъ Кіева рейтаръ, «которымъ повелѣть называться его служительми, дабы онъ чрезъ тѣхъ рейтаръ по развѣдываніи, что касаться будетъ къ высочайшему Ея Императорскаго Величества интересу, въ Кіев. губ. канц. присылать могъ, какъ время допуститъ, письменно или словесно, что, уповательно, легко ему, во осторожность высоч. Е. И. В. интересовъ, по тамошней его для купечества бытности, оное исполнять».

Но не эти корреспонденты изъ русскихъ же людей назывались собственно конфидентами и пріятелями: таковыми были мѣстные жители, занимавшіе извѣстное общественное положеніе и бывшіе преимущественно переводчиками.

Въ 1752 г. въ качествѣ такихъ секретныхъ корреспондентовъ упоминаются: въ Ягорлыкѣ—греческій священникъ Яній, въ Сорокахъ—паркалабъ Андронакій, въ Бендерахъ—писарь бендерскаго паши Базилій Молчанъ, въ Очаковѣ—писарь же паши Юрій Григоровъ.

Изъ письма Базиля Молчана къ Костюрину въ январѣ 1753 г. [2]) видно, что пригласилъ его къ секретной перепискѣ прапорщикъ Гребенниковъ. «Я сдѣсь писаремъ нахожусь, а упрошенъ отъ турковъ съ польской границы и живу у турчина Соттукула-аги, а сей турчинъ всѣмъ Бендеромъ мутитъ и пашу мало во что ставитъ, ибо съ ханомъ кореспондуетъ и всегда

---

[1]) Записки Одес. Общ. ист. и др., т. XIV, см. „Матеріалы для исторіи южно-русскаго края", стр. 258—263.

[2]) Ib., стр. 271.

крымская почта въ его состоитъ вѣдомствѣ». Указавъ на способы, коими онъ можетъ быть польщенъ, и сообщивъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, Молчанъ такъ заканчиваетъ свое письмо: «Я же и впредь приказы в. вш—ва исполнить пожелаю, только съ упованіемъ себѣ милости вашей, ибо для ихъ проклятыхъ дѣлъ не думалъ бы болѣе жить, какъ то мнѣ отъ его, невѣрного, и не доходило то, что должно было мнѣ быть; а наконецъ умилосердись, государь мой, воззрѣвъ на милость Божескую, дабы я не открытъ былъ съ секрета, ибо вѣчно могу пропасть, не столько тѣломъ, какъ душею. А ежели я отъ всепресвѣтлѣйшей имперіи не возъимѣю жалованья, то принужденъ буду всему дать покой и невѣрному служить, хлѣбъ его ѣвъ, дабы потомъ Богъ чѣмъ не наказалъ».

Переводчикъ очаковскаго паши Юрій Григоровъ, «породы греческой», родомъ изъ Бахчисарая, гдѣ имѣетъ отца, мать, жену и дѣтей, въ качествѣ лавочника-торговца, жилъ 10 лѣтъ въ Сѣчи Запорожской. Въ январѣ 1753 г. онъ предлагалъ черезъ вахмистра Тарасова, пріѣзжавшаго изъ Кіева съ письмомъ къ очаковскому пашѣ, свои услуги, какъ секретнаго корреспондента. «Ревнуя вѣрѣ христіанской, о вредительныхъ отъ турецкой и татарской сторонъ къ Россіи поступкахъ въ Кіевъ кореспондовать секретно» обѣщалъ, прося Тарасова сообщить объ этомъ «при командѣ въ Кіевѣ». Григоровъ не хотѣлъ только прибѣгать при отправкѣ своихъ писемъ къ посредству запорожцевъ: «хотя де и нужныя надобности будутъ въ Кіевъ писать потребны, только запор. старшинѣ, которая въ Очаковѣ будетъ, чтобы онымъ для отсылки въ Кіевъ вручать письма, въ томъ не вѣрить, да чтобъ они того, что онъ Россіи кореспондентъ, и не знали, просилъ прилежно». Однако, не смотря на такое недовѣріе къ запорожцамъ, Григоровъ и запорожскому полковнику открылъ свое желаніе быть русскимъ «кореспондентомъ», какъ это видно изъ репорта того же полковника: «Переводчикъ Григоровъ гречинъ на россійскую сторону склоненъ и одолжился, буде какіе секреты развѣдаетъ, объявить, только буде сіе въ добромъ секретѣ безъ малѣйшаго разглашенія содержано было» [1]).

Секундъ-маіоръ Мироновъ, посылаемый вице-губернаторомъ Костюринымъ въ 1755 г. въ Крымъ съ цѣлію, между прочимъ, ходатайствовать передъ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ россійской стороны какой авторизованной персоны», сообщаетъ въ своемъ журналѣ [2]) любопытныя свѣдѣнія о пріятельствѣ нѣкоего бахчисарайскаго грека Аникія, почасту проживавшаго въ Запорож. Сѣчи, а равно ханскаго переводчика Мегмета и приближеннаго къ хану старика Хали-хаджи.

[1]) Ibid., гл. XXVI.

[2]) Кіев. Стар.. 1885 г., февраль, ст. „Къ исторіи погранич. нашихъ сношеній съ Крым. ханствомъ".

Переводчикъ Мегметъ хорошо говорилъ по-русски, потому что, попавши въ плѣнъ мальчикомъ восьми лѣтъ въ 1757 году, долго проживалъ въ Россіи въ качествѣ прислуги у разныхъ офицеровъ, пока не попалъ къ капитану Кошелеву, который его крестилъ и хотѣлъ было уже записать за собой въ ревизію, въ подушный окладъ, какъ своего крѣпостнаго; тогда Мегметъ и бѣжалъ отъ него. Опредѣлившись въ сербскій гусарскій полкъ, онъ былъ въ немъ ротнымъ писаремъ, попался затѣмъ въ какомъ то преступленіи и содержался въ Москвѣ подъ карауломъ, но оттуда бѣжалъ и скрывался въ Нѣжинѣ у какого-то грека, который и выпроводилъ его тайно за границу. Былъ онъ затѣмъ годъ-два въ Запорожской Сѣчи и ходилъ не разъ съ козаками въ Польшу «для воровства», а изъ Сѣчи, наконецъ, бѣжалъ въ Бендеры къ своему отцу.

Приближенный къ хану Хали-хаджи былъ старикъ 60 ти лѣтъ. Сынъ красавицы-гречанки, которую ханъ взялъ къ себѣ во дворецъ, Хали-хаджи былъ съ дѣтства «побасурманенъ», но тайно исповѣдывалъ христіанскую вѣру и чрезъ грека Анакія (Янакія) немало раздавалъ тайно же денегъ по православнымъ церквамъ. Не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ правленія, Хали-хаджи пользовался уваженіемъ хана и, конечно, могъ быть полезенъ русскимъ въ роли «пріятеля». Передъ отъѣздомъ Миронова изъ Бахчисарая грекъ Янакій ему объявилъ: ежели де что будетъ противъ россійской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи обѣщался ему, Янакію, сообщать, а ежели ему, Хали-хаджи, возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій, что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бахчысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Сушилину, или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилинъ мало оттуда въ Россію и выѣзжаетъ, но по большой части въ Бахчысараѣ и въ прочихъ крымскихъ городахъ торгуетъ».

Указомъ Правит. Сената, отъ 21-го октября 1763 г., на имя кіевскаго генералъ-губернатора Глѣбова опредѣленъ былъ ему въ помощь «для управленія по Кіевской губерніи пограничныхъ дѣлъ» канцеляріи совѣтникъ Петръ Веселицкій, и указомъ отъ 11-го ноября того же года изъ Коллегіи Ин. Д. велѣно было учредить при Кіев. губ. канц. особую «секретную экспедицію», въ которой бы и сосредоточивались всѣ дѣла по заграничнымъ сношеніямъ. Существенною обязанностью этой экспедиціи являлось то, что обыкновенно заботило кіевскихъ генералъ-губернаторовъ, какъ «пограничныхъ командировъ»,—возможно болѣе исправное полученіе достовѣрныхъ извѣстій о разнаго рода «заграничныхъ обращеніяхъ» [1]).

[1]) Въ особомъ наставленіи Коллегіи Ин. Д. сказано, что „главной трудъ Веселицкаго при оной экспедиціи для вспоможенія ему, генералъ-губернатору Глѣбову,

Веселицкій прибылъ въ Кіевъ почти два года спустя послѣ своего назначенія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1765 г., и тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ подалъ Глѣбову мысль организовать правильныя сношенія съ «конфидентами», назначивъ имъ за исправную корреспонденцію опредѣленное жалованье. Одобривъ эту мысль, Глѣбовъ сдѣлалъ представленіе въ Кол. Ин. Д. о необходимости завести въ Очаковѣ, Бендерахъ, Могилевѣ и Яссахъ такихъ «пріятелей, которые бы о заграничныхъ обращеніяхъ и разглашеніяхъ извѣстія въ здѣшнюю сторону подавали», причемъ предлагалъ назначить каждому такому пріятелю годовое жалованье отъ 150 до 200 рублей.

Коллегія Ин. Д., одобривъ эту мѣру, ограничивъ лишь размѣръ жалованья цифрою отъ 50 до 150 р., представила о ней особый докладъ, который и получилъ высочайшее утвержденіе. Но въ томъ же 1766 г. Коллегія Ин. Д. сочла нужнымъ ограничить ревность Веселицкаго «къ изысканію многихъ пріятелей» и особымъ указомъ на имя оберъ-коменданта Ельчанинова предписала не слишкомъ увлекаться этимъ изысканіемъ и, главнымъ образомъ, воздерживаться отъ обѣщаній относительно вознагражденія. Тѣмъ не менѣе, сама же Коллегія разрѣшила вновь найденному Веселицкимъ въ Очаковѣ пріятелю Григорову выдавать, кромѣ обѣщанныхъ ему 150 рублей, еще столько же, т. е. удвоила предположенный ею высшій окладъ. Въ составъ «секретной экспедиціи», организовавшейся съ пріѣздомъ Веселицкаго, вошелъ въ ноябрѣ 1765 г. и надв. сов. А. Никифоровъ, бывшій до того нашимъ консуломъ въ Крыму. Онъ назначенъ былъ сюда главнымъ образомъ для веденія переписки съ «извѣстнымъ пріятелемъ» Якубомъ, съ которымъ сошелся еще въ Крыму.

Изъ реляцій кіевскаго генералъ-губернатора за 1768—69 годы [1]) видно, что въ это время секретными корреспондентами состояли, кромѣ

имѣетъ состоять въ томъ, дабы случающаяся отъ него, генералъ-губернатора, тако жъ и въ отсутствіе его отъ остающагося въ Кіевѣ главнаго командира, съ пограничными и отдаленными турецкими и польскими обывателями, и притомъ и съ обрѣтающимся въ Константинополѣ резидентомъ Обрезковымъ и въ Крыму консуломъ, да и съ находящимися на границахъ здѣшнихъ главными командирами, такожъ и въ Коллегію Ин. Д. корреспонденція о заграничныхъ обстоятельствахъ исправляема была съ лучшимъ порядкомъ и успѣхомъ; а особливо прилагалъ бы онъ, Веселицкій, съ вѣдома генералъ-губернатора, всевозможное стараніе о изысканіи удобныхъ способовъ къ благовременному изъ заграницъ турецкихъ полученію достовѣрныхъ извѣстій о всѣхъ тамошнихъ заслуживающихъ примѣчанія и уваженія происшествіяхъ" (Ист. мат. изъ архива Кіев. губ. пр., вып. 8, стр. 55).

[1]) Реляціи эти за 1768—69 г.г. напечатаны въ „Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нестора лѣт.", кн. VII; реляція за 1767 г. напечатана въ XVI т. „Записокъ Одес. Общ. ист. и др.", а нѣсколько реляцій съ 1766 г. помѣщается въ настоящей книгѣ.

нѣжинскаго грека Судаклея, по торговымъ своимъ дѣламъ проживавшаго по-долгу въ разныхъ крымскихъ городахъ, и священника м. Ягорлыка Ильи Сулимы, —очаковскаго наши переводчикъ Григоровъ, анонимный «могилевскій пріятель» и «извѣстный переводчикъ ханскій Якубъ».

Юрій Григоровъ былъ старый знакомый, какъ упомянуто выше. Для возобновленія съ нимъ сношеній генералъ-губернаторъ Глѣбовъ посылалъ въ сентябрѣ 1765 г. нѣкоего есаула Василія Рецетова, бывшаго запорожскаго козака, проживавшаго затѣмъ въ Ахтыркѣ, внушивъ ему, «какимъ образомъ оного переводчика сондировать, уговаривать, присягою обязать и какое потомъ для предосторожности и храненія секрета въ начинаемой и продолжаемой перепискѣ ему дать имѣетъ наставленіе». Рецетовъ вернулся въ Кіевъ въ апрѣлѣ 1766 г. и, заручившись обѣщаніями Григорова, привезъ отъ него и письмо на греческомъ языкѣ къ совѣтнику Веселицкому.

Журналъ Рецетова объ этой его поѣздкѣ, представленный имъ генералъ-губернатору, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, весьма любопытныя подробности о посвященіи имъ переводчика Григорова и о склоненіи его къ секретной перепискѣ.

Согласно съ указаніями Рецетова и желаніями Григорова, генералъ-губернаторъ установилъ безопасный для конфидента и вѣрный способъ пересылки его корреспонденцій. Сообщая объ этомъ въ своей реляціи отъ 7-го апрѣля, Глѣбовъ выражаетъ рѣшительное предпочтеніе новоприобрѣтеннаго конфидента передъ старымъ «пріятелемъ» Якубомъ, отъ «хитрыхъ и пронырливыхъ умысловъ» котораго предостерегаетъ Григоровъ. Вмѣстѣ съ Рецетовымъ ѣздилъ въ Очаковъ и нѣжинскій грекъ Судаклей съ цѣлію проѣхать оттуда въ Бендеры для пріисканія надежнаго «пріятеля» —корреспондента. Въ журналѣ своемъ онъ сообщаетъ весьма важныя по тогдашнему времени свѣдѣнія о настроеніи Едисанскихъ татаръ, недовольныхъ ханомъ и выражавшихъ желаніе искать русской протекціи. Но главная цѣль его поѣздки въ Бендеры достигнута не была: тамъ не нашлось способнаго «конфидента», такъ какъ всѣ христіанскіе обыватели, по словамъ Судаклея, «самые простые и весьма робкіе, къ такой важности неспособные люди». Объ очаковскомъ же «новомъ конфидентѣ», т. е. о томъ же Юріи Григоровѣ съ большой похвалой отозвался и пребывавшій въ это время въ Запорожской Сѣчи колежскій асессоръ Иванъ Чугуевецъ, которому поручено было Глѣбовымъ, между прочимъ, «сыскивать способы къ имѣнію въ Бахчисараѣ вѣрнаго и искуснаго человѣка изъ россійскихъ подданныхъ, который бы пріобрѣтаемымъ у тамошняго начальства кредитомъ способствовать могъ» какъ полученію вѣрныхъ свѣдѣній изъ Крыма, такъ и принятію вновь постояннаго консула.

Въ доношеніи своемъ отъ 31-го марта Чугуевецъ рекомендуетъ имѣть въ Бахчисараѣ двухъ человѣкъ русскихъ въ качествѣ депутатовъ отъ запорожскихъ козаковъ и указываетъ, какъ на людей способныхъ къ такой политической роли, на есаула Василія Рецетова и полтавскаго мѣщанина Павла Руденка, при чемъ сообщаетъ объ этихъ лицахъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, объ ихъ давнемъ знакомствѣ съ Крымомъ и Царьградомъ.

Чугуевецъ, оказывается, давно уже знакомъ былъ съ очаковскимъ переводчикомъ, а потому «за долгъ себѣ почелъ» въ своемъ доношеніи засвидѣтельствовать, что этотъ конфидентъ вполнѣ «надеженъ и способенъ» и можетъ сообщать не только очаковскія новости, но и «отъ Бендеръ и и другихъ мѣстъ важнѣйшія извѣстія доставлять».

Григоровъ увѣрялъ, а къ увѣреніямъ его съ довѣріемъ отнеслись и Чугуевецъ и Рецетовъ, что онъ «не для собственнаго своего интереса, но по особливой, отъ единовѣрія вліянной въ сердце его къ Россійской имперіи преданности», берется за секретную корреспонденцію. Онъ считалъ себя какъ бы связаннымъ присягою съ Россіей, такъ какъ, бывши еще мальчикомъ въ Запорожской Сѣчи, одновременно съ козаками, присягалъ въ церкви. Въ качествѣ переводчика онъ получалъ 300 левковъ жалованья, носилъ, «въ знакъ султанскаго къ нему благоволенія,» зеленую шапку, имѣлъ дозволеніе держать въ Очаковѣ шинки, вообще былъ человѣкъ состоятельный и пользовался почетомъ. Переписка съ такимъ человѣкомъ, по самой должности своей близко стоявшимъ къ дѣламъ политическимъ, представляла, конечно, большой интересъ.

При посредствѣ кіевскаго мѣщанина Бѣлявскаго, который велъ торговлю въ турецкихъ областяхъ, пріобрѣтенъ былъ надежный конфидентъ и въ г. Могилевѣ. Это былъ, по сообщенію генералъ губернатора въ реляціи его отъ 7-го апрѣля 1766 г., «знатной и богатой купецъ» грекъ Іоаннъ Николаевъ Кафеджи, съ которымъ уже и раньше былъ знакомъ Веселицкій, пользовавшійся его услугами во время прусскаго похода.

Этотъ «могилевскій пріятель», какъ его обыкновенно называли въ доношеніяхъ и реляціяхъ, писалъ, какъ видно, довольно часто о дѣлахъ молдавскихъ, польскихъ, турецкихъ и крымскихъ (см. реляціи 1767 г. №№ 10, 11, 23;—1768 г. №№ 12, 79;—1769 г. №№ 46, 55). Инкогнито его, очевидно, строго соблюдалось и въ реляціяхъ генералъ-губернатора имя его ни разу не названо. Неизвѣстно и то, какое онъ получалъ вознагражденіе за свое пріятельство. Въ октябрѣ 1768 г. послано ему было «по его прошенію на проѣздныя издержки для приласканія тридцать рублей», при чемъ сов. Веселицкій писалъ ему «о прилежномъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ продолженіи кореспонденціи, съ такимъ при томъ найсильнѣйшимъ обнадеженіемъ, что вѣрныя его услуги безъ высочайшаго въ свое

время награжденія всеконечно оставлены не будутъ». Изъ одного письма этого могилевскаго пріятеля видно, что онъ не ограничивался сообщеніемъ свѣдѣній, какія могъ имѣть на мѣстѣ, но ѣздилъ напр. и въ Яссы для «провѣдываній» (рел. 1768 г. №№ 66 и 79). Доставляемыя имъ свѣдѣнія, какъ свидѣтельствуетъ о томъ не разъ въ своихъ реляціяхъ генералъ-губернаторъ, всегда согласны были съ получаемыми и изъ другихъ источниковъ и съ дѣйствительностію, почему ему и оказывалось, какъ видно, значительное довѣріе; такъ, въ 1769 г. генералъ-губернаторъ поручилъ ему (рел. № 46) послать отъ себя извѣстныхъ ему вѣрныхъ людей въ главную турецкую армію «для развѣданія, какъ о тамошнихъ обстоятельствахъ, такъ о состояніи и числѣ главной подъ предводительствомъ верховнаго визиря арміи». Порученіе это онъ, дѣйствительно, исполнилъ удовлетворительно, приславши затѣмъ обстоятельныя свѣдѣнія по указанному вопросу.

Едва ли не самымъ важнымъ «конфидентомъ» русскимъ въ Крыму былъ нѣкій Якубъ-ага, состоявшій при ханѣ Крымъ-Гиреѣ переводчикомъ. Пріятельство его, какъ упомянуто выше, началось во время пребыванія въ Бахчисараѣ, въ качествѣ россійскаго консула, маіора Никифорова. Тогда уже ему уплачивалось опредѣленное, довольно значительное жалованье въ количествѣ 900 р. въ годъ. Это былъ, конечно, хорошо ознакомленный вообще съ крымскими дѣлами человѣкъ, и его «пріятельство» имѣло большой интересъ. Къ его словамъ прислушивались. Одинъ запорожскій старшина Недзѣльскій, пріѣзжавшій въ 1762 году къ хану Крымъ-Гирею съ письмами кошевого атамана, счелъ нужнымъ сообщить любопытныя слова Якуба, сказанныя имъ по поводу совершившейся въ Россіи перемѣны царствованія: «счастливо де ваше войско,—говорилъ Якубъ въ откровенной бесѣдѣ съ Недзѣльскимъ,—и все сегобочное поселеніе, что въ Россіи извѣстная перемѣна сдѣлана, а какъ бы такъ не перемѣнилось, то бъ государь бывшій запорожскія и всѣ сегобочнія земли хану крымскому жаловалъ, а запорожцы за Кубань переведены бъ были, и уже де обѣщалъ» [1]).

При ханѣ Селимъ-Гиреѣ въ 1765 г. Якубъ-ага былъ назначенъ дубосарскимъ гетманомъ. Въ виду этого предписано было указомъ Кол. Ин. Д. Никофорову хорошенько освѣдомиться, можетъ ли Якубъ при этомъ новомъ своемъ положеніи по прежнему вести переписку и сообщать нужныя о крымскихъ дѣлахъ свѣдѣнія? и велено, во всякомъ случаѣ, «воздержаться отъ поданія ему новыхъ увѣреній о произвожденіи пенсіи». А между тѣмъ содѣйствіе такого человѣка, какъ Якубъ-ага, признавалось особенно необходимымъ теперь, когда русское правительство настойчиво добивалось воз-

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и др., т. XIV, „Матеріали для исторіи южнорус. края", стр. 392—395.

становленія русскаго консульства въ Крыму. Хотя ханъ Крымъ-Гирей рѣшительно отказался принимать другого консула послѣ того, какъ маіоръ Никифоровъ, впервые назначенный въ эту должность, не сумѣлъ упрочить своего положенія и былъ отозванъ въ 1764 г.; но съ перемѣною хана это рѣшеніе могло измѣниться. Новый ханъ Селимъ-Гирей, вручая поручику Климовскому отвѣтное свое письмо къ генералъ-губернатору Глѣбову, выразился, между прочимъ, такъ, что де «еслибъ россійскій консулъ не такъ себя повелъ, но жилъ порядочно, какъ дружба и благопристойность того требовали, то бъ оной понынѣ, въ своемъ характерѣ находись, малоправныя происшествія и обиды безъ дальнихъ хлопотъ и причиненія главной командѣ затрудненій рѣшать могъ». Въ этихъ словахъ усмотрѣна была «оного хана податливость и нѣкоторая склонность къ принятію нашего къ себѣ консула», и данъ былъ генералъ-губернатору Глѣбову высоч. указъ, отъ 16-го апрѣля 1766 г., о посылкѣ въ Крымъ искуснаго человѣка, который бы склонилъ хана принять вновь русскаго консула, при чемъ посланный долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ Якуба. Порученіе это возложено было на опытнаго офицера и давняго знакомца Якубова капитана Бастевика [1]), который долженъ былъ, отправляясь въ Бахчисарай съ письмомъ къ хану, заѣхать подъ благовиднымъ предлогомъ въ Дубосары и повидаться предварительно съ Якубомъ, посовѣтоваться съ нимъ о способахъ достиженія желанной цѣли. Бастевикъ долженъ былъ внушить Якубу, что его содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ «въ особливое уваженіе примется и по желательномъ возстановленіи въ Крыму нашего консула онъ получитъ себѣ пристойное награжденіе». Въ указѣ предписывалось Глѣбову отправить съ Бастевикомъ пріятелю Якубу опредѣленный ему пенсіонъ за цѣлый годъ, т. е., 900 рублей, «ибо маіоръ Никифоровъ до выѣзду своего изъ Крыму ему, Якубу, оного выдалъ по 1-е мая прошлаго 1765 г., почему толикое число ему нынѣ и получить слѣдуетъ; а впредь оной производить поудержаться до нашего указа».

Въ донесеніи кап. Бастевика отъ 25-го мая находимъ любопытное описаніе свиданія его съ Якубомъ въ Дубосарахъ,—свиданія, обставлен-

[1]) Ibid., стр. 397. Бастевикъ уполномоченъ былъ, въ случаѣ надобности, подкупить кого либо изъ приближенныхъ хана ради принятія консула, а то и самому хану пообѣщать подарки. „Когда же Бастевикъ усмотритъ, что и при ханѣ никакіе другіе побудительные резоны на малѣйшаго дѣйствія имѣть не могутъ безъ златаго доказательства о пользѣ и надобности пребыванія въ Крыму нашего консула, въ такомъ случаѣ онъ, Бастевикъ, можетъ въ крайней конфиденціи ханскому наперснику внушить, что если его принципалъ поскорѣе сіе дѣло въ здѣшнее удовольствіе рѣшитъ, то ему въ благодарность за то отсюду пришлется съ посылаемымъ къ нему новымъ здѣшнимъ консуломъ тысяча червонцевъ и два мѣха: одинъ соболій, а другой лисій, или подобное, что ему, хану, самому угодно будетъ".

наго равнаго рода предосторожностями, имѣвшими цѣлію всячески скрыть отъ мѣстныхъ жителей «пріятельство» Якуба, который и въ письмѣ своемъ высказываетъ опасеніе, «не случилось бы съ нимъ какого несчастія или подозрѣнія»

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1766 г. Якубъ, тогда дубосарскій воевода, прислалъ въ Кіевъ особаго посланца съ письмомъ къ генералъ-губернатору, спрашивая, нужны ли его дальнѣйшія услуги, какъ секретнаго корреспондента. «О всѣхъ происхожденіяхъ въ Россіи и Польшѣ мнѣ самому поручено хана увѣдомлять», писалъ онъ въ этомъ письмѣ. Но сущность дѣла прекрасно понялъ оберъ-комендантъ Ельчаниновъ, въ реляціи своей отъ 18-го апрѣля сообщавшій, что де «сколько сей пріятель въ письмѣ своемъ ни остерегался о собственномъ его интересѣ что-либо упоминать, прикрашивая оное разными извѣстіями и найсильнѣйшими увѣреніями о его нелицемѣрной преданности до скончанія жизни, столько больше алчность и нетерпѣливость его къ полученію обѣщаннаго ему знатнаго пенсіона изъ другаго къ кап. Бастевику письма и реестра примѣтить можно; слѣдовательно, и главной предметъ посылки нарочнаго не въ иномъ состоялъ, но въ вырученіи искуснымъ образомъ того пенсіона».

А при письмѣ къ Бастевику Якубъ приложилъ реестръ тѣхъ покупокъ, которыя просилъ онъ для него сдѣлать въ Кіевѣ, но которыя сдѣланы не были. Несмотря однако на эту алчность и подозрительное поведеніе Якуба, его пріятельство имѣло тогда особую цѣну. О значеніи Якуба въ Крыму достаточно свидѣтельствовалъ журналъ есаула Рецетова, обратившій на себя особое вниманіе Коллегіи Ин. Д. и вызвавшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Воейкова, отъ 15-го августа 1766 г. (см. №№ IX и XXII). Оказывается, что Якубъ, «яко хитрой и пронырливой человѣкъ своими представленіями въ великой кредитъ вошелъ» у хана Селимъ-Гирея, котораго тогда старалась всячески приласкать Порта; а отъ хана Якубъ былъ «всѣмъ министрамъ Порты рекомендованъ». Пользуясь случаемъ, Якубъ представилъ проектъ заселенія границъ отъ р. Синюхи до Палѣева озера христіанскими выходцами. Проектъ этотъ былъ одобренъ Портою, а Якубу было поручено главное начальство надъ этими новопоселяемыми слободами, при чемъ «для прикрытія сего намѣренія отъ сосѣдственныхъ державъ приказано Якубу разгласить, что всѣ слободы ему на откупъ отданы». Такъ какъ выходцами, о привлеченіи которыхъ заботился Якубъ, являлись, главнымъ образомъ, малороссіяне, то вопросъ объ этихъ поселеніяхъ не могъ не обратить на себя вниманія русскаго правительства. Воейкову предписывалось обстоятельно развѣдать, «подлинно ль такое селеніе по его, Якубову, предложенію дѣлается и въ самомъ ли дѣлѣ оное ему поручено, да и о вызовѣ людей прилагаетъ ли онъ ста-

раніе, или же оное по другимъ какимъ неизвѣстнымъ здѣсь обстоятельствамъ и несправедливо на Якуба сказано». Но въ слѣдующемъ 1767 г. Якубъ уже оставилъ Дубосары и вновь прибылъ въ Бахчисарай и по прежнему вступилъ въ свою должность «главнаго переводчика и экспедитора иностранныхъ дѣлъ».

Генералъ-губернатору предписано было особымъ рескриптомъ возможно чаще переписываться съ Якубомъ, «наполняя письма ласковыми и дружескими къ нему отзывами, паче по тому, что онъ нынѣ, находясь паки при ханѣ крымскомъ въ дѣлахъ, до пограничности касающихся, не только нужнымъ для того признавается, но и надежнѣйшихъ отъ него увѣдомленій о всѣхъ обращеніяхъ ожидать должно». Въ виду этого требованія отправленъ былъ 6-го марта къ Якубу тотъ же кап. Бастевикъ, «яко знакомѣйшій ему и надежнѣйшій изъ здѣшнихъ офицеровъ, для распоряженія и установленія съ нимъ порядка, какимъ каналомъ удобнѣе и вѣрнѣе, по отдаленности отъ границы, письма его ко мнѣ отправлять». Извѣщая объ этой посылкѣ, генералъ-губернаторъ писалъ въ своей реляціи: «Но какъ ему, Якубу, въ пересылкѣ писемъ на всякаго запорожца или малороссіянина, за торговымъ промысломъ въ Бахчисараѣ находящагося, надежно положиться не можно, паче ли въ такой важной перепискѣ, то кап. Бастевику приказано ему объявить: когда онъ по преданности своей о чемъ либо увѣдомлять за потребно признаетъ, а знаемыхъ добраго состоянія людей изъ подданныхъ В. И. В. въ Бахчисараѣ не найдетъ, то въ такомъ случаѣ письма свои безъ потерянія времени отправлять съ нарочнымъ своимъ вѣрнымъ человѣкомъ до коменданта Новосѣченскаго ретраншамента, отъ котораго оныя ко мнѣ вѣрно доставлены быть имѣютъ. А сверхъ того, кап. Бастевику поручено съ нимъ, Якубомъ, посовѣтовать: не признаетъ ли онъ по обстоятельствамъ времени за удобно возобновить у хана крымскаго прежнія требованія о возстановленіи россійскаго въ Бахчисараѣ консула,» и т. д.

Пріятельство Якуба было далеко не надежно, и на это являлись уже довольно частыя указанія. Въ письмѣ грека Судаклея, отъ 2-го апрѣля 1767 г., сообщалось, что «въ бытность его въ Бахчисараѣ примѣтилъ онъ, что французскій консулъ старается переводчика Якуба дружбу пріобрѣсть и что служитель Якубовъ ему заподлинно сказывалъ, что, кромѣ другихъ подарковъ, кои французскій консулъ его господину часто присылаетъ, недавно двѣсти червонныхъ ему подарилъ» (рел. № 11). Въ высоч. рескриптѣ ген.-губ. Воейкову, отъ 22-го марта 1767 г., поручается, между прочимъ, основательнѣе разузнать, «въ какомъ кредитѣ нынѣ находится у хана Якубъ и сколько на его вѣрность мы полагаться можемъ, ибо съ нѣкотораго времени сомнѣваться о томъ причину имѣемъ».

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1767 г. ханъ крымскій Селимъ-Гирей былъ низложенъ Портою, а назначенный ею Арсланъ-Гирей, заболѣвъ въ Каушанахъ, умеръ 19-го мая; на ханство возведенъ былъ Максутъ-Гирей. Ко времени пребыванія Арсланъ-Гирея въ Каушанахъ относится одно весьма любопытное письмо Якуба (рел. 1767 г. № 15), который жаловался на интриги враговъ, вооружившихъ противъ него новаго хана, обвинившихъ его въ томъ, что онъ «къ Россіи весьма склоненъ и нѣкоторую секретную съ Россіей имѣетъ переписку». Якубъ, «подкупивъ ханскихъ любимцевъ», узналъ о причинѣ ханскаго гнѣва, возбужденнаго, главнымъ образомъ, соперникомъ Якуба Турнадзіемъ, желавшимъ занять его мѣсто. «Но Творецъ Неба, имѣетъ о всѣхъ свое всемогущее попеченіе, не желаетъ гибели невиннаго, но паче справедливыхъ возвышать и милостію своею подкрѣплять пріобыкъ»,—такъ писалъ «пріятель», пріобыкшій къ составленію реторическихъ бумагъ. Оказалось, что весь народъ засвидѣтельствовалъ хану невинность и увѣрилъ въ честности» Якуба, хотѣвшаго уже совсѣмъ отказаться отъ службы. «Хотя нынѣшняя моя должность вовсе мнѣ не нужна была, но на зло моимъ непріятелямъ и во удовольствіе ханскаго требованія, которой самъ ко мнѣ съ тѣмъ отозвался, принужденнымъ себя нашелъ въ правленіе округовъ Каушанскаго, Домбагарскаго и Балцанскаго вступить».

О дѣлѣ, которое больше всего интересовало русскую власть, о принятіи вновь русскаго консула, Якубъ «еще не дѣлалъ опыту, опасаясь подозрѣнія, что онъ россійской пріятель», а между тѣмъ, сообщая незначительныя новости, неизмѣнно повторяетъ о своей «постоянной и справедливой услугѣ Россійскому двору, и что о дѣлахъ, до Россіи принадлежащихъ, всегда справедливо увѣдомлять имѣю, столь наипаче, что имѣю случай продолжать переписку, будучи близъ границы, безъ всякаго сумнѣнія». Сообщая, что онъ намѣренъ перевезти къ себѣ и семью свою изъ Крыма, гдѣ у него сгорѣлъ домъ, а строиться вновь тамъ онъ не желаетъ, Якубъ въ заключеніе пишетъ: «Еслибъ, чего Боже сохрани, случилось со мною такое несчастіе, что по оклеветаніямъ злыхъ людей пришелъ бы я у хана въ немилость, какимъ образомъ могъ бы я искать убѣжища въ Россійское государство и какая бы мнѣ протекція и милость Россійскаго двора была показана? о томъ меня милостиво увѣдомить прошу, дабы я, въ случаѣ несчастія, на протекцію и милосердіе Россійскаго двора совершенно положиться могъ».

Въ реляціи отъ 3-го іюля 1767 г. генералъ-губернаторъ сообщаетъ, что Якубъ проситъ присылки къ нему пенсіона впередъ за два года «для поправленія его обстоятельствъ, удостовѣряя, что онъ, яко присяжной слуга, не премкнетъ сію высочайшую милость своею вѣрною заслужить

службою»; но, по мнѣнію генералъ-губернатора, съ этою пересылкою пенсіона слѣдуетъ «обождать, пока заподлинно усмотрится, къ какой онъ отъ нынѣшнаго хана опредѣлится должности и въ какомъ находиться будетъ кредитѣ» [1]).

Но Якубъ для полученія своего пенсіона прибѣгъ къ довольно нахальному средству: онъ просто ограбилъ русскаго купца Федора Бондарева, насильно отнявъ у него товаровъ на 1869 р. въ счетъ своего пенсіона, какъ это видно изъ реляціи генералъ-губернатора отъ 22-го августа 1768 г. (№ 47). Отнявши товары на указанную выше сумму у Ф. Бондарева, Якубъ однако выдалъ ему на эту сумму вексель и письмо къ надв. сов. Никифорову, котораго крайне просилъ уплатить по этому векселю въ замѣнъ выдачи пенсіи. Находя, что «сія Якубова наглость совершенно страсть его къ сребролюбію оказываетъ», генералъ-губернаторъ приказалъ Никифорову написать» Якубу, «что такой его странной поступокъ съ скромностію и съ осторожностію, каковы онъ, Якубъ, для цѣлости своей наблюдать долженъ, ни мало согласоваться не можетъ, но паче его, Никифорова, во удивленіе привелъ, что онъ, Якубъ, будучи и безъ того уже отъ хана крымскаго, по доносу его непріятелей, подозрѣваемъ, отважился такому человѣку, каковъ купецъ Бондаревъ, поводъ подать о преданности и перепискѣ его догадываться, чѣмъ онъ себя горшему подвергнуть можетъ несчастію, нежель предъ недавнимъ временемъ попался было, и потому онъ, Никифоровъ, яко истинной его пріятель, принужденъ былъ купцу Бондареву въ платежѣ по векселю его отказать, надѣясь тѣмъ вредную догадку его истребить».

Въ реляціи отъ 3 сентября генералъ-губернаторъ уже пишетъ, что на Якуба, «какъ видно, ни въ чемъ положиться нельзя, когда онъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ коихъ переписка его нѣсколько и нужна, совсѣмъ замолчалъ».

Служившій у Якуба писаремъ Яковъ Поповичъ, о которомъ будетъ сказано ниже, сообщая о «недоброжелательствѣ Якуба къ Россійской имперіи», представилъ, между прочимъ, и одно письмо его къ «маршалкамъ конфедераціи». Затѣмъ и кап. Бастевикъ въ журналѣ своемъ изобразилъ «разные сего мнимаго нашего пріятеля зловредные здѣшнему двору поступки, а непріятелямъ нашимъ крайнюю преданность». Гр. Паninъ по этому поводу сообщилъ Воейкову, что имѣются и «другія причины подозрѣвать Якуба, что онъ въ такихъ же обязательствахъ и съ пребывающимъ въ Крыму французскимъ эмисаромъ Тотомъ находится, какъ и съ нами», и потому де и съ посылкой ему пенсіи надо поудержаться «до лучшаго всего того объясненія».

[1]) По поводу этого домогательства Якуба послѣдовалъ особый высоч. рескриптъ на имя генералъ-губернатора Воейкова отъ 31-го августа 1767 г.

Въ реляціяхъ генералъ-губернатора за 1769 г. ни разу уже не упоминается о Якубѣ, почему и можно думать, что и извѣстій отъ него не было, т. е., и пріятельство его кончилось. Изъ сообщенія же кап. Бастевика, вернувшагося въ Кіевъ изъ плѣна 13 февраля 1769 г., видно, что онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ арестованъ былъ въ Каушанахъ именно пріятелемъ Якубомъ.

Вышеупомянутый Яковъ Поповичъ (называемый затѣмъ, вѣроятно, по отчеству, и Федоровымъ) являлся лично къ генералъ-губернатору Воейкову, объѣзжавшему Елисаветградскую провинцію въ 1767 г., съ заявленіемъ своего желанія «по единовѣрію» служить Россіи и сообщать въ письмахъ къ знакомому ему кап. Бастевику «извѣстія о тамошнихъ обращеніяхъ». Это было въ Орловской слободѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ голтянскимъ каймаканомъ въ качествѣ его писаря или переводчика. Капитанъ Бастевикъ, „для лучшаго на то его преклоненія и надежностій", взялъ тогда же съ собой въ Кіевъ двухъ его братьевъ, которые и были опредѣлены въ Академію.

Этотъ то новый конфидентъ и сообщалъ весьма важныя новости о приготовленіяхъ турокъ къ войнѣ, почему генералъ-губернаторъ Воейковъ, отправляя въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1768 г. кап. Бастевика въ Крымъ, приказалъ ему непремѣнно заѣхать въ Дубосары «для свиданія съ Поповичемъ и склоненія оного къ частой перепискѣ». Но 23 ноября того же года Поповичъ, «по дѣйствительномъ узнаніи Якубова недоброжелательства къ Россійской имперіи», оставилъ свою службу у него и прибылъ въ Кіевъ съ намѣреніемъ поступить въ русскую службу, при чемъ представилъ и записку о крымскихъ и турецкихъ дѣлахъ, которую Воейковъ препроводилъ въ Кол. Ин. Д. По всей вѣроятности, служба этого человѣка представляла извѣстный интересъ, почему онъ, согласно высоч. рескрипту, и былъ отправленъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1769 г. съ двумя рейтарами въ Петербургъ ко двору. Онъ былъ затѣмъ опредѣленъ въ Кол. Ин. Д. актуаріусомъ и отправленъ «въ нѣкоторую коммиссію». Матери же его и братьямъ, оставшимся въ Кіевѣ, повелѣно выдавать на содержаніе по 100 руб. въ годъ.

Свѣдѣніями о русскихъ конфидентахъ и перепискѣ съ ними въ 1765—68 гг. не исчерпывается интересъ предлагаемыхъ къ настоящей книгѣ документовъ. Знакомя вообще со способами полученія разнаго рода заграничныхъ извѣстій, документы эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомятъ и съ разными сторонами пограничныхъ отношеній, особенно съ дѣлами крымскими.

Для полученія свѣдѣній о турецкихъ дѣлахъ обыкновенно призывались въ Кіевъ въ секретную экспедицію и случайно пріѣзжавшіе сюда тор-

говцы греки. Любопытный образчикъ конспиративныхъ именъ, какія присылались заграничными греками чрезъ своихъ земляковъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, видимъ въ приложеніи къ реляціи Воейкова, отъ 8-го августа 1766 года.

Какъ несовершенны были способы полученія свѣдѣній о разнаго рода турецкихъ и татарскихъ „обращеніяхъ", какъ часто въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ получались разными командирами невѣрныя свѣдѣнія,— объ этотъ достаточно свидѣтельствуетъ реляція отъ 8 іюля того же 1766 года и приложенная къ ней копія репорта генералъ-маіора Исакова съ ремарками Воейкова.

А. Андріевскій.

Русскіе конфиденты въ Турціи и Крыму въ 1765—1768 годахъ.

I.

Реляція кіевскаго генералъ-губернатора о необходимости имѣть въ Очаковѣ, Бендерахъ, Могилевѣ и Яссахъ особыхъ конфидентовъ (секретныхъ корреспондентовъ),—отъ 24 сентября 1765 г.

„Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, отъ 11 ноября прошлаго 1763 г., коимъ канцеляріи совѣтникъ Петръ Веселицкій мнѣ на помощь для управленія по здѣшней губерніи всѣхъ пограничныхъ дѣлъ всемилостивѣйше опредѣленъ, между инымъ всевысочайше ему повелѣвается съ вѣдома моего стараніе прилагать о изысканіи удобныхъ способовъ къ благовременному изъ заграницъ турецкихъ полученію достовѣрныхъ извѣстій о всѣхъ тамошнихъ заслуживающихъ примѣчанія и уваженія происшествіяхъ.

Вслѣдствіе такого высочайшаго повелѣнія, онъ, по прибытіи сюда и вступленіи въ должность, свѣдавъ, что прежніе конфиденты всѣ померли, и потому видя, сколь пріобрѣтеніе новыхъ нужно, представилъ мнѣ словесно, что въ разсужденіи обширной дистанціи турецкихъ границъ и по положенію ближнихъ къ границѣ турецкихъ городовъ онъ за необходимо нужное признаваетъ въ Очаковѣ, Бендерѣ, Могилевѣ и Ясахъ имѣть по одному конфиденту изъ тамошнихъ православной вѣры россійскаго исповѣданія обывателей; я такое его резонабельное представленіе не только апробовалъ, но и рачительное его о пользѣ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества интереса попеченіе довольно выхвалилъ; между тѣмъ, стараніемъ его найденъ въ Очаковѣ надежной для коресподенціи чело-

вѣкъ, которой, по свидѣтельству ассесора Чугуевца и бывшаго въ Запорожской Сѣчи козака, нынѣ же по заслугамъ отставнаго (есаула?) въ Ахтыркѣ живущаго Василія Рецетова, съ молодыхъ лѣтъ въ Запорожской Сѣчи находился и у тамошняго писаря нѣсколько лѣтъ служилъ, откуда, имѣя случай для купеческаго промысла, часто въ Очаковѣ бывалъ; будучи греческой природы, сдѣлавъ себѣ тамъ знакомство и отъ реченнаго писаря отошедъ, въ Очаковъ переселился, гдѣ, по рекомендаціи очаковскаго наши, опредѣленъ отъ Порты переводчикомъ россійскаго языка, въ которой должности находится уже около 15 лѣтъ и чрезъ все то время запорожскимъ козакамъ и прочимъ Вашего Императорскаго Величества подданнымъ, туда для торговли пріѣзжающимъ, немалыя оказывалъ услуги.

Помянутой есаулъ Рецетовъ, которой съ симъ переводчикомъ около 30 лѣтъ уже знакомъ и въ дружбѣ пребываетъ, заподлинно увѣрилъ, что въ прошлыхъ годѣхъ, въ бытность его по производимой торговлѣ въ Очаковѣ, оной переводчикъ неоднократно къ нему отзывался, сколь охотно желаетъ онъ Россійской имперіи, по единовѣрію и искреннѣйшей его преданности вѣрные свои услуги оказать, если бы только удобной ему поданъ былъ случай, ибо чинъ, въ которомъ онъ отъ Порты утвержденъ, много тому способствовать можетъ.

По сему удостовѣренію помянутой Рецетовъ чрезъ Запорожскую Сѣчь въ Очаковъ отправленъ, которому словесно подтверждено взять изъ Сѣчи пашпортъ для торговаго промыслу, а отсюда дана ему записка для памяти, какимъ образомъ, по прибытіи туда, оного переводчика сондировать, уговаривать, присягою обязать и какое потомъ для предосторожности и храненія секрета въ начинаемой и продолжаемой перепискѣ ему дать имѣетъ наставленіе.

Но какъ Вашему Императорскому Величеству всемилостивѣйше извѣстно, что поступающіе на такое великое предпріятіе и весьма деликатное дѣло люди частію по преданности, частію жъ и по собственному интересу побуждаемы бываютъ, то пріемлю смѣлость предварительно всемилостивѣйшаго себѣ испросить указу: какое онымъ годовое опредѣлять жалованье и не соизволено ль будетъ по усмотрѣнію ихъ склонности и обязательства, равно какъ и въ разсужденіи знатности и удобности тѣхъ мѣстъ и источниковъ, изъ которыхъ ихъ извѣстія проистекать имѣютъ, отъ 150 до 200 рублевъ

каждому въ годъ опредѣлить, съ такимъ именно обѣщаніемъ, что по усмотрѣнію вѣрныхъ ихъ услугъ они и прибавки надѣяться могутъ.

II.

Рескриптъ на имя ген.-губ. Глѣбова о бытіи надв. сов. Никифорову въ Кіевѣ для переписки съ пріятелемъ Якубомъ и для другихъ заграничныхъ дѣлъ,—отъ 10 ноября 1765 г.[1])

Принявъ въ уваженіе долговременную службу бывшаго напослѣдокъ въ Крыму нашимъ консуломъ премьеръ-маіора Александра Никифорова, всемилостивѣйше пожаловали Мы его въ надворные совѣтники съ жалованьемъ по 450 р. въ годъ изъ доходовъ Кіевской губерніи, которое имѣете вы въ дачу ему производить съ пожалованія въ сей чинъ, а именно съ 26-го минувшаго сентября, вычтя при первой выдачѣ на лазаретъ за м-цъ, и указали Мы быть ему нынѣ въ Кіевѣ у заграничныхъ дѣлъ въ командѣ вашей; и какъ онъ, Никифоровъ, во время своей въ Крымѣ бытности, чрезъ частое по дѣламъ съ извѣстнымъ пріятелемъ Якубомъ обращеніе, пріобрѣлъ его къ себѣ довѣренность, а потому и склонился онъ, Якубъ, разныя о тамошнихъ происшествіяхъ извѣстія въ нашу сторону подавать, то дабы онъ, Якубъ, толь лучше и безъ всякаго сумнѣнія могъ съ нимъ, Никифоровымъ, какъ извѣданнымъ знакомцомъ, свою переписку производить, за потребно разсудили Мы ту кореспонденцію съ тѣмъ Якубомъ поручить ему, Никифорову, для чего и повелѣваемъ вамъ сдѣланной для кореспонденціи съ Якубомъ цифирной ключъ, каковъ отправленъ вами къ тому Якубу въ Крымъ, отдать ему, Никифорову, и будущія отъ него по вашимъ наставленіямъ къ помянутому Якубу письма отправлять туда въ Крымъ при случающихся изъ Кіева съ дѣлами посылкахъ, а въ случаѣ надобности и съ нарочными, но подъ разными однакожъ приличными претекстами, употребляя въ тѣ посылки изъ рейтарской команды ундеръ и оберъ-офицеровъ, какіе имъ, Н-мъ, для доставленія писемъ способными и надежными признаны будутъ; а что онъ, Н-въ, отъ того пріятеля получать станетъ, оное предписано ему въ данномъ указѣ представ-

---

[1]) Въ слѣдующихъ далѣе актахъ титулы, названія должностей и учрежденій будутъ печататься или одними инищіалами или сокращенно.

лять вамъ, а вы имѣете о томъ доносить Намъ чрезъ Кол. Ин. Д., и между тѣмъ употреблять его, Н-ва, и въ другихъ заграничныхъ дѣлахъ по вашему разсмотрѣнію и по способности его, и для того отправленъ онъ къ вамъ въ Кіевъ съ симъ указомъ.

III.

Копія письма къ сов. Веселицкому изъ Очакова отъ конфидента Григорова—отъ 2 декабря 1765 г.

Я вашему высокородію объявляю, что какъ былъ въ малолѣтствѣ, вышедши съ Крыму, гдѣ я и родился, въ Сѣчи торговалъ лавкою, то въ то время блаженной памяти Елисаветѣ Петровнѣ обще съ запорож. козаками въ церкви присягалъ, и тоже я и по сіе время себя твердо держалъ, и, при здѣшнемъ будучи мѣстѣ, въ должности моей много способности (подданнымъ) россійскимъ, сколько моихъ силъ доставало, спомоществовалъ, какъ на войско Запорож., такъ и на проходящихъ купцовъ россійскихъ, и найпаче е. в—п. г. генерала Мельгунова комиссія была за Игната грека, которой былъ, немалую сумму государственную забравши, прибѣжалъ въ Очаковъ и хотѣлъ побесурманиться, однакъ стараніемъ моимъ обратно отосланъ въ городъ Елисаветъ; нынѣ жъ я чрезъ посланного отъ в. в. ко мнѣ нарочного полкового есаула Василія Рецетова повторне въ порученной мнѣ важности россійскому престолу въ четырехъ глазахъ по обычаю христіанскому вѣрности присягалъ.

1, Объявляю в. в. за пріуготовленія военныхъ въ крѣпости Очаковской, въ Бендерахъ и въ Крыму, какъ прежде, такъ и нынѣ находится, вновь запасовъ въ присылкѣ съ Царя-Града ничего не было.

2, Переписка письмомъ чрезъ запорожскихъ козаковъ мнѣ не мало сумнительная, при чемъ я больше за лучшее держу стараніе—имѣйте съ разумныхъ людей опредѣлить въ г. Елисаветѣ, на кого бъ было мнѣ положиться безъ сумнительства, отъ в. в. твердѣйшее дать наставленіе оному, которой будетъ отъ меня письма получать, какъ въ осторожностяхъ, такъ и во всѣхъ обстоятельствахъ; на надписи письма по три штриха буду знакъ давать, чтобъ они прямо къ в. в. доходили въ Кіевъ, имени своего въ письмѣ подписывать не буду, письма писать буду по-гречески.

При семъ же в. в. доношу, что мною послано письмо въ крѣпость Сѣчевую, написано россійскимъ характеромъ, которое письмо подписанное, чтобъ по почтѣ отослано въ Кіевъ, а въ ономъ письмѣ прописалъ, чтобъ прислать ко мнѣ въ Очаковъ разумнаго офицера; только я на томъ письмѣ не подписался, за которое письмо и понынѣ извѣстія никакого не получилъ, и никто не пріѣзжалъ, и получили ли въ губернской (канцеляріи) оное письмо или нѣтъ [1]); а что за важность касалось, то чрезъ сего жъ нарочно присланного ко мнѣ есаула Рецетова в. в. секретъ открываю, а именно: россійской Кабарды съ черкесовъ знатный мурзакъ, по-черкески называется Уздень, каковъ обычай у нихъ издавна находится, вышелъ на Кубанской степъ воровать; между тѣмъ кубанскими татары пойманъ въ самую перемѣну сего хана, какъ пришелъ въ Бакчисарай, которой еще и недавными часы находился въ Бакчисараѣ подъ карауломъ; и оной Уздень много просьбу свою употреблялъ предъ ханомъ, также и предъ всѣми салтанами, и поступался дать двѣсти человѣкъ людей отъ себя, но ханъ не схотѣлъ, и совѣтовали между собою, чтобъ его со всею Кабардою подъ хана склонить; и я нынѣ извѣстился отъ знатнаго мурзака, которой тамъ засѣдалъ въ совѣтѣ, что оной уздень на тое и согласился—какъ возможно съ подъ Россіи вытти со всею Кабардою подъ хана; на сихъ же временахъ заподлинно не могу знать, отпущенъ ли въ домъ или и по сіе время содержится въ Бакчисараѣ, за что я заподлинно увѣдомился и по вѣрности своей о ономъ узденѣ в. в. дѣйствительно доношу и совѣтую осторожность взять.

Приводилъ же еще меня Рецетовый къ тому, чтобъ я на себя взялъ такую жъ повѣренность за городъ Бендеръ, также и за крымскіе города; то я сколько моей мочи стараніе имѣть буду, только, какъ и в. в. небезызвѣстно, на такіе издержки надобно имѣть особенную денежную сумму для всякихъ случаевъ въ поѣздкахъ и для пріему въ развѣдываніи, въ рѣчахъ и въ другихъ такихъ же надобностяхъ, а для лучшаго успѣху, ежели можно, чрезъ вѣрную оказію давать во всемъ наставленіи [2]).

---

[1]) *Ремаркъ*: упомянутое письмо распечатано въ Кременчугѣ г. ген. м. Исаковымъ и по содержанію оного посланъ былъ въ Очаковъ капитанъ гусарскаго полка Палеологъ, котораго сказка при реляціи отъ 4 генваря сего 1766 г. отправлена.

[2]) Въ ремаркѣ испрашивается ему къ обѣщанному уже въ 150 р. годовому жалованью прибавка въ такомъ же размѣрѣ, т. е., еще 150 р.

IV.

Указъ Кол. Ин. Д. надв. сов. Никифорову, относительно переписки съ Якубомъ,—отъ 28 февраля 1766 г.

Въ данномъ вамъ изъ оной Коллегіи отъ 10-го ноября минувшаго года указѣ хотя предписано было въ отправляемомъ отъ васъ письмѣ къ извѣстному пріятелю Якубу повторить прежнія увѣренія, какъ поданныя ему отъ васъ въ бытность еще вашу въ Бахчисараѣ, такъ и потомъ ему отъ г. ген.-губ-ра кіевскаго учиненныя о произвожденіи ему пенсіи и о прочемъ, и что оныя содержаны здѣсь будутъ безъ всякой отмѣны, но какъ послѣ того усмотрѣно здѣсь въ Кол. Ин. Д. изъ реляціи помянутаго ген.-губ-ра, что помянутой Якубъ опредѣленъ въ Дубосары гетманомъ, то изъ того заключать надобно, что онъ уже при ханѣ крымскомъ не находится, слѣдовательно, и не можетъ дѣлать нужныхъ къ здѣшнему свѣдѣнію сообщеній; почему надлежитъ вамъ воздержаться отъ поданія ему новыхъ увѣреній о произвожденіи пенсіи, а только, по силѣ прежняго указа, отправить къ нему увѣдомительное письмо съ надежнымъ человѣкомъ, что вы для кореспонденціи съ нимъ въ Кіевъ опредѣлены и что потому вы его просите, по прежнему его обѣщанію, чинить вамъ сообщенія отъ времени до времени о тамошнихъ крымскихъ обращеніяхъ и обстоятельствахъ, навѣдываясь при томъ отъ него въ конфиденціи дружескимъ образомъ, по старому вашему съ нимъ ближнему знакомству, и будто отъ себя, и для того токмо, чтобъ знать вамъ, куда своихъ людей къ нему присылать, гдѣ онъ нынѣ, будучи гетманомъ, жительство свое имѣть будетъ и при одной ли той должности онъ нынѣ останется, или еще какая комиссія ему отъ хана препоручена; оному жъ посланному отъ васъ приказать непримѣтнымъ образомъ стороною тамо развѣдать съ достовѣрностію, что оной Якубъ, сверхъ нынѣшняго его чина, не отправляетъ ли какой другой при ханѣ должности и можетъ ли онъ нынѣ, какъ гетманъ, когда хочетъ, къ хану ѣздить, также—почему онъ въ гетманы опредѣленъ: по его ли собственному желанію или по другой какой причинѣ; и когда по развѣдыванію окажется, что онъ при ханѣ не исправляетъ болѣе прежней переводческой должности, то о произвожденіи ему Якубу ежегодной пенсіи остаться вамъ вовсе въ молчаніи. Если же бы онъ и нынѣ, будучи гетманомъ въ Дубо-

сарахъ, сталъ дѣлать вамъ какія получаемыя иногда отъ его пріятелей при ханѣ сообщенія, то, смотря по важности и справедливости оныхъ, можете вы, съ позволенія ген.-губ-ра, посылать къ нему временно небольшіе подарки, а потомъ, когда дѣйствительно усмотрѣна будетъ важность тѣхъ его сообщеній и откровенность, такжо и непремѣнная къ продолженію того податливость, въ то время можно ему будетъ и прежде опредѣленную ежегодную пенсію пересылать, донеся однакожъ о томъ напередъ сюда въ Кол. Ин. Д., равномѣрно какъ и о томъ, что по сему указу вами учинено будетъ.

V.

Журналъ отправленнаго чрезъ Очаковъ въ Бендеры нѣжинскаго жителя грека Судаклея,—отъ 4-го марта 1766 г.

По данному мнѣ наставленію отъ его высокоблагородія канцеляріи совѣтника Петра Веселицкаго, отправился я изъ Кіева чрезъ Запорожскую Сѣчь въ Ачаковъ вмѣстѣ съ есауломъ Васильемъ Рецетовымъ. Прибывъ туда обыкновеннымъ купеческимъ порядкомъ, объявилъ свой товаръ, а между тѣмъ у тамошнихъ купцовъ навѣдывался о моихъ должникахъ, предъявляя имъ и письменныя оныхъ обязательства, но какъ, по удостовѣреніямъ, таковыхъ въ Ачаковѣ не нашлось, то я разгласилъ, что для сысканія ихъ принужденъ буду въ Бендеры ѣхать, куда съ небольшими остатками моихъ товаровъ, спустя нѣсколько дней и отправился.

Что въ Ачаковѣ обще съ помянутымъ асауломъ Васильемъ Рецетовымъ провѣдано, все оное имъ обстоятельно въ журналъ внесено. А я сіе только вкратцѣ примѣтилъ, что тамошній переводчикъ Юрья Григоровъ по наставленію уговоренъ и къ присягѣ приведенъ, которому обѣщано жалованья годоваго 120 руб., а по усмотрѣнію усердной и вѣрной его службы, обнадеженъ прибавкою, чѣмъ онъ и доволенъ; только просилъ сверхъ жалованья на чрезвычайные расходы, каковы случиться могутъ при отправленіи иногда по обстоятельствамъ и срочныхъ съ письмами, милостивѣйшей прибавки.

Сей повѣренный объявилъ, что въ Ачаковѣ и Бендерахъ, равно какъ и въ крымскихъ крѣпостяхъ вновь никакихъ пріуготовленій и

въ подвозѣ амуницей или другихъ военныхъ запасовъ ни откуда не было, но вездѣ на старомъ основаніи оставлено.

Изъ Кабардинскихъ черкасъ, которые подъ россійскою состоятъ протекціею, одинъ знатный мурза Узденъ кубанскими татарами на Кубанской степи въ наѣздѣ пойманъ и, во время ханской перемѣны, въ Бакчисарай привезенъ подъ карауломъ, который, по многимъ о свободѣ своей просьбамъ съ обѣщаніемъ 200 человѣкъ обоего пола за себя выкупу дать, ничего предуспѣть не могъ, пока напослѣдокъ, по увѣщанію ханскому чрезъ салтановъ и знатныхъ мурзъ, принужденъ былъ согласиться и обѣщать, что онъ со всѣми Кабардинскими черкесами изъ россійской въ ханскую протекцію выйдетъ; и такъ изъ подъ караула освобожденъ.

Слѣдуя изъ Ачакова въ Бендеры чрезъ кочевья Едисанскихъ татаръ, отъ мурзъ и прочихъ татаръ великія на хана жалобы слышалъ. Они весьма на нынѣшняго хана негодуютъ, по причинѣ великихъ отъ него налоговъ, ибо съ каждой едисанской кибитки взыскано отъ 10 до 30 левковъ серебрянною турецкою монетою, чѣмъ вся Едисанская орда крайне огорчена; по которой причинѣ склонила она на свою сторону и Едичкульскую орду, по надъ Днѣпромъ кочующую, чтобъ совокупно отъ крымской протекціи отойти и подъ россійскую императорскую прибѣгнуть, чего они издавна желаютъ, и просили, ибо де и предки ихъ до турецкихъ походовъ подъ Рос. имперіей состояли; а для способнѣйшаго достиженія сего ихъ намѣренія думаютъ они пробираться степью на Кубань, откуда свободнѣе въ Россію переселиться могутъ. Въ семъ ихъ намѣреніи, видя меня, россійскаго подданнаго, умѣющаго татарскій языкъ, откровенно со мной обходились и моего на то совѣта требовали, увѣряя, что нарочныхъ депутатовъ отъ знатныхъ мурзъ и всего общества въ Россію отправить имѣютъ съ тѣмъ упованіемъ, что милостиво приняты и съ желанною резолюціею къ нимъ отпущены будутъ; на что я имъ отвѣтствовалъ, что они безъ сумнѣнія знаютъ, яко въ Россіи татарскихъ ордъ немалое число, которыя живутъ во всякомъ удовольствіи, наблюдая обѣщанную вѣрность и наслаждаясь спокойнымъ отправленіемъ службы по ихъ закону.

По прибытіи въ Бендеры, сталъ съ квартирою у грека Юрья прозваніемъ Долгого, которому остатки своего товара казалъ и съ нимъ тѣсную дружбу завелъ, стараясь вывѣдать, нѣтъ-ли такого че-

ловѣка, котораго бы можно для переписки употреблять; но всѣ въ Бендерахъ живущіе христіане самые простые и весьма робкіе, къ такой важности неспособные люди. Въ бытность мою въ семъ городѣ, пріѣзжіе едисанскіе татары для покупки запасовъ и подковки лошадей публично къ туркамъ о ханскихъ налогахъ и о ихъ намѣреніи отзывались съ такою только прикраскою, что ежели не пришлется прежній Крымъ-Гирей ханомъ, или Хаджи-Гирей-Султанъ, который предъ симъ съ партіею едисанскихъ татаръ въ Польшѣ былъ, а нынѣ въ Румелѣ, гдѣ ханскія фамиліи пребываютъ, находится, то принуждены будутъ поддаться подъ россійскую протекцію. А турки напротивъ того сказываютъ, что нынѣшній крымскій ханъ, свѣдавъ о семъ татарскомъ намѣреніи, знатнѣйшихъ едисанскихъ мурзъ, до десяти человѣкъ, призвалъ къ себѣ въ Бахчисарай, якобы для нѣкоторыхъ совѣтовъ, которые по прибытіи арестованы и подъ крѣпкимъ содержатся карауломъ.

Въ Бендерахъ никакихъ воинскихъ пріуготовленій я не примѣтилъ. Гарнизонъ оного состоитъ въ 5000 человѣкъ, а турки разглашаютъ оныхъ до 10 тыс.; въ исходѣ прошедшаго года прислано на дачу жалованья гарнизону 450 мѣшковъ денегъ.

Какъ турки весьма любопытны, пачеже когда чужестраннаго человѣка видятъ, который ихъ языкомъ съ ними говорить умѣетъ, то въ бытность мою въ Бендерахъ приходили ко мнѣ разные изъ тамошнихъ мѣщанъ и чиновныхъ турокъ, между коими и одинъ булюкъ-баша, который весьма ласково меня привѣтствовалъ и услыша, что я для торговаго промысла и для сыска своихъ должниковъ туда прибылъ, сталъ меня о пограничныхъ крѣпостяхъ спрашивать, снабжены ли оныя гарнизонами, какъ то у нихъ. Я отвѣтствовалъ, что я купецъ, живу въ купеческомъ городѣ, а не въ крѣпости, въ которыхъ у насъ одни только воинскіе люди жительство имѣютъ; наше купечество на другомъ основаніи, не такъ какъ въ Оттоманской имперіи; у насъ всякъ знаетъ свою должность и упражненіе: одинъ пашетъ землю, другой мѣритъ аршиномъ, третій кормится ремесломъ и т. д., а воинскіе люди знаютъ свое упражненіе и забаву и для того готовы на всякій часъ, куда только служба позоветъ. Слѣдовательно, мнѣ до крѣпостей и до войска нужды нѣтъ; мое главное попеченіе о товарахъ стараться, на которомъ больше мнѣ барыша достать можно; ежели о семъ меня спроситъ, я ему основательно и

порядочно о всемъ объявить могу. Онъ паки меня спросилъ: знаю ли я, по послѣдней мѣрѣ, какъ велика россійская армія и скоро-ль она собраться можетъ? на что я отвѣчалъ: какъ она велика, я не видалъ, а въ печатныхъ газетахъ, помнится, лѣтъ тому съ десять назадъ, я читалъ, что оная до милліона простирается; а болѣе сказать не умѣю. По семъ началъ онъ со мной о законѣ и о Божествѣ разговаривать; я къ нему отозвался, что нашъ законъ православный россійскій, одного съ греками, волохами и булгарами исповѣданія, а о Божествѣ я съ нимъ разговаривать не въ состояніи, для того что я не ученый человѣкъ, но купецъ.

На другой день, какъ реченнымъ булюкъ-башею, такъ и другими двумя турками, кои ко мнѣ въ квартиру пришли, между прочимъ, спрашиванъ, когда по отзывамъ татарскимъ они о принятіи ихъ въ протекцію кого-нибудь въ Россію послали-бъ, думаю ль я, что приняты будутъ или отказъ получатъ? Я отвѣтствовалъ: у насъ по книжному говорятъ, что сердце царево въ рукахъ Божьихъ; слѣдовательно, кто можетъ узнать монаршее соизволеніе. Я только то имъ объявить могу, что и безъ нихъ у нашей всемилостивѣйшей императрицы татаръ многія тысячи, кои спокойную жизнь ведутъ, должную вѣрность сохраняютъ и никакого въ законѣ утѣсненія не терпятъ.

Какъ въ бытность въ Ачаковѣ, такъ въ Бендерахъ и въ проѣздѣ моемъ объ опасной болѣзни нигдѣ ничего не примѣтилъ и не слыхалъ; оная, по благости Божьей, вездѣ утихла и пресѣклась.

VI.

Журналъ, держанный асауломъ Васильемъ Рецетовымъ по бытности его в Ачаковѣ, в силѣ данной ему секретнѣйшей записки,—отъ 26 марта 1766 г.

Отправясь из Кіева, для лутчаго претекста слѣдовалъ чрез Запорожскую Сѣчь и, получа у Коша, по совѣту коллежскаго ассесора Чугуевца, к пашѣ ачаковскому рекомендательное писмо о моихъ в Ачаковѣ собственныхъ надобностяхъ, а сверхъ того отъ оного жъ Коша к командиру ачаковскому другое, чтобъ запорожскіе казаки в рыболовныхъ своихъ добычахъ от перешедшихъ тогда к зимѣ чрез

рѣку Бугъ татаръ до жилищъ запорожскихъ с скотами не могли имѣть какихъ обидъ (ибо инако проѣздъ до Ачакова, за наступившими по тракту татарскими кочевьями, былъ опасенъ), прибылъ в Ачаковъ, гдѣ, по старанію извѣстнаго моего знакомца, переводчика Юрья Григорова, квартира мнѣ отведена и правителю городскому Эмину представленъ, которой, помянутыя от Коша письма у меня принявъ, отвѣты на оныя заготовить велѣлъ, а о пашѣ объявилъ, что оной еще от Дуная в Ачаков не прибылъ. Пріемъ мнѣ былъ от Эмина ласковой и подчиванъ по их обычаю кофемъ; разговоровъ примѣчанія достойныхъ с нимъ не имѣлъ, но только по письму меня обнадежилъ о его защищеніи в моихъ нуждахъ по сосѣдственной дружбѣ; а потомъ с реченнымъ переводчикомъ возвратился в мою квартиру, котораго я старался найлутчимъ образомъ угостить; нарочно для него взятыми презентами его обдарилъ, благодаря за дружбу и за благодѣяніе, оказанное в прежнюю мою бытность по возвращеніи из Царя-Града, а между тѣмъ напамятовалъ ему о прежнемъ доброжелательствѣ къ Россійской имперіи; а какъ сіе было наединѣ, то и онъ меня заимно о своей ко мнѣ дружбѣ и неотмѣнной преданности к имперіи сильнѣйшимъ образомъ увѣрилъ; послѣ того звалъ онъ меня к себѣ в домъ, куда я пришедъ, для лутчаго его приласканія, по их обычаю, сдѣлалъ подарки женѣ его и дочери, чѣмъ онъ весьма довольный оказался и с откровеннѣйшею довѣренностью со мною в разговоръ вступилъ, объявляя, что онъ не для собственнаго своего интереса, но по особливой, от единовѣрія вліянной в сердце его к Рос. имперіи преданности и усердію всегда старается россійскимъ подданнымъ возможныя благоугодности дѣлать и по их жалобамъ удовольствительное исходатайствовать снисхожденіе. Онъ своими оброками и состояніемъ весьма доволенъ. Въ Ачаковъ по султанскому указу опредѣленъ переводчикомъ для переписки с пограничными христіанами и для представленія и разбирательства их жалобъ; а в знакъ султанскаго къ нему благоволенія, отмѣнной в его должности довѣренности и для вящаго уваженія чина переводчискаго, дозволено ему зеленую шапку носить; от харача, или обыкновенныхъ подушныхъ денегъ, кои всѣ в Турецкой области живущіе христіане илатить должны, со всѣмъ его домомъ уволенъ; жалованья опредѣлено ему в год триста левковъ; домъ имѣетъ свой, в которомъ живетъ; а сверхъ того дозволеніе

ему дано въ Ачаковѣ шинки держать и отданы ему на лиманѣ рыбныя ловли, отчего онъ немалые получаетъ доходы и довольное имѣетъ пропитаніе; слѣдовательно, одно только по единовѣрію усердіе его на то побуждаетъ. Я, перервавъ его рѣчь, предъявилъ ему истинное мое о его состояніи удовольствіе, похваляя свойствы его и усердіе къ единовѣрнымъ, такожъ происходящую оттого к Рас. имп. преданность с такимъ именно изъясненіемъ, что когда онъ неотмѣнно при сихъ похвальныхъ сентиментахъ останется, то не только имя свое у христіанъ прославитъ, но и у Бога за такія добродѣтели воздаянія уповать можетъ; а при томъ присовокупилъ, что для сдѣланія жизни его найблагополучнѣйшей, ничего не остается, какъ обнадежену быть на всякой нечаянной случай, каковы въ Турецкой области часто с христіанами приключаются, всевысочайшею протекціею Нашей Всемилостивѣйшей Государыни, на что онъ с великою радостью спросилъ у меня, какимъ бы образомъ удостоиться и заслужить можно такое неоцѣненное, имъ давно желаемое сокровище? Я, примѣтя его истинное в томъ намѣреніе и усердіе, сказалъ ему, что я весьма надежный способъ показать могу, буде онъ по дружбѣ согласится со мною на узморьи для прохаживанія идти, гдѣ наединѣ свободнѣе и безопаснѣе ему открыться могу, ибо ничто намъ не помѣшаетъ. И такъ, вышедши к берегу, началъ я ему внушать, в силу данной мнѣ секретной записки, о порученной по оной комисіи; но примѣтя на то нѣкоторое с его стороны сумнѣніе, принужденъ былъ клятвою его подтвердить, что я единственно для того в Ачаковъ отправленъ, при чемъ показалъ ему секретную записку за рукою г-на канцеляріи совѣтника Веселицкаго и тѣмъ его убѣдилъ. Онъ мнѣ за сію дружественную довѣренность весьма благодарилъ и объявилъ, что онъ помнитъ свою прежнюю о вѣрности к Рос. имперіи присягу, учиненную еще в младыхъ лѣтахъ по бытности в Зап. Сѣчи, и во всемъ оную наблюдаетъ, а что обстоятельства для поправленія его состоянія и обильнѣйшаго житія на семъ свѣтѣ понудили его переселиться в Ачаковъ, тѣмъ, кажется, онъ присягу не нарушилъ, да и за преступленіе ему признано быть не можетъ; довольно того, что онъ вездѣ, гдѣ бы ни былъ, свято и ненарушимо оную наблюдать готовъ. И такъ онъ весьма охотно согласился принять на себя должность конфидента и учиненною вновь 1-го числа декабря, в четырехъ гла-

захъ по христіанскому образу, присягою оное подтвердилъ; по которой причинѣ я его обнадежилъ высочайшею Е. И. В., на всякой нечаянной и необходимой случай, протекціею и годовымъ, отъ ста двадцати до ста пятидесятъ рублевъ, жалованьемъ, а по усмотрѣніи его ревностныхъ заслугъ и важности сообщаемыхъ извѣстій прибавкою въ награжденіе. Онъ тѣмъ оказался довольнымъ, только просилъ, чтобъ переписка с нимъ в высшей тайности содержана и, кому об оной знать не должно, объявлена не была, ибо чрезъ то ен только способъ и продолженіе его вѣрной службы пресѣченъ быть, но и онъ у турокъ в подозрѣніе попасться и совсѣмъ несчастливымъ учиниться можетъ; пачеже рекомендовалъ мнѣ, чтобъ тѣ, кои иногда к нему с письмами отправляться будутъ, наставлены были крайнюю предосторожность употребить в доставленіи ему оныхъ, дабы от простоты при постороннихъ людяхъ отнюдь письма вручать не отваживались; а запорожцамъ онъ письма свои ввѣрять за ихъ простоту не осмѣлится, но намѣренъ оныя на мое имя надписывать с подчеркою трехъ штриховъ и в крѣпость св. Елисаветы посылать для доставленія г-ну канц. сов. Веселицкому в Кіевъ. А какъ я от крѣпости св. Елисаветы в дальнемъ разстояніи жительство имѣю, то принужденъ былъ ему сказать, что, по возвращеніи моемъ в Кіевъ, я к нему опишу, кому именнно в крѣпости св. Елисаветы или на первой заставѣ письма его отдаваны быть имѣютъ, и на чье имя оные надписывать надлежитъ; онъ, согласясь на сіе, просилъ скораго о томъ увѣдомленія; впротчемъ онъ обнадежилъ меня, что способы имѣетъ доставать въ Крыму о всѣхъ татарскихъ обстоятельствахъ извѣстія, тожъ и изъ Бендеръ, чѣмъ во свое время по усмотрѣнію надобностей и важностей служить обѣщался; а касательно Крыма совѣтовалъ онъ подъ видомъ купечества имѣть в Бакчисараѣ вѣрнаго и искуснаго человѣка, россійскаго подданнаго, которой бы тамъ под тѣмъ претекстомъ жилъ и старался своимъ ласковымъ обхожденіемъ с тамошними чиновными спознаться и оказываемою вѣжливостію в кредитъ оныхъ войти, чѣмъ онъ и у хана свободный можетъ себѣ доставить доступъ и такимъ образомъ способъ имѣть будетъ к свѣданію всего нужнаго, только остерегаться имѣетъ Якуба, яко весьма хитраго и непостояннаго человѣка.

Ханъ крымскій Селимъ-Гирей призыванъ былъ къ Портѣ для приласканія и потвержденія в тотъ чинъ, при которомъ случаѣ взято от него

найсильнѣйшее письменное обязательство послушнымъ быть султану и не поступать такъ, какъ Крымъ-Гирей; а потомъ, в знакъ вящей султанской к нему довѣренности приглашенъ былъ присутствовать в верховномъ тайномъ диванѣ, когда верховнаго везиря на смерть осудили и когда о войнѣ противъ Грузіи держанъ совѣтъ, на которомъ постановлено, чтобъ ханъ с своей стороны сухимъ путемъ туда войска отправилъ, о исполненіи чего ему и особливое учинено от Порты потвержденіе; но онъ, по возвращеніи в Крымъ, хотя и собиралъ знатнѣйшихъ мурзъ для склоненія ихъ к отправленію войска, одвако, за представленіями тѣхъ мурзъ, что надлежитъ сперва навѣдаться чрезъ нарочныхъ, каковы проходы в горахъ до Грузіи, посылка войска остановлена. В то самое время переводчикъ Якубъ, яко хитрой и пронырливой человѣкъ, своими представленіями у хана в великой кредитъ вошелъ и от него всѣмъ министрамъ Порты рекомендованъ; которой, пользуясь временемъ и случаемъ, прожектъ подалъ, на какомъ основаніи приумножить из христіанъ обитателей в новозаведенныхъ ханскихъ слободахъ от рѣки Синюхи до Палѣева озера; оной от Порты апробованъ и конфирмованъ. Выходцамъ дана привилегія, которую в тѣхъ селеніяхъ обнародовать приказано для приласканія народа, а Якубу, по его представленію, препоручено о поселеніи той земли главное имѣть попеченіе и для прикрытія сего намѣренія от сосѣдственныхъ державъ приказано Якубу разгласить, что всѣ тѣ слободы ему на откупъ отданы, ибо большею частью селятся тамъ бѣглые из малороссійскихъ и слободскихъ полковъ, тожъ и из Новороссійской губерніи и изъ польской украины, о вызовѣ которыхъ онъ, Якубъ, немалое прилагаетъ стараніе, объявляя имъ данныя привилегіею выгоды и облегченія в податяхъ с учрежденіемъ ярманковъ и протчихъ полезныхъ распорядковъ; по которой причинѣ народъ с помянутыхъ сторонъ сильно туда стекается и селенія гораздо умножились, да и безпрестанно прибавляются.

О кабардинскомъ узденѣ, пойманномъ кубанскими татарами и содержащемся въ Бакчисараѣ будто за набѣги на Кубань, прежнее свое объявленіе подтвердилъ, кое и капитану Палеологу сказывалъ; напослѣдокъ присовокупилъ онъ, что, по преданности своей к Рос. имперіи, и без нынѣшней на его положенной должности и повѣренности, онъ во многихъ случаяхъ служилъ, в чемъ ссылается на россійскихъ купцовъ, кои в Царь-Градъ и обратно чрезъ Ачаковъ слѣ-

дуютъ, а наипаче свидѣтельствовать о томъ могутъ запорожскіе казаки, кои за своими дѣлами въ Ачаковъ ѣздятъ и г-нъ генералъ-порутчикъ Мелгуновъ, по письму котораго склонилъ онъ ачаковскихъ начальниковъ возвратить ушедшаго изъ крѣпости св. Елисаветы грека, увезшаго немалую сумму казенныхъ денегъ, не взирая на то, что тотъ грекъ, для избѣжанія того, уже отзывался принять махометанской законъ; колмижъ паче нынѣ, обязавшись уже дѣйствительно новою присягою и обнадеженъ будучи высочайшею Е. И. В. протекціею, простираться долженъ точно и свято свое обѣщаніе наблюдать. По окончаніи сего в разныя времена с нимъ имѣвшаго разговора, поручилъ мнѣ отвѣтъ Эминовъ в Запорожскій Кошъ и два письма, одно на россійскомъ, а другое на греческомъ языкѣ, к г-ну. канц. совѣтнику Веселицкому, да одно по-гречески к кол. ас. Чугуевцу, по давней съ нимъ знакомости и о семъ дѣлѣ безъ опасной и надежной довѣренности на греческомъ діалектѣ, подтверждая, что онъ свою жизнь на совѣсть мою и его, Чугуевца, которымъ, какъ онъ от меня увѣренъ, к сей повѣренности рекомендованъ, препоручаетъ; на что с моей стороны ему обнадеженіе дано, что вскорѣ чрез меня письменно увѣдомленъ будетъ в дѣйствительномъ вступленіи в переписку и какимъ именно каналомъ, да что я и самъ к нему пріѣду, о чемъ онъ наибольше настоялъ. И такъ простясь, оттуда отправился; а для безопасности от татаръ данъ былъ мнѣ провожатый до запорожскихъ казаковъ. Обратный путь былъ, по строгости зимы и над мѣру великихъ снѣговъ, самотруднѣйшій, отчего, по выѣздѣ из Сѣчи в степь, приключилась мнѣ тягчайшая и долговременная болѣзнь, от которой едва только оправился, путь мой продолжать началъ. Сіе то было причиною моему медлительному с исполненіемъ в ввѣренной коммиссіи возвращенію.

Пред самимъ моимъ из Ачакова отъѣздомъ, реченной переводчикъ Григоровъ, ко мнѣ пришедъ, объявилъ, что посланы из Ачакова два янычара, под видомъ купцовъ с турецкими трубками, чрез Новороссійскую губернію в Нѣжинъ, для развѣдыванія о здѣшнихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ нихъ прозывается Барутенко, а другой Махмутъ; первой по-русски говоритъ умѣетъ, потому что въ Россіи въ полону находился; и для того совѣтовалъ, чтобъ за поступками ихъ непримѣтнымъ образомъ присматривать [1]).

---

[1]) По поводу этого сообщенія Ельчаниновъ немедленно потребовалъ отъ Нѣжинской полк. канц. внимательнаго розыска и наблюденія надъ названными турками, а ноября 7

VII.

Доношеніе кол. асс. Ивана Чугуевца въ секретную экспедицію Кіев. губерн. канцеляріи о результатахъ поѣздки его для пріисканія конфидентовъ и представленіе его же о назначеніи въ Крымъ двухъ уполномоченныхъ со стороны запорожскихъ казаковъ,—отъ 31 марта 1766 года.

По ввѣренной мнѣ о пограничныхъ татарскихъ важныхъ происшествіяхъ коммисіи и в силу повелѣнія оной экспедиціи о сысканіи в Ачаковѣ и в Бендерѣ из тамошнихъ православнаго россійскаго исповѣданія, заможныхъ и кредитъ у начальства имѣющихъ обитателей искуснаго и преданнаго человѣка в конфиденты, для переписки о всѣхъ заграничныхъ обращеніяхъ, представленными и рекомендованными от меня асауломъ Рецетовымъ и купцемъ Судаклеевымъ, пачеже первымъ, склоненъ и пріобрѣтенъ в Ачаковѣ конфидентъ, который и от Бендеръ и другихъ мѣстъ важнѣйшія извѣстія доставлять обязался, чему в поданныхъ сими нарочно посланными журналахъ обстоятельное учинено объясненіе; а какъ оной конфидентъ, по моему с нимъ давнему знакомству, в исправленіи наложенной на него должности, по особливой к Рос. имперіи преданности, весьма надеженъ и способенъ, то я за долгъ себѣ почитаю, при учиненіи об немъ сего засвидѣтельствованія, во уваженіе его совѣта касательно имѣнія в Крыму, а именно в Бакчисараѣ, одного или двухъ человѣкъ из россійскихъ подданныхъ искусныхъ, вѣрныхъ и скромныхъ людей под видомъ купечества, кои бы за тѣмъ ихъ промысломъ неотлучно тамо пребывали и своимъ ласковымъ обхожденіемъ и оказываемою вѣжливостію у тамошняго начальства в кредитъ войти, а чрезъ то у хана свободный доступъ пріобрѣсть и о

полковникъ нѣжинскій Петръ Разумовскій, въ отвѣтъ на это требованіе, донесъ, „что таковы два турка съ Перекопу подъ видомъ купечества въ Нѣжинѣ были и постой имѣли у нѣж. жителя армянина Федора Креслѣя, а имѣли съ собою въ привозѣ турецкія трубки пѣнковыя и другія, и оныя трубки помѣняли на разные нужные товары, холстъ и проч. съ московскимъ купцемъ Александромъ Панфиловымъ и прошед. марта съ Нѣжина уѣхали, а до того были въ ярмонкахъ въ Сумахъ и Ромнѣ; да особо-де и третій турокъ былъ и квартировалъ въ нѣж. жителя грека Хрысты Калагоріевого зятя, кой имѣлъ за собою полотна обѣганіе и вибойку крымскую и, по сказкамъ посторонныхъ, продавалъ за безцѣнокъ разнымъ грекамъ и нѣж. жителямъ и, съѣздивши въ Борзну въ середопостній ярманокъ, того жъ апрѣля 5 отлучился съ Нѣжина въ свою сторону".

найважнѣйшихъ обращеніяхъ всегда доносить могли, по требованію оной экспедиціи, слѣдующее на благоволительное разсмотрѣніе в покорности моей представить.

По обращенію моему при границѣ крымской в исправленіи порученныхъ мнѣ дѣлъ и частому по онымъ с татарами обхожденію, случай имѣлъ примѣтить непостоянную ихъ жизнь и к разнымъ перемѣнамъ склонность, по которой они ко всякимъ безпокойствамъ и роптанію на начальствующихъ весьма поползновенны и дерзки; слѣдовательно, признаться долженъ, что совѣтъ пріобрѣтеннаго конфидента для перестереженія высочайшихъ интересовъ не только полезенъ, но и необходимо нуженъ, ибо и прежде сего по воспослѣдованному, за неизвѣстными мнѣ причинами, отзыву из Крыма консула Никифорова, от е. в.-п. геперала аншефа Кіевской губ. генерала-губернатора и кав. И. Ф. Глѣбова дано было мнѣ повелѣніе сыскивать способы к имѣнію в Бакчисараѣ вѣрнаго и искуснаго человѣка из россійскихъ подданныхъ, который бы пріобрѣтаемымъ у тамошняго начальства кредитомъ соспособствовать могъ к занятію того важнаго мѣста новоопредѣляемымъ искуснымъ и достойнымъ консуломъ.

В разсужденіе сихъ важныхъ обстоятельствъ, по присяжной и вѣрноподданнической моей должности, слѣдующей резонъ способнѣшимъ признаваю для склоненія крымскаго хана и тамошняго правительства на принятіе двухъ человѣкъ россійскихъ подданныхъ в Бакчисарай депутатами со стороны запорожскихъ казаковъ.

Не безъизвѣстно, что Запорожскаго войска казаки великимъ числомъ во всѣхъ крымскихъ городахъ торги свои производятъ и, неперерывно лѣтомъ и зимою в семъ промыслѣ тамо обращаясь, в причиненныхъ имъ обидахъ по кредитамъ или другими случаями с тамошними обывателями частыя тяжбы и расправы имѣютъ; а по простотѣ своей от тамошнихъ начальниковъ, при домогательствѣ о правосудіи, за незнаніемъ судебнаго порядка, оставляются без удовольствія, отчего лишнія только происходятъ затрудненія и переписки с Кошомъ и с пограничными комисарами, иногда и в самыхъ маловажнѣйшихъ дѣлахъ, кои повѣренными могли бы на мѣстѣ рѣшены и обоюдные подданные удовольствованы и успокоены быть.

Войска Запорожскаго Кошу дозволеніе дать по сему резону, когда уже два человѣка, о коихъ ниже упомянуть не премину, в Крыму

дла купеческаго промысла находиться будутъ, к крымскому хану отписать, что для избѣжанія всѣхъ от лишней, по жалобамъ торгующихъ в Крыму запорожцевъ, переписки происходящихъ затрудненій и безпокойствъ, они тѣхъ двухъ человѣкъ по ихъ дѣламъ уполномочиваютъ депутатами, дая имъ полную власть, по жалобамъ торгующихъ, всѣ споры по сосѣдственной дружбѣ на мѣстѣ рѣшить и обиженнымъ надлежащее правосудіе доставлять.

Для такого в Крымъ отправленія, нахожу я способнѣйшими, надежнѣйшими, искуснѣйшими из всѣхъ в Крыму торгующихъ запорожцевъ и малороссіянъ асаула Василья Рецетова и полтавскаго мѣщанина Павла Яковлева Руденка. Первой, будучи с младыхъ лѣтъ в войскѣ Запорожскомъ по купеческому промыслу, многократно в Крыму бывалъ, о всѣхъ тамошнихъ внутреннихъ поведеніяхъ и обрядахъ совершенно свѣдомъ; знакомыхъ и пріятелей из знатныхъ крымскихъ обывателей довольно имѣетъ; онъ кромѣ Крыма торговлю производилъ в Царѣ- Градѣ и на островахъ бѣломорскихъ, по которой причинѣ употребленъ былъ от г. тайн. сов. Обрескова в нѣкоторыхъ секретныхъ разслѣдованіяхъ и для вывозу плѣнныхъ и отпущенъ с рекомендаціею; словомъ, человѣкъ знающій и достойныхъ качествъ. Послѣдній Руденко с молодыхъ лѣтъ по купечеству промышляетъ в Крыму и в Царѣ-Градѣ, и больше в Крыму, нежели в отечествѣ, обращается. Онъ своими честными поступками и постоянствомъ пріобрѣлъ у всѣхъ знатнѣйшихъ кримскихъ чивовныхъ немалой кредитъ и почитаемъ ими знатнѣйшимъ и честнѣйшимъ из всѣхъ здѣшнихъ купцовъ; ему все состояніе крымскихъ обывателей, образъ правительства и нравы, по долголѣтнему с тѣмъ народомъ обхожденію, вѣдомы; онъ же на татарскомъ и турецкомъ языкахъ весьма искусенъ; слѣдовательно, по политическимъ дѣламъ в тамошнихъ мѣстахъ весьма способенъ.

Когда посылка сихъ двухъ достойныхъ людей всевысочайшей апробаціи заслужитъ и они с довольнымъ наставленіемъ туда отправлены будутъ, то надлежитъ имъ от большей части запастись нужнымъ товаромъ, на которой не только великой расходъ, но и способъ чрез оной себѣ доставить могутъ к свободному с знатными придворными и фаворитами ханскими обхожденію, слѣдовательно, и к пріобрѣтенію у нихъ кредита.

Они, продолжая бытность свою в Бакчисараѣ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, и когда уже, какъ выше упомянуто, от Коша приняты будутъ, стараться могутъ для приращенія комерціи учредить тамо и свою контору, отчего государственному интересу не малая польза произойти можетъ, а сверхъ того, при удобныхъ случаяхъ, не преминуть частыми, пристойными внушеніями стараніе прилагать и о склоненіи хана на требованіе присылки новаго консула в Бакчисарай.

Примѣч. Находя, что это представленіе Чугуевца основано „на правилахъ, сходственныхъ съ высоч. интересами и для будущихъ временъ не безполезное", Ельчаниновъ препроводилъ его на высоч. усмотрѣніе при реляціи отъ 7-го апрѣля, въ которой о самомъ Чугуевцѣ выражался такъ, что де его „стараніемъ древніе между запорожскими казаками самовольные обряды и обыкновенія прекращены, и къ доброму порядку и субординаціи, кои и нынѣ между ними наблюдаются, поводъ поданъ.

VIII.

Всеподданнѣйшій докладъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ о необходимости завести „пріятелей"-корреспондентовъ,—отъ 3 апрѣля 1766 г.

Кіевскій генералъ-губернаторъ Глѣбовъ реляціею на всевысоч. В. И. В. имя и рапортомъ въ Кол. Ин. Д. представлялъ о надобности въ Очаковѣ, Бендерахъ, Могилевѣ и Ясахъ завести пріятелей къ полученію чрезъ нихъ въ здѣшнюю сторону достовѣрныхъ увѣдомленій о всѣхъ тамошнихъ примѣчанія заслуживающихъ происхожденіяхъ и о надежныхъ туда приходящихъ слухахъ, къ чему уже одинъ польскаго мѣстечка Ягорлыка священникъ Илья Сулима объявилъ свою готовность въ письмѣ къ нему, генералъ-губернатору, присланномъ, а другой, находящійся при очаковскомъ пашѣ переводчикъ россійскаго языка, способнымъ къ тому признается, и по оказуемой имъ переводчикомъ въ разговорахъ съ запорожскими козаками и прочими В. И. В. подданными склонности къ оказанію здѣшней странѣ услугъ отправленъ къ нему изъ Кіева одинъ знаемой ему отставной есаулъ Василій Рецетовъ съ довольнымъ наставленіемъ къ склоненію его, переводчика, на доставленіе сюда желаемыхъ о заграничныхъ происшествіяхъ извѣстій. Между тѣмъ же онъ, Глѣбовъ, испрашиваетъ себѣ въ резолюцію указа, какое опредѣлять

поступающимъ на такое предпріятіе людямъ годовое жалованье, предлагая при томъ, что не повелѣно ли будетъ изъ такихъ людей производить ежегодно каждому отъ ста пятидесяти до двухсотъ рублевъ съ такимъ для найлучшаго тѣхъ людей поощренія обѣщаніемъ, что, по усмотрѣніи вѣрности и важности ихъ услугъ, они наиболѣе того еще награждены будутъ.

Коллегія Ин. Д., бывъ съ вышепомянутымъ генерала Глѣбова предложеніемъ согласна, а особливо что за небытностію теперь здѣшняго въ Крыму консула небезнужно есть имѣть такихъ въ разныхъ мѣстахъ пріятелей, которые бы о заграничныхъ обращеніяхъ и разглашеніяхъ извѣстія въ здѣшнюю сторону подавали, потому занужно находитъ В. И. В—ву всепод. объ ономъ представить и что тѣмъ пріятелямъ при первомъ случаѣ опредѣлить можно жалованья, смотря по важности мѣста и человѣка, каждому отъ пятидесяти до ста пятидесьти рублевъ въ годъ, чѣмъ они, кажется, довольны будутъ, ибо надѣяться нельзя, чтобъ сначала всякой изъ тѣхъ пріятелей съ полною откровенностію о всемъ сюда сообщалъ, но для преду они прочными быть могутъ и современемъ отъ нихъ болѣе довѣренности и усердія къ здѣшней сторонѣ ожидать будетъ можно, бывъ особливо каждый изъ нихъ побужденъ надеждою къ полученію болшаго награжденія, когда который изъ нихъ въ здѣшнюю сторону доставитъ какія важныя и справедливыя увѣдомленія, почему тогда таковымъ и дѣйствительно учинить можно будетъ какое особливое награжденіе, смотря по ихъ заслугѣ. Что все однакожъ Коллегія предаетъ на всевысоч. В. И. В. благоразсмотрѣніе.

На оригинальномъ докладѣ подписано собственною Е. И. В. рукою тако: „быть по сему“.

IX.

Реляція ген.-губ. Глѣбова о возвращеніи есаула В. Рецетова и о привезенныхъ имъ извѣстіяхъ объ установленіи способа переписки съ конфидентомъ Григоровымъ,—отъ 7 апрѣля 1766 г.

Вслѣдствіе прежнихъ моихъ отъ 8 и 16 сего марта всенижайшихъ реляцій, имѣю честь В. И. В. всеподданнѣйше донести, что давно ожидаемой есаулъ Василій Рецетовъ третьяго дня сюда при-

былъ и отъ пріобрѣтеннаго въ Очаковѣ конфидента, переводчика Юрія Григорова, два письма—одно на русскомъ, а другое на греческомъ языкѣ—канц. совѣтнику Веселицкому подалъ, съ коихъ при семъ точная копія и переводъ, равно какъ и держанной реченнымъ есауломъ журналъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ на всевысоч. усмотрѣніе подношу.

Но какъ сей новопріобрѣтенной конфидентъ отзывается, что онъ пересылку своихъ писемъ случающимся тамо запорож. козакамъ повѣрить не смѣетъ, дабы отъ простоты, безразсудства или неосторожности иногда какой-либо въ томъ прошибки произойти не могло, по которой причинѣ просилъ назначить ему вѣрнаго и искуснаго въ крѣпости св. Елисаветы человѣка, которой бы у нарочно посланныхъ его письма принималъ и оныя немедленно канц. сов. Веселицкому въ Кіевъ пересылать могъ; то въ разсужденіи такой его въ сей важной перепискѣ предосторожности отъ меня г. генералъ-маіору Исакову сообщено—находящемуся на Орловской заставѣ штабъ-офицеру и крѣпости св. Елисаветы коменданту отъ себя секретными ордерами найсильнѣйшее учинить подтвержденіе, а именно, первому: какъ скоро только пріѣзжій у форпоста явится съ письмомъ, на которомъ греческая или россійская надпись на имя купца грека Пантазія и у надписи поставлены будутъ три прямыя черты, то оное у подателя безъ малѣйшаго отлагательства и всякихъ разспросовъ, развѣ онъ отъ себя при подачѣ письма что-либо словесно объявлять станетъ, принимать и тотъ же часъ къ коменданту крѣпости св. Елисаветы съ нарочнымъ отправить, а сему равномѣрно, не распечатавъ, съ нарочнымъ же г. ген.-м. Исакову и такъ далѣе до здѣшняго мѣста доставлять, дабы иногда по важности содержанія гдѣ либо на почтѣ, какъ то часто случается, оные продержаны быть и залежаться не могли; а сверхъ того поручено было бъ обрѣтающемуся на Орловскомъ форпостѣ шт.-офицеру пріѣзжающихъ отъ время до времени съ вышереченными письмами людей всегда ласкаво принимать и, пока отдыхать пожелаютъ, пищею удовольствовать, отнюдь имъ никакого огорченія не показывая; къ тому жъ г. ген.-м. Исакову поручено къ сему конфиденту отъ себя никакихъ писемъ не посылать и нарочныхъ не отправлять, дабы чрезъ то не привесть его у тамошнихъ въ подозрѣніе, а когда случится по губернскимъ дѣламъ въ Очаковъ писать или нарочныхъ посылать, чтобъ къ нему не

адресовать, но къ тамошнему коменданту, а съ нимъ бы отнюдь знакомства не искать. О семъ учрежденіи и предосторожности переводчику Юрью Григорову съ отправленнымъ отъ есаула Рецетова нарочнымъ знать дано.

Между прочими въ журналъ внесенными извѣстіями видится мнѣ описаніе характера бывшаго ханскаго переводчика, а нынѣшняго дубосарскаго воеводы Якуба, весьма примѣчанія достойное, паче по тому, что конфидентъ Юрій Григоровъ, не зная о Якубовомъ обязательствѣ, по одной только преданности и ревности, предостерегаетъ В. И. В. подданныхъ отъ его хитрыхъ и пронырливыхъ умысловъ. Позвольте, Всемил. Государиня, по сему пункту мое слабѣйшее представить мнѣніе: я, полагая между обоими сими безпристрастное и съ разсудкомъ сходное сравненіе, по всѣмъ справедливымъ и неоспоримымъ резонамъ признаваю Юрья усерднѣйшимъ и предпочитаю его Якубу, ибо сей послѣдній, яко природной турокъ, никогда съ тою преданностію и усердіемъ В. И. В. служить не можетъ, съ какою единовѣрный служитъ, тѣмъ паче, что онъ въ такомъ случаѣ поступаетъ противъ своего закона, слѣдовательно отъ него и пользы ожидать не надлежитъ, а слыть ему конфидентомъ до времени, пока изъ слѣдствій вѣрность его окажется.

Есаулъ Рецетовъ, который свою комиссію толь охотно и съ такимъ успѣхомъ исправилъ, жаловался, что во врема его четырехъмѣсячной по сей ввѣренной ему комиссіи отлучки домъ его постоями отягощенъ и домашніе оттого крайнее претерпѣвали утѣсненіе, то не соизволите ли В. И. В. всемил. повелѣть, въ разсужденіи его службы, пожаловать ему изъ Коллегіи Ин. Д. увольнительной отъ постою открытой указъ и оной сюда для доставленія ему прислать. Какіе жъ онъ переводчику Григорову для лучшаго его приласканія учинилъ подарки, при семъ В. И. В. подношу поданной мнѣ отъ него реестръ [1]), по которому здѣсь изъ опредѣленной на чрезвыч. раеходы суммы ему и платежъ произведенъ.

---

[1]) Въ реестрѣ этомъ значится: 1 футро черное—17 р. 50 к.; 1 футро казанское бѣличье—9 р. 25 к.; 3 конца полотна трубкового, по 2 р. 50 к.,—7 р. 50 к.; 53 арш. полотна гладкаго ярославскаго, по 6 к. арш.—3 р. 18 к.; 3 головы сахару вѣсомъ 15 ф., по 23 к. фунтъ—3 р. 45 к.; 1 ф. чаю—2 р. 50 к.; 65 окъ масла, по 13 к.,—7 р. 80 к.; 23 кварты водки, по 14 к. кварта,—3 р. 22 к.; итого всего 48 р. 40 к.

X.

Реляція ген.-губ. Глѣбова о пріисканіи конфидента въ г. Могилевѣ, съ приложеніемъ письма этого конфидента,—отъ 7 апрѣля 1766 г.

В. И. В. изъ предъидущей моей всеподд. реляціи и приложеній къ оной всемил. усмотрѣть изволили, что стараніемъ канц. сов. Веселицкаго въ Очаковѣ надежной пріобрѣтенъ конфидентъ; но какъ обширность границы имперіи В. И. В. съ землями Турецкой области необходимо требуетъ, чтобъ и въ другихъ пограничныхъ городахъ, для престереженія высоч. интересовъ, конфидентовъ имѣть, то его жъ, канц. сов. Веселицкаго, стараніемъ чрезъ здѣшняго мѣщанина Григорія Бѣлявскаго, торгующаго въ Турецкую область, преклоненъ и обязался присягою живущій на Днѣстрѣ въ г. Могилевѣ знатной и богатой купецъ грекъ Іоаннъ Николаевъ прозваніемъ Кафеджи, которой уже и переписку началъ, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ перевода письма къ реченному канц. сов. всемил. усмотрѣть изволите. А какъ сей грекъ ему, канц. сов-ку Веселицкому, знакомъ по бытности при арміи В. И. В. въ Пруссіи, гдѣ онъ въ такой же должности отъ него, Веселицкаго, нѣкоторое время употребленъ былъ, то надѣяться можно, что, по учиненной присягѣ и охотному, въ разсужденіи единовѣрія, на принятіе сей должности согласію, онъ ревностное свое стараніе употребить не оставитъ для доставленія отъ время до времени нужныхъ къ свѣдѣнію извѣстій; за что онъ канц. сов. Веселицкаго на томъ же основаніи, какъ и Григоровъ въ Очаковѣ, обнадеженъ высоч. В. И. В. протекціею и годовымъ жалованьемъ, а по усмотрѣніи его вѣрной и ревностной службы, равно какъ и важности сообщаемыхъ извѣстій, высокомонаршимъ награжденіемъ и прибавкою жалованья.

Теперъ остается только въ Ясахъ и Хотинѣ по одному конфиденту найти, дабы всю границу, взявъ съ Крыма даже до Хотина, оными снабдить для способнѣйшаго о всякихъ тамошнихъ обращеніяхъ благовременнаго свѣдѣнія, которые стараніемъ его жъ, Веселицкаго, со временемъ пріобрѣтены быть имѣютъ.

Кромѣ того, на себя въ эту поѣздку Рецетовъ издержалъ 45 р., да греку Судакчію далъ на поѣздку въ Бендеры 60 р. Такимъ образомъ, всего издержано Рецетовымъ 153 руб. 40 коп., которыя и выданы ему изъ Кіев. губ. канцеляріи.

Приложеніе: Переводъ письма кондидента, находящагося въ Могилевѣ,— отъ 8-го марта 1766 г.

Въ прошлыхъ дняхъ получилъ я почтеннѣйшее ваше письмо чрезъ г. Ивана Жулескула [1]), который поѣхалъ въ отечество, но понынѣ еще не возвратился. В. в. поручили мнѣ при обратномъ оного с фамиліею сюда прибытіи возможное ему учинить вспоможеніе; я не премину по сему случаю исполнить ваши приказанія. Другое ваше письмо въ отвѣтъ на мое первое чрезъ Стефана Ильича я исправно получилъ, содержаніе котораго я совершенно выразумѣлъ и по тому исполнять не премкну. Теперь доложу вамъ, что бывшій здѣсь королевской пруской гусарской маіоръ для покупки лошадей, накупя оныхъ немалое число, отсюда въ Пруссію отправился, а на мѣсто его пріѣхалъ кирасирской маіоръ же съ пятью оберъ-офицерами и съ нѣсколькими рядовыми, которой отправился въ Балту для покупки по извѣстію немалого жъ числа лошадей. По границѣ обстоитъ все благополучно, тихо и по милости Божіей вездѣ мирно. Сего марта 3 числа прибылъ сюда отправляемой отъ хана крымскаго чиновной человѣкъ, при которомъ четыре служителей, и поѣхалъ по его объявленію посланцемъ въ Варшаву. Что изволите приказывать, чтобъ въ мѣсяцъ по дважды о здѣшнихъ пограничныхъ обстоятельствахъ и другихъ примѣчанія достойныхъ извѣстіяхъ вамъ доносить, хотя и трудно, потому что другіе купцы, кромѣ кіевскихъ, мало сюда пріѣзжаютъ съ тѣмъ, чтобъ въ Кіевъ ѣхать, ибо пріѣзжіе изъ турецкихъ краевъ греки и волохи для купечества въ Кіевъ не отправляются, однако я употреблю крайнее стараніе для сысканія къ тому способовъ, имѣя честь быть вѣрнымъ слугою.

XI.

Реляція оберъ-коменданта Ельчанинова о присылкѣ писемъ дубосарскимъ воеводой Якубомъ, о намѣреніяхъ этого послѣдняго и готовности крым. хана на принятіе рус. консула въ Бахчисараѣ,—отъ 18 апрѣля 1766 года.

Во исполненіе высоч. В. И. В. повелѣнія, даннаго генералъ-аншефу и кіев. ген.-губ. Глѣбову рескриптомъ отъ 10-го ноября

---

[1]) *Реморкъ*: Сей Жулескулъ дворянинъ изъ Валахіи, которой, по вызову переводчика Миролюба, на поселеніе въ силу обнародованныхъ манифестовъ сюда пріѣхалъ и, оставивъ своего брата при здѣшней Академіи Наукъ, поѣхалъ обратно для привозу всей его фамиліи.

прошлого 1765 г., какое отъ прибывшаго сюда минувшаго марта 20-го надв. сов. Никифорова къ извѣстному пріятелю дубосарскому воеводѣ Якубу кіев. рейтар. команды съ кап. Соловковымъ, отъ 31-го того жъ марта, отправлено письмо, съ онаго при семъ на всевысоч. усмотрѣніе точную подношу копію. Въ тожъ самое время отъ реченнаго пріятеля нарочной съ письмомъ къ ген. губ-ру прибылъ и, по данному ему отъ Якуба наставленію, въ разсужденіи давняго знакомства, прямо къ кап. Бастевику заѣхавъ, квартиру себѣ испросилъ, отъ котораго ласково принятъ и во всю здѣсь бытность достаточно довольствованъ былъ.

Сколько сей пріятель въ письмѣ своемъ ни остерегался о собственномъ его интересѣ что-либо упоминать, прикрашивая оное разными извѣстіями и найсильнѣйшими увѣреніями о его нелицемѣрной преданности до скончанія жизни, столько больше алчность и нетерпѣливость его къ полученію обѣщаннаго ему знатнаго пенсіона изъ другого къ кап. Бастевику письма и реестра примѣтить можно; слѣдовательно, и главной предметъ посылки нарочнаго не въ иномъ состоялъ, но въ выручении искуснымъ образомъ того пенсіона. В. И. В. изъ моего къ нему ответа, письма кап. Бастевика, цыдулки и реестра, съ коихъ при семъ точныя копіи (подношу), всемил. усмотрѣть изволите, какое ему обнадеженіе учинено и что для приласканія на сей первой случай отъ кап. Бастевика, въ знакъ его съ нимъ дружбы, по присовѣтыванію нарочно присланнаго, къ нему въ подарокъ послано.

Но какъ между инымъ касательно податливыхъ отзывовъ крым. хана о принятіи вновь консула я его увѣрилъ, что къ обрѣтающемуся въ Константинополѣ В. И. В. министру отъ меня письмо будетъ для исходатайствованія отъ Порты дозволенія стараніе приложить, то не соизволите ли В. И. В. всемилостивѣйше повелѣть по сему толь полезному для интересовъ В. И. В. дѣлу тайн. сов. Обрескову изъ Кол. Ин. Д. предписать надлежащее у тамошняго министерства учинить употребленіе, дабы исходатайствованіемъ точного отъ Порты на принятіе вновь россійскаго консула дозволенія такой важной постъ занявъ на будущія времена тѣмъ удобнѣе утвердить можно было.

Приложенія:

а) Переводъ письма конфидента Якуба изъ Фокшанъ къ ген.-губ Глѣбову, — отъ 31 марта 1766 г.

Получа удобное и свободное время, не премкнулъ при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія, исполняя должность мою, и для

показанія должной моей службы увѣдомить моихъ извѣстныхъ сосѣдовъ о точномъ и справедливомъ поведеніи и намѣреніи здѣшней стороны. Порта, какъ я надѣюсь и подлинное о томъ извѣстіе имѣю, не имѣетъ противу Россіи никакихъ худыхъ намѣреній, но паче всѣми силами желаетъ сохранить постоянную пріязнь. Чтожъ принадлежитъ до учрежденія въ Крыму россійскаго консула, ханъ могъ бы къ тому склониться, еслибъ ему о томъ отъ Порты было напомянуто, ибо всѣмъ извѣстно, что онъ воли ея весьма повинуется, слѣд. и старается хранить съ Россіею добрую пріязнь. Пограничныя дѣла хана чрезмѣрно безпокоятъ, и онъ тѣми весьма скучливъ, которыя чрезъ консула удобнѣе производимы и успокоены быть могутъ, въ чемъ ему и начальники справедливо присовѣтовать могутъ; о семъ мое таковое мнѣніе, да и самому мнѣ о томъ нѣсколько разъ удавалось съ ханомъ говорить, чему онъ видится быть согласнымъ; только думать надобно, что онъ желаетъ, чтобъ къ нему о томъ Порта отозвалась.—Великой князь кабардинской, прозываемой Дзамирлатъ, находится здѣсь въ Крыму; княжества же того жители старались, чтобъ имъ позволено было разорить заложенную яко бы въ прошедшемъ году близь Кабарды крѣпость, но въ томъ получили отказъ; а пойманный давней князь кабардинскій и нынѣ содержится подъ карауломъ, котораго братъ на сихъ дняхъ въ Бакчисарай пріѣхалъ и старается о его освобожденіи, но понынѣ не получилъ на то никакой резолюціи, да и сумнительно, чтобъ оной былъ освобожденъ, ибо они хотятъ имѣть отъ нихъ больше аманатовъ и въ самомъ дѣлѣ изо всѣхъ черкескихъ княжествъ имѣютъ уже достойныхъ князей въ аманатахъ.

О всѣхъ происхожденіяхъ въ Россіи и Польшѣ мнѣ самому поручено хана увѣдомлять. Цесарь (султанъ) тожъ пишетъ къ хану, чтобъ о всѣхъ дѣлахъ ему давать знать, чему прилежно съ ханской стороны соотвѣтствуется.

Мнѣ, какъ живущему здѣсь на границѣ, строго приказано все наблюдать, а особливо отправляемы бываютъ въ Россію и Польшу частые шпіоны, но они вовсе никому не вредны, ибо о секретныхъ дѣлахъ развѣдывать не могутъ. Здѣшніе жъ господа не имѣютъ нигдѣ своихъ кореспондентовъ. Я жъ, будучи присяжнымъ россійскимъ подданнымъ, о всякомъ важномъ и нужномъ дѣлѣ давать знать не упущу, лишь бы только имѣть способъ далѣе мою кореспонденцію продолжить; я лучшаго къ сему средства изобрѣсть не могу, кромѣ того, о которомъ чрезъ бывшаго здѣсь у меня капитана (Бастевика) знать далъ, но не получа на то и понынѣ никакой резолюціи, самъ не знаю, что мнѣ дѣлать, чего для отправляю съ симъ нарочнаго вѣрнаго человѣка Махмута, чрезъ котораго прошу меня увѣдомить,—стараться ль мнѣ исполнять впредь мою должность или

нѣтъ? Я никогда не намѣренъ моей присяги нарушить, но паче до конца жизни моей служить желаю, и какое получу наставленіе, то по тому и службу мою продолжать долженствую. Что изъяснивши, пребываю, навсегда съ надлежащимъ почитаніемъ.

б) Того же Якуба письмо къ кап. Бастевику изъ Балты.

Чрез посланнаго от меня Махмута мой унижайши засилаю вам поклонъ и прошу усердно пожалуйте приложить своихъ трудовъ и подлугъ описаннаго реестру[1]) покупки накупить, то ест футеръ, ибо там сут лучшие и дешевле. И егда би денегъ для оной покупки стать не могло, то прошу вашего благородія у якового купця взять на векселъ денег и покупить, во верность чего, когда не станет денег, и пожичите у каковаго купця на розписку, блянкет з своимручно подписом посилаю. О интересахъ тих, о которих между нами уговоръ бил, не имѣлем жадного писма от вашего благородія, ежели приидутъ до дѣла; я еднак имею надежду, же при трудахъ ваших могу отобрать надежду и прошу меня уведомить в том. При сем зостаю вашего благородня искренны приятел и слуга Якуб-ага воевода.

в) Письмо Ельчанинова къ Якубу.

Благородный и дознанный пріятель мой! Вашего благородія пріятное письмо, адресованное къ г. Кіевъ г. ген. губ—ру Глѣбову, я чрезъ подателя сего, нарочно отъ васъ присланнаго человѣка, исправно получилъ и, какъ оной г. ген. губ. Глѣбовъ предъ недавнимъ временемъ, по высоч. Е. И. В. соизволенію, отправился въ С.-Петербургъ, то я, будучи вмѣсто его въ управленіи Кіев. губ., какъ за оное письмо, такъ и за все въ немъ содержанное, покорно благодарствую, прося и впредь обѣщанную вами кореспонденцію продолжать, увѣряя при томъ, что за то вы опредѣленную вамъ пенсію въ свое время исправно получать и высоч. Е. И. В.

---

[1]) Въ реестрѣ требовалось: 5 шубъ бѣлки черной сибирской „большой роботы“, 5 шубъ бѣлки „сивой большой роботы“, 5 шубъ горностаевыхъ, „волчуру белую вовчую“ и „душок лисячих пар сорок“. Порученіе это исполнено Бастевикомъ не было, а потому и „бланкетъ“ возвращенъ. За содержаніе же нарочнаго Магмута и за доставку его отъ крѣпости Св. Елисаветы въ Кіевъ и обратно до Дубосаръ (12 р.), равно и за подарки Махмуту и самому Якубу, какіе были Бастевикомъ куплены, уплочено было изъ Кіев. губ. канц. 41 р. 69 к. Въ подарокъ Махмуту было куплено 4 арш. сукна краснаго по 2 р. 70 к. и двѣ пары перчатокъ за 1 р. 20 к.: одни лосиные, а другіе замшевые, и клинокъ шашечной 1 за р. 40 к.; для Якуба же—пара перчатокъ лосиныхъ 70 к., 5 паръ замшевыхъ по 50 к., 6 паръ женскихъ лайковыхъ перчатокъ тоже по 50 к. пара и 2 ф. чаю „Жулану“ по 2 р. за фунтъ.

благоволеніе пріобрѣсть можете; а какимъ образомъ оную кореспонденцію продолжать, о томъ въ отправленномъ недавно къ вамъ отъ бывшаго предъ симъ въ Крыму консула Никифорова письмѣ изъяснено. Что жъ принадлежитъ до принятія вновь въ Крыму здѣшняго консула, то о учиненіи о томъ Блист. Портѣ представленія къ находящемуся въ Константинополѣ здѣшнему министру отъ меня писано и высоч. Е. И. В. двору донесено быть имѣетъ.

г) Изъ письма кан. Бастевика къ Якубу.

...Что жъ изволите требовать о исправленіи для васъ по приложенному при томъ письмѣ реестру покупокъ, то оное ваше требованіе охотно бы я желалъ исполнить, но какъ въ Кіевѣ изъ показанныхъ въ ономъ реестрѣ вещей горностаевыхъ мѣховъ и волчихъ бѣлыхъ винчуръ (?) никогда и во время ярмонковъ не бываетъ, а бѣлячьи мѣхи хотя иногда во время жъ ярманокъ и случаются въ продажѣ, но и то самой послѣдней доброты, какъ и сего податель можетъ васъ увѣрить, что я съ нимъ, нарочно ходя по здѣшнимъ торговымъ рядамъ, оныхъ требуемыхъ вами вещей спрашивалъ, но ничего сыскать не могъ; хотя жъ таковыя вещи обыкновенно бываютъ въ продажѣ въ г. Нѣжинѣ, но и изъ того города въ нынѣшнее время обыкновенно всѣ купцы съ товарами на бываемыя внутрь Россіи ярмонки разъѣхались, а въ Нѣжинѣ большой купецкой съѣздъ будетъ въ слѣдующую токмо послѣ Троицына для ярмонку, до котораго времени отнынѣ простирается до десяти недѣль, то въ разсужденіи того изволите в. б. чрезъ оное взять терпѣніе, а по наступленіи того времени о исправленіи для васъ вышеписанныхъ покупокъ всевозможно стараться я не премину.

XII.

Реляція оберъ-коменданта Ельчанинова о посылкѣ къ бендерскому пашѣ чаю и о полученіи отъ него письма,—отъ 15 мая 1766 г.

Отъ 30-го декабря 1765 г. отъ ген. анш. и бывшаго кіев. ген.-губ-ра (что нынѣ сенаторъ) Глѣбова, по рапорту къ нему находящагося въ управленіи Новороссійской губ. ген. м. Исакова, всеподд. В. И. В. реляціею донесено о требованіи бендерскаго паши Хаджи-Ибрагима въ выдачу бѣжавшаго изъ Бендеръ въ здѣшнія границы тамош. подданнаго болгарина Каталѣя и что отъ него, ген. Глѣбова, помянутому ген. м. Исакову рекомендовано въ означенномъ бен-

дерскаго паши требованніи, ежели подлинно найдется оной болгаринъ въ здѣшнихъ границахъ, учинить надлежащее удовольствіе; а между тѣмъ предъ недавнимъ временемъ реченной бендерской паша письменно меня просилъ о присылкѣ ему чаю, почему, въ знакъ сосѣдственной дружбы, купя оного чаю двѣ жестянки за девять рублевъ на казенныя В. В. деньги, чрезъ отправляемыхъ отсюда въ Константинополь къ тайн. сов. и резиденту Обрѣскову курьеровъ къ оному бендерскому пашѣ и отослалъ, отъ котораго каково письмо со изъявленіемъ его удовольствія за выдачу вышеозначенного болгарина и за присылку чаю мною получено, съ оного къ высоч. В. И. В. усмотрѣнію всепод. подношу при семъ переводъ.

Приложеніе: Переводъ письма бендерскаго паши къ об. ком. Ельчанинову.

(По титулѣ) Отправленные отъ васъ къ пребывающему при Блист. Портѣ рос. резиденту курьеры въ г. Бендеры прибыли благополучно и отсюда съ опредѣленными вѣрными нашими людьми въ надлежащій ихъ путь отъ насъ отправлены, а находящіеся при нихъ для конвою два человѣка малороссійскіе козаки отпущены обратно къ рос. границѣ; почему во извѣстіе сіе дружеское письмо къ вамъ послано. А понеже, по имѣющейся между обоими имперіями искренной и непоколебимой дружбѣ, употребили вы усердное ваше стараніе о выдачѣ ушедшаго напередъ сего изъ Бендеръ портного, котораго четверо дѣтей со всѣмъ имѣніемъ чрезъ Тумбасарскаго командира Якубъ-аги къ намъ исправно присланы; которые ваши поступки не инако, какъ къ немалому нашему и всѣхъ бендерскихъ обывателей одолженію послѣдовали, о которыхъ дружескихъ вашихъ поведеніяхъ не преминемъ, чтобъ о томъ не увѣдомить Блист. Порту. Присланной отъ васъ въ двухъ банкахъ чай, къ немалому нашему обрадованію, имѣли честь получить, чрезъ котораго мы прежнее наше здравіе получили, за что несказанное наше благодареніе приносимъ.

(Переводилъ Кол. Ин. Д. секретарь Александръ Равичъ).

XIII.

Реляція об.-ком. Ельчанинова о присылкѣ разнаго рода вещей для подарковъ,—отъ 27 мая 1766 г.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 18 числа прош. апрѣля объ отправленіи кап. Соловкова къ дубосорскому воеводѣ Якубу съ пись-

момъ отъ прибывшаго сюда надв. сов. Никифорова, имѣю честь В. И. В. раболѣпнѣйше донести: оной капитанъ, по управленіи ввѣренной ему комиссіи, на сихъ дняхъ съ отвѣтнымъ письмомъ обратно прибылъ, съ коего при семъ точной переводъ, купно съ журналомъ его, Соловкова, на высоч. В. И. В. усмотрѣніе всенижайше подносится [1]).

В. И. В. между протчаго въ журналѣ внесеннаго всем. усмотрѣть изволите, чте воевода Якубъ, стараясь удостовѣриться о произведеніи ему обѣщаннаго пенсіона, и сему капитану поручилъ надв. сов. Никифорова его именемъ просить о покупкѣ для него въ Нѣжинѣ разныхъ рукъ мѣховъ на счетъ опредѣленнаго ему пенсіона; но какъ оной, по высоч. В. И. В. указу, чрезъ кап. Бастевика за цѣлой годъ къ нему уже [2]) отправленъ, то уповательно, что сей пріятель, полученіемъ пенсіона сполна успокоясь, о покупкѣ мѣховъ уже не столько настоять будетъ.

Во время войны съ турками, а именно съ 1737 по 1742 годъ, когда для заграничной съ пріятелями переписки тогдашній тайн. сов., нынѣ уволенный отъ службы В. И. В. дѣйств. тайн. сов. сенаторъ и кав. Неплюевъ здѣсь находился, то для учиненія пріѣзжимъ отъ турецкихъ пашей, отъ волоскихъ господарей, отъ хана крымскаго и отъ пріятелей подарковъ, такожъ и для посылки къ пріятелямъ, присылались въ канцелярію его изъ Москвы казенныя вещи, а именно: мягкая рухлядь мѣхами и сороками, чай черный и зеленый, ревень, канфы, голи и сукна; изъ которыхъ вещей; по разсмотрѣнію и уваженію случаевъ и особъ, подарки производились безъ излишества; а нынѣ при Кіев. губ. канц. подобныхъ вещей не имѣется, но принуждены все надобное на то употребленіе по необходимости не дешево за деньги покупать; и для того не соизволитъ ли В. И. В. всемил. указать по прежнему примѣру оныхъ вещей по нѣсколько каждаго сорта, откуда надлежитъ, на сіе употребленіе сюда въ Кіев. губ. канц. прислать, чемъ казнѣ В. И. В., въ разсужденіи покупки сдѣшней немалое пронзойти можетъ сбереженіе ибо и пріятелямъ опредѣленнаго пенсіона можно будетъ, вмѣсто денегъ, тѣми вещми по казенной цѣнѣ отпускать.

---

[1]) Упоминаемыхъ перевода и журнала при черновой реляціи не оказалось.

[2]) Свѣдѣніе объ этой посылкѣ пенсіона Якубу см. въ XIV т. „Зап. Од. Общ. ист. и др.“ въ XLI главѣ „Мат. для ист. юж.-рус. кр. въ XVIII ст.“.

XIV.

Реляція оберъ-коменданта Ельчанинова, съ препровожденіемъ письма могилевскаго пріятеля,—отъ 7 іюня 1766 г.

Имѣю честь В. И. В. всеподд. поднести переводъ съ письма могилевскаго кореспондента къ канц. сов. Веселицкому на всевысоч. усмотрѣніе, а при томъ дерзаю присовокупить, что, сколько я постигнуть могу, то въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ Порты Отоманской видится мнѣ, яко разглашенія о скоромъ разрывѣ съ царемъ за основательные почтены быть не могутъ, и учрежденіе магазиновъ въ Валахіи и Молдавіи, тожъ сплавливаніе великаго множества лѣса, статься можетъ, что болѣе въ собственную предосторожность, нежели для намѣряемаго вчатія какой-либо наступательной войны дѣлаются, ибо продолженіе войнъ съ грузинцами Портѣ не только великую заботу причинило, но и въ крайнюю опасность отъ христіанскихъ державъ оную привело; между тѣмъ отъ канц. сов. Веселицкаго къ помянутому кореспонденту писано стараніе приложить заподлинно развѣдать самому или черезъ нарочно посланныхъ, въ какихъ именно мѣстахъ магазины заводятся и на какое точно употребленіе лѣсъ сплавливается, и о всемъ томъ подлинное прислать увѣдомленіе.

Приложеніе: Переводъ письма кор. Ивана Кафеджи,—отъ 19 мая 1766 г.

Доношу вамъ, что г. Иванъ Жулескулъ со всею фамиліею сюда прибылъ, которому я въ переправѣ чрезъ р. Днестръ по вашему приказу удобовозможное дѣлалъ вспоможеніе. Онъ нѣсколько дней здѣсь пробылъ въ ожиданіи другихъ его партіи выходцовъ, но, не дождавшись оныхъ, къ вамъ отправился. Я, пользуясь его отсюда отъѣздомъ, увѣдомляю васъ, что турки великія дѣлаютъ важныя пріуготовленія для покоренія грузинцовъ; назначенная къ тому немалая армія, какъ сказываютъ, дѣйствительно уже въ движеніи находится. Начальники стоящихъ въ здѣшней пограничной околичности турецкихъ военныхъ командъ сами днемъ ѣздили въ Бендеры для принятія на подчиненныхъ жалованья. Они возвратясь разглашли, якобы вскорѣ у нихъ съ цесаремъ разрывъ учинится, но подлинно ль то—время окажетъ; а между тѣмъ какъ въ Валахіи, такъ и

въ Молдавіи великіе учреждать начали магазины, въ которые провіантъ и всякія съѣстные припасы изъ земли неослабно привозятъ, такожде немалое число лѣсу рѣкою Прутомъ къ мѣстечку Облучинца [1]) сплавливаютъ, неведомо, для строенія ли моста или другихъ какихъ укрѣпленій, о чемъ по точномъ развѣданіи донести не премину

XV.

Реляція ген. губ-ра Воейкова по поводу распространившихся слуховъ о готовящихся нападеніяхъ турокъ и татаръ,—отъ 8 іюня 1766 г.

Пребывающій здѣсь отъ кавалеріи генералъ поручикъ Гаугребенъ 19 прошедшаго іюня письменно знать далъ, что по рапорту къ нему отъ ген. пор. Дальке, при которомъ сообщена копія съ рапорта ген. маіора Исакова о заграничныхъ развѣдываніяхъ, клонящихся яко бы до предпріятія нападенія на границы В. И. В., отъ него надлежащая предосторожность по всей границѣ взята и состоящимъ въ его командѣ найсильнѣйше подтверждено во всякой къ выступленію въ походъ состоять готовности.

Но какъ сіи развѣдыванія, при соображеніи съ нынешними Турецкой Порты обстоятельствами и другими изъ за границы полученными предъ тѣмъ извѣстіями, подлинными быть не кажутся и потому уваженія не заслуживаютъ, какъ В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи, съ приписанными отъ меня ремарками, всемил. усмотреть соизволите, то отъ меня ген. пор. Гаугребену предписано ген. м. Исакову подтвердить, чтобъ отправляемые впредь для такихъ развѣдываній офицеры были люди искренные, разсудительные и росторопные, знающіе отчасти положеніе тѣхъ краевъ и нравы людей, къ какимъ отправляются, дабы пустыми розглашеніями безразсудно напрасные тревоги и безпокойства по границѣ не навести; что же до взятой имъ предосторожности принадлежитъ, то оная похвальна, ибо хотя сіи извѣстія вѣроятными и не признаваются, однако предосторожность, особливо при границѣ, излишнею быть не можетъ,

---

[1]) *Ремарк*: Сіе мѣстечко лежитъ въ Молдавіи у берега р. Прута между рр. Днѣстромъ и Дунаемъ, противъ котораго обыкновенно въ военное время для свободной коммуникаціи между пограничными и придунайскими крѣпостями и для всякихъ къ турецкой арміи транспортовъ чрезъ р. Прутъ мостъ наводится.

только бъ добрымъ порядкомъ и непримѣтнымъ образомъ предпріемлена была, чтобъ сосѣдямъ сумнительства и омбража не подать, а обывателямъ напраснаго страха не причинять.

Приложеніе: Копія репорта ген. м. Исакова къ ген. пор. Далькe—отъ 12 іюня 1766 г.

Посланной отъ меня, въ силу Государ. Кол. Ин. Д. секретнаго указу, въ заграничныя мѣста офицеръ о тамошнихъ обстоятельствахъ, сколько онъ сверхъ ему порученной комиссіи видѣть и слышать могъ, мнѣ репортомъ донесъ, что очаковской паша поѣхалъ въ дунайскія провинціи и что г. Очаковъ въ скорости ожидаетъ исъ Анатоліи янычаръ тысячъ до десяти, [1]) и видѣлъ противъ устья озера Тилгола на косѣ Телигольской, лежащей вдоль берега морскаго верстъ на десять, прикрытое отъ степи высокими морскими берегами собранное Нагайское войско [2]), къ которымъ по извѣстіямъ еще больше прибавляется по берегамъ Чернаго моря, отъ Бѣлограда, внизъ къ устью Дуная въ закрытыхъ мѣстахъ, какъ онъ слышалъ, Буджацкой орды весьма много, да на р. Серетѣ въ закрытыхъ долинахъ Буджацкая и Гедисанская орда и яко бы изъ Румелійской стороны на Дунай собралось янычаръ тысячъ до сорока; въ Гашликѣ (?) слышалъ, что въ Бѣлградъ, которой отъ Ганкишлы ввзду и не болѣе тридцати верстъ, и въ Очаковъ пришло моремъ изъ Анатоліи янычаръ, называемыхъ лицъ, а сколько и для чего сіе собраніе такихъ войскъ дѣлается, дѣйствительно ни отъ кого не слыхалъ, и только отъ

---

[1]) *Ремаркъ*: Поѣздка очаковскаго паши въ дунайскія провинціи ничего важнаго и чрезвычайнаго не значитъ, потому что пашамъ дозволяется для распорядковъ въ подчиненныя мѣста ѣздить по благоизобрѣтенію. Ожиданіе десяти тысячъ янычаръ изъ Анатоліи въ Очаковъ основательно быть не можетъ, ибо отъ очаковскаго пріятеля и посланнаго къ нему отъ есаула Рецетова нарочнаго никакого о томъ извѣстія не получено.

[2]) Собранное противъ устья оз. Тилгола на косѣ Тилгольской по берегу морскому татарское войско уваженія не стоитъ, тѣмъ паче что озеро Тилгола лежитъ близъ моря, котораго берегъ даже до устья р. Дуная обилуетъ лугами, но какъ отъ соленаго грунта весьма жирная произростаетъ трава; а какъ же земля состоитъ въ участи Буджацкихъ татаръ, то не токмо они, но и Нагайскіе татаре по способности всякой годъ для пастьбы своихъ табуновъ изъ всего округа на кочеванье туда переходятъ. Такое обстоятельство и съ лугами, на р. Серетѣ лежащими, настоитъ. Слѣдовательно, кочеванье въ сихъ мѣстахъ татаръ не для нападенія въ россійскія границы, но единственно для пастьбы табуновъ. Собраніе до сорока тысячъ на Дунаѣ румельскихъ янычаръ равномѣрно съ правдою не сходствуетъ, ибо состояніе Румельской провинціи не такое, чтобъ толикаго числа янычаръ изъ оной въ походъ выступить могло.

волоховъ, съ нимъ познакомившихся, слышалъ, будто для наказанія нагайцевъ за разореніе Молдавіи за уводъ въ плѣнъ девяти тысячъ народа, что и бывшій съ нимъ въ провожаніи татаринъ, присланной отъ Буджацкаго султана, подтвердилъ, прибавя, будто и ханъ крымскій соберетъ до нѣсколька тысячъ крымскихъ татаръ и пойдетъ съ турками и буджаками для наказанія тѣхъ нагайцевъ; и какъ въ Нагайской ордѣ въ проѣздъ его никакой предосторожности было не видно, къ томужъ невозможно, чтобъ сіе справедливо было, для того что буджацкіе татаре, сколько извѣстно, были самые первые и послѣдніе разорители Молдавіи, то, повидимому, сей слухъ пропущенъ только для народа, а самимъ дѣломъ клонится до нашихъ границъ, потому что онъ отъ нѣкоторыхъ спознавшихся съ нимъ христіанъ уведомился, яко буджацкіе мурзаки и татаре клянутся по великомъ байрамѣ, которой съ 8 по 11 числа мая прошолъ [1]), и по взятіи турками жалованья (нѣкоторые уже до Очакова за жалованьемъ отправились), ежели не сдѣлаютъ на Яникали, т. е. на крѣпость Св. Елисаветы, и на все заднѣпровское поселеніе нападенія, то пускай будутъ (дяурами) неверными христіанами и обрезаны будутъ ихъ бороды; а притомъ многіе какъ изъ Крыма въ Константинополь, такъ и изъ Константинополя и изъ Бѣлгорода въ Крымъ видимы были курьеры, которые съ бывшими въ конвоеваніи его посланными татарами въ разговорахъ съ осторожностью употребляли рѣчь калабаликъ, т. е. начались возмущеніи, а какія неизвѣстно [2]). О чемъ в. в. п-ву доношу и хотя о подлиности и неизвѣстно, однако отъ несчастнаго случая о содержаніи предосторожности на всѣ стороны крымской форпосты я чрезъ нарочныхъ вѣрнѣйшихъ искуснѣйшихъ людей частые и подъ разными претекстами розвѣдыванія дѣлать и меня почасту съ нарочными репортовать (приказалъ?), о которыхъ по полученіи в. в. п-у доносить не премину [3]).

---

[1]) *Ремарки:* Великой байрамъ по исчисленію у турковъ въ нынѣшнемъ году не въ маѣ, но въ февралѣ м—цѣ былъ.

[2]) Предъявленіе проѣзжихъ турецкихъ курьеровъ о возмущеніи, можетъ быть, послѣдовало въ народѣ по причинѣ землетрясенія или продолжающейся съ грузинцами войны.

[3]) Словомъ, всѣ сіи извѣстія ни малѣйшей вѣры подобности не имѣютъ и уваженія не заслуживаютъ, и еслибы что-либо подобное было, то какъ бы обрѣтающійся въ Крыму капитанъ Бастевикъ до сихъ поръ ни словомъ не отозвался, и сверхъ того, кажется, пріятели очаковскій, дубосарскій и могилевскій не преминули бы о томъ же знать дать, когдабъ извѣстія съ правдою сходствовали.

XVI.

Реляція о допрашиваніи всѣхъ чужестранцевъ, прибывающихъ въ Кіевъ, въ секретной экспедиціи,—отъ 8 августа 1766 г.

По возвращеніи кап. Бастевика изъ Крыму представлены мнѣ отъ него два письма, полученныя имъ отъ игумена Екатеринскаго греческаго монастыря, которыя сему оставлены отъ пріѣхавшаго изъ заграницы грека Янія предъ отъѣздомъ онаго отсюда въ С.-Петербургъ, съ тѣмъ чтобъ помянутый игуменъ, по прибытіи Бастевика, оныя ему вѣрно вручилъ. Изъ переводовъ тѣхъ писемъ и изъ учиненнаго кап. Бастевикомъ объясненія заключаю я, что вышереченный грекъ отъ Мокропуля и отъ пріятеля его Буковала, о коихъ В. И. В. Коллегія Ин. Д. безъ сомнѣнія довольно извѣстна, съ какими-нибудь новыми отправленъ представленіями для принятія ихъ въ высоч. В. И. В. протекцію, чего ради пріемлю смѣлость точные переводы, съ учиненными на оныхъ ремарками, на высоч. усмотрѣніе В. И. В. при семъ всеподд. подносить.

А какъ оной грекъ, безъ вѣдома секретной экспедиціи, отсюда въ С.-Петербургъ отправился, то отъ меня въ здѣшн. губ. канц. учрежденіе сдѣлано, чтобъ всѣ изъ заграницы пріѣзжіе чужестранные должны были явиться въ секретной экспедиціи, откуда и проѣзжими пашпортами за моею рукою снабдены быть имѣютъ; а между тѣмъ стараніе употреблено будетъ чрезъ разные разговоры непримѣтнымъ образомъ вѣдать и о точномъ оныхъ намѣреніи, ибо въ разсужденіи здѣшней пограничности осторожность кажется весьма необходима, чтобъ подъ именемъ пасажировъ иногда и подозрительные люди внутръ имперіи впущены быть не могли.

Приложенія:

а) Переводы писемъ Хаджи-Іоанна и брата его Анастасія Мокропуля,—отъ 20 ноября 1765 г.[1])

Почтенный во Христѣ брате, г. капитане Анастасіе! Братской дражайшій вамъ свидѣтельствую поклонъ, лобызаю ваши очи и молю Бога

[1]) *Ремарк*: Сіе письмо къ капитану Бастевику прислано отъ Мокропуля по поводу прежняго отзыва и прошенія чрезъ него жъ, Бастевика, о принятіи Мокропуля и сообщниковъ его въ россійско-императорскую протекцію, о чемъ Гос. Кол. Ин. Де. ще въ 1756 г.

о вашемъ добромъ здоровіи и благополучіи, а при томъ симъ братскимъ письмомъ объявляю, что сюда прибылъ братъ вашъ [1]), которой со мною говорилъ о купечествѣ и совершили дѣло на томъ основаніи, какъ вы писали. Теперь осталось вамъ въ вашемъ мѣстѣ стараніе приложить, какъ лучше знаете, чтобъ сіе дѣло скорѣе до окончанія доведено было, дабы товаръ не залежался и оттого въ порчу не пришелъ. Мы получили извѣстіе и отъ другихъ купцовъ, кои взяты въ неволю и выкупились въ Венеціи; и такъ оканчивая, остаюсь Хаджи-Іоаннъ, братъ вашъ.

б) Письмо отъ брата Мокропуля къ оному жъ Бастевику.

Почтенный г. капитанъ Анастасій! братерски вамъ кланяюсь и о вашемъ здравіи извѣстясь радовался. Чѣловѣкъ, которой съ пшеномъ сорочинскимъ къ вамъ пріѣхалъ, отъ меня отправленъ въ другую лавку, которому и лошадь дана, по той причинѣ, что у меня оного товару не случилось, въ чемъ прошу простить. И такъ, желая вамъ многолѣтного и благополучнаго пребыванія и вожделѣннаго свиданія, остаюсь съ почтеніемъ Хаджи-Анастасій, всегда въ вашихъ повелѣніяхъ [2]).

XVII.

Указъ Е. И. В. изъ Государств. Коллегіи Иностран. Дѣлъ кіев. оберъ-коменданту Ельчанинову о нечиненіи конфидентамъ излишнихъ въ награжденіи обѣщаній,—отъ 15 августа 1766 г.

Изъ реляціи вашей отъ 7 минувшаго апрѣля усмотрено здѣсь въ Кол. Ин. Д. о стараніяхъ канц. сов. Веселицкаго къ изысканію мно-

---

свѣдома, ибо онъ, Бастевикъ, посланъ былъ тогда съ даннымъ ему знакомъ для обнадеженія Мокропуля и прочихъ его сообщниковъ высоч. протекціею и милостію.

[1]) *Ремаркъ*: Упоминаемый братъ есть только пріятель капитана Бастевика родомъ изъ г. Санта Мавра, подъ властію Венеціанской республики находящагося. Онъ прошлаго года въ проѣздъ чрезъ здѣшнее мѣсто изъ Нѣжина за границу по купеческому промыслу ему, Бастевику, открылся, что реченной Мокропули съ нетерпѣливостію желаетъ отъ него, Бастевика, по извѣстному его домогательству письмомъ увѣдомленъ быть, и если по тому дѣлу что-либо къ нему хочетъ, то обязуется оное письмо наивѣрнѣйше доставить; напротивъ чего кап. Бастевикъ ему поручилъ Мокропулю поклонъ объявить и сказать, что онъ здоровъ, а писать не намѣренъ до другого случая. Купечество значитъ намѣреніе Мокропуля подвергнуться въ протекцію рос. имперіи; дѣло совершили на томъ основаніи, т. е., на какомъ онъ черезъ нарочнаго увѣдомляетъ; дабы товаръ не залежался и не испортился—просить о скорой высоч. резолюціи, дабы дѣло пока въ оттяжку не пришло.

[2]) *Ремаркъ*: Сей человѣкъ есть тотъ самой, о которомъ въ первомъ письмѣ упоминается и который въ С.-Петербургъ отправлялся. Пшено сорочинское значитъ имѣвшій съ

гихъ пріятелей и о подаваемомъ имъ отъ него, Веселицкаго, о протекціи здѣшней и о жалованьи обнадеживаній, съ обѣщаніемъ еще сверхъ того награжденій и прибавки жалованья по усмотрѣнію ревностной ихъ службы и важности сообщаемыхъ извѣстій, какъ то равномѣрное отъ него, Веселицкаго, обѣщаніе подано могилевскому жителю, знатному и богатому купцу греку Кафеджи.

А какъ онъ, Кафеджи, по своему достатку и знатности, не изъ денежнаго награжденія, но, можетъ быть, только, какъ христіанинъ, изъ усердія къ имперіи здѣшней согласился подавать въ здѣшнюю сторону извѣстія, то весьма, кажется, излишне подано ему о годовомъ жалованьи обнадеживаніе; да и получать ему за такія вѣдомости до ста пятидесяти рублевъ въ годъ не безпостыдно тѣмъ наипаче, что оное при его знатности и богатствѣ не сдѣластъ ему въ капиталѣ большого приращенія. Итакъ, посему впредь надлежитъ канц. сов. Веселицкому нѣсколько въ обѣщаніяхъ поудерживаться и прилежнѣе смотрѣть, чтобъ раздаваемыя имъ награжденія не напрасно употребляемы и казна истощаема быть могла; равнымъ образомъ, хотя и нужно, однакожъ не вдругъ и пріятелей изыскивать надобно, а лучше всего исподволь и при подающихся къ тому удобныхъ случаахъ.

XVIII.

Рескриптъ на имя ген.-губ-ра Воейкова по поводу сообщенія есаула Рецетова о проектѣ пріятеля Якуба, а также о жалованьи новому пріятелю Григорову,—отъ 14 августа 1766 г.

Изъ представленія ген. м. и кіев. об. ком. Елчанинова усмотрѣли Мы, что отст. полк. есаулъ Рецетовъ жаловался ему, об.-коменду, коимъ образомъ домъ его, Рецетова, во время четырехъмѣсячной для дѣлъ нашихъ отлучки, постоями отягощенъ и домашніе отъ того крайнее претерпѣвали утѣсненіе. А какъ онъ, Рецетовъ, порученную ему комиссію съ желаемымъ успѣхомъ исправилъ, то Мы

нимъ разговоръ. Отправленъ въ другую лавку и дана ему лошадь—посланъ къ другому начальнику, на ихъ же согласіе склонному съ письмомъ. Затѣмъ, что товару нѣтъ, т. е., что отъ него давно извѣстія не имѣлъ.

въ разсужденіе того уволняемъ домъ его отъ всякаго постоя, для чего и дается ему, Рецетову, приложенной здѣсь открытой указъ, которой ему и отдать надлежитъ. Между тѣмъ, изъ журнала означеннаго есаула Рецетова, при томъже представленіи полученнаго, съ сожалѣніемъ видимъ Мы, яко бы пріобрѣтенной бывшимъ въ Крыму консуломъ Нашимъ пріятель, нынѣшній дубосорскій гетманъ Якубъ, сдѣлалъ проэктъ о пріумноженіи изъ христіанъ обитателей въ новозаведенныхъ ханомъ крымскихъ слободахъ отъ рѣки Синюхи до Палѣева озера, что́ и отъ Порты апробовано, и тому Якубу поручено главное о поселеніи той земли имѣть попеченіе, и будто уже онъ дѣйствительно о вызовѣ изъ малороссійскихъ Нашихъ и слободскихъ полковъ, да изъ Новороссійской губерніи и изъ польской украины прилагаетъ немалое стараніе, и народъ по разглашенію о выгодахъ сильно туда стекается; селенія умножились, да и безпрестанно прибавляются. А понеже онъ, Якубъ, напередъ сего полезными консулу Нашему совѣтами оказалъ уже опытъ своего усердія, а за то и нынѣ пользуется опредѣленною отъ насъ пенсіею, то и невѣроятно кажется, чтобы онъ свое поведеніе перемѣнилъ и лишился за подобный поступокъ сей продолжаемой ему пенсіи; однакожъ и то легко статься можетъ, что хочетъ онъ получать и обманомъ,—почему поручаемъ Мы прилежному вашему старанію съ достовѣрностію о томъ, однакожъ безприметнымъ образомъ, чрезъ надежные способы развѣдать и открыть прямую истину, подлинно ль такое селеніе по его, Якубову, предложенію дѣлается и въ самомъ ли дѣлѣ оное ему поручено, да и о вызовѣ людей прилагаетъ (ли) онъ стараніе, или же оное по другимъ какимъ неизвѣстнымъ здѣсь обстоятельствамъ и несправедливо на Якуба сказано; и что вы о семъ развѣдать можете, о томъ Мы будемъ ожидать доношенія вашего. Сверхъ сего, повелѣваемъ Мы вамъ вновь найденному въ Очаковѣ пріятелю Григорову, въ разсужденіи сказуемой имъ въ письмѣ къ совѣтнику Веселицкому готовности подавать въ нашу сторону извѣстія о бендерскихъ и крымскихъ обращеніяхъ и могущихъ оттого умножиться излишнихъ издержекъ, кромѣ обѣщаннаго ему ежегоднаго по сту по пятидесяти рублевъ жалованья, прибавить еще толикое же число, чѣмъ онъ и доволенъ быть долженъ; но сей прибавокъ производить ему однакожъ съ того времени, когда онъ

дѣйствительно о тамошнихъ обращеніяхъ справедливыя и вѣроятія заслуживающія вѣдомости присылать станетъ, а не инако, ибо впрочемъ въ вѣрности на такихъ пріятелей вдругъ никакъ положиться не можно.

XIX.

„Журналъ, держанной асауломъ Рецетовымъ по бытности его в Очаковѣ,"—въ августѣ 1766 г.

По данному мнѣ наставленію прошлаго августа 10 числа, взявъ изъ Сѣчи пашпортъ и отъ запорожскихъ старшинъ рекомендацію для прикрытія моей поѣздки, прибылъ въ Очаковъ 18 того же августа, гдѣ мнѣ квартира отведена, и по причинѣ претекста, которымъ я отъ запорож. старшинъ снабденъ былъ, представленъ пріятелемъ Юрьемъ Григоровымъ тамошнему наместнику Мюселиму, отъ котораго ласково принятъ и по обычаю кофемъ трактованъ, а потомъ чрезъ переводчика спрашивалъ о здешнихъ обстоятельствахъ и гдѣ россійская армія находится; на что ему отъ меня отвѣтствовано, что въ Россіи обстоятельства, по милости Божіей, спокойны, а армія, въ расположенныхъ мѣстахъ стоя, пользуется плодами благополучнаго мира. Но какъ при Мюселимѣ, знатно для аудіенціи моей, нѣсколько янчарскихъ и гражданскихъ старшинъ присутствовали, то оной, переговоря съ ними, паки меня спросилъ: у нихъ слухъ носится, что россійская армія въ Полшу вступаетъ, по которой причинѣ будто уже и польскіе войска въ Украину вышли; подлино-ль сіе разглашеніе или нѣтъ? Я на то повторилъ, что у насъ въ Запорож. Сѣчи по мой отѣздъ никакого о подобныхъ движеніяхъ извѣстія не имѣлось; слѣд., такое разглашеніе, кажется, пустое. Напослѣди Мюселимъ навѣдался у меня о кошевомъ отаманѣ запорожскомъ, скоро-ль къ своему войску прибудетъ и для чего такъ долго въ С.Петербургѣ мѣшкаетъ. На сіе я сказалъ, что онъ имѣлъ просьбу по разнымъ войсковымъ дѣламъ и надобностямъ и что изъ полученныхъ отъ него писемъ явствуетъ, что скоро въ Кошъ прибудетъ. По окончаніи сего я на квартиру пошелъ въ препровожденіи переводчика Григорова и тамошнихъ толмачей. Между тѣмъ, пріятель Григоровъ, избравъ время, со мною видѣлся и наисильнейшимъ образомъ меня о

преданости и усердіи вновь увѣрилъ, сказавъ, что онъ переписку свою гораздо чаще производилъ бы, но по данному ему наставленію чрезъ Орловскій форпостъ того учинить не отважился, потому что посланной отъ него долженъ чрезъ татарскіе слѣдовать кочевья, чѣмъ себя въ подозреніе, слѣд. и въ крайнее несчастіе, привесть могъ бы. Онъ, для сысканія надѣжнейшаго къ тому способа, въ первыхъ числахъ августа ѣздилъ въ Запорож. Сѣчь въ намѣреніи застать тамъ кол. асс. Чугуевца, дабы, переговоря съ нимъ, утвердить удобнѣйшій для вѣрнаго его писемъ доставленія каналъ, но, не заставъ его въ Сѣчи, избралъ къ тому давняго своего знакомца запорож. козака Плостуновскаго куреня Ивана Полтарацкаго, (который) промышляетъ рыбною ловлею по надъ лиманомъ при уствѣ р. Днѣпра и потому часто въ Очаковѣ бываетъ. Сей, яко трезвой, скромной и постоянной человѣкъ обязался письма его пересылать въ Сѣчу къ писарю Ляховичу, отъ котораго отправляемы будутъ безъ малѣйшаго задержанія къ г. канц. сов. Веселицкому въ Кіевъ. Я, зная доброе состояніе какъ козака Ивана Полторацкаго, такъ и писаря Ляховича, его избраніе похвалилъ; и такъ сей каналъ у насъ для переписки основанъ. Впрочемъ, онъ мнѣ далъ письмо на греческомъ языкѣ къ г. канц. сов. Веселицкому и притомъ на доношеніе слѣдующее мнѣ словесно объявилъ.

Предъ самымъ моимъ пріѣздомъ туда, прошлаго августа 17 дня, наряженъ и посланъ изъ Очакова отъ Мюселима, по совѣту всѣхъ съ нимъ засѣдающихъ чиновъ, шпіономъ Липканъ Сулейманъ; въ паспортѣ, на польскомъ языкѣ ему данномъ, написанъ Самуиломъ изъ Могилева; росту средняго, лѣтъ до шестидесяти, въ бородѣ, волосомъ черноватъ, по-русски хорошо говоритъ и по-турецки; которому велѣно Польшею слѣдовать и побывать въ Кіевѣ для развѣданія, по указу Порты, о россійской арміи, гдѣ оная расположена и въ какомъ нынѣ состояніи.

Въ ордахъ татарскихъ Джамбуйлуцкой и Едичкульской, по-надъ Днѣпромъ кочующихъ, прошлаго іюля было собраніе, куда онъ, Юрья Григоровъ, нарочно для свѣданія причины ѣздилъ. Собраніе мурзъ и татаръ было великое. Они съѣхались для совѣтованія по поводу наложенныхъ и взыскуемыхъ въ ханскую казну поборовъ; а именно, со всего снятого хлѣба и со всего скота десятой части неотмѣнно ежегодной дани; и обще соглашено хана просить о уменьшеніи

сихъ поборовъ, такъ какъ за прежнихъ хановъ было, при чемъ крайнюю въ правленіи неспособность хана и слабость поносили, говоря, что находящіеся при немъ всеми дѣлами управляютъ по своимъ интересамъ, и онъ ни о чемъ никакой резолюціи дать не можетъ. Они признаваютъ возведеніе сего хана нарочнымъ умысломъ Порты, употребленнымъ для вящаго ихъ утѣсненія и порабощенія, и явно отзываются, что о перемѣнѣ сего хана стараться не преминутъ.

Знатные турки очаковскіе, будучи въ своемъ собраніи, куда по дѣламъ и онъ, Григоровъ, призванъ былъ, между инымъ разговаривали о скоромъ возвращеніи дубосарскаго воеводы изъ Бакцысарая въ Балту, разсуждая, что Якубово стараніе и доклады о введеніи въ Крымъ россійскаго консула знатно ханомъ не приняты и для того де онъ скоро оттуда отправленъ, при чемъ съ удивленіемъ отзывались, что французы никакой почти комерціи въ Крыму не имѣютъ, а консулъ ихъ съ давнихъ лѣтъ тамъ пребываетъ; напротивъ того, россійскаго народа купцевъ и соловозовъ безвыѣздно многое число въ Крыму, а консула нѣтъ. Еслибъ изъ Россіи одинъ только годъ ватага за солью въ Крымъ не пошла, то видится, что ханъ принужденъ былъ бы и самъ присылки консула въ Бахчисарай домогаться. Онъ, Григоровъ, думаетъ, что Якубъ въ проѣздъ свой кому-нибудь изъ своихъ пріятелей о семъ сообщилъ и подалъ тѣмъ поводъ къ сему въ собраніи разговору.

Въ Бендеры онъ, Григоровъ, посылалъ нарочного своего человѣка недавно, но тамъ новостей никакихъ нѣтъ, только въ Едисанской ордѣ мурзъ мало имѣется, а позваны они къ хану и въ орду не отпускаются по всегдашнему на нихъ въ противностяхъ зазренію.

О присылкѣ отъ г. генер. маіора Исакова въ Очаковъ нарочныхъ упоминалъ Григоровъ, что пріѣзжаютъ разные нескрытные люди и говорятъ, что всѣ извѣстія принадлежатъ до него, Исакова, ибо онъ ничего не пропуститъ, а въ Кіевъ слѣдующее все де ничто, чѣмъ его въ великое приводятъ сумненіе, и онъ со всѣмъ его усердіемъ не знаетъ, что дѣлать, паче потому, что взысканіе его послѣдовало изъ Кіева, а не отъ г. ген. м. Исакова; однакъ отъ меня онъ увѣренъ, что всѣ нужнейшіе и важнейшіе заграничные происхожденія до кіевскаго главнаго командира, ген. анш. и Кіев. губерніи ген. губ-ра завсегда отъ всѣхъ мѣстъ принадлежатъ, о чемъ издавна

не безъизвѣстно, и что отъ ген. м. Исакова тудажъ репорты приходятъ, чѣмъ онъ успокоился.

Кореспонденты и свойственники изъ Бакчисарая его увѣдомляютъ, что ни въ Крыму, ни въ Константинополѣ, ниже въ другихъ турецкихъ мѣстахъ новостей, примѣчанія заслуживающихъ, нѣтъ, кромѣ, что всѣ турки въ унынiе и страхъ приведены частымъ въ Цареградѣ землетрясеніемъ, и что грузинское войско отъ дня въ день умножается; по которой причинѣ турки грузинскихъ невольниковъ посвободнѣе содерживать стали, отзываясь, что можно ихъ свободными вовся учинить, а чтобъ оружіемъ съ ними развѣстись будто крайне для нихъ подло; но въ самомъ дѣлѣ весьма того походу опасны, ибо разные замѣшательства и непослушности между янычарами въ Анатоліи и въ другихъ мѣстахъ произошли.

Въ Очаковѣ гарнизонъ прежній, а въ прибавокъ людей и запасовъ воинскихъ въ присылкѣ не было и о томъ ничего не слышно. Паша сего города и другихъ подъдунайскихъ мѣсть въ Румелѣ находится, а въ Очаковѣ вышеписанной командуетъ Мюселимъ. Когда же что-либо достойнаго къ доношенію произойдетъ, онъ немедленно постановленнымъ каналомъ увѣдомить не преминетъ.

По окончаніи сего спросилъ меня пріятель, не привезъ-ли я ему изъ Высочайшей милости чего въ жалованье? Я его обнадежилъ.

(Окончанія журнала не достаетъ)

XX.

Письмо надв. сов. Никифорова въ Дубосары къ пріятелю Якубу,— отъ 4 сентября 1766 г.

Пріятное ваше письмо исправно до меня дошло. За дружескія ваши увѣдомленія весьма обязанъ. Я васъ прилежнѣйше прошу по извѣстнымъ вамъ обстоятельствамъ почаще со мною переписываться, посылая ваши письма такимъ же образомъ и способомъ, какъ нынѣ, буде нарочного съ моей стороны ѣздока у васъ не случится, ибо отъ меня такое распоряженіе сдѣлано, что всѣ ваши письма, отдаваемыя обрѣтающемуся на Орловскомъ форпостѣ командиру, безъ всякаго сумнѣнія мнѣ вѣрно доставлемы и надлежащее по онымъ отъ меня употребленіе всегда сдѣлано быть имѣетъ. Упомянутый въ вашемъ

письмѣ капитанъ данные ему наставленія и учиненные дружескіе откровенности въ журналѣ своемъ внести не преминулъ; я изъ оныхъ съ немалымъ удовольствіемъ истинное ваше усердіе усмотрѣлъ. Касательно консульства когда вашъ господинъ не преклоняемъ никакими резонами и не предвидитъ происходимую отъ того пользу, то съ нашей стороны, по вашему присовѣтыванію, болѣе съ нимъ о сей матеріи переписываться не станутъ. Впрочемъ, я благонадеженъ, что вы, мой вѣрный пріятель, при воспослѣдуемой вамъ какой перемѣнѣ, о мѣстѣ пребыванія вашего меня благовременно увѣдомить не преминете, дабы по разстоянію приличныя мѣры употребить и удобнѣйшіе способы изыскивать къ безпрепятственному продолженію нашей переписки можно было.

Приложеніе: Переводъ письма конфидента Якуба.

Нашедъ удобный случай къ исполненію моей должности, моихъ извѣстныхъ пріятелей увѣдомляю о всѣхъ здѣшнихъ происхожденіяхъ, и, во-первыхъ, донести принужденъ: господинъ мой такой невѣжа, что онъ никогда ничего добраго для пріятелей и сосѣдовъ своихъ сдѣлать не въ состояніи, да и внутри своего владѣнія никакого порядка завести не можетъ, чрезъ что всѣ здѣшней области жители имѣютъ къ нему холодность и омерзеніе, а больше всего то ему вредитъ, что онъ разумѣть не можетъ, что для него можетъ быть полезно и что вредно. Какъ то моимъ извѣстнымъ пріятелямъ довольно извѣстно,—какой бы ему вредъ быть могъ отъ постановленія въ Крыму россійскаго консула, но паче еще онъ бы чрезъ то имѣлъ въ управленіи пограничныхъ дѣлъ немалое облегченіе; но онъ въ семъ случаѣ такъ упрямъ, что никоимъ образомъ его къ тому уговорить нельзя. Установленіе въ Крыму консула инаково къ желаемому концу придти не можетъ, развѣ его Порта къ тому принудитъ такимъ образомъ, чтобъ одинъ указъ былъ къ нему самому о принятіи россійскаго консула, а другой къ крымскому духовенству и прочимъ главнымъ начальникамъ, мурзамъ и агамъ, съ такимъ именно изъясненіемъ, что якобы для спокойствія и пользы нашихъ границъ россійскій консулъ въ Крыму необходимо надобенъ.

О семъ бы надлежало въ нынѣшнее время стараться, и я надѣюсь что Порта, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, все для извѣстныхъ моихъ пріятетей сдѣлать была бъ принуждена въ разсужденіи многихъ внутръ ея областей нестройностей: первое—война съ грузинцами, второе—великое разореніе въ Константинополѣ, да къ тому жъ невѣжество господина

моего, который безъ Порты добраго и худого ничего сдѣлать не можетъ. Правда, что кубанцевъ и нѣкоторые горніе области онъ нѣсколько взялъ къ рукамъ, а особливо взятьемъ аманатовъ привелъ ихъ въ послушаніе, однакожъ обѣ эти области причиняютъ ему немалыя обиды, разбиваютъ крымскихъ купцовъ и къ его командѣ принадлежащихъ людей, что все пріятелямъ моимъ до сего уже, уповаю, извѣстно.

Что принадлежитъ до сентиментовъ господина моего къ извѣстнымъ моимъ пріятелямъ, о томъ бывшій въ Бахчисараѣ капитанъ изустно увѣдомитъ, которому и я нѣкоторыя давалъ наставленія, какъ ему моихъ пріятелей увѣдомить, и я съ моей стороны всѣ способы изыскивать стану привести то къ желаемому концу и мою услугу показать.

Здѣшнее правительство весьма тревожится нынѣшнимъ разграниченіемъ, опасаясь, что Россіи достанется вся польская украина; чего для безперерывно требуютъ отъ меня рапортовъ о всѣхъ въ Европѣ происхожденіяхъ, и я принужденнымъ себя нахожу о всемъ, что услышу о пріятеляхъ моихъ худое и доброе, писать и ихъ увѣдомлять, ибо если мнѣ что-либо утаить, а они бы отъ кого другого о томъ были увѣдомлены, то чрезъ то могу я потерять кредитъ. Я бы радъ всегдашнюю мою продолжать кореспонденцію и о всемъ нужномъ и подлинномъ моихъ пріятелей увѣдомлять, но признаюсь, что не всегда имѣю къ тому способность, опасаясь при томъ и подозрѣнія; однакожъ, покуда здѣсь на границѣ буду, всячески стараться стану чаще моихъ пріятелей увѣдомлять, но когда отсюда удалюся, то уповаю, мнѣ не безъ трудности будетъ мою продолжать переписку.

Янычаре почти всѣ войны желаютъ, но ихъ начальники и министры отъ того ихъ удерживаютъ и склоняютъ къ миру.

А мой господинъ, какъ я и выше сего писалъ о его невѣжествѣ, такъ и еще то повторяю, что онъ и своими областями управлять не умѣетъ, а особливо Едисанскихъ татаръ вовсѣ въ строгости содержать не можетъ: всякой почти мѣсяцъ дѣлаются между ими возмущенія, чему всему онъ самъ причиною, ибо и малѣйшаго не имѣетъ опасенія; какъ то 15-го августа сераскиръ-салтана булюкъ-башу убили; оной посланъ былъ отъ салтана для поимки нѣкоторыхъ погрѣшившихъ мурзъ, но они его до смерти убили, а сами въ Польшу ушли.

О нынѣшнемъ разграниченіи республики Польской съ Россійскою имперіею ничего не доношу, надѣяся, что о томъ моимъ пріятелямъ совершенно извѣстно.

Господинъ мой свою несклонность къ Россіи имѣетъ единственно для кабардинцовъ, которыхъ онъ подъ свою власть покорить не можетъ и штрафовать не въ состояніи, и по своему невѣжеству съ тѣмъ отзы-

вается, что если ему станутъ отъ Россіи скучать требованіями и отъ Порты письмами, то онъ, и ханство оставя, прочъ уѣдетъ.

О учрежденіи россійскаго консула въ Крыму инако быть не можетъ, какъ я о томъ выше сего писалъ или какъ я давалъ наставленіе недавно бывшему въ Крыму капитану, которое, уповаю, онъ въ свой журналъ записанъ.

Порта никакой склонности къ войнѣ не имѣетъ, какъ о томъ самимъ моимъ пріятелямъ извѣстно.

Люди здѣсь партикулярно между собою поговариваютъ, что тѣмъ грузинцамъ, которые съ Портою имѣютъ войну, якобы Россія дѣлаетъ вспоможеніе, однакожъ здѣшніе люди совершенно тому вѣрить не хотятъ.

Я бы желалъ пріятелямъ моимъ въ нынѣшнее время завесть съ Едисанцами нѣкоторую пріязнь, ибо кто можетъ вѣдать: можетъ они вздумаютъ то же сдѣлать, что сдѣлали при ханѣ Галимъ-Гиреѣ? а нѣкоторые даже съ тѣмъ отзывались, что когда де намъ придетъ тѣсно, то мы можемъ поддаться подъ россійскую протекцію. А кабардинцы таковы, какъ львовскія блядки: иногда Россіи пріятелями дѣлаются, а иногда здѣсь на Россію великія сплетни привозятъ.

Что принадлежитъ до продолженія моей кореспонденціи, желалъ бы вѣдать, съ кѣмъ оную имѣть и на чье имя адресовать, ибо я точнаго увѣдомленія не имѣю, и если впредь моя кореспонденція пріятелямъ моимъ будетъ надобна, ожидаю совершеннаго наставленія и способовъ къ оной.—Если я на предбудущій годъ при Дубосарской и Балцанской волостяхъ останусь, то еще могу имѣть способъ къ продолженію кореспонденціи; буде же отсюда буду удаленъ, то въ такомъ случаѣ надобно мнѣ имѣть наставленіе, какимъ образомъ оную продолжать.

Здѣшнее правительство опасается и того, слыша отъ людей, совсѣмъ никакихъ дѣлъ не знающихъ, что якобы Россія нынѣшняго короля польскаго избрала съ намѣреніемъ соединиться съ Польшею или на то время оную себѣ покоритъ, и тогда бъ слѣдовало неблагополучіе нашему государству, къ чему говорятъ первоначальные знаки изъ того видны, что хотятъ сперва польскою украиною овладѣть. Когда жъ нынѣшній съѣздъ для разграниченія самымъ дѣломъ не состоится по ихъ мыслямъ, то не знаю, что далѣе будутъ о Россіи говорить.

Изъ Нѣмецкой земли, отъ короля прусскаго и прочихъ государей, здѣсь у насъ въ Крыму никакихъ отзывовъ нѣтъ и никакихъ перемѣнъ, развѣ не стараются ли они о чемъ-либо въ Цареградѣ.—Я, какъ извѣстный и справедливый пріятель и слуга моихъ пріятелей, увѣряю, что сколько случай и способность подать можетъ, о всѣхъ извѣстныхъ мнѣ

дѣлахъ и обстоятельствахъ моимъ пріятелямъ давать знать не премину, лишь бы только имѣлъ удобность къ перепискѣ и увѣдомленію.

Что такъ изъяснивъ, съ должнымъ почитаніемъ пребываю. Вашъ доброжелательный пріятель и ко всегдашнимъ услугамъ готовый сего знака извѣстный пріятель [1]).

XXI.

Реляція о пребываніи въ Кіевѣ турка Махмета и о полученныхъ отъ него свѣдѣніяхъ,—отъ 13 сентября 1766 г.

Прошлаго августа 18 числа присланъ сюда при рапортѣ стоящаго у Васильковскаго форпоста маіора, по выдержаніи карантина и докторскаго осмотра, слѣдующій въ Нѣжинъ для своихъ нуждъ турчинъ Хаджи-Махметъ съ служителемъ Сулейманомъ. Оной о себѣ здѣсь объявилъ, что не турчинъ, но природной грекъ и православной христіанинъ, и что выѣхалъ единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ себя со всѣми домашними подвергнуть подъ покровъ В. И. В., а для лучшаго объясненія сопряженныхъ съ его состояніемъ обстоятельствъ подалъ мнѣ на греческомъ языкѣ доношеніе, при чемъ словесно присовокупилъ, что онъ несумнѣнную надежду имѣетъ на милосердіе и щедроту В. И. В. о всемил. его призрѣніи за оказанное отъ него Рос. имперіи усердіе, и просилъ до полученія всемил. объ немъ резолюціи и до прибытія его фамиліи, которую онъ скоро ожидаетъ, дозволить ему здѣсь пробыть; въ чемъ ему хотя дозволеніе и дано, однако съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ изъ квартиры не отлучался, дабы тѣмъ народу повода къ примѣчанію и различному о немъ гаданію не подать, а для покупки пищи и другихъ надобностей приданъ ему одинъ изъ здѣшнихъ толмачей.

Между тѣмъ приказано отъ меня капитану Бастевику къ нему почаще ходить и съ нимъ о разныхъ въ Константинополѣ обстоятельствахъ разговаривать; которому онъ объявилъ, что тамошніе турки въ великомъ унынiи, а большая часть воинскихъ людей нынѣшнимъ правительствомъ недовольна и къ взволнованію склонна, чего ради отъ Порты великая взята осторожность, караулы и бекеши противъ обыкновеннаго вездѣ удвоены и утроены, а сверхъ того и

[1]) Подъ письмомъ находится изображеніе условнаго знака.

дозоры безпрестанные чинятся; многіе язъ богатыхъ и зажиточныхъ турокъ домы свои въ Константинополѣ почти за безцѣнокъ продаютъ и строются въ Скутари на Анатольской сторонѣ, а тѣ, кои по султанскому указу на развалинахъ строиться принуждены, созидаютъ домы какъ бы на пескѣ, весьма непрочные, изъ однихъ почти досокъ, которые въ сильную бурю, каковы часто тамъ случаются, совсѣмъ разнесены быть могутъ. Прошлою весною, по представленію министерства, изготовлены были два корабля съ амуниціею и опредѣлена знатная денежная сумма для сильнѣйшаго продолженія съ грузинцами войны, но предъ отправленіемъ тѣхъ кораблей извѣстіе получено о разбитіи грузинцами турковъ; министерство, утаивъ отъ султана такую непріятную вѣдомость, разсудило отправленіе кораблей остановить, которые и понынѣ въ недалекомъ отъ Константинополя разстояніи на якоряхъ стоятъ, по которой причинѣ султану о грузинскихъ успѣхахъ ничего не объявляютъ, а какъ въ народѣ о томъ слухъ пронесся и къ роптанію поводъ поданъ, то предъ его изъ Константинополя отъѣздомъ министерство для утушенія сего разглашенія употребило слѣдующую хитрость: приказало двухъ татариновъ нарядить, которые бы въ Константинополь публично въѣзжали и разглашали, что изъ турецкой арміи пріѣхали съ извѣстіемъ о одержаніи надъ грузинцами побѣды, въ подтвержденіе чего надѣты на нихъ въ диванѣ кафтаны, чѣмъ народъ нѣсколько и успокоенъ. Онъ увѣряетъ, что Порта по причинѣ войны съ грузинцами и бывшаго землетрясенія въ весьма критическихъ находится обстоятельствахъ и опасается бунта.

Я пріемлю смѣлость В. И. В. точной переводъ съ его донешенія при семъ на высоч. усмотрѣніе всепод. подносить и всемил. себѣ испрашивать указа, какое В. И. В. объ немъ будетъ соизволѣніе, ибо онъ желаетъ, оставивъ фамилію здѣсь, удостоиться ѣхать къ высоч. двору В. И. В. для раболѣпнѣйшаго къ монаршимъ стопамъ поверженія [1]).

---

[1]) Упоминаемаго перевода и реляціи не оказалось. Въ отвѣтъ же на эту реляцію былъ полученъ особый рескриптъ на имя ген.-губ. Воейкова, отъ 24-го октября 1766 г., слѣдующаго содержанія:

По разсмотрѣніи упоминаемыхъ въ полученномъ здѣсь при реляціи вашей, отъ 14-го минувшаго сентября, переводѣ съ донешенія пріѣхавшаго въ Кіевъ грека Димитрія Дуки

XXII.

Рескриптъ на имя ген.-губ. Воейкова о частой перепискѣ съ Якубомъ,—отъ 11 января 1767 г.

Изъ пріобщенной при реляціи вашей, отъ 13 ноября минувшаго 1766 г., копіи съ письма извѣстнаго пріятеля Якуба усматриваемъ Мы отзывъ его, что онъ, по причинѣ своего въ Бахчисарай отъѣзда, не знаетъ, какимъ образомъ можетъ подавать въ нашу сторону потребныя извѣстія, и о томъ также, нужна ли впредь будетъ его переписка, проситъ наставленія и увѣдомленія. По небытности нынѣ въ Бахчисараѣ отъ Насъ никакого повѣреннаго человѣка, кореспонденція его теперь, въ пребываніе его при самомъ ханѣ, весьма нужна и полезна есть, ибо, по его въ дѣлахъ обращенію, отъ него ожидать должно оттуда лучшихъ и надежнѣйшихъ увѣдомленій; и потому надобно съ нимъ переписку, сколь благопристойность дозволитъ, чаще производить и письма наполнять завсегда ласковыми и дружескими къ нему израженіями. Средство къ тому найлучшее быть кажется посылка въ Бахчисарай, подъ разными неподозрѣваемыми претекстами, надежныхъ иногда офицеровъ, а наипаче запорожскихъ въ Крымъ торгующихъ козаковъ, которымъ еще найболѣе тамошнія обращеніи свѣдомы, слѣдственно они найлучше въ состояніи отвращать всякія быть могущія сумнѣнія и подозрѣнія, также и сами они возмогутъ о тамошнихъ обращеніяхъ непримѣтнымъ образомъ развѣдывать. Впрочемъ, Мы надѣемся, что вы, зная тамошнія обстоятельства, сами найлучше изыщете средства и способы къ произвожденію тайнымъ и непроницаемымъ образомъ сей нынѣ съ памятнымъ пріятелемъ нужной кореспонденціи, употребляя въ ту комиссію вѣрныхъ и проворныхъ людей, которымъ най-

---

показаній, хотя признаваются оныя несправедливыми, однакожъ для лучшаго и точнаго объ немъ свѣдѣнія повелѣли Мы отъ сего жъ числа Нашимъ въ Константинополѣ резиденту Обрескову и повѣренному въ дѣлахъ Левашеву обстоятельно развѣдать и Намъ донесть, всѣ ли представленія сего грека Дузи правдивы; а вамъ между тѣмъ повелѣваемъ, ежели никакого за нимъ сумнительства и подозрѣнія донынѣ не оказалось, отпустить его, Дузу, по желанію сюда въ С.-Петербургъ, давъ ему подводы съ прогонными и для препровожденія одного рейтара, которому велѣть по пріѣздѣ явиться съ тѣмъ княземъ въ Нашей Кол. Ин. Д., а когда въ Кіевъ пріѣдетъ фамилія его, то оная тамъ до времени и оставаться можетъ подъ присмотромъ губ. канцеляріи.

сильнѣйше рекомендовать, какъ ихъ комиссію всегда въ непроницаемой тайнѣ содержать, такъ и чтобъ они, въ бытность свою въ Бахчисараѣ, при всѣхъ случаяхъ съ крайнею предосторожностью поступали и особливо въ изыскиваніи способовъ для свиданія съ означеннымъ пріятелемъ, а для найспособнѣйшаго о семъ распоряженія надобно къ сему нынѣ на первой случай употребить изъ знакомыхъ оному пріятелю людей, которой найлучше возможетъ о всемъ томъ съ нимъ самимъ условиться. Какимъ же образомъ оное возстановлено будетъ, о томъ Мы ожидаемъ отъ васъ въ свое время обстоятельныхъ доношеній.

XXIII.

Рескриптъ на имя ген. губ. Воейкова о доставленіи Якубу пенсіона и съ наставленіемъ, какъ Никифоровъ долженъ устранить домогательство Якуба о полученіи пенсіона впередъ за два года,—отъ 31 августа 1767 г.

Изъ пріобщеннаго къ реляціи кіев. об. ком. Елчанинова, отъ 3-го минувшаго іюля, перевода съ письма извѣстнаго пріятеля Якуба усмотрѣно здѣсь въ Кол. Ин. Д. прошеніе сего пріятеля о доставленіи ему опредѣленнаго пенсіона, какъ за минувшій годъ, такъ и еще впередъ за два года по причинѣ крайней его нужды и разоренія отъ бытности его будто дубосарскимъ и балтянскимъ воеводою.

Таковое онаго Якуба требованіе пенсіона впередъ за два года совсѣмъ излишнимъ почитаться долженствуетъ, ибо услуги его, по сю пору кажется, мало соотвѣтствуютъ такому знатному пенсіону, какъ девятьсотъ рублевъ на годъ, и потому для переду развѣ надеждою себя ласкать, что онъ то при удобномъ случаѣ лучше заслужитъ. Въ разсужденіи чего, также и уважая, что Мы токмо его одного въ Крыму Нашимъ преданнымъ имѣемъ, паче же при началѣ владѣнія новаго хана, Мы вамъ повелѣваемъ заслуженной его годовой пенсіонъ 900 руб. сполна ему доставить чрезъ одного изъ бывшихъ уже къ нему посыланныхъ и ему знаемыхъ въ Кіевѣ находящихся оберъ-офицеровъ, и кого за найлучше и надежнѣе къ сей посылкѣ изберетъ надв. сов. Никифоровъ, который ту посылку пен-

сіона препроводитъ съ пристойнымъ отъ себя дружественнымъ письмомъ, въ которомъ онъ долженъ впрочемъ персонально отъ себя будто въ довѣряемой ему пріятельской откровенности извиниться. Что же касается до требованія его пересылки къ нему опредѣленнаго пенсіона еще впередъ за два года, то сколь бы онъ ни желалъ, для доказательства ему при всѣхъ случаяхъ своей дружбы, въ томъ всѣ возможныя свои старанія приложить, что было бы то всуе, да и онъ того искать не осмѣлится, потому что такого обыкновенія нѣтъ, чтобъ впередъ кому пенсіонъ производимъ былъ, также и накрѣпко здѣсь запрещено никакихъ требованій о томъ никому не чинить; слѣдственно, и онъ, Никифоровъ, такое представленіе сдѣлать о выдачѣ ему Якубу пенсіона впередъ за два года осмѣлиться не можетъ, опасаясь быть могущаго ему за то гнѣву; что сверхъ того, еслибъ онъ когда въ томъ и надѣялся предуспѣть и тѣ бъ деньги всѣ въ рукахъ своихъ для посылки къ нему уже имѣлъ, со всѣмъ тѣмъ однакожъ онъ, Никифоровъ, всѣ тѣ деньги, какъ весьма немалую сумму, къ нему, Якубу, вдругъ отправить бы не отважился по тому, чтобъ оныя деньги могли дорогою подвержены быть расхищенію, а оттого сверхъ потери такой знатной суммы въ любопытствующихъ родиться бы могло подозрѣніе, для какого употребленія столько денегъ въ Крымъ везено было, чѣмъ онъ, пріятель Якубъ, самъ не только приведенъ бы быть могъ у хана въ недовѣріе или сумнѣніе, но иногда и подверженъ бы былъ погибели; въ заключеніи же того письма ему, Никифорову, дружественнѣйшимъ образомъ просить его, Якуба, сообщить ему въ откровенности, по старой его пріязни, о склонностяхъ и нравахъ новаго хана крымскаго и о тѣхъ людяхъ, которые болѣе у него въ милости и въ дѣлахъ употреблены. Впрочемъ, оному Никифорову крайне остерегаться тому Якубу подавать какія обнадеживанія на чинимые имъ отъ времени до времени излишнія требованія и къ нему того не писать, что онъ о томъ сюда доносить будетъ; но всегда въ генеральныхъ терминахъ партикулярно отъ себя дружески его увѣрятъ, что онъ всевозможнаго сдѣлать не оставить къ доставленію ему удовольствія. Оного же посылаемаго по обыкновенію должно снабдить какимъ либо къ хану пристойнымъ письмомъ для найлучшей скрытности ему препорученной комиссіи, и притомъ ему рекомендовать непримѣтнымъ образомъ развѣдать какъ о тамошнихъ обращеніяхъ, такъ и въ какомъ кредитѣ и должности тотъ Якубъ

при ханѣ нынѣшнемъ находится и сколь онъ къ намъ вѣренъ; въ чемъ чаятельно ему много вспомоществовать можетъ пребывающій тамо молдавскаго государя агентъ Лангъ; почему сему посланному и велѣть къ нему адресоваться и дружескимъ, но искуснымъ образомъ у него о томъ поразвѣдать, не изъясняя ему, Лангу, однакожъ при томъ отнюдь о прямой ему препорученной комиссіи или о преданности Якуба къ здѣшней сторонѣ.

XXIV.

Рескриптъ ген. губ—ру Воейкову о болѣе точномъ и обстоятельномъ сообщеніи важныхъ слуховъ,—отъ 5 декабря 1767 г.

Краткое извѣстіе между другимъ вмѣщенное въ журналѣ Бастевика, полученномъ при реляціи вашей, отъ 8-го августа прошлаго 1766 г., о перепискѣ находящихся въ Нашей имперіи, и именно въ Казанской и Астраханской губерніяхъ, татаръ съ ханомъ крымскимъ въ видѣ преднамѣряемаго ими бунта, будто за притѣсненіе ихъ въ законѣ природномъ, сколь мало ни заслуживаетъ вѣроятности, какъ потому что въ самомъ дѣлѣ всѣ находящіеся въ нашей имперіи иновѣрцы, въ томъ числѣ и магометанѣ свободное своего закона отправленіе имѣютъ, такъ особливо и для того, что, сдѣлавъ въ томъ капитану Бастевику агентъ господаря волоскаго довѣренность, не подтвердилъ оную никакими ближайшими доказательствами, изъ обстоятельствъ такой опасной переписки, неминуемо происходящими и возбуждающими у всякаго примѣчаніе и заботу спрашивать и разсказывать, какъ и когда и чрезъ кого то дѣлалось, принято здѣсь со всѣмъ тѣмъ, поелику обращается въ такой важности, въ какой ничто и малѣйшее пренебрегаемо быть не долженствуетъ, въ надлежащее разсужденіе, и потому отправлены Наши указы къ тѣмъ губернаторамъ, которымъ въ семъ случаѣ предосторожность принять должно было.

Между тѣмъ имѣете вы впредь, отправляя заграницу для потребныхъ развѣдываніевъ, приказать употребляемымъ въ такія комиссіи понятно изъяснить, что дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ по возвращеніи и дѣльнаго и пустаго написать много, но въ достаточ-

номъ объясненіи всякаго извѣстія, а особливо важнаго. Всему тому примѣромъ служитъ настоящее дѣло: можетъ быть агентъ господаря волоскаго сказалъ о перепискѣ здѣшнихъ татаръ съ ханомъ крымскимъ изъ чистосердечнаго къ Намъ и къ интересамъ Нашимъ усердія, а можетъ быть и солгалъ для полученія себѣ награжденія; очень короткое его сообщеніе вмѣщаетъ обоюдныя толкованія, но капит. Бастевикъ, видя откровенность доброжелательнаго къ Намъ человѣка, долженствовалъ изъясниться съ нимъ и обстоятельнѣе.

Вы имѣете для того и въ Кіев. губ. канц. приказать, чтобъ возвращающіеся изъ посылокъ, буде въ чемъ ихъ журналы недостаточны оказались бы, далѣе о томъ были спрашиваны, и потому и замѣчивано тамъ же, когда которой больше объяснитъ не найдется въ состояніи, и при первой заграницу посылкѣ, употребя къ тому надежнаго человѣка, препоручено было бъ возможное приложить стараніе и далѣе развѣдывать о соглашеніи здѣшнихъ татаръ съ ханомъ крымскимъ

XXV.

Письмо графа Панина къ ген. губ. Воейкову о томъ, что пріятель Якубъ возбуждаетъ подозрѣніе въ своей вѣрности, почему и съ выдачей ему пенсіи слѣдуетъ поудержаться,—отъ 4 августа 1768 г.

По учиненному въ свое время в. вп—ва представленію, хотя здѣсь и положено было извѣстному дубосарскому воеводѣ Якубу выдать заслуженный его пенсіонъ, но по полученіи здѣсь на сихъ дняхъ при реляціи вашей подъ № 35-мъ журнала кап. Бастевика, въ которомъ въ подробности изображены разные сего мнимаго нашего пріятеля зловредные здѣшнему двору поступки, а непріятелямъ нашимъ крайняя преданность, оное отмѣнить должно, по крайней мѣрѣ до лучшаго всего того объясненія; а особливо что и я самъ другія причины имѣю его, Якуба, подозрѣвать, что онъ въ такихъ же обязательствахъ и съ пребывающимъ въ Крыму французскимъ эмиссаромъ Тотомъ находится, какъ и съ нами; почему для лучшаго развѣданія сей связки в. вп—о покорно прошу приказать надв. сов. Никифорову къ нему, Якубу, по обычаю въ дружественнѣйшихъ тер-

минахъ отписать и отъ него испросить откровеннаго и подробнаго сообщенія о всѣхъ обращеніяхъ и происках помянутаго Тота при ханѣ крымскомъ: въ какомъ онъ у него кредитѣ и какія точно и чрезъ кого тамо дѣла онъ производитъ. Изъ сего распознать будетъ можно, сколь истинны будутъ его извѣстія и потому безъ ошибки судить о его къ намъ вѣрности.

Настоящіе документы заимствованы мною изъ старыхъ дѣлъ архива Кіев. губерн. правленія, благодаря любезному и просвѣщенному содѣйствію г-на бывшаго кіевскаго вице-губернатора *А. П. Баумгартена*, которому считаю долгомъ засвидѣтельствовать свою искреннюю признательность. *А. А.*

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій.

Archivum domus Sapiehanae. Tomus I. Continet codicem epistolarem. 1575—1606.—Archivum domu Sapiehów wydane staraniem rodziny.—Tom. I. Listy z lat 1575—1606.—Opracował d-r A. Prochaska.—Lwów. 1892.

Книга, заглавіе которой выписано выше, заключаетъ въ себѣ большое количество драгоцѣнныхъ фактовъ изъ исторіи Польши, Литвы и Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. Въ ней помѣщена обширная (625 нумеровъ) переписка различныхъ представителей фамиліи Сапѣгъ, преимущественно извѣстнаго канцлера Льва Сапѣги, со множествомъ лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Между корреспондентами встрѣчаются имена папъ—Климента VIII и Павла V, императора Максимиліана II, короля польскаго Сигизмунда III, нунція Рангони и другихъ сановниковъ высшей католической іерархіи, уніатскихъ епископовъ, представителей знатныхъ литовскихъ и польскихъ фамилій и т. д. Уже одинъ бѣглый перечень корреспондентовъ можетъ дать понятіе о томъ обширномъ кругѣ вопросовъ, политическихъ и религіозныхъ, которыхъ неизбѣжно должна была касаться переписка этихъ лицъ въ бурную эпоху конца XVI и нач. XVII ст.

Изъ предисловія, принадлежащаго ученому редактору изданія д-ру Прохаскѣ, можно видѣть, что собираніе и приведеніе въ порядокъ напечатаннаго въ этомъ томѣ и приготовленнаго для послѣдующихъ матеріала стоило немалаго труда теперешнему главѣ фамиліи—кн. Адаму Сапѣгѣ, владѣльцу Красичинскаго фамильнаго архива. Архивъ этотъ составился изъ двухъ архивовъ, принадлежавшихъ двумъ вѣтвямъ фамиліи Сапѣгъ—Коденской и Черейской; архивъ первой хра-

нился сначала въ Коднѣ, а впослѣдствіи въ Теофиполѣ; архивъ второй— сначала въ Рожанѣ, а впослѣдствіи въ Деречинѣ. Красичинскій архивъ заключаетъ въ себѣ до пятидесяти тысячъ нумеровъ, но составляетъ лишь незначительную часть бывшихъ фамильныхъ архивовъ Сапѣгъ, остатки которыхъ разсѣяны теперь по разнымъ собраніямъ и библіотекамъ Кракова, Варшавы, Петербурга и др. Для настоящаго изданія собраны были многіе изъ этихъ разсѣянныхъ матеріаловъ; но сравненіе ихъ съ сохранившимися инвентарями старинныхъ архивовъ, отвѣтными письмами и нѣкоторыми прежде изданными, а въ настоящее время утерянными, документами показываетъ, по словамъ редактора, что все сохранившееся представляетъ только незначительный остатокъ (tylko fragment, torso) прежняго богатства. Неизбѣжные при такихъ условіяхъ пробѣлы издатели старались пополнить документами изъ другихъ архивовъ, преимущественно изъ архива Радзивилловъ въ Несвижѣ.

Что касается технической стороны изданія, то она безупречна. Печатаемыя письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ и снабжены примѣчаніями относительно упоминаемыхъ въ нихъ лицъ и мѣстностей, а иногда и событій; въ письмахъ, не имѣющихъ даты, она возстановлена по соображеніямъ редактора. Изданіе снабжено тремя указателями: 1) авторовъ писемъ съ обозначеніемъ года, къ которому относится письмо и №, подъ которымъ оно помѣщено въ изданіи; 2) алфавитнымъ указателемъ упоминаемыхъ въ письмахъ лицъ и мѣстъ, и 3) хронологическимъ спискомъ писемъ, съ указаніемъ ихъ содержанія. Всѣ эти особенности значительно облегчаютъ пользованіе книгою и являются тѣмъ болѣе важными, что содержаніе вошедшихъ въ нее писемъ крайне разнообразно и можетъ представлять интересъ для лицъ, изучающихъ данную эпоху съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Самъ редакторъ указываетъ на это, говоря что печатаетъ письма цѣликомъ, не разбирая ихъ содержанія, потому что письма, неважныя для историка въ тѣсномъ смыслѣ слова, могутъ представить драгоцѣнныя данныя для историка цивилизаціи, для статистика, и для романиста.

Но и для историка въ тѣсномъ смыслѣ слова настоящій томъ представляетъ множество самаго разнороднаго матеріала, такъ что болѣе или менѣе полный отчетъ о немъ могъ бы составить цѣлую книгу. Не задаваясь подобною задачею, мы остановимся только на тѣхъ письмахъ, которыя имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ исторіи Руси Литовской и Московской.

I.

Какъ и слѣдовало ожидать, два важныхъ историческихъ явленія затронуты въ этихъ письмахъ—церковная унія въ западной Руси и смутное время въ Руси восточной.

Первый вопросъ трактуется преимущественно въ письмахъ Ипатія Поцѣя къ Льву Сапѣгѣ, содержаніе которыхъ находимъ нужнымъ, въ виду ихъ выдающагося значенія, изложить подробнѣе. Всѣхъ писемъ Поцѣя 16; по времени они относятся къ 1597—1605 годамъ. Письма эти представляютъ яркую картину состоянія западно-русской церкви въ данную эпоху и даютъ нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики самого Поцѣя. Наиболѣе выдающимся по отношенію къ первому вопросу представляется намъ письмо отъ 18 ноября 1604 г. Въ отвѣтъ на жалобу Сапѣги относительно грубости и невѣжества русскаго духовенства Поцѣй говоритъ: „Что же мнѣ дѣлать, когда моя власть для нихъ такъ же важна, какъ башмакъ безъ подошвы“ („moja autoritas u nich jest tak ważna, jako trzewik bez podeszwy“). Нѣсколькими строками выше самъ Поцѣй, не сознавая этого, указываетъ главную причину такого отношенія къ его власти: онъ жалуется, что русское духовенство не принимаетъ вводимыхъ имъ обрядовъ (колѣнопреклоненія, проповѣди послѣ евангелія); ихъ называютъ повѣствами и папежскою ересью, плюютъ и убѣгаютъ изъ церкви. Такъ же держатъ себя и миряне; что имъ ни говоришь, они отвѣчаютъ: „не нашъ это митрополитъ, а королевскій и папскій“ (541) [1]). Указанія на подобное отношеніе русскаго духовенства и вообще населенія къ уніи разсѣяны во многихъ письмахъ Поцѣя. Вотъ напр. Поцѣй сообщаетъ о нежеланіи Полоцкой капитулы принять уніатскаго епископа и о томъ, что онъ приговорилъ за это полоцкаго протопопа и другого священника къ 3 мѣс. аресту, съ правомъ просить помилованія у короля. Протопопъ, отправляясь къ королю, просилъ ходатайства Поцѣя, а тотъ въ письмѣ къ канцлеру проситъ, чтобы его хорошенько проучили (aby iemu dobrą łacinę dano), потому что онъ „inimicissimus tei jednosci swiętey“ (334). Въ томъ же письмѣ Поцѣй сообщаетъ, что одинъ еретикъ-трибуналистъ избилъ „его“ архимандрита, „называя насъ измѣнниками за то, что мы измѣнили и перешли къ римлянамъ“. „Правда, онъ былъ пьянъ, прибавляетъ П., но что у трез-

[1]) Здѣсь и далѣе цифра указываетъ не страницу, а № письма.

ваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ". Въ другомъ письмѣ идетъ рѣчь о какомъ то процессѣ П. съ православнымъ духовенствомъ (вѣроятно изъ-за Виленской Св. Духовской церкви), при чемъ П. заявляетъ, что „cerkwi snać gotuią się bronić fortiter" (408). Затѣмъ встрѣчается жалоба на Пинскаго Никольскаго священника, который добивался епископской каѳедры, а теперь не повинуется епископу и подалъ королю какое-то посланіе, очевидно, направленное противъ уніи. „Удивляюсь, пишетъ П., дерзости этого грубаго хлопа, который въ своей цедулѣ не столько проситъ, сколько предписываетъ и учитъ помазанника Божія, какъ обходиться съ подданными; и мудрому сенатору не прилично бы дѣлать то, что учинилъ этотъ неотесаный болванъ" (sprosny balwan). Вообще П. называетъ его „wszystkich buntow, rebellieji, nieposłuszenstwa innych popow naigłowniejszym autorem" (409—420). Далѣе встрѣчаемъ жалобу на сильное сопротивленіе, оказываемое уніи на Волыни, гдѣ на сеймикахъ въ Луцкѣ и др. городахъ постановили „nas w niwiec obrocić i pamiątkę jednosci swiętei z gruntu wygładzić". Поэтому онъ называетъ Волынь „gniazdo wszelakiej nieprawosci i niezgod" (433). Въ одномъ письмѣ П. сообщаетъ интересные факты объ извѣстномъ Антоніи Грековичѣ; оказывается, что Грековичъ, Антоній Федоровичъ, былъ діакономъ Виленскаго братства, но въ 1605 г. оставилъ братство и бѣжалъ къ Поцѣю [1]). Братчики жаловались на него въ судъ, обвиняя его въ изнасилованіи монахини Катерины Лычанской. Виленскій трибуналъ, не обращая вниманія на протестъ Поцѣя, требовавшаго, чтобы дѣло было передано ему, какъ митрополиту, разсмотрѣлъ жалобу братчиковъ и приговорилъ Грековича къ смертной казни, а вслѣдствіе его неявки въ судъ замѣнилъ ее банниціею, да при этомъ и самого П. призналъ „деградованнымъ". Къ письму приложенъ и декретъ трибунала (на русскомъ языкѣ), въ которомъ сказано, что П. просилъ, чтобы трибуналъ отослалъ подсудимаго „до него, яко до зверхняго владыки"; но изъ представленныхъ Виленскимъ братствомъ документовъ трибуналъ убѣдился, что, „за одданемъ послушенства до незвыклого въ ихъ религіи пастира, его милости отца папежа", митрополитъ кіевскій Михаилъ Рогоза, епископъ брестскій Ипатій Поцѣй и нѣко-

[1]) Впослѣдствіи оффиціалъ Поцѣя въ Кіевѣ; утопленъ козаками за попытку отобрать для уніатовъ Златоверхо-Михайловскій монастырь въ 1618 г. („Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Россіи", стр. 85).

торые другіе владыки „декретомъ зложени—изъ духовенства въ религіи ихъ закона греческаго декградовани суть", почему и рѣшилъ принять къ разсмотрѣнію дѣло Виленскаго братства съ діакономъ Грековичемъ (561) [1]).

Но особенно часто возвращается П. къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ своимъ съ православными—борьбѣ съ кн. Загоровскимъ изъ-за Ильинской церкви въ г. Владимірѣ и къ вопросу объ избраніи печерскаго архимандрита [2]). Ильинская церковь владѣла въ самомъ городѣ обширнымъ населеннымъ участкомъ земли; церковь эта была „уфундована", т.е. надѣлена имѣніями отъ владыки владимірскаго; 1 іюня 1564 кор. Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ это наданіе Тишку Конаховичу, свящ. ильинскому. Къ одному изъ писемъ приложена выпись изъ реестра ревизіи городскихъ и церковныхъ имѣній, со ссылкою на упомянутый привилей Сигизмунда-Августа (389 и 420). Впослѣдствіи Конаховичъ, по словамъ П., не имѣвшій сыновей, выдалъ свою дочь за какого-то холмскаго мѣщанина, и право на церковь передалъ ему; послѣдній продалъ церковь Загоровскому, мужу княжны Маруши (404). Въ другомъ письмѣ П. высказываетъ предположеніе, что Конаховичъ не былъ священникомъ, а только женатъ былъ на дочери священника ильинскаго (437); но это предположеніе опровергается приложенной къ предыдущему письму выписью изъ реестра ревизіи, гдѣ Конаховичъ названъ, со словъ привилея, „попомъ ильинскимъ". Вообще, все это дѣло изложено у П. крайне запутанно; ясно только, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ правомъ собственности, а съ правомъ подаванья, хотя П. осно-

---

[1]) Не можемъ не отмѣтить при этомъ, что декретъ виленскаго трибунала напечатанъ въ очень неисправномъ видѣ, что, очевидно, сознавалъ и издатель, поставившій въ двухъ мѣстахъ знакъ (!); напр., совершенно непонятное выраженіе: „а ихъ при томъ оповедал *ювкостроверсии* доложонымъ", должно быть исправлено такъ: „а ихъ при томъ оповеданю, *контроверсиы* доложонымъ"; или еще выраженіе: „ку *положеню* церкви Божие смел и важил *еднак* звычай и пристойност стану своего", въ дѣйствительности читается: „ку *обеляженю* церкви Божей смел и важил *се надъ* звычай и пристойност стану своего". Этотъ декретъ въ своемъ полномъ и исправномъ видѣ напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Рос. при Москов. у—тѣ", кн. 3 за 1859 г., отд. III, стр. 1—2, 2 и 7.

[2]) Г. Прохаска указываетъ на борьбу Поцѣя съ Виленскимъ братствомъ и въ предисловіи излагаетъ даже это дѣло, находя, что письма П. проливаютъ много свѣта на всю эту борьбу; но мы нашли въ письмахъ П. только весьма намеки на дѣло и инсинуаціи противъ „bannitow".

бываетъ свои притязанія на томъ, что „ten chłop co przedał, nie mogł tego przedawać co kościelne jest". П. упорно добивался возвращенія подъ свою власть этой церкви. Объ извѣстномъ нападеніи на нее въ 1596 г. [1]), въ письмахъ (относящи ся къ 1602—3 г.) упоминается глухо. П. жалуется, что кн. Маруша, „schyzmatyczka i wielka przeciwniczka jednosci swiętej", отобрала изъ его юрисдикціи эту церковь. Поцѣй *взялъ-было изъ послѣдней антиминсъ*, и она долго „tak wakowała"; но Маруша получила антиминсъ изъ Константинополя и приказала служить тамъ попамъ и чернецамъ схизматицкимъ. П. надѣался возвратить церковь судомъ, усиленно просилъ канцлера розыскать въ литовской метрикѣ подлинный привилей Сигизмунда Августа, посредствомъ котораго онъ могъ бы доказать свои права на церковь; но искомый привилей не находился, и изъ писемъ П. мы такъ и не узнаемъ исхода возникшаго судебнаго процесса. Видно только, что дѣло это очень волновало Поцѣя, и онъ не особенно вѣрилъ въ благопріятный для себя исходъ (445). На Загоровскую онъ жалуется, что она „mi jest na wielkiej przekaziei kosciolowi memu katedralnemu, uczyniwszy sobie owdzie oprytscynę, gdzie się schyzmatycy zbieraią" и „ze mnie smieszki stroi" (420).

Еще болѣе волновало Поцѣя дѣло объ избраніи архимандрита Кіево-Печерской лавры. Поцѣй возмутился тѣмъ, что сеймъ, убѣжденный представленными ему привилеями, призналъ за монастыремъ и обывателями Кіевскаго воеводства право свободнаго избранія архимандрита. П. видитъ въ этомъ нарушеніе правъ митрополита кіевскаго, утвержденныхъ патріархомъ константинопольскимъ и подтвержденныхъ папою (a summo pontifice); въ тоже время онъ указываетъ, что тутъ идетъ рѣчь не о привилеяхъ, не объ элекціи, а о подчиненіи монастыря ему какъ уніатскому митрополиту—„aby się z mej jurisdicie y wyzuli, a w osobię mojej ubogiej szczułdek summo pontifici w nos dali (437)". Въ другомъ письмѣ П., посылая Сапѣгѣ копію папскаго посланія относительно печерской архимандріи [2]), выражаетъ большое со-

---

[1]) См. Арх. Ю. З. Р., ч. 1. т. I, № 121.

[2]) Письмо П. помѣчено 6 сент. 1603 г. Вѣроятно, рѣчь идетъ о распоряженіи папы Климента VIII отъ 1 августа 1603 г., которымъ онъ „pro regni tranquilitate" отмѣнилъ свои прежнія распоряженія относительно Печерскаго монастыря и утвердилъ за дворянами Кіевскаго воеводства право патроната надъ монастыремъ (См. Арх. Ю.-З. Р. ч. II, т. I. № V и VI).

мнѣніе въ благопріятномъ для него исходѣ элекціи. При этомъ встрѣчается намекъ на желаніе Поцѣя быть самому избраннымъ въ архимандриты. Въ случаѣ неудачи онъ проситъ оставить за нимъ хотя нѣкоторыя имѣнія Печерскаго монастыря въ вел. княж. Литовскомъ, а также Никольскій монастырь въ Кіевѣ, „nie dosyć wielki“. Если же утвержденъ будетъ Елисей Плетенецкій, то пусть онъ уступитъ Поцѣю Лищинскій монастырь въ Пинскѣ, котораго онъ былъ архимандритомъ (158). Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Поцѣй проситъ Сапѣгу ходатайствовать у короля, чтобы онъ отвергъ состоявшійся уже выборъ (Елисея Плетенецкаго) и, не назначая новыхъ выборовъ, утвердилъ архимандритомъ его, Поцѣя (498). Извѣстно, что старанія Поцѣя остались безплодными; архимандритомъ остался избранный православнымъ духовенствомъ и дворянствомъ Е. Плетенецкій.

Наряду съ фактами, рисующими борьбу двухъ исповѣданій, письма Поцѣя передаютъ множество фактовъ, характеризующихъ внутреннее состояніе обѣихъ церквей и нравы духовенства. Противниковъ своихъ П. представляетъ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Такъ извѣстнаго уже намъ пинскаго Никольскаго священника онъ называетъ разбойникомъ, бунтовщикомъ и убійцею (łotr, buntownik, mążoboica) и обвиняетъ его въ отравленіи епископа (420); другихъ духовныхъ лицъ (изъ виленскаго духовенства) онъ обвиняетъ въ развратѣ (407). Въ одномъ письмѣ встрѣчается такая картина нравовъ православнаго духовенства: „десятки лѣтъ высшія должности церковныя заняты людьми, которые и до сихъ поръ не пострижены въ священники и живутъ въ монастырях какъ міряне „że psy i z myrchami“, а на сеймъ убираются въ клобуки“ (433). Но больше всего раздражаетъ его участіе мірянъ, и въ особенности братствъ, въ дѣлахъ церковныхъ. Виленское братство Поцѣй называетъ не иначе, какъ Наливайковскою ордою [1]): „безбожные люди Наливайковской орды, хотя бы попы ихъ баннить поздыхали и самихъ вожаковъ не мало, сочиняютъ на меня новыя и новыя клеветы“ (541). Съ большимъ негодованіемъ говоритъ также онъ о минскихъ мѣщанахъ трехъ братьяхъ Филипповичахъ [2]) („chłopy mo-

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ указателѣ (стр. 523 и 532) терминъ этотъ употребленъ безъ всякой оговорки: Nalewajkowska orda— bractwo, Wilno—orda Nalewajkowska и monastyr Nalewajkowski; и только въ предисловіи (стр. XXVI) указано его настоящее значеніе.

[2]) Не сынъ ли одного изъ нихъ былъ Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, защитникъ православія?

żni i wielce bogaci"), которыхъ, въ свою очередь, причисляетъ къ Наливайковской ордѣ, обвиняя ихъ въ продажѣ подъ мечеть мѣста, гдѣ была христіанская церковь (558); но ясно, что собственно въ этомъ-то и заключается дѣло, п. ч. онъ сравниваетъ Ф. съ виленскими братчиками, а нѣсколькими строками раньше съ такимъ-же негодованіемъ говоритъ о какой то (православной) церкви, которую К. Острожскій разрѣшилъ строить „Наливайковской ордѣ".—Изображая въ неприглядномъ свѣтѣ духовенство православное, П. не щадитъ и уніатовъ. Вотъ напр. отзывъ его о какомъ то монахѣ, котораго онъ оставилъ въ Вильнѣ у св. Троицы: „худо съ нимъ, еще хуже безъ него.... Что же мнѣ дѣлать, когда лучшаго нѣтъ. Почти всѣ угождаютъ злому духу; трудно найти, на кого можно бы положиться". Если онъ не исправится, П. грозитъ выбросить его, „jako żabę z wierszy" (409). Подобные же отзывы встрѣчаются и относительно болѣе высокопоставленныхъ въ церковной іерархіи лицъ. Такъ, въ томъ же письмѣ П. жалуется на назначеніе, повидимому противъ его желанія, архимандритомъ Супрасльскаго монастыря Пугача—„prawego Puhacza, ktory et re et nomine jest takim", который ограбилъ церковь Божію и творитъ, что ему вздумается (co chce, to broi). Въ томъ же письмѣ и раньше (391) находимъ подобные же отзывы о назначенномъ самимъ Поцѣемъ полоцкомъ владыкѣ, который также надѣлалъ чудесъ (dziwy broi). Поцѣй собирается принять строгія мѣры противъ безпорядковъ: „umiem ja i władyką degradować", говоритъ онъ и сообщаетъ Сапѣгѣ, что досталъ уже „ptaszka protopopką pinskiego" и держитъ его въ клѣткѣ. „Nie mam czem inszem płacic, прибавляетъ П., jedno, że mu plesz zdeime, aby i dziesięty, na to patrząc, kajał się" (391).

Изъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, какой богатый матеріалъ для исторіи западно-русской церкви представляютъ письма П., представляя, кромѣ того, очень много фактовъ и для характеристики самого Поцѣя. Не останавливаясь на тонѣ писемъ, на крайней ихъ рѣзкости и халатности („rubasznosc", какъ выражается г. Прохаска), отмѣтимъ только тѣ мѣста, которыя наиболѣе характеризуютъ нравственную личность автора. Вообще о Поцѣѣ установилось мнѣніе, какъ о лучшемъ и наиболѣе искреннемъ изъ дѣятелей уніи, какъ объ „апостолѣ уніи", приставшемъ къ этому дѣлу съ чистыми побужденіями, надѣявшемся этимъ средствомъ исправить пришедшую въ упадокъ западно-русскую церковь, и только въ разгарѣ борьбы обра-

тившемся въ насильственнымъ и не всегда чистымъ средствамъ. Письма П. во многомъ должны измѣнить это представленіе. Посмотримъ напр., какъ относился П. къ своему сану митрополита кіевскаго: „Вотъ что выигралъ я на этой несчастной митрополіи! Лучше-бы я ея не зналъ, а сидѣлъ спокойно на своемъ. Вѣдь я не мало спорилъ, не желая приниматься, но меня принудили принять эту архимандрію, которой только титуломъ и пользуюсь". Правда, дальше онъ выражаетъ сожалѣніе, что за недостаткомъ средствъ придется закрыть основанную имъ русскую семинарію; но еще нѣсколькими строками дальше, говоря о какомъ-то непочтительномъ поступкѣ со стороны владыки луцкаго (Кирилла Терлецкаго), онъ выражается такимъ образомъ: „могъ бы онъ мнѣ не завидовать, потому что его одна епархія стоитъ моихъ обѣихъ. Митрополія прежде, когда была въ цвѣтущемъ состояніи, приносила едва 1000 зл., а теперь за эти года я и 500 не получилъ. Титулъ громкій, а доходъ плохой—tytul wielki, ale pożytek płochy" (437). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что если архимандрія Печерская не останется за нимъ, то онъ и митрополію швырнетъ на землю(mitropolią o ziemie uderzą), потому, что „самъ изволишь знать, какіе на ней доходы: теперь и хлѣба ни въ одномъ фольваркѣ не имѣю".... „Вижу, что эта митрополія все у меня отниметъ, если не будетъ милости Божіей и вниманія его корол. вел. ко мнѣ насчетъ имѣній монастыря Печерскаго, хотя-бы тѣхъ, что находятся въ Литвѣ, если нельзя уже ничего больше" (443). Мы упоминали уже о просьбахъ его по поводу монастырей Никольскаго и Лишинскаго (458). Не меньше имѣній привлекаетъ Поцѣя пышная роль католическаго епископа. Вотъ какъ описываетъ онъ торжественное богослуженіе въ Краковѣ, въ которомъ и самъ принималъ участіе. „Недавно пріѣхалъ изъ Кракова съ юбилея, гдѣ на праздникъ Тѣла Господня ходилъ въ процессіи pontificaliter между двумя инфулатами передъ Святыми Дарами, а потомъ дважды совершилъ богослуженіе —разъ въ приходской церкви, гдѣ была такая толпа людей, что чуть не подушили другъ друга, въ другой разъ—на Казимиржѣ у св. Екатерины, и это было принято невѣжественными людьми съ великимъ изумленіемъ и благодарностью, п. ч. при мнѣ было нѣсколько каплановъ и недурная музыка. И королю было очень пріятно, что я ходилъ въ процессіи, потому, что е. к. в. изволилъ ходить за процессіею. Не пришлось только мнѣ сказать ни слова съ е. в., хотя и было о чемъ поговорить, а особенно объ архимандріи Печерской" (443). Въ

другомъ письмѣ П. съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ Сапѣгѣ, что получилъ „a summo pontifice“ конфирмацію, утверждающую его пожизненно при обѣихъ каѳедрахъ, и что онъ долженъ ѣхать въ Гродно „jurament przed nunciuszem uczynić“ (334). Приведенные отрывки ясно показываютъ, какими побужденіями руководствовался Поцѣй въ своей дѣятельности. Что у него не было искренней привязанности къ своему народу, не было желанія исправить его недостатки и дѣйствительно реформировать церковь, нуждавшуюся тогда въ серьезной реформѣ,—можно видѣть и изъ отзывовъ его объ этомъ народѣ и этой церкви: „nasza przeklęta Rusia“ (439), „chłopski narod zdradecki“ (443), „przeklęta scyzma“ (439)—вотъ эпитеты, которые онъ прилагаетъ къ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ. Послѣ этого не представляютъ уже ничего неожиданнаго тѣ безнравственныя средства, которыми онъ добивался осуществленія своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей. Упомянемъ только о подкупахъ (см. письма: 192, гдѣ говорится о коралѣ, и 408, гдѣ сообщается о сорока червонныхъ злотыхъ, поднесенныхъ Л. Сапѣгѣ наканунѣ окончательнаго рѣшенія дѣла) и инсинуаціяхъ (457 и 573, въ которыхъ онъ представляетъ своихъ противниковъ врагами папы и нарушителями воли короля).

Изъ южно-русскихъ дѣятелей этой эпохи, не принадлежавшихъ къ сословію духовенства, въ перепискѣ упоминаются кн. К. К. Острожскій и Наливайко, но о нихъ мы узнаемъ немного новаго. К. Острожскій упоминается по поводу его извѣстнаго посланія къ Торнскому протестантскому собору. Изъ одного письма Льва Сапѣги видно, что король былъ очень раздраженъ посланіемъ и подъ этимъ впечатлѣніемъ не согласился назначить папскимъ епископомъ предложеннаго Острожскимъ кандидата и не соглашался созвать новый соборъ для обсужденія вопроса объ уніи (144). Изъ другого письма мы видимъ, съ какимъ негодованіемъ отнеслись къ поступку Острожскаго литовскіе вельможи (145). Упоминается Острожскій и въ письмахъ Поцѣя по поводу послѣдующей борьбы его съ уніатами; въ одномъ письмѣ Поцѣй такъ отзывается объ Острожскомъ: „on, jako orżeł, odmladził i nie przestaie mnie tąpic, i podobno dokaże wszystkiego, co chce“ (443). Возстаніе Наливайка тоже довольно слабо отразилось въ перепискѣ. Въ нѣсколькихъ письмахъ выражается сожалѣніе о „печальной трагедіи съ Наливайкомъ“, о „дурной славѣ нашего народа“ (153), негодованіе на „неслыханное своеволіе этихъ людей (130)“. На-

конецъ Наливайко въ плѣну; его съ нетерпѣніемъ ждутъ въ Варшавѣ. Левъ Сапѣга посылаетъ въ Люблинъ справиться, гдѣ онъ, и узнаетъ, что онъ еще во Львовѣ (164). Въ другомъ письмѣ Сапѣга пишетъ, что подканцлеръ и панъ Бобола, по приказанію короля, два раза ходили къ Наливайку, но „nic im nie powiadał". Его будутъ пытать, а потомъ казнятъ (170). Изъ сообщниковъ Наливайка упоминаются: Шаула, о которомъ сказано, что при немъ „sposobniejszy lud jest, niż przy Nalewajku, wietszą liczbą i dawniej się na kozactwie bawi" (156), Оссовскій(?) и кн. Юрій Друцкій-Горскій, зять (швагѐръ) Луки Сапѣги (365). Правда Л. Сапѣга объясняетъ участіе Д.-Горскаго въ нападеніи Наливайка на Пиковъ исключительно корыстными цѣлями (у него шли споры изъ-за этого и друг. имѣній съ Сапѣгами); но если припомнить роль кн. Д.-Горскаго въ борьбѣ съ уніею [1]) и участіе въ основаніи Люблинскаго братства [2]), то союзъ его съ Наливайкомъ получаетъ совершенно другое значеніе.

Таковы наиболѣе важные факты и имена изъ исторіи Западной Руси, упоминаемые въ настоящемъ томѣ.

II.

Что касается Руси Восточной, то, какъ мы замѣтили выше, въ разсматриваемыхъ письмахъ отразились, иногда въ довольно своеобразномъ видѣ, нѣкоторыя событія смутнаго времени.

Изъ писемъ канцлера Льва Сапѣги и брата его Андрея, старосты оршанскаго, относящихся къ царствованію Ѳедора Ивановича, видно уже, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли литовскіе государственные люди на событія, происходившія въ Москвѣ, ожидая новаго столкновенія Москвы съ Польшею. Л. Сапѣга еще 20 марта 1593 сообщалъ Замойскому слухъ, что Годуновъ убилъ *великаго князя*, желая самъ занять престолъ (102). Въ 1596 онъ же передаетъ слухи о ссорѣ Годунова съ великимъ княземъ, который упрашиваетъ его

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. 1, № 123.—См. протестъ кн. Д.-Г. противъ уніатскихъ епископовъ.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. 1, № IV.—Вообще эта фамилія играла довольно видную роль въ борьбѣ съ уніею: въ упомянутыхъ нами актахъ имя кн. Ю. Д.-Горскаго стоитъ рядомъ съ именемъ кн. Острожскаго. Въ одномъ изъ писемъ Поцѣя упоминается какъ покровительница Виленскаго братства „pani wojewodzina smolenska, patriarcha ich" (583). А изъ цитированнаго г. Прохаскою документа видно, что наслѣдницами Пикова были кн. Юрьева Друцкая (Филоновна Кмитянка) и сестра ея Софія, wojewodzina smolenska (стр. 95).

быть по прежнему своимъ совѣтникомъ; о томъ, что бояре ѣздятъ уговаривать его, а Шуйскій посланъ противъ крымскихъ татаръ (153). Смерть Ѳедора Ивановича возбуждаетъ еще большій интересъ къ московскимъ дѣламъ. Уже 4 февраля 1598 г. (онъ скончался $^{7}/_{17}$ января) Андрей Сапѣга извѣщаетъ Радзивилла о смерти Ѳедора Ивановича, о предстоящемъ избраніи царя и о четырехъ главныхъ кандидатахъ на московскій престолъ. Таковыми онъ называетъ: Годунова, о которомъ говоритъ, что онъ человѣкъ очень болѣзненный; Мстиславскаго, занимающаго первое мѣсто въ боярской думѣ; „Fedora Romanowicza Mikiczicza", дядю покойнаго великаго князя, и Бѣльскаго, о которомъ слышно, что покойный великій князь гнѣвался на него за то, что онъ хотѣлъ сдѣлаться великимъ княземъ помимо законнаго потомства Ѳедора Ивановича, поэтому не пускалъ его къ себѣ на глаза до самой своей смерти; теперь же Бѣльскій пріѣхалъ въ Москву со множествомъ людей съ цѣлью добиваться престола. Ходятъ толки, что при избраніи в. к. произойдетъ великое кровопролитіе, если не будетъ милости Божіей, и бояре не согласятся между собою. Главнымъ кандидатомъ считаютъ „Ѳедора Романовича Микитича", какъ родственника в. князя. Тревога въ Москвѣ великая, опасаются его корол. величества. На границахъ вездѣ стража, а также по дорогамъ и дорожкамъ, и даже по тропинкамъ; особенно боятся, чтобы кто изъ Москвы не пріѣхалъ къ е. к. в. (213). Всѣ эти свѣдѣнія сообщали Сапѣгамъ (Андрею и Льву) посылаемые ими за границу шпіоны—„szpiegi" [1]). Черезъ нѣсколько дней уже самъ канцлеръ пишетъ (тоже изъ Орши), что отъ вновь прибывшаго шпіона узналъ такія новости: Годуновъ передъ смертью в. к. просилъ его назначить себѣ преемника, надѣясь, что Ѳ. И. укажетъ на него. Но Ѳ. И. сказалъ ему: „ты не можешь быть в. княземъ, хотя бы тебя и избрали,—но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, потому что ты изъ подлаго народа", и указалъ на Ѳедора Романовича. Но такъ какъ великая княгиня объявила, что она беременна, то, въ случаѣ рожденія сына, воеводы должны охранять его подъ присягою, а правителемъ до его совершеннолѣтія будетъ Ѳедоръ Романовичъ; послѣдняго в. кн. убѣждалъ, если его выберутъ на царство, не отпускать отъ себя Годунова и

[1]) Въ указателѣ мы не нашли этого слова, хотя тамъ встрѣчаются такія какъ Nalewajkowska orda или Moskwa; język, najazd, kozacy, swawole.—Szpiegi упоминаются на стр. 176 177, 188 и 204.

не дѣлать ничего безъ его согласія, потому что онъ мудрѣйшій. По смерти в. кн. Годуновъ имѣлъ при себѣ человѣка, весьма похожаго на покойнаго царевича Дмитрія, „ktory się był z Pecihorki narodził (?), ktorego dawno na swiecie nie masz". Написанъ былъ указъ именемъ этого Дмитрія о его воцареніи, но въ Москвѣ стали дивиться, откуда онъ появился. Бояре и воеводы стали развѣдывать объ этомъ, и какой-то бояринъ и воевода Нагой сказалъ: „князя Дмитрія и на свѣтѣ нѣтъ; сосѣдъ мой тіунъ астрѣханскій Михайло Бичоговскій хорошо объ этомъ знаетъ". Послали за Бичоговскимъ и, когда привезли его, стали пытать, и онъ подъ пыткою сознался, что самъ убилъ царевича по приказанію Годунова, а теперь Годуновъ хотѣлъ выдать за царевича своего пріятеля. Тіуна астраханскаго четвертовали, а Годунова стали упрекать въ измѣнѣ своимъ царямъ, убійствѣ Дмитрія и отравленіи Ѳедора Ивановича; въ этой суматохѣ Ѳедоръ Романовичъ бросился на Годунова съ ножемъ, чтобы убить его, но бояре не допустили до убійства. Думаютъ, что это кончится избраніемъ Ѳедора Романовича. За него стоятъ всѣ воеводы и думные бояре, п. ч. онъ родственникъ великаго князя; Годуновъ же опирается на меньшихъ бояръ и стрѣльцовъ, потому что хорошо платилъ имъ, и на простонародіе (?); но ему мѣшаетъ низкое происхожденіе. Говорятъ еще, что в. к. передъ смертью сказалъ, что если не согласятся въ выборѣ новаго в. князя, то пусть изберутъ двухъ или трехъ электовъ и предоставятъ выборъ изъ нихъ цезарю. Другіе шепчутъ что-то объ эрцгерцогѣ Максиміліанѣ [1]: одинъ бояринъ говорилъ, что хотятъ послать гонца къ императору, но сомнѣваются, пропуститъ-ли король (польскій) черезъ свои земли. Въ припискѣ къ этому письму Левъ Сапѣга сообщаетъ, что пріѣхавшій изъ Смоленска московскій купецъ подтвердилъ почти всѣ слухи, сообщенные шпіонами, между прочимъ и то, что Годуновъ отравилъ Ѳедора Ивановича, желая быть великимъ княземъ. Но слухъ о беременности Ирины ложенъ, потому что она постриглась въ монахини. Избраніе царя состоится, вѣроятно, послѣ сороковинъ (214) Черезъ нѣсколько дней Андрей Сапѣга пишетъ къ Радзивиллу, повторяя прежнія свои сообщенія о московскихъ дѣлахъ, при чемъ кандидатами на московскій престолъ, указанными са-

[1]) Братъ имп. Рудольфа, соперникъ Сигизмунда III при избраніи его на польскій престолъ.

мимъ Ѳ. Ив., называетъ уже Ѳедора и Александра Романовичей „Никитичей", Мстиславскаго и Годунова. Въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ письмѣ Льва Сапѣги, сообщаются слухи о сосредоточеніи русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ и о разныхъ пограничныхъ строгостяхъ (215).

Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ письмахъ (227, 230, 239, 241, 244) передаются неясныя извѣстія объ избраніи [1]) и коронованіи Годунова и о какихъ-то новыхъ смутахъ въ Москвѣ. Очевидно, избраніе встрѣчено было въ Польшѣ несочувственно и вызвало какія-то недоразумѣнія. Объ этомъ узнаемъ изъ писемъ короля къ Льву Сапѣгѣ. Въ письмѣ отъ 17 ноября 1598 король опасается нарушенія русскими перемирія, срокъ которому еще не истекъ (243). Въ письмѣ отъ 31 ноября король запрещаетъ пропускать черезъ границу русскаго посла къ цезарю и купца съ „милостынею" (jałmużna) для русскихъ церквей въ Польшѣ, пока не получено будетъ оффиціальное извѣщеніе объ избраніи царя. Письмо написано въ довольно рѣзкомъ тонѣ: Годуновъ нигдѣ не названъ („chce posłać gonca"—безъ подлежащаго); поведеніе его объясняется „według dawnego uporu, grubości swej moskiewskiej" (245). Въ Польшѣ видимо не вѣрили еще прочности новаго правительства; ходили слухи, что Годуновъ убитъ и въ Москвѣ большое смятеніе (244). Наконецъ отношенія стали выясняться, и результатомъ этого было посольство Льва Сапѣги въ Москву, описаніе котораго находимъ въ двухъ письмахъ С. къ К Радзивиллу и Яну Замойскому (307 и 315). Особенно важно второе письмо, гдѣ сообщается о грубомъ пріемѣ, оказанномъ посламъ; шесть недѣль держали ихъ на посольскомъ дворѣ подъ стражею; наконецъ начались переговоры съ боярами, но бояре и слышать не хотѣли о вѣчномъ мирѣ и грозили союзомъ съ Карломъ IX шведскимъ, который будто-бы готовъ принять русское подданство, и съ Михаиломъ воев. молдавскимъ. Между тѣмъ получено было извѣстіе о пораженіи Михаила, и прибыло посольство отъ Карла съ предложеніемъ союза, условія котораго не удовлетворяли ожиданіямъ московскаго правительства Тогда, говоритъ Сапѣга, „przychilili się do nas", и резуль-

[1]) Сообщается напр. слухъ, что на престолъ московскій хотѣли избрать Семена Шигалевича, царевича казанскаго, живущаго въ Сибири. Годуновъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ борьбу съ татарами и былъ избранъ (227).

татамъ начавшихся переговоровъ было заключеніе 20-лѣтняго перемирія. Не смотря на сравнительно благопріятный исходъ дѣла, Сапѣга повидимому вынесъ не особенно пріятное впечатлѣніе изъ своего посольства, что̀ можно видѣть, напр., изъ письма къ нему Бернарда Мацѣёвскаго, бискупа краковскаго; оно служитъ отвѣтомъ на присланное имъ извѣщеніе объ окончаніи посольства: Мацѣёвскій благодаритъ Бога, что его другъ благополучно возвратился отъ „этихъ людей жестокихъ и истинно дикихъ; хотя это (т. е. дикость) проистекаетъ отъ прирожденной глупости этого народа, замѣчаетъ онъ, но, кажется, тутъ примѣшалась и гордость, которую Богъ непремѣнно наказываетъ". О Годуновѣ Мацѣёвскій говоритъ, что не думалъ, чтобы онъ былъ „tak incivilis" (323).

Приведенные отрывки показываютъ, какъ много интересныхъ данныхъ объ избраніи Годунова заключается въ разсматриваемыхъ письмахъ. Много ложныхъ слуховъ сообщали, конечно, польскіе шпіоны, но даже эти ложныя извѣстія представляютъ извѣстный интересъ, потому что служатъ отголосками тѣхъ толковъ, которые ходили тогда въ Москвѣ. Нѣкоторыя же извѣстія носятъ характеръ достовѣрности и могутъ дополнить до сихъ поръ еще далеко невыясненную исторію царствованія Бориса Годунова нѣсколькими новыми данными. Особенно важными представляются намъ извѣстія о соперникахъ Бориса—Романовыхъ и Бѣльскихъ. Извѣстія эти вполнѣ уясняютъ послѣдующее отношеніе Годунова къ этимъ боярскимъ фамиліямъ. Большой интересъ представляютъ и подробности о политическихъ отношеніяхъ новаго правительства, въ особенности къ Польшѣ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на нелѣпое, но тѣмъ не менѣе весьма характерное для данной эпохи, извѣстіе о какомъ то невѣроятномъ самозванцѣ, выставленномъ самимъ Борисомъ и о мнимой беременности царицы Ирины. Извѣстія эти показываютъ, что толки о другомъ законномъ претендентѣ на московскій престолъ, а также о возможности появленія самозванца, вообще возникли въ первый же годъ царствованія Годунова и обратили на себя вниманіе и въ Польшѣ.

Есть въ настоящемъ томѣ нѣсколько указаній и относительно Дмитрія Самозванца. Первыя упоминанія о немъ встрѣчаются въ письмахъ духовныхъ особъ. Петръ Тылицкій, бискупъ варминскій, въ февралѣ 1604 г. извѣщаетъ Л. Сапѣгу, что король отложилъ рѣшеніе вопроса о печерской архимандріи и что для этого были важныя причины; такъ пожелалъ король и тѣ, съ кѣмъ онъ совѣтовался,—

и вслѣдъ за этимъ сообщаетъ, что „kniazik, ktory się Dymitrem Jwanowym synem zowié", скоро долженъ явиться въ Краковъ. Неизвѣстно, что предпримет король по этому дѣлу, но о немъ уже разосланы грамоты панамъ радамъ коронным литовскимъ и ожидаются отвѣты. Кажется, и вамъ этотъ князикъ представляется настоящимъ; я же нѣсколько сомнѣваюсь въ немъ (ia przywątpiwam, 489). Въ апрѣлѣ Бернардъ Мацѣёвскій, бискупъ краковскій, спрашиваетъ у Льва Сапѣги новостей „o tym carzyku moskiewskim, ktoremu, przynamniej ut homini peregrino, i ja, będąc jeszcze w Krakowie, okazałem wszelaką humanitatem" (504). Затѣмъ упоминается, о „царевичѣ московскомъ" въ инструкціи посламъ варшавскаго сейма и съ большею полнотою отъ имени короля въ инструкціи на сеймикъ инфлянтскій, но въ очень осторожныхъ выраженіяхъ: „o ktorem jako trudno miec pewnosc, tak z drugiej strony są tez podobienstwa". Затѣмъ сообщается о волненіяхъ въ Москвѣ и о томъ, что нѣкоторые думали, что королю открывается путь къ увеличенію блага и славы Рѣчи-посполитой, что возведеніемъ его на престолъ московскій достигнуто будетъ освобожденіе и устроеніе этой земли, успокоеніе Инфлянтъ и могущество относительно внѣшнихъ враговъ. Но король, желая оказать вниманіе новообрѣтенному царевичу, если-бы это былъ онъ, и считая нужнымъ не упускать представляющагося случая, въ тоже время, въ виду сомнительности дѣла, не пожелалъ глубоко вдаваться въ это дѣло и завлекать Рѣчь-посполитую (537). Въ октябрѣ 1605 г. Симонъ Рудницкій, бискупъ варминскій, въ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ выражаетъ большую радость по поводу вступленія Димитрія на московскій престолъ, называетъ это событіе „cudowna sprawa Boska" и прибавляетъ, что если Дмитрій пожелаетъ сохранить пріязнь, то это не повредитъ и всему христіанству (579). Точно также Бернардъ Мацѣёвскій, уже кардиналъ, выражая радость по поводу посольства отъ царя къ королю высказываетъ желаніе, чтобы не только укрѣпился миръ и дружба между обоими государствами, но чтобы изъ этого святаго союза вытекло нѣчто полезное и пріятное для всего христіанства (582). О самомъ правленіи самозванца мы не находимъ въ письмахъ никакихъ извѣстій, кромѣ письма Мартина и Андрея-Петра Стадницкихъ (родственники Мнишковъ, бывшіе въ свитѣ Марины) изъ Москвы къ Льву Сапѣгѣ, въ которомъ они сообщаютъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву, а затѣмъ и о катастрофѣ $^{17}/_{72}$ мая. Сообщая это Сапѣгѣ, Стадницкіе винятъ во

всемъ короля: если-бы онъ не позволилъ пану воеводѣ и тѣмъ, кого онъ увлекъ за собою, выѣзда изъ королевства, и намъ бы не захотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло. Мы прежде не рѣшались помогать царю на войнѣ и въ другихъ дѣлахъ, а теперь, послѣ разрѣшенія короля, дали увезти себя, не получивъ ни отъ пана воеводы, ни отъ царя, ни отъ царицы даже копѣйки (naimniejsze peniądze), отправились на свой счетъ и за то лишились свободы" (611).

Всѣ эти письма о самозванцѣ не сообщаютъ какихъ либо новыхъ фактовъ, но довольно ясно рисуютъ роль польскаго правительства и общества въ событіяхъ смутнаго времени и въ тоже время косвеннымъ образомъ подтверждаютъ предположеніе, что самозванецъ былъ подготовленъ въ Польшѣ и именно іезуитами, къ чему начинаютъ склоняться и польскіе историки [1]).

III.

Мы извлекли изъ настоящаго тома все, относящееся къ русской исторіи въ широкомъ смыслѣ слова. Само собою разумѣется, что приведенные факты въ изданіи г. Прохаски стоятъ сравнительно на второмъ планѣ; первое же мѣсто занимаютъ дѣла литовскія и польскія. Такимъ образомъ, наше изложеніе можетъ дать понятіе только объ одной сравнительно небольшой части изданныхъ писемъ. Въ общемъ разсматриваемая книга даетъ полную и яркую картину событій, въ которыхъ принимали участіе авторы писемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тогдашняго состоянія Литвы и Польши. Главныя черты этой картины намѣчены въ предисловіи ученаго издателя. Въ этомъ предисловіи г. Прохаска рисуетъ общее состояніе края и даетъ характеристики главныхъ дѣятелей, упоминаемыхъ въ письмахъ Льва Сапѣги и Ипатія Поцѣя. Соглашаясь совершенно съ тѣмъ изображеніемъ внутренняго состоянія Литвы и отчасти Польши, которое даетъ г. Прохаска, мы не можемъ однако удовольствоваться многими изъ его объясненій.

---

[1]) См. Бобржинскій: „Очеркъ исторіи Польши" (русскій переводъ). Т. II, стр. 156: „Почему отнимать у іезуитовъ то, что съ ихъ точки зрѣнія было смѣлымъ и похвальнымъ дѣломъ?"

Мы вполнѣ признаемъ, что „край былъ въ смутномъ состояніи, все въ немъ жило въ борьбѣ и ссорѣ: и думные вельможи, и сословія, и исповѣданія, даже ремесленные цѣхи, церковныя братства и студенты,—всѣ глухо ненавидѣли другъ друга и казалось ожидали только искры для начала междоусобной войны (Предисл., стр. XXIII)". Нельзя не согласиться и съ повторяющимися не разъ указаніями на отсутствіе прочной связи между Литвою и Польшею, на стремленіе Литвы къ обособленію; но трудно согласиться съ такою напр. фразою: „Какое-то малодушіе, происходящее отъ политической зависти, рисуетъ въ непріятномъ свѣтѣ (w dosadny sposob) тогдашнія отношенія Литвы къ Коронѣ (XXII)". Или: „Партикуляризмъ земель и провинцій, составляющихъ тѣло старинной Рѣчи-посполитой, узкость интересовъ (zasciankowosc), частныя стремленія и упорное слѣдованіе имъ, центробѣжная дѣятельность этихъ великихъ частей государства, живущихъ замкнутою жизнью, слишкомъ часто играющихъ роль государства въ государствѣ,—все это имѣло обильный источникъ въ судьбахъ одной семьи, въ особенности въ восточной половинѣ колоссальнаго государства (olbrzymiego panstwā) старинной Рѣчи-посполитой (V-VI)". И въ приведенныхъ отрывкахъ довольно вѣрно намѣчены особенности тогдашняго строя Рѣчи-посполитой, великаго княжества Литовскаго въ частности, но кромѣ того чувствуется и извѣстное субъективное отношеніе къ изображаемымъ явленіямъ,—отношеніе, съ которымъ, думается намъ, не можетъ примириться безпристрастный историкъ. Не партикуляризмъ, не узкость интересовъ, а здоровое національное чувство и законное стремленіе Литвы къ политической самостоятельности почти на двѣсти лѣтъ затормозило соединеніе ея съ Польшею; тѣже причины, и еще въ большей степени, дѣлали невозможнымъ соединеніе съ Польшею русскихъ областей и подчиненіе массы русскаго народа аристократически-клерикальнымъ планамъ Поцѣя и др. дѣятелей Брестской уніи. Колоссальное государство Рѣчи-посполитой было колоссальнымъ только по объему, но прочность этого колосса, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, была весьма сомнительна. Объяснять литовскій „партикуляризмъ" интересами нѣсколькихъ аристократическихъ родовъ, какъ дѣлаетъ это авторъ, становится въ виду сказаннаго совершенно излишнимъ тѣмъ болѣе, что интересы аристократіи склоняли ее къ союзу съ Польшею, что подтверждаетъ и послѣдующая судьба тѣхъ же родовъ.

Не можемъ мы также признать правильною и ту характеристику Поцѣя, которую даетъ авторъ въ предисловіи. Въ ней на ряду съ вѣрными взглядами встрѣчается извѣстная односторонность. Такъ, мы вполнѣ готовы принять слѣдующую мѣткую и живую характеристику: „Страшный, стремительный, неумѣренный въ выраженіяхъ, энергичный въ борьбѣ, онъ велъ се на смерть съ сторонниками восточной церкви и успѣлъ только взволновать (oturzic) Русь своею дѣятельностью (XXIV)". Но намъ представляется несомнѣнно-преувеличеннымъ слѣдующій отзывъ: „подъ грубою оболочкою скрывается всегда доброе, сострадательное сердце,умѣющее прощать даже покушеніе на свою жизнь. Митрополитъ не забывалъ, что былъ рыцаремъ въ бою, каштеляномъ въ сенатѣ (XXVII)", —или съ такими эпитетами: „это былъ мужъ энергичный, характера твердаго, неуклонно стремящійся къ цѣли (XXV)". Выше мы высказали уже наше мнѣніе о Поцѣѣ. Но въ характеристикѣ г. Прохаски мы видимъ не только невѣрное изображеніе личности, но также и превратное пониманіе вопроса объ уніи. Вотъ какъ онъ оканчиваетъ характеристику Поцѣя, приведя нѣсколько фактовъ, рисующихъ внутреннее состояніе западно-русской церкви: „Это были симптомы страшнаго упадка. Нуженъ былъ мужъ съ необычайными дарованіями, геніальный, съ необыкновенною энергіею, чтобы при такихъ условіяхъ произвести дѣйствительную реформу. Митрополитъ чувствуетъ, что онъ не былъ такимъ человѣкомъ, съ глубокою горестью жалуется, что все это обрушилось на его голову, и восклицаетъ съ апостоломъ Павломъ: я въ опасности отъ собственнаго народа, въ опасности въ своемъ городѣ, въ опасности отъ ложныхъ братьевъ, въ трудахъ и безпокойствѣ (XXIX—XXX)". Итакъ, только отсутствіе геніальныхъ способностей у Поцѣя помѣшало удачному проведенію уніи и благоденствію церкви! Неудивительно, что при такихъ взглядахъ на данный вопросъ всякое проявленіе самостоятельности русской церкви въ духѣ дѣйствительнаго возрожденія и очищенія ея представляется г. Прохаскѣ только нарушеніемъ правъ уніатскаго митрополита: древній обычай, напр., избранія печерскаго архимандрита капитулою монастыря и обывателями Кіевскаго воеводства онъ прямо называетъ пренебреженіемъ (poniewierka) правъ митрополита (XXVIII), юрисдикцію церковныхъ братствъ—узурпаціею (XXV).

Всѣ эти односторонніе взгляды, представляющіе личныя мнѣнія редактора изданія, не помѣшали однако же ему напечатать цѣликомъ

письма, изученіе которыхъ можетъ привести и къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Во всякомъ случаѣ, „Архивъ дома Сапѣгъ“ займетъ видное мѣсто среди подобныхъ ему сборниковъ историческихъ матеріаловъ, и можно только пожелать скорѣйшаго продолженія этого полезнаго изданія.

В. Щербина.

Нѣсколько словъ по поводу сочиненія А. В. Лонгинова: „Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ". (Вильна, 1893 г.).

Въ исторической литературѣ какъ русской, такъ и польской, существуетъ разногласіе относительно происхожденія рода кн. Сангушковъ; одни историки считаютъ послѣднихъ потомками Любарта Гедиминовича, а другіе—Ольгерда Гедиминовича. Въ частности, Іосифъ Вольфъ, въ своемъ цѣнномъ трудѣ: „Ród Gedimina", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1886 г., подвергши тщательному разсмотрѣнію относящіеся къ данному вопросу источники, пришелъ къ заключенію, что кн. Сангушки суть Ольгердовичи, а не Любартовичи, и что родоначальникомъ ихъ былъ не Федоръ Любартовичъ, а Федоръ Ольгердовичъ.

Г. Лонгиновъ, въ рефератѣ, прочитанномъ имъ на IX Археологическомъ Съѣздѣ и затѣмъ отдѣльно изданномъ подъ заглавіемъ: „Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ", вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Іосифа Вольфа, старается въ тоже время доказать, что „Сангушки съ полнымъ правомъ могутъ называть себя и Любартовичами", по происхожденію своему отъ сына Ольгерда, Федора, носившаго еще и другое имя Любарта.

Въ настоящей своей статьѣ мы не имѣемъ намѣренія пытаться разрѣшить крайне запутанный вопросъ о происхожденіи Сангушковъ. Цѣль ея показать, насколько шатки доводы г. Лонгинова въ пользу отождествленія кн. Федора-Любарта съ Федоромъ Ольгердовичемъ (если даже признать вмѣстѣ съ Вольфомъ вполнѣ неоспоримымъ существованіе такого Ольгердовича) [1]).

Каковы же доводы г. Лонгинова?

---

[1]) „Ród Gedimina", 116—120.

Самое вѣское доказательство своего мнѣнія г. Лонгиновъ находитъ въ извлеченіяхъ изъ Холмскаго помянника, сдѣланныхъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ Яковомъ Сушей. „Изъ драгоцѣнныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, сообщенныхъ Сушей", говоритъ г. Лонгиновъ, „оказывается, что существуетъ двѣ линіи Любартовичей, происходящихъ—одна отъ волынскаго князя Любарта-Димитрія Гедиминовича, другая отъ князя Любарта-Федора Ольгердовича" [1]).

Для г. Лонгинова данныя, сообщаемыя Сушей, имѣютъ по разсматриваемому имъ вопросу рѣшающее значеніе. Но могутъ ли они въ дѣйствительности имѣть такое значеніе? По нашему мнѣнію—нѣтъ. Изъ данныхъ этихъ не видно, составителями ли Холмскаго помянника сопричисленъ къ Ольгердовичамъ записанный въ помянникъ кн. Федоръ-Любартъ, или князя этого принимаетъ за Ольгердовича только епископъ Суша, который могъ быть въ данномъ случаѣ введенъ въ заблужденіе вычитаннымъ имъ у Длугоша[2]) извѣстіемъ о томъ, что у Ольгерда былъ сынъ Любартъ.

По мимо того, г. Лонгиновъ слишкомъ ужъ много придаетъ значенія Холмскому помяннику, а между тѣмъ самъ же на стр. 6 своего сочиненія говоритъ, что вообще помянники *не всегда* могутъ служить *твердымъ основаніемъ* для установленія степеней родства и что, въ частности, напр., Печерскій помянникъ представляетъ весьма надежное *пособіе* при нашихъ генеалогическихъ изысканіяхъ. Да, церковные наши помянники могутъ служить только пособіемъ при историческихъ изысканіяхъ, но они отнюдь не даютъ намъ матеріала, на которомъ можно было бы, какъ на непререкаемомъ свидѣтельствѣ, обосновать, подобно г. Лонгинову, извѣстное мнѣніе.

Прійдя, на основаніи извлеченій изъ Холмскаго помянника, сдѣланныхъ еп. Сушей, къ заключенію о существованіи кн. Федора-Любарта Ольгердовича, г. Лонгиновъ подбираетъ затѣмъ данныя, которыя должны, по его мнѣнію, подтвердить сдѣланное имъ заключеніе, причемъ приписываетъ Федору Ольгердовичу то, что, по общепринятому мнѣнію, должно быть приписано кн. Федору-Любарту Любартовичу.

Такъ, въ Славутскомъ архивѣ кн. Сангушковъ сохранился пергаментный оригиналъ акта на латинскомъ языкѣ, относящагося къ

---

[1]) Лонгиновъ: Кн. Федоръ-Люб. Ольгерд., 3.

[2]) См. Wolff. Ród, Ged., 80—81. Только у Длугоша находимъ подобное извѣстіе.

22 мая[1]) 1386 г. и начинающагося такъ: „Teodor-Lubhard, Dei gratia dux luceoriensis". Ученые Радзиминскій, Голембіовскій и Шараневичъ приписываютъ этотъ актъ Федору Любартовичу; но г. Лонгиновъ, убѣжденный въ существованіи Федора-Любарта Ольгердовича, считаетъ актъ принадлежащимъ послѣднему.

Далѣе, въ томъ же Славутскомъ архивѣ хранится грамота, безъ даты, гласящая слѣдующее: „Се азъ, князь великий Федот, з братом своим Лазаром и Семеном и зъ маткою своею Олгою, дали есмо грамоту на том князю Федору Данълеевичу, штож нам не уступатися у его отчизну и у его служебные, и по его животе што дасть церквам и кому ньшто дасть, нам в то не вступатися. а кто на тое по ступить, тот увѣдается с нами перед Богомъ и зъ его душею". Издатели I т. „Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawucie", напечатавъ эту грамоту, отнесли составленіе ея ко времени около 1386 г. и приписали ее также Федору Любартовичу, предположивъ въ имени Федотъ ошибку[2]). Г. Лонгиновъ съ послѣднимъ предположеніемъ не согласенъ и въ Федотѣ видитъ не Федора Любартовича, а Федота, сына Федора Ольгердовича[3]). Доказательство этому онъ почерпаетъ изъ древняго Кіево-Печерскаго помянника (конецъ XV и начало XVI ст.)[4]). Возможно ли вполнѣ полагаться на этотъ помянникъ?

Дѣло въ томъ, что во время нашествія на Кіевъ въ 1482 году крымскаго хана Менгли-Гирея, Кіево-Печерскій монастырь подвергся опустошенію, причемъ, въ числѣ сожженныхъ татарами книгъ и иконъ, оказался и древнѣйшій помянникъ.

Помянникъ этотъ былъ возстановленъ впослѣдствіи (между 1483 1493 гг.), по предположенію г. Голубева, издавшаго его[5]), монахами по памяти[6]). Само собой разумѣется, что такого рода помянникъ, хотя „очевидно пополнявшійся по письменнымъ сообщеніямъ запи-

---

[1]) У г. Лонгинова ошибочно - 12 мая вмѣсто 22 мая. См. Arch. ks. Lubart. Sang. w Slawucie. T. I, p. 2

[2]) Arch. ks. Lub. Sang. T. I, p. 8, 155.

[3]) Лонгиновъ: Кн. Фед. Люб. Ольгерд., 7.

[4]) Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры (кон. XV и нач. XVI ст.). См. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, книга VI.

[5]) Древн. поман. Кіево-Печ. лавры, стр. VIII. Въ составъ древняго помянника вошелъ и древнѣйшій, возстановленный около 1483—1493 гг. по памяти.

[6]) Составитель древняго предисловія къ помяннику разсказываетъ слѣдующее: „по днѣхъ нѣколикихъ, мы, изъ поганства изшедше, паки начахомъ имена писати, ихже помняще, еже исперва написаны быша". Ib., VIII

тересованныхъ лицъ", какъ говоритъ г. Лонгиновъ[1]), не можетъ служить вполнѣ авторитетнымъ источникомъ.

Затѣмъ, въ поминникѣ, дѣйствительно, подъ рубрикой „Родъ князь Сенкушковъ Федоровичъ", упоминается „князь Феодоръ Олкирдовичъ" съ княгиней его Ольгой,—но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Отсюда только, пожалуй, можно заключить о происхожденіи рода Сангушковъ отъ Федора Ольгердовича и о томъ, что у послѣдняго была супруга Ольга; видѣть же въ поминникѣ, подобно г. Лонгинову, указаніе на то, что Ольгердъ былъ отецъ *Федора-Любарта*—положительно невозможно.

Никоимъ образомъ также нельзя согласиться съ г. Лонгиновымъ, будто „Поминникъ" раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что княгиня Ольга, отрекшаяся съ сыновьями Федотомъ, Семеномъ и Лазаремъ отъ Острожскаго имѣнія, была несомнѣнно супруга Федора-Любарта Ольгердовича, а Федотъ, Семенъ и Лазарь были его сыновья[2]). То обстоятельство, что въ Кіево-Печерскомъ поминникѣ въ числѣ Сангушковъ упомянутъ Федотъ, ничего ровно не доказываетъ: въ семьѣ Сангушковъ могъ быть членъ съ такимъ именемъ; отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ былъ сынъ Федора Ольгердовича. Равно также не имѣетъ никакой доказательной силы ссылка г. Лонгинова на утраченный Холмскій поминникъ, въ которомъ „Федотъ, *повидимому*, изъ того же рода, значится инокомъ" [3]), и предположеніе, ни на чемъ не основанное, что Лазарь, о которомъ, по словамъ г. Лонгинова, не сохранилось никакихъ болѣе извѣстій, „*вѣроятно* также постригся въ монахи". Въ Семенѣ вышеприведеннаго акта г. Лонгиновъ видитъ то самое лицо, „которое въ другихъ актахъ именуется Сенкушкой или Сангушкой" [4]), а Сенкушка, по утвержденію г. Лонгинова и Вольфа—сынъ Федора Ольгердовича [5]); но все это также доказательно, какъ и то, что Лазарь „вѣроятно постригся въ монахи".

Въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что упоминаемые въ грамотѣ вел. князь Федотъ съ братьями—дѣти Федора-Любарта Ольгердовича, г. Лонгиновъ приводитъ еще слѣд. соображеніе: „Такъ какъ Острожскій округъ входилъ въ предѣлы Луцкаго княжества", говоритъ онъ, „то само собою разумѣется, что отреченіе отъ правъ на

[1]) Лонгиновъ: Кн. Фед. Люб. Ольгерд., 7.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., а также Wolff. Röd Ged., 121.

этотъ округъ могло исходить лишь отъ ближайшихъ наслѣдниковъ луцкаго князя, каковымъ и былъ одно время Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ“ [1]).

Но въ томъ-то и вопросъ, былъ ли когда-либо луцкимъ княземъ Федоръ Ольгердовичъ? Г. Лонгиновъ сообщаетъ намъ кое-какія свѣдѣнія о судьбѣ Федора Любартовича и Федора Ольгердовича. По его словамъ, Федоръ Любартовичъ въ 1387 г. княжилъ во Владимірѣ; здѣсь же онъ еще былъ и въ 1393 г., когда получилъ отъ Ягайла въ удѣлъ Сѣверскую землю. Будучи недоволенъ этимъ, Федоръ примыкаетъ къ Свидригайлу, убѣжавшему въ Венгрію, и вмѣстѣ съ нимъ обращается съ просьбой о помощи къ магистру ордена. Магистръ „въ 1398 г. отвѣтилъ кн. Болеславу (Свидригайлѣ), сыну Ольгерда, и Федюшкѣ, сыну Любарта, изгнаннымъ изъ Литвы и взывавшимъ къ нему о помощи, что особаго посольства нарядить къ нимъ не можетъ“ [2]). Помирившись съ королемъ, Свидригайло получилъ Подольскую землю и Жидачевъ. Послѣдній Свидригайло уступилъ Федору Любартовичу. Впослѣдствіи, въ 1431 году, Федоръ Любартовичъ вернулся во Владиміръ. Умеръ бездѣтнымъ.

Что касается Федора (Любарта) Ольгердовича, то послѣдній, получивъ въ 1386 г. въ удѣлъ Луцкъ, пробылъ здѣсь весьма недолго. „Уже въ концѣ 1386 г. или началѣ 1387 г.“ говоритъ г. Лонгиновъ, „Ягелло назначилъ луцкимъ намѣстникомъ кн. Федора Даниловича (Острожскаго)“. Позже Федоръ Ольгердовичъ является владѣльцемъ того же Жидачевскаго округа, обладателемъ котораго былъ и Федоръ Любартовичъ, но только, по предположенію Вольфа, раздѣляемому и г. Лонгиновымъ [3]), послѣ смерти Федора Ольгердовича.

Въ этомъ разсказѣ г. Лонгиновъ допустилъ одну крупную ошибку. Излагая содержаніе вышеупомянутой грамоты отъ 22 мая 1386 г., данной въ Сандомирѣ, г. Лонгиновъ говоритъ о Федорѣ-Любартѣ (по его мнѣнію, Ольгердовичѣ): „при выѣздѣ Федора-Любарта въ Литву, гдѣ дана была ему въ удѣлъ земля Луцкая, подъ условіемъ ненарушенія принятаго на себя обязательства“.—Такъ говоритъ, однако, грамота совершенно не уполномачиваетъ г. Лонгинова. Въ ней

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 7.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 6.

сообщается о Федорѣ-Любартѣ, какъ о князѣ луцкомъ „Dei gratia", безъ опредѣленія времени, съ котораго онъ сдѣлался таковымъ, по назначенію ли Ягайла, или по праву наслѣдства, или въ силу какихъ-либо иныхъ обстоятельствъ. Въ грамотѣ и помину нѣтъ о томъ, что Федору-Любарту дается въ удѣлъ Луцкъ, „подъ условіемъ ненарушенія принятаго на себя обязательства". Въ ней мы читаемъ лишь, что „quadam causa racionabili occurente", Ягайло съ Ядвигой нашли нужнымъ послать его, Федора-Любарта, въ Литву [1]). Федоръ-Любартъ обѣщаетъ и въ Литвѣ не измѣнять своимъ обязательствамъ (даннымъ имъ раньше и изложеннымъ въ грамотѣ, до насъ не дошедшей) относительно Ягайла и Ядвиги и пребывать всегда вѣрнымъ и послушнымъ королю и королевѣ. Изъ этого явствуетъ, что г. Лонгиновъ, не достаточно внимательно отнесшись къ грамотѣ, пришелъ къ ошибочному заключенію, будто бы Федоръ-Любартъ, по его мнѣнію, Ольгердовичъ, получилъ въ 1386 г. въ удѣлъ Луцкъ, откуда удалился въ концѣ 1386 г. или въ началѣ 1387 г. и на поручительной записи 1387 г., данной венгерскому воеводѣ Бенедикту, подписался уже, какъ князь ратненскій.

Говоря все это, г. Лонгиновъ ни разу не задался вопросомъ, почему это наслѣдіе Любарта Гедиминовича достается Федору Ольгердовичу; почему этого послѣдняго, не успѣвшаго еще и обжиться въ Луцкѣ, Ягайло считаетъ нужнымъ удалить отсюда. Выходитъ, будто Федоръ Любартовичъ и Федоръ Ольгердовичъ играли роль какихъ-то пѣшекъ въ рукахъ Ягайла.

По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ дѣло обстояло нѣсколько иначе, чѣмъ это представляетъ себѣ г. Лонгиновъ; ему не слѣдуетъ запутывать и безъ того слишкомъ запутанную исторію Волыни въ XIV в., смѣшивая Федора-Любарта Любартовича съ Федоромъ Ольгердовичемъ и приписывая послѣднему то, что съ большимъ правдоподобіемъ можетъ быть отнесено къ первому. Для поясненія своей мысли позволимъ себѣ сдѣлать небольшой экскурсъ въ исторію Волыни конца XIV в.

---

[1]) „Sed nunc quadam causa racionabili eisdem serenissimis principibus Wladislao rege et Hedvigi, regine Polonie et nobis in terra Litvanie occurente, nos in dictam terram destinare et digere decreverum". (Arch. Sang. p. 2).—Г. Лонгиновъ совершенно заблуждается, когда помѣщаетъ землю Луцкую въ Литвѣ. Эта земля—часть Волыни, а Волынь, хотя и входила, правда, въ это время въ составъ вел. княжества Литовскаго, все-же представляла изъ себя до ½ XV в. отдѣльное княжество.

Неизвѣстно, когда скончался княжившій на Волыни Любартъ Гедиминовичъ, какъ мало вообще извѣстно о внѣшней и внутренней дѣятельности этого князя. Однако, изъ того, что̀ мы о немъ знаемъ, можно заключить, что онъ для волынянъ являлся persona gratissima. Онъ велъ многолѣтнюю борьбу съ поляками, борьбу, которая, хотя и вытекала изъ потребностей Литовскаго государства, тѣмъ не менѣе, была выгодна и для волынянъ, потому что, при благопріятномъ исходѣ, спасала ихъ отъ порабощенія политическаго и культурнаго полякамъ. Любартъ всячески поддерживалъ на Волыни православіе, самъ будучи, несомнѣнно, православнымъ[1]); старался о развитіи въ своихъ владѣніяхъ просвѣщенія, торговли и промышленности.

Все это, конечно, должно было снискать ему благорасположеніе волынянъ, что̀ вело какъ къ укрѣпленію династіи Любарта на Волыни, такъ и къ болѣе тѣсной связи этой Русской земли съ Литовскимъ государствомъ.

Въ 1386 г. Любарта уже не было въ живыхъ,[2]) какъ объ этомъ можно заключить на основаніи упомянутой нѣсколько разъ выше грамоты отъ 22 мая 1386 г., написанной отъ имени луцкаго князя Федора-Любарта, а не Дмитрія-Любарта Гедиминовича.

Спрашивается, къ кому же должно было перейти наслѣдіе Любарта Гедиминовича—Волынь? Естественнѣе всего думать,—къ его дѣтямъ. Для послѣднихъ Волынь была отчиной; къ нимъ, а не къ кому другому изъ княжескаго литовскаго рода, должны были быть расположены больше всего волыняне, какъ къ дѣтямъ ихъ любимаго князя. Но были ли дѣти у Любарта? Любартъ Гедиминовичъ былъ дважды женатъ—первый разъ на княжнѣ владиміро-волынской Бучѣ, а въ другой—на дочери ростовскаго князя Константина[3]). Отъ брака съ одной изъ этихъ княженъ родился сынъ Федоръ, несомнѣнно, оставшійся въ живыхъ и послѣ смерти отца—Любарта Гедиминовича. Были ли у Любарта еще другія дѣти, помимо Федора? Этотъ вопросъ разрѣшается упомянутой выше грамотой в. кн. Федота (ошибочно вмѣсто Федора) съ братьями Семеномъ и Лазаремъ и матерью Ольгой, грамотой, заключающей въ себѣ обѣщаніе „не уступатися у

---

[1]) Андріашевъ, Очеркъ истор. Волын. княж. до конца XIV в., стр. 227.

[2]) Любартъ умеръ въ промежуткѣ между 1382 и 1386 гг. Послѣднее извѣстіе о немъ относится къ 1382 г. См. хрон. Яна изъ Чарнкова. M. P. h., II, 721—722.

[3]) Карамзинъ, Ист. госуд. Рос., IV, пр. 267 и 351.

его (кн. Федора Даниловича Острожскаго) отчизну и у его служебные". Кто же могъ давать подобное обѣщаніе, какъ не ближайшіе наслѣдники—скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Лонгиновымъ—того князя, которому Острогъ, вмѣстѣ съ другими волынскими землями, принадлежалъ. Такимъ княземъ былъ Любартъ Гедиминовичъ, а упомянутые въ грамотѣ Федоръ, Лазарь и Семенъ—его ближайшіе наслѣдники, его дѣти, Ольга—его супруга.

Изъ названныхъ братьевъ Федоръ былъ несомнѣнно старшій. Ему то и должна была достаться Волынь послѣ смерти отца. Въ грамотѣ отъ 22 мая 1386 г. онъ величаетъ себя только „dux luceoriensis;" но это ничего не значитъ. Луцкъ въ это время игралъ такую же роль, какую въ прежнее время—Владиміръ. Онъ былъ главнымъ городомъ Волынской земли,—вотъ почему князь его, „dux luceoriensis", могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ всей Волыни.

И Ягайло, въ качествѣ вел. князя литовскаго, не могъ воспрепятствовать Федору Любартовичу занять отцовскій столъ—Волынь. На сторонѣ Федора Любартовича должна была быть симпатія населенія земли, которая, хотя въ данное время составляла уже часть вел. княжества Литовскаго, все-же пользовалась большой самостоятельностью, какъ удѣль; на его же сторонѣ было и право наслѣдованія Волыни, какъ отчины. Ягайло не могъ игнорировать всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Да притомъ же, если смерть Любарта Гедиминовича случилась до 1384 г. или около этого времени, то даже совсѣмъ не въ интересахъ Ягайла было нарушать права Федора Любартовича на Волынь. И это вотъ почему.

Какъ извѣстно, послѣ смерти Ольгерда († 1377 г.), въ Литвѣ произошла борьба между Кейстутомъ и Ягайломъ, трагически окончившаяся для перваго. Кейстутъ былъ взятъ въ плѣнъ племянникомъ и задушенъ въ темницѣ. Сынъ Кейстута Витовтъ бѣжалъ къ крестоносцамъ [1]). Здѣсь, принявъ христіанство и обѣщавъ сдѣлаться вассаломъ ордена, Витовтъ нашелъ поддержку со стороны послѣдняго, и между двоюродными братьями началась война. Война эта была довольно успѣшна для Витовта, и Ягайло счелъ за самое лучшее примириться съ нимъ. Тогда Витовтъ, разорвавъ связь съ крестоносцами, перешелъ на сторону Ягайла и вмѣстѣ съ нимъ разбилъ

[1]) Лѣт. Даниловича, 39, 44; лѣт. Быховца, 27.

своихъ прежнихъ союзниковъ[1]). По миру, заключенному съ Витовтомъ (въ 1384 г.), Ягайло возвратилъ ему его отчину (Берестье, Дрогичинъ, Гродно, Троки и проч.—удѣлъ Кейстута) и обѣщалъ дать, кромѣ того (какъ говоритъ г. Брянцевъ), по настоянію своей матери Юліаніи[2]) Луцкъ со всею Волынскою землею[3]).

Могъ ли Ягайло, занятый борьбой съ Витовтомъ, рѣшиться на отнятіе у Федора Любартовича его законнаго наслѣдія? Едва-ли; не въ интересахъ Ягайла было въ данное время возбуждать противъ себя новаго врага въ лицѣ сына Любарта Гедиминовича и тѣмъ ослаблять себя въ борьбѣ съ Витовтомъ. А что Федоръ Любартовичъ, этотъ, несомнѣнно, слабый князь, могъ бы, въ случаѣ нарушенія Ягайломъ его правъ на Волынь, стать на сторону врага Ягайла—Витовта, показываютъ позднѣйшія событія, когда этотъ же Федоръ Любартовичъ, недовольный отнятіемъ у него Владимірскаго княжества и пожалованіемъ ему въ удѣлъ Сѣверской земли, перешелъ на сторону боровшагося тогда съ Ягайломъ Свидригайла и вмѣстѣ съ послѣднимъ обратился за помощью къ Прусскому ордену.

Итакъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Ягайло могъ сейчасъ же послѣ смерти Любарта Гедиминовича лишить его сына Федора наслѣдства—Волыни,—какъ нѣтъ, слѣдовательно, основанія предполагать, что и кн. Луцкій, написавшій грамоту отъ 22 мая 1386 г., былъ кто-либо другой, а не Федоръ Любартовичъ.

Въ пользу этого же говоритъ еще и слѣдующее. Въ маѣ 1386 г. Ягайло съ Ядвигой находятъ нужнымъ послать Федора Любартовича въ Литву. Какіе мотивы побудили ихъ такъ поступить, собственно неизвѣстно. Можно думать, что Ягайло хотѣлъ такимъ образомъ, отдѣлавшись отъ Федора Любартовича, передать Луцкъ, согласно обѣщанію, Витовту. И дѣйствительно, выпроводивъ Федора въ Литву, Ягайло явился въ Луцкъ; сюда же прибылъ и Витовтъ. Отъ имени ихъ обоихъ въ это время, 4 ноября 1386 г., была написана здѣсь грамота, которой закрѣплялось за кн. Федоромъ Даниловичемъ Острожскимъ обладаніе Острогомъ. Вотъ это-то обстоятельство и даетъ

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист., II, 8.

[2]) Брянцевъ, Ист. Литов. госуд., 187.

[3]) Kojałowicz, Hist. Litw., I, 377; Latop. Lit. (Даниловъ.) 39: „Тогда князь велики Ягайло, перезвавъ его (Витовта) со нѣмецъ и далъ ему Луцескъ со всею Волинскою землею, а въ Литовской земли отчину его“. То же и въ лѣт. Вых., 27.

намъ нѣкоторое указаніе на то, что Ягайло въ 1386 г., наконецъ, осуществилъ свое обѣщаніе (для чего и понадобилось предварительно услать въ Литву Федора Любартовича) и уступилъ Луцкъ Витовту; при этомъ, впрочемъ, не довѣряя вполнѣ послѣднему, оставилъ въ этомъ же городѣ блюстителемъ польскихъ интересовъ какого-то Креслава изъ Курозвонкъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Длугошъ и Кояловичъ [1]).

Еще проще можно, однако, объяснить цѣль удаленія съ Волыни въ Литву Федора Любартовича, если согласиться съ г. Соколовскимъ, считающимъ грамоту Ягайла и Витовта, отъ 4 ноября 1386 г., несомнѣнно подложной [2]).

Удаляя въ Литву Федора Любартовича, Ягайло могъ и не думать о передачѣ Луцка Витовту, на что̀ указываетъ отчасти и то обстоятельство, что Витовтъ еще и въ 1387 г. подписывался только какъ „dux brestensis et horodnensis". У Ягайла въ данномъ случаѣ могла быть иная цѣль.

Окруженный польскими папами, находясь подъ ихъ вліяніемъ, Ягайло, позабывъ литовско-русскіе интересы, дѣйствуетъ всецѣло въ пользу Польши, старается объ осуществленіи ея завѣтной мечты поглотить сосѣднія русскія земли. Но какъ возможно было это сдѣлать, напр., хотя бы по отношенію къ Волыни? Для этого нужно было расположить въ пользу Польши вліятельныхъ на Волыни лицъ; нужно было мало-по-малу измѣнить издавна существовавшіе здѣсь порядки и замѣнить ихъ такими, при которыхъ возможно было бы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществленіе польскихъ желаній.

Имѣя это въ виду, Ягайло и отправляется въ 1386 г. въ Луцкъ. Но свободно дѣйствовать здѣсь могъ бы ему помѣшать Федоръ Лю-

---

[1]) „Castrum Luczko et omnem regionem ad illud pertinentem Creslao de Kurozwąki, castellano sandomiriensi, quatenus illud suo ex regni Poloniae nomine gubernaret, contulit tenutam" (Длугошъ, X, 118—119). По Кромеру, Креславъ былъ только старостой въ Луцкѣ (стр. 247; Очер. Вол. земли. Андріяшева. 229). Kojałowicz, Hist. Litw., I, 399: „ubi quod Creslao Curosvancio polono praefecturam Luceoriae contra Litvanorum sententiam consignasset". На возвратномъ пути изъ Литвы въ Польшу Ягайло, по словамъ Кояловича, былъ на Волыни, гдѣ въ Луцкѣ въ это время жилъ Креславъ. Такимъ образомъ, Кояловичъ опредѣляетъ и годъ намѣстничанья этого поляка (1386—1387 гг.). Сообщеніе Длугоша и Кояловича—правдоподобно. Вѣдь Ягайло, отдавъ вел. княж. литовскій столъ Скиргайлу, не позволилъ ему оставаться въ Вильнѣ, а передалъ этотъ городъ въ вѣдѣніе поляка изъ Москажева Климента (Бранцевъ, Ист. Литов. госуд., 213). Почему подобнаго-же не могло случиться и съ Витовтомъ?

[2]) Arch. ks. Lubart. Sang., I, 155, объясн. VI.

бартовичъ, который, какъ сынъ Любарта Гедиминовича, былъ, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, преданъ интересамъ волынскаго населенія; не даромъ же онъ впослѣдствіи примкнулъ къ Свидригайлу, энергичному борцу за русско-литовскіе интересы. Вотъ съ цѣлью устраненія такой помѣхи Ягайло, выдумавъ благовидный предлогъ, и посылаетъ Федора Любартовича въ Литву, самъ же является въ Луцкъ и здѣсь начинаетъ свободно орудовать въ пользу свою и Польши, для чего, между прочимъ, старается расположить къ себѣ и Польшѣ разныхъ популярныхъ на Волыни лицъ. Такъ, напр., въ это время онъ подтверждаетъ за извѣстнымъ княземъ Федоромъ Даниловичемъ и его преемниками право на владѣніе разными землями въ Луцкомъ княжествѣ, подъ условіемъ вѣрности Польшѣ [1]).

Но Ягайло не могъ долго жить на Волыни и въ частности въ Луцкѣ. Для продолженія начатаго имъ въ духѣ польскихъ интересовъ дѣла, онъ назначаетъ туда въ качествѣ своего намѣстника упомянутаго выше поляка Курослава изъ Курозвонкъ, а Федору Любартовичу рѣшается Луцка не возвращать.

Вотъ почему Федоръ Любартовичъ, вернувшись изъ Литвы, Луцка болѣе уже не получилъ, а принужденъ былъ довольствоваться однимъ только Владимірскимъ княжествомъ, и какъ князь этого послѣдняго—Theodor Wlodimiriensis—подписался на грамотѣ 1387 г., написанной князьями, участвовавшими въ осадѣ Галича и гарантировавшими безопасность венгерскому воеводѣ Бенедикту.

Позволимъ себѣ теперь спросить, сталъ-ли бы Ягайло стѣсняться и выдумывать предлогъ для удаленія съ Волыни луцкаго князя, если бы, дѣйствительно, имъ былъ Федоръ Ольгердовичъ, а не законный отчичъ Волыни Федоръ Любартовичъ?

Прослѣдимъ за дальнѣйшей судьбой послѣдняго.

Въ 1387 г. дѣла его ухудшились. Ягайло, уѣзжая изъ Литвы, столъ вел.-княжескій литовскій передалъ брату Скиргайлу; ему же отданъ былъ и г. Троки [2]). Такимъ распоряженіемъ Ягайла долженъ былъ чрезвычайно обидѣться Витовтъ. Чтобы дать послѣднему хотя какое-

---

[1]) „Tali tamen interposita condicione (damus), quod dictus dominus Fedor, sui heredes et successores legitimi cum ipsorum hominibus, quos habent vel habere poterint, majestati nostrae, nostris successoribus ac *corone ipsius regni Poloniae famulatus* et *servicia exhibere sint astricti*". Arch. ks. Lubart. Sang., T. I, p. 5.

[2]) Лѣт. Бых. 29—31: Въ Литвѣ Ягайло оставилъ Скиргайла, а въ Луцкѣ былъ Витовтъ, который въ это время „зможилъ" дочь свою Софію за московскаго в.кн. Василія Дмитріевича (послѣдній тогда еще не былъ в. княземъ).

либо удовлетвореніе, Ягайло рѣшается пожертвовать Федоромъ Любартовичемъ, для чего, мало того, что отдаетъ Витовту Луцкъ, гдѣ сидѣлъ намѣстникомъ Курославъ,—отнимаетъ еще у Федора г. Владиміръ. Вотъ почему Витовтъ, титуловавшій себя въ 1387 г. (на гарантіи Бенедикта) „dux brestensis et horodnensis", на актѣ отъ 1-го іюля 1388 г. величаетъ уже себя „великій князь литовскій и дѣдичъ городенскій, берестейскій, дорогицкій, луцкій и володимерскій", а въ 1390 г. „Herczog czu Luczig und czu Garthin" [1]).

Уступкой Волыни Ягайло, однако, не могъ вполнѣ удовлетворить Витовта, который стремился свергнуть съ в. кн. стола Скиргайла и овладѣть Вильной, чтобы самому сдѣлаться вел. княж. литовскимъ [2]). Такого рода стремленія Витовта должны были вызвать столкновеніе между нимъ и Ягайломъ, и Витовтъ вынужденъ былъ бѣжать сначала въ Мазовію, а затѣмъ къ крестоносцамъ [3]). Послѣ бѣгства Витовта, Ягайло, по всей вѣроятности, въ это именно время (можетъ быть изъ желанія не имѣть лишняго врага) возвратилъ Владиміръ Федору Любартовичу, который титулуетъ себя еще въ 1393 г. „dux wlodimiriensis" Что же касается Луцка, то городъ этотъ Федору Любартовичу возвращенъ не былъ. Намѣстникомъ здѣсь, именно въ это время, а не въ концѣ 1386 или началѣ 1387 гг., какъ то предполагаетъ г. Лонгиновъ [4]), былъ по нашему мнѣнію, кн. Федоръ Даниловичъ Острожскій [5]).

Въ 1392 г. прекращается борьба между Витовтомъ и Ягайломъ. Витовтъ добивается таки своего: получаетъ велико-княжескій литовскій столъ, а съ нимъ, разумѣется, и Волынь. Федоръ Любартовичъ

---

[1]) Акты, относ. къ ист. зап. Руси, Т. I, № 9; Codex Vitoldi, № 63; Андріашевъ, Очеркъ ист. Вол. земли, 229.

[2]) Kojałowicz, Hist. Litw., II, 2—3 (подъ 1387 г.): „Въ это время Витовтъ. „beneficio Jagellonis", владѣлъ Самогитіей, Подлахіей, Полѣсьемъ и значительной частью Волыни". Ему принадлежала и Луцкая область. Коялович. говоритъ: „agebat is (Витовтъ) Luceoriae".

[3]) Kojałowicz, Hist. Litw. II, 4 и 14.

[4]) Лонгиновъ, Кн. Фед. Любар. Ольгерд., 5.

[5]) Нѣтъ основанія отвергать достовѣрность извѣстія Длугоша, Коялович и Кромера относительно назначенія въ 1386—87 г. намѣстникомъ луцкимъ Курослава. Въ такомъ случаѣ, намѣстничанье кн. Фед. Даниловича въ Луцкѣ (см. Arch. ks. Lub. Sang., I, гр. VII, стр. 7) можно отнести ко времени послѣ бѣгства Витовта (1388 г.), а не послѣ 22 мая 1386 г., какъ это предполагаетъ редакція „Arch. Sang."

на этотъ разъ теряетъ вплоть до 1431 г.[1]) удѣлъ на Волыни и получаетъ „ad sue (Ягайла) regalis duntaxat beneplacitum voluntatis“[2]) отъ Ягайла и Ядвиги Сѣверскую землю.

Только вотъ когда, наконецъ, Ягайло, очевидно, не рѣшавшійся сразу отнять у Федора Любартовича Волынь, достигаетъ цѣли—изгоняетъ съ Волыни ея отчича! Но прежде чѣмъ удалось Ягайлу осуществить свое намѣреніе, онъ дѣйствовалъ осторожно и постепенно: сначала отнялъ у Федора Луцкъ, а потомъ и Владиміръ—доказательство, что въ данномъ случаѣ Ягайло имѣлъ дѣло именно съ сыномъ Любарта, обладавшимъ безспорно правами на Волынь, а не съ сыномъ Ольгерда.

Изложивъ ходъ событій, предоставляемъ судить читателю самому, говорятъ-ли приведенные нами факты изъ исторіи Волыни конца XIV в. въ пользу мнѣнія г. Лонгинова о тождествѣ Федора-Любарта съ Федоромъ Ольгердовичемъ, а не Любартовичемъ; мы же, на основаніи какъ этихъ фактовъ, такъ и высказанныхъ нами соображеній, позволяемъ себѣ усумниться въ истинности его мнѣнія, равно какъ не можемъ признать, на томъ же основаніи, поясненія г. Лонгинова, что „Сангушки съ полнымъ правомъ могутъ называть себя и Любартовичами“, яко бы по происхожденію своему отъ Федора-Любарта Ольгердовича, достаточно доказаннымъ.

П. Ивановъ.

---

[1]) Лонгиновъ, Кн. Фед. Люб. Ольгерд., 4.

[2]) Rezabek—Siri II. "33, пр. 65.

Цѣна 2 руб., съ пересылкою.

Цѣна **II**-й кн. **„Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца"** 3 р., съ пересылкою.

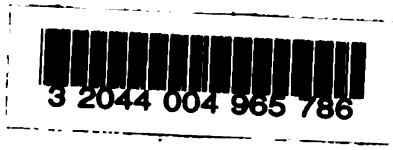
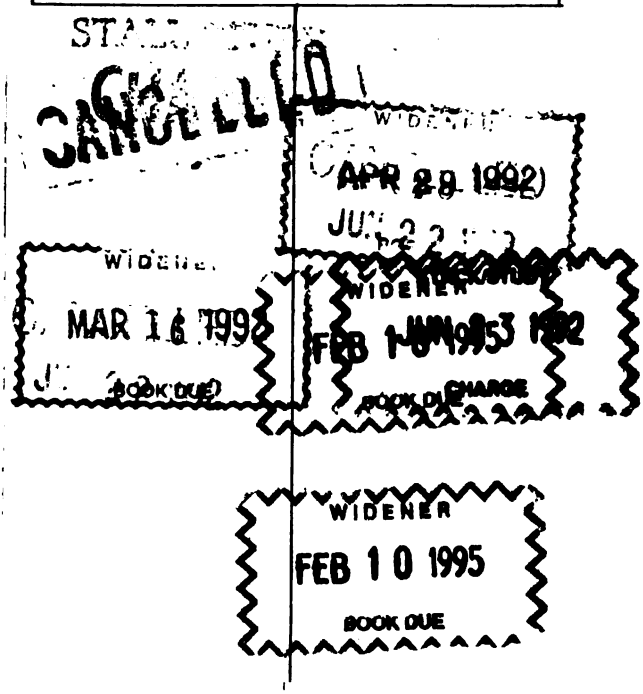
I-я и III-я книги, оставшіяся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, порознь и въ отдѣльности отъ II-й не продаются. Пріобрѣтающіе три первыя книги „Чтеній" уплачиваютъ за нихъ 10 руб. и за пересылку ничего не прилагаютъ.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по		2 р. 50 коп. (каждой)	съ пересылкою
„ VI-й	„	„ 3 р. 50 коп.	
„ VII-й	„	„ 3 р.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900—лѣтія крещенія Руси"**. Цѣна 1 рубль.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества И. М. Каманину (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Тамъ же можно пріобрѣтать **„Труды III-го археологическаго съѣзда"**, два тома, in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.



THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.